4
К-73

С.И.КОТКОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

С. И. КОТКОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1980

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

В книге освещаются основания нового направления в отечественном языкознании — лингвистического источниковедения, предмет, метод и другие понятия этой науки. Дается обоснование источниковедческого аспекта в исследованиях по истории русского языка, раскрывается значение памятников южновеликорусского наречия в разработке этой истории, характеризуются оптимальные источники по изучению народно-разговорного языка национальной эпохи. Рассматриваются также вопросы письменной культуры и состава периферийных писцов.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. И. ГОРШКОВ

4
К-73
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
74548

К $\frac{70101-136}{045(02)-80}$ 473—80.4602000000 © Издательство «Наука», 1980 г.

ОТ АВТОРА

В книге конспективно освещаются некоторые основания лингвистического источниковедения, сложившиеся у автора в процессе исследования лингвистических источников разного рода, главным образом по истории русского языка периода его национального формирования. Впервые эти основания были изложены в статье «О лингвистическом источниковедении», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (1977, № 6). В том же издании увидели свет замечания о памятниках народно-разговорного языка (1972, № 1) и изложение некоторых вопросов исторической диалектографии (1975, № 2).

Основное содержание книги составляют очерки, посвященные обоснованию источниковедческого аспекта в исследованиях по истории русского языка, значению в разработке его истории памятников южновеликорусского наречия и характеристике оптимальных источников по изучению народно-разговорного общения — материалов русской частной переписки XVII и начала XVIII в., так называемых грамоток. Значительное место занимает в книге рассмотрение письменной культуры, условий, в которых она развивалась, состава, речевого уклада и выучки периферийных писцов. Выяснение всех этих обстоятельств приводит к заключению, что основная масса периферийных писцов принадлежала к местным уроженцам и поэтому писанные ими тексты в определенной мере могут служить более или менее надежными источниками познания и народно-разговорной речи, и местных народных говоров в их былом состоянии. Известно, что прежде возможность исследования локальных памятников делового содержания в подобном плане подвергалась сомнению. В заключительном очерке говорится о введении некоторых элементов лингвистического источниковедения в преподавание истории русского языка на филологических факультетах.

Естественно, освещение этих вопросов неразрывно связано с освещением таких проблем истории языка, решение которых, по нашему мнению, помимо иных обстоятельств, во многом зависит от привлечения новых, при этом разнообразных источников, особенно рукописных, и вместе с тем от более глубокого, специального исследования рукописного наследия. Имеем в виду прежде всего выяснение процесса формирования древнерусского литературного языка, выявление конкретной специфики языка великорусской народности и воссоздание процесса образования русского национального языка. Исследование южновеликорусских памятников позволит составить представление о формировании национального языка в общерусском масштабе, а не в виде явления, связанного в историческом плане только с северной и средневеликорусской стихией, как считалось ранее, поскольку рукописное наследие южновеликорусского происхождения у историков русского языка находилось в полном забвении. В меру возможностей, которые доставляют впервые вводимые в научный оборот памятники русской письменности, мы касаемся и вероятных решений отдельных спорных проблем.

Так как исполненные скорописью памятники русского языка лингвистически в прошлом не издавались, приводим достаточно обширные воспроизведения подобных текстов, преимущественно из южновеликорусской области.

Завершающий книгу указатель слов, полагаем, наглядно показывает, что язык функционировавшей в России письменности (понятно, культовая не в счет) в начальный период национального развития, вопреки представлениям некоторых исследователей, являлся бесспорно русским, а не церковнославянским.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

В 50—70-е годы изучение русского языка в его современном состоянии и в историческом аспекте значительно продвинулось вперед. Созданы академическая грамматика и фундаментальный словарь литературного языка, разрабатываются вопросы культуры речи, стилистики и терминологии. Изучается функционирование русского языка как международного и как средства межнационального общения народов Советского Союза. Получили широкое развитие диалектологические разыскания, выходит обширный словарь народных говоров, появились обстоятельные монографии по истории русского языка и лингвистические издания памятников древнерусской эпохи и более поздней поры. С учетом современных научных достижений совершенствуются основы преподавания языка, пишутся учебники для вузов и школ.

В условиях общего подъема филологических исследований в нашей стране возникло новое научное направление — лингвистическое источниковедение. Его формированию благоприятствовали и длительный опыт отечественной филологии, особенно в области исследования и издания памятников языка, и наличие в хранилищах СССР неисчислимых фондов старинной письменности. Особую роль сыграло при этом положение, которое сложилось в разработке истории русского языка. При всех достижениях данной науки остаются еще не решенными особенно сложные проблемы его минувшей жизни, знание которых необходимо не только в чисто теоретическом плане, но и для освещения определенных моментов его современного состояния, а также в известной степени и прогнозирования развития. Пока еще не в полной мере выяснено, какой была основа древнерусского литературного языка — русской или церковнославянской, возникшей на базе заимствованной старославянской письменности; не получил достаточной характеристики язык великорус-

ской народности; во многом еще не изучен процесс формирования русского национального языка, нуждается в интенсивном исследовании история стилей литературного языка и т. д. Для решения названных и других проблем, помимо совершенствования методов исследования, необходимо введение в научный оборот и квалифицированное освоение новых источников. Опыт разработки указанных проблем свидетельствует об этом со всей определенностью.

Так, выясняя процесс образования и природу древнерусского литературного языка, русисты обыкновенно оперируют сравнительно ограниченным кругом источников (в основном такими, как «Русская правда», сочинения Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве», и, кроме того, летописями). Хотя упомянутые источники и являются особенно важными для разработки истории русского языка, их данных все же недостаточно для более или менее обстоятельных суждений по этим сложным вопросам. Между тем хранилища нашей страны располагают обширным рукописным фондом древнерусских памятников, представленных главным образом в списках и в значительной степени еще не изученных. Одних только рукописных книг XI—рубежа XIV—XV вв., которые могут быть отнесены к разряду литературных памятников, учтено 1494 [1]. Возможности познания по этим текстам роли в древнерусской культуре, с одной стороны, церковнославянского, с другой — восточнославянского начал, в сущности, мало изучены. К тому же их лингвистические издания единичны. Словом, материальная база, необходимая для исследования древнерусского литературного языка, остается во многом не освоенной.

Отсутствие в русистике конкретного представления о языке великорусской народности (XV—XVI вв.) преимущественным образом также связано с недостаточным знанием соответствующих памятников, хотя, в отличие от древнерусских, в основном церковноканонических, немалая часть их (актовые материалы) довольно наглядно

---

[1] См.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в., включительно»). — В кн.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966.

отражает стихию народно-разговорной речи. Заметим, их лингвистические публикации также единичны. Недостаточное внимание историков языка к памятникам XV—XVI вв. до некоторой степени обусловлено все еще господствующим в науке, хотя и необоснованным мнением, что современный фонетический облик и грамматический строй русского языка к XV—XVI вв. в общем уже сложились и поэтому более поздние памятники каких-либо существенных данных о его фонетико-грамматическом развитии, собственно, не содержат.

Исключительное значение приобрел источниковедческий аспект исследования в разработке проблемы образования русского национального языка. Связано это прежде всего с тем традиционным обстоятельством, что памятники южновеликорусского происхождения как относительно поздние (не ранее XVI в.) внимания лингвистов не привлекали. В непосредственном, рукописном виде историки русского языка их никогда не исследовали, а отдельные издания этих текстов осуществлялись учеными-нефилологами либо историками-любителями, с весьма упрощенным воспроизведением текста, не отвечавшим требованиям лингвистического исследования. В результате история русского языка национального периода строилась только на показаниях памятников северно- и средневеликорусского происхождения, без учета влиятельной в этом процессе роли южновеликорусского наречия, была историей во многом неполной и явно односторонней. Значение северновеликорусского вклада в образование национального языка обычно преувеличивалось, хотя развитие России в течение этого времени никаких оснований для признания подобной концепции сложения национальной речевой культуры в общем не давало. Ср., например, такой факт: в XVII столетии экономический центр тяжести Московского государства перемещается на юг [2].

Пытаясь решать проблему образования национального языка, русисты восполняли отсутствие каких бы то ни было сведений из южновеликорусских памятников некоторыми показаниями современных южновеликорусских говоров, но усилия эти были напрасны, потому что

---

[2] См.: *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937, с. 88.

в современных говорах мы не находим многого из того, что отличало их былое состояние.

Заметим, кстати, пока ученые, исследуя язык национального периода, ограничивались памятниками деловой письменности северно- и средневеликорусского происхождения, не удавалось вполне убедительно установить принадлежность периферийных писцов к местным уроженцам. Помимо известной неустойчивости правописания, в условиях которой выделение в письме дифференцирующих говоры диалектных черт было несколько затруднено, объяснялось это и тем, что вследствие некоторых свойств северно- и средневеликорусских говоров (например, отсутствия или слабости проявления редукции безударных гласных) их специфические признаки в старинной деловой письменности проступали менее выразительно, нежели специфические признаки южновеликорусских говоров. В результате в науке утвердилось мнение, что писцы на периферии в большинстве были не местными, а присланными из Москвы. Отсюда, естественно, вытекало сомнение в возможности плодотворного изучения по материалам старой периферийной письменности локальных разновидностей народной речи. Осуществленное нами широкое обследование рукописей делового содержания XVI—XVII вв., написанных в южновеликорусской области, позволило бесспорно установить: писцы обширной южной периферии, за самыми редкими исключениями, были людьми местными [3]. Особенно убедительны в этом отношении свидетельства отказных книг, характерных именно для Юга с его военнослужилым землевладением, в которых наряду с яркими диалектными встречаем и прямые, формальные указания на местное происхождение писцов [4]. Есть основания полагать, что и в других областях Русского государства писцы в основном принадлежали к местным уроженцам.

Приведенные и многие другие факты склоняют к выводу: назрела необходимость в специализации изучения лингвистических источников. Поскольку выполнение подобной задачи не могло быть обеспечено разрозненными усилиями, в 1958 г., по предложению автора этих строк,

---

[3] См., например: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, с. 17—27.
[4] См.: *Котков С. И.* Отказные книги. — ВЯ, 1969, № 1.

в составе Института русского языка АН СССР был образован соответствующий сектор, который впоследствии получил наименование Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка. Особое выделение в этом наименовании исследования памятников языка находит объяснение в современном состоянии разработки истории русского языка: к сожалению, старинные русские тексты в их первозданном состоянии — в рукописях — пока среди языковедов изучают еще немногие, обыкновенно пользуются изданиями памятников.

Со страниц журнала «Вопросы языкознания» мы обратились к филологам с вопросом, издания каких древних и поздних памятников русского языка было бы особенно актуально [5], и получили обстоятельные ответы — свидетельства глубокой заинтересованности ученых в развитии источниковедческих исследований. С учетом рекомендаций научной общественности была намечена программа как теоретических исследований, так и практических работ, особенно введения в научный оборот новых лингвистических изданий старинных русских текстов. Обобщение предшествующего научного опыта публикации источников нашло выражение в составлении правил лингвистического издания памятников древнерусской письменности [6]. В процессе выявления, описания и особенно исследования источников по истории русского языка, а также анализа источников, представляющих современный русский язык (с учетом опыта их издания), складывались теоретические основы лингвистического источниковедения и разрабатывались некоторые вопросы эдиционной теории.

Самый объект исследования с точки зрения лингвистического источниковедения можно определить следующим образом: лингвистический источник представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредствованного (графического) запечатления языка или его элементов, объем, содержание и характер которой определяются, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой — строем

---

[5] *Жуковская Л. П., Котков С. И.* О публикации памятников русского языка и письменности. — ВЯ, 1960, № 4.

[6] Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.

запечатленного. По происхождению лингвистические источники делятся на объективно сложившиеся и формируемые исследователями в соответствии с характером и задачами исследования — материалы, собранные по анкетам и программам. Поскольку лингвистическое наполнение вторых, формируемое по анкетам и программам, в определенной мере задано, их можно с известным основанием относить к источникам с заданными свойствами. Источники делятся, кроме того, на первичные и вторичные. В категорию первых входят те, лингвистическое наполнение которых сохраняется в первозданном виде; категорию вторых образуют те, лингвистическое наполнение которых в процессе подготовки к исследованию либо в целях справочной службы было адаптировано — лингвистические картотеки, словари.

И лингвисты-источниковеды, и лингвисты иных специальностей изучают одни и те же источники, но первые в процессе изучения следуют от знания живой материи языка к познанию ее запечатлений в источниках, вторые — от знания запечатлений к познанию живой материи языка. Лингвистическому источниковедению свойственны особый предмет исследования и особый метод исследования. Определение предмета лингвистического источниковедения имеет своим основанием понятия лингвистической содержательности и лингвистической информационности источника.

Лингвистическая содержательность — это совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, определяемая его содержанием и отношением данного источника к определенному лингвистическому образованию (языку, наречию, говору), а также степенью познания последнего. Лингвистическая информационность представляет собой определяемую условиями образования источника степень прямой и косвенной отраженности в нем лингвистической содержательности. Если лингвистическая содержательность — понятие собственно языковое, то лингвистическая информационность имеет отношение прежде всего к внешним средствам выражения языка и внешним условиям его существования (характер графики и орфографии, правописные навыки писцов, уровень и состояние звукозаписывающей техники и т. д.). Исследование источников со стороны их лингвистической содержательности и информационности и составляет пред-

мет лингвистического источниковедения. Метод рассматриваемой науки состоит в изучении лингвистической содержательности в соответствии с иерархией ее обусловленности содержанием источника, в направлении от непосредственной ко все более опосредствованной, а также в исследовании лингвистической информационности в ее многообразной обусловленности культурой запечатления языка.

Означенные предмет и метод исследования отграничивают лингвистическое источниковедение от других лингвистических наук и от смежных историко-филологических, таких, как, скажем, текстология, палеография и археография; отграничивают и от того источниковедения, которое обслуживает историческую науку. Несколько слов о соотношении лингвистического источниковедения и археографии, содержание которой обыкновенно видят в разработке правил публикации письменных источников и подготовке их к изданию. В основе (предмет и метод исследования) их функции различны, но в одном отношении совпадают: издание письменных памятников, составляющее суть археографии, занимает определенное место и в рассматриваемом источниковедении. Означает ли это, что в данной сфере разграничение указанных наук невозможно? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить два момента: органична ли эдиционная функция для лингвистического источниковедения и свойственны ли ей особые правила, отличные от принятых в археографии. Относительно первого момента можно сказать следующее: введение памятников в научный оборот, а это осуществляется и посредством издания, — непременная конечная цель лингвоисточниковедческого исследования. Относительно второго момента следует заметить, что лингвистические воспроизведения текстов имеют своим основанием правила, отличные от принятых в археографии: для выражения лингвистической специфики археографические во многом неприемлемы. Таким образом, и в эдиционной сфере между археографией и лингвистическим источниковедением существует осязательное разграничение.

Ориентация в море лингвистических источников становится все затруднительней. Оно непрерывно расширяется за счет буквально необъятной массы печатных произведений, а также огромной письменности, бесчисленных магнитофонных и других записей и т. д. Правда, из этой массы материалов далеко не все остается в государ-

ственном и личном хранении, но и то, что остается, поистине безгранично. Наступает время систематизации источников, основанной на их лингвистической оценке. Правомерной была бы систематизация по лингвистической содержательности. В пределах этой основной систематизации возможно распределение источников по признакам иного рода, например, по способам образования — графические, инструментально-физические; по характеру графики — печатные, письменные, а в пределах последних — уставные, полууставные, скорописные. Систематизация лингвистических источников, сделав их в общем обозримыми, облегчит их выбор для исследования и научной публикации.

По мере перехода от древнерусских к источникам эпохи великорусской народности и затем к источникам эпохи национального развития русского языка, в особенности современным, сложность этой задачи возрастает. Попытки известной систематизации памятников русского языка пока выражаются, главным образом, в учете рукописного наследия древнерусской поры. Однако эта важная систематизация (вернее, инвентаризация) памятников все еще не является полной (для древнерусских вполне возможной), не объединяет их в определенные группы и, замыкаясь в археографических рамках, не раскрывает их лингвистического значения. Опытов систематизации и даже инвентаризации старорусских памятников языка лингвисты, в сущности, не предпринимали и получают ориентировочные сведения о них обыкновенно лишь из архивных описей и путеводителей, чего для выбора источников, даже предварительного, с целью их исследования и издания недостаточно. А что касается материалов, в которых получает запечатление современное состояние русского языка, то они в огромном большинстве либо не могут быть учтены (например, значительная часть переписки учреждений, не подлежащая долговременному хранению, а также частная переписка или, скажем, сочинения школьников), либо еще и выборочно не отложились в архивохранилищах.

Необыкновенное обилие и разнообразие современных запечатлений языка делает их источниковедческое изучение, в частности систематизацию, в достаточной мере трудными. Возможно, именно поэтому исследования в указанном аспекте и не развиваются. Едва ли не полное

отсутствие источниковедческого аспекта в исследовании русского языка по современным материалам объясняется, по-видимому, и тем, что восприятию ученого-современника этот язык доступен не только в запечатлениях-источниках, но и в живом исполнении, что как будто само собой, без особого изучения источников как запечатлений, позволяет ему уверенно интерпретировать показания последних. В общем бесчисленные современные материалы, привлекаемые для изучения языка, уже вследствие их принадлежности к современным источниковедческому анализу обыкновенно не подвергаются. Между тем он оказывается не лишним, поскольку ни один исследователь не в состоянии обладать знанием всех современных источников, необычайно разнообразных во многих отношениях, в значительной мере массовых, таких, к примеру, как материалы почтовой и телеграфной корреспонденции, материалы письменного делопроизводства, радио- и телеинформация, газетная и журнальная периодика, магнитофонные записи и т. д.

Систематизация подобных источников, основанная на полном их учете, является немыслимой. Предстоит разработка критериев отбора из разновидностей—серий этих источников, так сказать, типичных, необходимых для общей характеристики каждой из данных серий по ее лингвистической содержательности, а характеристики в свою очередь послужат основой систематизации. Наиболее сложной представляется систематизация в качестве лингвистических источников текстов художественной литературы, что связано главным образом с тем, что их лингвистическая содержательность наряду с основным для данных текстов литературным языком во многих случаях отражает, хотя б'ы и частью, в элементах, и другие лингвистические образования (назовем проявления локальной речи и арготического общения, элементы специальных терминологий и т. д.). Да и в литературном языке, запечатленном в текстах подобного рода, наличествуют стилистические разновидности, которые нельзя не учитывать.

Специализированное изучение некоторых источников приводит к необходимости их введения в широкий научный оборот посредством публикации и вместе с тем определяет целесообразную форму этой последней. Публикация может быть наборной или факсимильной или заключающей в себе и то и другое воспроизведение текста. И способы, и

средства факсимильного воспроизведения рукописных текстов в наше время все более и более совершенствуются, что позволяет вовлекать в интенсивное исследование в виде подобных воспроизведений уникальные и поэтому мало доступные для непосредственного изучения рукописные памятники языка. В связи с этим появляются высказывания, что наборные издания данных памятников становятся ненужными. Полагаем, такие высказывания совершенно несостоятельны. Как известно, в старинных русских рукописях (уставных, полууставных и скорописных) текст не делится на слова, а является сплошным. Естественно, в том же виде воспроизводится он и в изданиях, осуществляемых факсимиле. Наборные издания отличает возможность деления текста на слова, а это необходимый начальный этап его лингвистического исследования. Указанное преимущество наборных изданий имеет особое значение при исследовании древнерусских текстов, правильное прочтение которых, в частности переводных с греческого, иногда особенно затруднительно. Факсимильное воспроизведение сплошного текста, т. е. без деления на слова, в сущности говоря, исключает возможность составления к нему указателей слов и форм, а также значительно затрудняет соотнесение с соответственными местами текста палеографических и иных примечаний. При отсутствии упомянутых недостатков наборное издание удовлетворяет требованиям введения публикуемых текстов в широкий научный обиход при помощи такой печатной графики, к которой, за немногими исключениями, прибегают и в сфере других наук и в общем литературном обиходе (книжная, журнальная и газетная печать). Определенными достоинствами, в сравнении с наборными, обладают и публикации-факсимиле, и прежде всего — идентичностью графики графике рукописной. Учитывая особенности тех и других воспроизведений рукописных текстов, приходим к заключению: оптимальной лингвистической публикацией можно считать такую, в которой представлено и наборное, и факсимильное воспроизведение рукописного текста или по меньшей мере его фрагментов.

Осуществляемое Сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников языка издание старинных рукописных источников ориентировано, с учетом реальных возможностей, именно в этом направлении.

Программа печатного воспроизведения памятников русского языка реализуется в двух сериях — в издании древнерусских источников, писанных уставом и полууставом, и в издании скорописных источников XV—XVIII вв. Начало первой серии было положено публикацией знаменитого «Изборника 1076 г.»[7] — самого раннего памятника не столько церковнославянского, сколько русского языка, причем впервые в СССР при лингвистическом издании рукописи в этом случае был применен оптико-фотографический анализ. Затем последовало издание рукописи XI—XII вв. — «Синайский патерик» [8], в которой выразительно представлено взаимодействие русской и старославянской стихий. В той же серии был опубликован «Успенский сборник XII—XIII вв.»[9]. В нем наряду с переводными находим первые оригинальные русские литературно-художественные произведения. Осуществлена и публикация «Выголексинского сборника»[10] того же самого времени. В «Сборнике» выразительно представлен язык переводной литературы, занимавшей в древнерусской культуре значительное место. Введение в широкий научный оборот этих древнерусских памятников связано с разработкой актуальных проблем истории древнерусского языка. Решению не менее актуальных проблем истории русского языка более поздней эпохи подчинено издание скорописных источников. В «Назирателе»[11] получили отражение русский литературный язык XVI в. и русско-польские культурные связи. Большое значение для исследования языка великорусской народности и вопросов образования национального языка, познания былого состояния русской народно-разговорной речи, формирования московского койне и истории литературного языка имеют публикации разнообразных текстов делового содержания, в частности

---

[7] Изборник 1076 г. Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. Под ред. С. И. Коткова. М., 1965.

[8] Синайский патерик. Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1967.

[9] Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

[10] Выголексинский сборник. Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. Под ред. С. И. Коткова. М., 1977.

[11] Назиратель. Изд. подг. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.

эпистолярных [12]. Отметим далее издание вестей-курантов XVII в. [13], подготовивших появление в России периодической печати. Включая заметный элемент народно-разговорной стихии, они до некоторой степени представляли и то лингвистическое начало, из которого впоследствии развивались лексико-фразеологические средства русского литературного языка, характерные для сферы общественных отношений, публицистического стиля.

Вопросы теории и практики лингвистического источниковедения, в том числе и описания и издания памятников языка, освещаются в специальных источниковедческих сборниках. С 1963 по 1979 г. вышло 11 таких сборников. Расширение и углубление работ по лингвистическому источниковедению становится необходимым условием дальнейшего развития русистики и в целом языкознания.

---

[12] Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край. Изд. подг. С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова, М., 1978; Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977; *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова). Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968; Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

[13] Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972; Вести-Куранты. 1642—1644 гг. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Разработка истории русского языка не свободна от существенного и, если говорить о последних десятилетиях, едва ли не традиционного недостатка: в работах по истории языка источниковедческий аспект обыкновенно не принимается во внимание, а если и принимается, то получает крайне слабое и чисто формальное отражение. Между тем известно, что успех исследования и прежде всего его объективность зависят не только и порой не столько от применения новых и усовершенствования старых методов, но также и от того, на каких источниках оно построено и в какой степени освоены эти источники. Имеем в виду их количественную достаточность, а помимо того и непременный учет принадлежности их к оригиналам, редактированным спискам с оригиналов или буквальным копиям, отнесенность к определенной лингвистической территории или языковому коллективу, соотнесенность с известным временем, лингвистическую содержательность и степень информационности, обусловленной, скажем, характером графики, состоянием правописных норм, орфографической выучкой писцов и т. д.

74548

Не будем приводить многочисленные примеры невнимания к лингвистическим источникам. Отметим только, что оно в значительной мере связано с распространением в отечественном языкознании в определенные периоды его развития таких умозрительных концепций, как концепции марровского толка, позднее — структуралистские. Отрыв от живой материи языка, воплощенной в многообразном море источников, для последних особенно характерен. При наличии в нашей стране огромных фондов старинных рукописей и старопечатной книжности положение это представляется особенно печальным. Оно еще осложняется тем, что русистика унаследовала от прошлого недооценку обширных групп источников, особенно скорописных и в первую очередь приуроченных к южновеликорусской области.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

Недооценка была исторически обусловлена. Первые исследователи русского языка, стремясь по возможности проникнуть в наиболее глубокие эпохи его истории, обращались к самым древним памятникам, писанным, как известно, уставом. Ограничение исследуемого списка источников древнерусскими памятниками тогда являлось оправданным. Впоследствии закреплению этой тенденции в известной степени содействовало сочувственное отношение тех кругов, идеологические воззрения которых находили опору в древнерусских текстах, в своем подавляющем большинстве церковноканонических. На протяжении XIX в. состав рукописных источников, вовлекаемых в орбиту филологического изучения, постепенно расширялся, притом за счет и древнерусских и примыкающих к ним по времени старорусских памятников. Деятельность в этом направлении таких корифеев отечественной науки, как А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, поистине неоценима. В то время достигла высокого уровня и общефилологическая и лингвистическая интерпретация древних текстов, что особенно ярко проявилось в исследованиях А. А. Шахматова. Заметим, однако: материалы более позднего времени почти не привлекали внимания лингвистов и, за немногими исключениями, издавались и исследовались только историками России. Даже об А. А. Шахматове, историке русского языка необыкновенно широкого диапазона, В. В. Виноградов писал: «Дальше — периоду средневековья (в сравнении с более ранним. — *С. К.*) А. А. не уделял такого пристально-настороженного, исследующего внимания. . .»[1]

Итак, в поле зрения русистов находились памятники уставного письма, постепенно дополняемые полууставными. Между тем назревали уже такие задачи, решение которых предполагало привлечение материалов поздней письменности, скорописных материалов. К сожалению, последние, разрабатываемые историками, издавались с такими упрощениями, что для фонетического анализа оказывались абсолютно непригодными, а для изучения морфологии и синтаксиса — пригодными ограниченно. Вследствие указанных и других причин, останавливаться

---

[1] *Виноградов В. В.* Алексей Александрович Шахматов. Пб., 1922, с. 67.

на которых нет необходимости, культура лингвистического чтения скорописи не получила должного развития и огромные фонды скорописных материалов историкам русского языка остались неизвестны. Характерно в этом отношении, например, признание Е. Ф. Будде, внимание которого привлекли фонды старинных рукописей в Рязани: «Так как мы сами с величайшим трудом могли разбирать скоропись дьяков и грамотных людей XVI—XVII-го века, которой написаны интересовавшие нас документы: челобитные, дарственные записи, грамоты, хозяйственные росписи и т. п. письменные памятники, то А. В. Селиванов (правитель дел Рязанской ученой архивной комиссии. — *С. К.*) взял на себя труд читать нам вслух все эти акты, соблюдая в произношении особенности правописания» [2]. А далее следовала оговорка, в которой ясно прозвучало существовавшее в то время отношение к древним и поздним текстам: «Впрочем, и поездка в Рязань дала очень немногое, так как мы не нашли древних документов: самые старшие оказались принадлежащими концу XVI столетия и началу XVII-го» [3].

К сожалению, то, что было естественно в конце минувшего века, как абсолютно неестественное продолжается в наше время. Невнимание историков языка к поздним, скорописным текстам, неосведомленность в этих текстах — явление едва ли не общее.

Полагаем, незнание упомянутых текстов и отсутствие их лингвистических изданий сыграло определенную роль в утверждении сомнительного мнения, вошедшего в качестве бесспорного в учебные пособия, что современный фонетический облик и грамматический строй русского языка к XV—XVI вв. в общем уже сложились и поэтому более поздние памятники каких-либо существенных показаний о его фонетико-грамматическом развитии, собственно, не содержат. Общая история русского языка (а не только литературного) в ее современном виде — это, в сущности, его история до XV—XVI вв. Подобное состояние разработки данной научной дисциплины, помимо обстоятельств иного рода, повторяем, во многом обусловлено

---

[2] *Будде Е.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — Русский филологический вестник, 1892, № 2, с. 165.

[3] Там же.

указанным выше невниманием к поздним скорописным источникам XVI—XVIII вв. Та же самая неосведомленность в поздних скорописных текстах, отсутствие в науке ясного представления об их лингвистическом наполнении мешают реальному пониманию такой коренной и сложной проблемы, как роль в истории русского языка церковнославянского элемента.

Неисчислимые материалы русской скорописи XVI—XVIII вв. в своем огромном большинстве являются текстами делового и в некоторой части бытового содержания. В сравнении со всеми другими источниками названной эпохи они с наибольшим приближением к действительности отражают былое состояние народно-разговорной речи. Поэтому отставание в их исследовании ограничивает возможности выявления конкретного облика этой речи применительно к данной эпохе и выяснения ее исторической роли в формировании русского национального языка и его литературной разновидности.

Для разработки реальной исторической диалектологии изучение скорописных источников XVI—XVIII вв. в сочетании с показаниями местных говоров исключительно перспективно. Как это ни странно, несмотря на наличие массы таких скорописных источников, русская историческая диалектология даже указанного периода остается во многом гипотетической, поскольку сводится в основном к проецированию современных диалектных данных в историческое прошлое. География русских народных говоров означенного периода не может быть установлена с достаточной степенью вероятности без привлечения источников подобно рода, писанных местными людьми. Только эти материалы XVI—XVIII вв. могут раскрыть полную картину диалектов русского языка по всей территории его распространения и особенно говора Москвы в эпоху его формирования как основы устного варианта современного русского литературного языка.

В историко-диалектологических разысканиях по письменным источникам той поры проблема установления принадлежности последних носителям определенных диалектов, при отсутствии прямых указаний на это, является особенно существенной. В прошлом, когда обыкновенно полагали, что приказное делопроизводство на местах вели писцы, присылаемые из Москвы, эта проблема, собственно говоря, почти не разрабатывалась. Теперь, когда

установлено, что в ту историческую эпоху на огромной русской периферии писцы, за немногими исключениями, были людьми местными [4], разработка указанной проблемы приобретает особое значение. Приурочение по лингвистическим данным рукописных источников того времени, с одной стороны, к южновеликорусской, с другой — к неюжновеликорусской областям имеет свои особенности.

Материалы XVI—XVIII вв., связанные с южновеликорусской областью, обыкновенно отличают довольно ясные приметы местной речи, поскольку она в безударном вокализме и в отдельных чертах другого свойства (консонантных и морфологических) заметным образом расходилась с орфографическим узусом того времени. Речь идет о явлениях аканья, взаимной мене *у* и *в*, *хв* или *х* вм. *ф*, мягкости суффиксального *к* в случаях вроде *Васькя* и таких морфологических особенностях, как утрата категории среднего рода, образование им. мн. от имен существительных ср. р. с окончанием *-ы*, а не *-а* (*месты*, *гумны*, не *места*, *гумна*), формы *мене*, *тебе*, *себе* вм. *меня*, *тебя*, *себя*, глагольные формы типа *принесть* (взамен *принести*). Можно было бы назвать и другие не менее выразительные южновеликорусские приметы. Совокупность примет подобного рода, при отсутствии прямых указаний на то, что текст написан местным уроженцем (а таких текстов подавляющее большинство), вполне надежно документирует южновеликорусское происхождение рукописи.

Несколько сложнее по фонетическим и морфологическим приметам документировать северновеликорусское, а частью (в зоне оканья) и средневеликорусское происхождение рукописи. Затрудняет документирование прежде всего то немаловажное обстоятельство, что в отложившемся в подобных рукописях безударном оканье легко увидеть и лишенное реальной фонетической основы соблюдение орфографии. Поскольку в обычном русском письме редукция безударных гласных выявляется лишь вопреки орфографии, а оканье за правописной оболочкой не может быть установлено, противопоставление

---

[4] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, с. 17—27; Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977, с. 3—4, 286—293.

аканье — оканье при исследовании памятников русской письменности считаем несостоятельным, а находим действительным иное: с одной стороны — аканье, с другой — отсутствие аканья. Заметим далее: столь характерная по прежним воззрениям черта неюжновеликорусской области, как особое, отличное от *е* произношение гласного, в письме передававшегося посредством *ѣ*, в положении под ударением и совпадение его с гласным *е* в безударном положении ныне не может уже служить более или менее надежной приметой неюжновеликорусского происхождения рукописи, так как исследования последних лет убедительно показывают, что и в старой южновеликорусской письменности было то же самое [5]. При этом следует иметь в виду: и на Севере и на Юге правописное употребление *ѣ*, в зависимости от выучки писцов, в большей или меньшей степени нарушало указанное соотношение — написание *ѣ* в соответствии с подударным и написание *е* вместо *ѣ* в соответствии с безударным положением. В написании *и* вместо *ѣ* в соответствии с подударным положением (*си*но, *ди*верь и под.) всегда усматривали примету северновеликорусского происхождения рукописи. В настоящее время эту примету в качестве северновеликорусской можно принимать во внимание лишь тогда, когда наличествует регулярность ее проявлений в рукописи, потому что в виде единичных фактов, как явление в то время остаточное, но генетически свойственное местной речи, эта примета выступает и в южновеликорусских памятниках письменности XVI—XVII вв.[6]

---

[5] См.: *Котков С. И.* Указ. соч., с. 35—52. — Означенное явление в пределах Юга прослеживаем, например, в отказных книгах (Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги). По поводу этого явления в истории южновеликорусского наречия В. Н. Сидоров пишет: «Вывод С. И. Коткова о позднем изменении ударяемого *ѣ* в *е*, основанный на наблюдениях над передачей *ѣ* в деловой письменности XVII в., по-видимому, отвечает действительности. Вместе с тем, как мне кажется, он является одним из наиболее интересных и цепных приобретений исторической фонетики русского языка за последнее время» (*Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969, с. 25). См. упоминание о том же в книге Ф. П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк» (М., 1972, с. 173—174).

[6] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 44—45; Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги, с. 19, 80, 83, 213 и др.

Признававшееся прежде в историческом плане неюжновеликорусским, произношение *шн* взамен *чн*, оказывается, было в широком употреблении и в старинной южновеликорусской письменности [7], а вследствие этого уже не является специфической северной приметой. По новым данным, довольно обычное в старинной южновеликорусской письменности изображение с *в*, а не с *г* (*-ово*, а не *-ого*) окончания имен прилагательных в род. ед. неженского рода теряет прежнее значение исключительно северновеликорусской приметы [8].

Касаясь лексических примет северновеликорусского значения, необходимо отметить: по мере исследования старинной южновеликорусской письменности круг подобного рода примет становится несколько уже, поскольку некоторые слова, относимые ранее к типично северным (*выть* «доля», *изба*, *кулига*, *конь*, *петух*, *волк*, *лонской* в смысле «прошлогодний», *живет* «бывает» и др.), согласно последним данным были вполне обыкновенны и в южновеликорусской деловой письменности трехсотлетней давности [9].

Вследствие указанных обстоятельств выявление принадлежности рукописных текстов к неюжновеликорусскому ареалу, при отсутствии прямых указаний на это, по необходимости в несколько большей степени, нежели при выявлении принадлежности рукописных текстов к южновеликорусским, должно опираться на некоторые факты внелингвистического порядка: отображение в источнике местных событий, характерных именно для этих мест социально-экономических отношений, а также элементов локального быта, природных условий и т. д.

При изучении живой народной речи по памятникам письменности учет общих правописных условий ее запечатления в них представляется непременным. Однако, учитывая общие условия (например, фонематическую передачу гласных), естественно, следует принимать во внимание и реализацию этих общих условий в индивидуальной писцовой практике в зависимости от выучки писца. К со-

---

[7] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 136—139.

[8] Там же, с. 186—196.

[9] См.: *Котков С. И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 41—47.

жалению, исследований, вполне отвечающих этим требованиям, мы пока не имеем. В связи с определенным отставанием в изучении рукописного наследия в истории русского языка пока еще не получил развития такой аспект исследования, о котором Д. С. Лихачев, касаясь вопросов текстологии древнерусской литературы, пишет: «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей. Чтобы восстановить историю текста того или другого произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать «механизм» ошибок. Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом. При этом чем конкретнее окажется этот человек, чем больше у него будет индивидуальных особенностей, отложившихся в тексте, тем достовернее выводы текстолога. Поэтому текстолог обязан иметь научное воображение, должен быть чуток ко всему индивидуальному» [10].

«Воображение» за текстами авторов-писцов или просто писцов старинных рукописей может способствовать более глубокой разработке проблем истории языка. Различение в старинных рукописных текстах, с одной стороны, узуально сложившейся в течение длительного времени общерусской письменной культуры с ее литературною традицией, с другой — запечатленных в них элементов живой народной речи в ее локальных проявлениях, предполагает основанную на показаниях текстов известную осведомленность исследователя и в графико-правописных навыках, и в речевом укладе тех людей, которые писали эти тексты.

Заключенные в текстах указания на социальное или служебное положение писавших, на их принадлежность к писцам—профессионалам или непрофессионалам, а в составе первых, например, к подьячим или дьячкам (земским или церковным) косвенным образом уже свидетельствуют о более высоком или менее высоком уровне их писцовой культуры и, значит, о тех или иных возможно-

---

[10] *Лихачев Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 53.

стях отражения в написанных ими текстах не согласуемых с орфографией явлений устной речи. Различный уровень писцовой культуры заметно сказывается и в графике. Особенно наглядно это различие прослеживается в скорописи XVII в. с ее многочисленными графическими вариантами. Менее ярко оно выступает в уставном и полууставном письме.

Прямое, непосредственное представление о речевом укладе местных писцов, в той части, в какой этот уклад расходился с правильным письмом, дают допускавшиеся ими отклонения от орфографии. Выявление их несколько осложняется тем, что состояние русской орфографии вплоть до XVIII в. еще недостаточно выяснено. В той части, в какой речевой уклад писцов из местных уроженцев (скажем, в области согласных или подударных гласных), помимо некоторых исключений, совпадал с правописанием, выявлять его труднее, однако не невозможно, если рассматривать совпадения непременно вместе с отклонениями и при этом в пределах одного почерка. В самом деле: если писец, ошибаясь в правописании безударных гласных, писал правильно подударные, есть основания полагать, что причина второго обстоятельства — не более твердое владение правописанием подударных в сравнении с безударными, а фонетическая обоснованность этого правописания. При слабом владении писца орфографией, например, при отклонениях в сторону аканья, отклонения от правописных норм наблюдались бы и в подударных положениях, если бы к этому имелись основания в виде тех или иных расхождений между произношением и письмом. Аналогичным образом расцениваем и правописную передачу согласных при наличии в том же самом почерке фактов неправописной — передачи ассимилятивного оглушения и озвончения, явлений диссимиляции согласных, цоканья или чоканья и т. д. Рассматривая все эти вопросы, необходимо принимать во внимание, что старинная орфография, в основном узуальная, в большей мере, чем современная строго кодифицированная, опиралась на фонетику. Напрашивается вывод: каким бы условным, более или менее приблизительным ни являлось правописание, поскольку его основная функция — правильное письменное воспроизведение языка, исследование фонетики народной речи по памятникам письменности не может иметь своим материалом лишь от-

клонения от орфографии, без привлечения правописных данных выполнение его немыслимо.

Заметим: взятое само по себе количество однородных отклонений не всегда показывает действительную картину распространения в живом народном языке того фонетического явления, которое оно представляет. Возможность отклонений от орфографии, например, при списывании рукописного текста, в зависимости от его характера, отношения к нему «списателя», а также технологии списывания, т. е. приемов нанесения элементов письма на писчий материал, была неодинаковой. Так, при списывании с оригинала, исполненного уставом, происходило не столько пословное, сколько побуквенное воспроизведение текста. Во всяком случае, уставное, несвязное письмо оригинала, к тому же несколько рисованное и не деленное на слова ориентировало именно на это. В условиях подобной технологии списывания возможность проникновения в список не совместимых с текстом оригинала примет речевого уклада писца являлась крайне ограниченной, особенно если оригинал принадлежал к церковно-каноническим или юридическим, вследствие чего его списывание осуществлялось очень тщательно. Скорописное, беглое дублирование текста, при недостаточной выучке «списателя», благоприятствовало проникновению в список проявлений устной речи писца, тем более, что скоропись обслуживала не церковно-каноническую сферу (в которой безраздельно господствовало уставное и полууставное письмо), а главным образом вседневное, деловое общение.

Упомянутые различия в технологии списывания и характере письменных источников далеко не всегда учитывают и поэтому приходят к небесспорным суждениям относительно степени проявления и пределов былого распространения различных явлений языка. Примером могла бы послужить оценка фактов аканья в ранних московских памятниках — евангелиях и грамотах XIV в. Из того, что отражений аканья в данных текстах немного, обыкновенно заключают: в ту пору аканье в Московском крае проявлялось необыкновенно слабо. Приходят и к более решительным выводам. «Писцы древнейших московских грамот, — пишет П. С. Кузнецов, — вероятно, не акали: отражение в этих грамотах аканья только в географических названиях может свидетельствовать лишь о том, что писцы слышали эти названия в акающем произ-

ношении»[11]. Но, касаясь, к примеру, названия *Брошевая — Брашевая*, упускают из виду, что раннее написание — с *о*, а более поздние — с *а*. Возможно, в этом отразилось распространение аканья. Имеем основание полагать: ограниченность проявлений аканья в ранних московских памятниках (малочисленных и, кроме того, либо церковно-канонических, либо юридических) еще не может свидетельствовать о такой же ограниченности его проявлений в устной речи того времени. Тщательное списывание церковных книг и канонический характер их текстов не благоприятствовали проявлению в списках аканья, а грамоты московских князей, имевшие большое государственное значение, выходили из-под пера людей, искушенных в правописании. Не удивительно, что в этих источниках проявление аканья было затруднено. Однако нет оснований вообще отрицать фонетическое значение написаний *а* вместо *о* в безударных положениях в ранних московских текстах, писанных уставом, интерпретируя эти случаи как явления графической ассимиляции: сознание писца еще не отрешилось от написанного слога, а выводится уже новый слог и, вследствие этого, в новом слоге, вместо ожидаемой буквы *о* непроизвольно пишется буква *а*, т. е. та же самая, что и в первом слоге. Наиболее благоприятные условия для проявлений графической ассимиляции предполагаются в связном и беглом письме, не свободном от известного автоматизма. Напротив, старинный русский устав (с его раздельной расстановкой букв и соблюдением геометрии начертаний) не обладает ни связностью, ни беглостью. Условия для проявления в нем графической ассимиляции, как видим, минимальны, можно сказать, отсутствуют. Получившая известное распространение «графическая» интерпретация рассматриваемых фактов представляется сомнительной.

В изучении рукописных источников по истории русского языка еще не занимает должного места анализ внесенных писцами и справщиками фонетико-морфологических исправлений. Забвение данного аспекта исследования — прямое следствие того, что историки русского языка непосредственно к рукописным источникам обращаются сравнительно редко, а в подавляющей массе пуб-

---

[11] *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., доп. М., 1965, с. 148.

ликаций старинных русских текстов, подготовленных нелингвистами (именно этими публикациями историки языка в основном и пользуются), исправления не указываются, приводятся лишь исправленные написания. Между тем в сопоставлении первоначальных и исправленных написаний в одном и том же почерке обнаруживаем такую вариативность, которая дает конкретное представление, с одной стороны, о колебаниях в речевом укладе самого писца, угасании в его речевом обиходе отдельных старых элементов и нарастании новых, с другой стороны, о различиях между его речевым укладом и узуальной письменной нормой, порожденной в свою очередь общерусскою живой. Для исследования в плане лингвистики речи варианты, представленные в одном почерке в виде первоначальных и исправленных, являются особенно перспективными: заключают оптимальные данные о назревании новых тенденций и изменениях в устной речи писца. Совмещение в почерке, например, написаний *у* вместо *в* и, напротив, *в* вместо *у* говорит лишь о том, что в речи писца в определенных положениях *в* было губно-губным. Исправления же этих написаний знаменуют либо вторжение в нее общерусской и вместе с тем литературной нормы той поры, либо ориентацию на эту норму, хотя бы вначале и не подкрепляемую соответственными изменениями в произношении писца. В исправлении всегда получал выражение момент сознательной оценки определенного лингвистического факта, почему исследование исправлений исключительно важно для познания процессов кодификации языка и правописания. Какие существенные данные о состоянии фонетики и морфологии как общерусской, так и локальной, а также правописных норм заключают исправленные написания, узнаем, например, из отказных книг, составленных в южновеликорусской области местными грамотеями. Понятно, выявление подобных данных осуществляется не только в процессе сравнения фактов, представленных в старой письменности, но и в процессе рассмотрения их в свете сопоставимых фактов современной фонетики и морфологии русского языка и его диалектов, а также в свете сопоставимых норм русской орфографии.

В некоторых случаях о былом состоянии отдельных звеньев фонетики и морфологии и одновременно правописания свидетельствует крайняя малочисленность, ред-

кость исправлений. Прослеживая передачу безударных гласных в южновеликорусских отказных книгах [12], мы сталкиваемся как раз с таким явлением. Отражения редукции этих гласных (имеем в виду прямые и косвенные), не согласуемые с фонематической орфографией, в книгах многочисленны, но редко когда исправляются, хотя среди составителей книг выступают и профессиональные писцы — площадные, церковные и другие дьячки, а порою и подьячие, казалось бы, более или менее знакомые с орфографией. На сотни неправильных с точки зрения современной орфографии написаний находим лишь около десятка исправлений: дьячок Ивашка Холевин в «иму» исправляет *и* на *е* (25); дьячок Митька Калистратов в «Мачяхина» исправляет *я* на *е* (37); дьячок Степанка Артемов в род. ед. «кнSе» исправляет *е* на *я* (38); дьячок Мишка Игнатьев сын в предл. ед. «на цтдѣли» исправляет *и* на *ѣ* (90); дьячок Афонька Лукин в предл. ед. «на. . . поля» исправляет *я* на *и* (96); дьячок Смирка Абросимов в «8ченена» исправляет первое *е* на *и* (119); курченин Первушка Истомин в «переписал» исправляет первое *и* на *е* (175); мещенин Нехорошка Юдин в «цтдана была» исправляет конечные *а* на *о* (186); новосплец Якушка Семенов сын Автомонов в «Семянихина» исправляет *я* на *е* (219); дьячок Васька Григорьев в «иво» в двух случаях исправляет *и* на *е* (229). Заметим: исправления вносили в основном писцы-профессионалы. Единичность этих фактов, в одном ряду с обилием аналогичных не исправленных, допускает два объяснения. Первое: писцы, за редкими исключениями, совсем не владели орфографией. Второе: передача безударных гласных, по крайней мере в массовой скорописи, была еще относительно вольной. С первым объяснением невозможно согласиться: как видно из тех же отказных книг, писцы, хотя и не особенно уверенно, орфографией все же владели. Считаем правильным второе объяснение. Кстати, его хорошо подкрепляют проявления аканья даже в таком строго юридическом и литературно обработанном тексте, как печатное Уложение 1649 г.[13]

---

[12] См.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. (В скобках указываем страницы).

[13] См.: *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953. В результате исследования Уложения автор приходит к выводу: «. . . в наличии акающего произношения в Москве в середине XVII в. едва ли можно сомневаться» (с. 195).

Редукция безударного *о* до *ъ* в положении перед губным согласным приводила к появлению *у*, что отражалось и в письме, а осознание того, что это *у* не совместимо с правописным узусом, заставляло писцов вносить исправления: дьячок Ивашка Константинов в «перелогу*м*» исправляет *у* на *о* (117), к аналогичной поправке прибегает курченин Вавилка Стрекалов в «обыску*м*» (144); новосилец Григорий Автомонов исправляет первое *у* на *о* в написании «жал*в*атуму» (233), а орленин Петрушка Тимофеев сын Сбитый — в написании «туму» (242). В последнем случае первое *у*, по-видимому, обязано своим появлением не столько редукции *о* до *ъ* (в первом предударном слоге перед слогом с гласным не-*а* обыкновенно звучало *а*), сколько влиянию последующего губного и подударного *у*.

Все приведенные выше исправления отвечают правописной норме. Но вот иной случай: поп Никифор в «четыряста» исправляет *е* на *я* (258). Одинокое это исправление в ряду с возможными написаниями вроде «чатыря» (37), «чаты*р*но*т*ца*т*» (32), представленными в отказных книгах и особенно в других материалах старой южновеликорусской письменности [14], выглядит не столь уж неожиданным. Подобно некоторым другим случаям передачи в письме безударных гласных, перед нами — пример того, как действительное значение исправленного написания выступает лишь в сопоставлении с соответствующими не исправленными.

Сопоставления такого рода играют определенную роль и в трактовке исправлений подударных гласных, в частности гласного, который в правописании передавался буквой *ѣ*. Качество этого гласного, особенно в подударном положении, занимало многих исследователей. Его отличное от *е* произношение в части северновеликорусских говоров и, напротив, совпадение с *е* в говорах южновеликорусского наречия считалось различием очень древним. А. А. Шахматов писал: «. . . в восточнорусских (южновеликорусских) говорах переход *ѣ* в *е* во всяком положении — это черта, исконно свойственная их вокализму» [15]. Цитируемое суждение А. А. Шахматова опиралось лишь

---

[14] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 68.

[15] *Шахматов А. А.* Курс истории русского языка. 2-е изд., ч. II. СПб., 1911—1912, с. 233.

на показания современных говоров. Привлечение иных источников — старинных южновеликорусских рукописей — раскрывает иное состояние в истории южновеликорусских говоров. Еще в XVII столетии в них заметно сохранялись следы отличного от *е* произношения рассматриваемого гласного в подударном положении. Это выражалось не только в более или менее последовательном написании *ѣ* в соответствии с подударным положением, а *е* вместо ожидаемого *ѣ* в соответствии с безударным, но и в употреблении буквы *и* вместо *ѣ* под ударением. Поскольку написание буквы *е* взамен *ѣ* в безударном положении не все историки языка признают фонетически обоснованным, необходимо остановиться на их интерпретации подобных написаний.

А. И. Соболевский утверждает: «Среднерусские памятники XV—XVII вв. (по преимуществу московские) вообще не делают различия между *ѣ* и *е*, и мы можем говорить о полном отождествлении в это время *ѣ* и *е*. Надо иметь в виду, что многие из среднерусских памятников XV—XVII вв. (книги) удерживают традиционное употребление *ѣ* везде, где оно указывается церковнославянским языком (с незначительными изъятиями вроде брегъ, вредъ, время, членъ, влеку и т. п., при плѣнъ), и допускают употребление *е* вместо *ѣ* лишь в тех словах и формах, которые или совсем неизвестны в церковнославянских текстах, или встречаются в них очень редко» [16]. Далее говорится: «В других среднерусских памятниках XV—XVII вв. (особенно в московских грамотах) употребление *ѣ* и *е* смешанное: можно отметить частое употребление *е* вместо *ѣ* при отсутствии ударения (въ ми́ре, рядом: въ селѣ)» [17]. П. Я. Черных пишет: «. . то толкование этого явления, которое имеется в «Лекциях по истории русского языка» А. И. Соболевского, еще рано сдавать в архив. Как известно, оно сводится к тому, что употребление *е* вместо *ѣ* в неударенном положении в старомосковской письменности может быть рассматриваемо как явление чисто орфографического порядка (с. 71 по изданию 1907 г.)» [18].

[16] *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907, с. 71.

[17] Там же.

[18] *Черных П. Я.* Указ. соч., с. 214. В решительном заключении П. Я. Черных необходимой связи с высказываниями А. И. Соболевского мы не обнаруживаем.

Отсюда как будто вытекает: в общем сходное положение в старой южновеликорусской письменности тоже обязано лишь орфографии, лишено фонетического основания — за буквой *ѣ* в соответствии с подударным положением и за *е* в соответствии с безударным предполагается один и тот же гласный. Но, в отличие от так называемого смешанного употребления *ѣ* и *е* или «частого употребления *е* вместо *ѣ* при отсутствии ударения», о которых говорит А. И. Соболевский, отмечаемая в южновеликорусских памятниках зависимость написания *ѣ* от подударного, а *е* от безударного положения является, как было сказано, более или менее последовательной и уже вследствие этого представляется фонетической. Фонетический характер указанного различия убедительно подтверждают упомянутые выше написания *и* взамен *ѣ* в положении под ударением. Они позволяют за буквой *ѣ*, употребляемой в тех же самых условиях, усматривать гласный склонный к *и* или *ие*, а не просто гласный *е*, как в безударном положении.

Придавая поэтому решающее значение написаниям *и* взамен *ѣ*, приведем все случаи такого рода, которыми мы располагаем. Обратимся к отказным книгам первой половины XVII в.[19] Дьячок с. Сажнова Васька Артемов писал: по Сиверскому Доницѣ (18), по Сиверск[ое] верховя (18); Семейка Филиппов из с. Ступина: с тѣми *ж* помищики (80), ср. выше его рукой: с помѣщики (79, 80); воронежец Володька Пареный: на ѡтдиля (83), ср. ниже его рукой: ѡтдѣльныя (83), причем *ѣ* исправлено из какой-то другой буквы; не уверенный в правописании, он же выводит: еѣздил (82); дьячок Никитка Иванов: с тими людми (84), ср. ниже его рукой: тѣх. тѣм (84); дьячок Наумка Кобатов: чимъ влодел (150, 151); новосилец Абрамка Кузмищев: со всими угодя (213); в отказе рыльского городового приказчика Силы Пересветова: чим владѣлъ (261); рыленин Степанка Катунин: со всими угоди (265, 266); в отказах Силы Пересветова: со всими ѣгоди (268), в «Пересвѣтов» *ѣ* исправлено из *и* (270); воронежец Абрамка Ушаков исправляет *и* на *ѣ* даже в правильно написанном «ендовищѣ» (70), что также наглядно свидетельствует о близости соответственных гласных в данном положении. Воз-

---

[19] См.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги.

можно, о том же свидетельствуют и двукратное написание «на ⟨. . .⟩ Доицић» (11) дьячка Пантелейки Степанова сына и «по рекѣи» (77) сына боярского Сидора Лукьянова сына, если только в сочетаниях букв «иѣ» и «ѣи» не отложилось колебание между твердой и мягкой разновидностями склонения.

Пополним эти материалы данными XVII в. из других южновеликорусских памятников. Ельченин Першик Лазарев писал: дверь Офонасеи; ельченин Савка Михайлов: на дворѣ изба двѣ клити; в Болхове отмечено написание: я ему в том вирила, ср. там же: далъ мнѣ. . . вѣру в томъ; в воронежской рукописи: вмѣсто пиво шти видер дано им же три ведра меду; в Ливнах: он ⟨. . .⟩ мене изувичил; в Яблонове: Филип и подмитил на мнѣ денги; правая уха сверху срѣзано а ливоя сысподи подрѣзано [20].

Тот факт, что отличное от *е* произношение подударного гласного, который скрывался за буквой *ѣ*, обнаруживает себя почти исключительно перед мягкими согласными, делает еще более очевидной фонетическую природу различия между употреблением буквы *ѣ* и *е* взамен *ѣ*.

Не менее показательна в этом плане и смена в некоторых почерках буквы *ѣ* на букву *е* в одном и том же положении, в связи с превращением его из подударного в безударное. Воспользуемся примерами из отказных книг: рѣчки, но: за рекою (15), по рѣчки, за рѣчкаю, но: реки Сиверског Донца, за рекою (16), косиные сѣти, но: сетеи (18), лѣс, но: леса болшие (19), за рѣчкою, по рѣчки, по рѣчке, в рѣчку, на рѣчке, но: по обе стороны реки, за рекою (21), х Коренскому лѣсу, на подлѣску, но: в лесу (21), ѣдучи, но: от Ездочнова рубежа (21), сѣна ему косит, но: сенные покосы (24), лѣсам поросло, но: лесокъ (38), раздѣлныя, но: отделил (39), по рѣчки, но: да звена реки Воронажа (76), на отдѣлѣ, но: отделилъ (84), лѣс, к ⟨. . .⟩ лѣсу, от ⟨. . .⟩ лѣсу, но: на ⟨. . .⟩ лесок, от ⟨. . .⟩ леска (89), на отдѣля, но: отделил (91), смѣтив, но: смечал (91), лѣсу, но: леса пашенныя, леса болшия (94), ѣздилъ, уѣздъ (100), но: недоезжая (101), на смѣте, но: смечал (103), дѣти, но: детми (107), дѣти, но: детеи (112), под ⟨. . .⟩ лѣсом, но: в лесахъ (126), на отдѣле, отдѣлные, но: отделил (141) и т. д.

---

[20] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 44—45.

Как следует из сказанного о гласном, который в старом правописании представляла буква ѣ, выяснение его былого качества в пределах южновеликорусской области оказалось возможным лишь на базе строго определенной группы источников, притом исключительно рукописных, с учетом писцовой выучки их авторов, анализа исправлений и т. п. — словом, при соблюдении в исследовании источниковедческого аспекта.

Насколько важно его соблюдение, явствует, далее, из того, что лишь в результате включения в исследование ранее не известных, новых, и именно рукописных источников XVI—XVII вв. южновеликорусского происхождения заявила о своем существовании в прошлом в южновеликорусской области конструкция типа *земля пахать*, обыкновенно интерпретируемая как специфически северновеликорусская. Когда мы ее обнаружили в старой южновеликорусской письменности и характеризовали как органически свойственную и южновеликорусскому наречию, но в XVI—XVII вв. переживавшую в нем процесс утраты [21], в литературе появились высказывания, что ее отражения в данной письменности еще не свидетельствуют о бытовании подобного рода конструкции в соответствующих народных говорах, а знаменуют собой влияние на эту периферийную письменность московской приказной традиции [22]. Однако самый состав грамотеев, писавших в периферийных местах, уровень их правописной выучки и местного делопроизводства, лексическое наполнение значительной части представляющих данную конструкцию выражений, наконец, и общая лингвистическая содержательность и информационность не свободных от конструкции старых текстов, с обилием диалектных особенностей и разного рода исправлений, были таковы, что заимствование рассматриваемой конструкции из московской приказной письменности, за исключением отдельных формул, возможно, сложившихся в Москве, вроде *государева служба служить*, заимствование изолированного явления, не сопровождаемое заимствованием иных, скажем, фонетиче-

---

[21] *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. XVIII, 1959, вып. 1.

[22] См. об этом: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 483—484.

ских, представляется нереальным [23]. Многократно повторяется в отказных книгах выражение *пашня пахать* и поэтому его легко принять за усвоенное в качестве образца из московской приказной письменности. Однако нельзя отрешиться от того, что основной территорией, в черте которой и составлялись названные книги, являлась южновеликорусская и, можно думать, что именно здесь, в этой обширной области, с течением времени и складывались как формуляры отказных книг, так и соответственная фразеология [24], понятно, не без уточнений со стороны московских приказных властей. А если так, и выражение *пашня пахать* в отказных книгах могло быть не московского, а местного происхождения, тем более, что образующие его слова были актуальными у всех русских.

Выяснение ряда других вопросов истории русского языка упирается также прежде всего в ограниченность круга привлекаемых источников и слабую их изученность. Необходим решительный выход за пределы традиционного круга источников и более глубокое их изучение. Углубление этого изучения мы видим преимущественно в познании, помимо запечатлений языка, еще и основ речевой и писцовой культуры создателей источников, через призму которой эти запечатления осуществлялись. Говоря о необходимости внедрения источниковедческого аспекта в изучение истории языка, мы отнюдь не сводим к этому понимание лингвистического источниковедения в целом как специальной научной дисциплины со своими особыми предметом и методом исследования. Имеем в виду лишь самый необходимый источниковедческий анализ, без которого не может обойтись, изучая историю русского языка по памятникам письменности, ни один из ее исследователей, не являющийся вместе с тем лингвистом-источниковедом.

С одной стороны, теоретическую разработку истории русского языка лимитирует известная ограниченность используемого круга старинных текстов, с другой — умо-

---

[23] См., например: *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.

[24] Сравнение самых ранних отказов с отказами более позднего времени дает определенные основания для такого предположения (см.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги).

зрительные концепции уводят исследователей от изучения определенных групп источников. Примеров первой ситуации мы уже касались. В качестве примера второй назовем хотя бы концепцию, имеющую своим истоком известное мнение Лудольфа: в России в конце XVII в. разговаривали по-русски, а писали по-славянски [25]. Принятое на веру это мнение утвердилось едва ли не в виде бесспорного и существенным образом влияло на направление исследований историков-русистов. Изучая материалы XVII в., они порою не выходили за пределы уставной и полууставной письменности и церковнославянской печати — грамматик церковнославянского языка, текстов церковного обихода и частью литературно-художественных, а исследуя тексты делового содержания, за самыми редкими исключениями, не обращались непосредственно к рукописям, в подавляющей массе скорописным, а знакомились с текстами подобного рода только по изданиям, далеко не всегда пригодным для лингвистического исследования. Признание основательным мнения Лудольфа является особенно удивительным, если принять во внимание, что даже одни опубликованные историками скорописные тексты XVII в. (а их более чем достаточно) вполне убедительно показывают, насколько обширным и актуальным было в то время применение собственно русской письменности. Она обслуживала всю совокупность общественно-экономических отношений, центральное и местное управление, межгосударственные связи, обыденное общение посредством грамоток и т. п. За церковнославянским языком оставалось обслуживание религиозного культа, а за отдельными элементами этого языка, преимущественно лексическими и фонетическими, — выполнение определенных стилистических функций в текстах, которые в основном были собственно русскими (челобитные, сатирические повести, грамотки и т. д.). Размежевание между церковнославянской и русской стихиями той поры нет оснований квалифицировать как размежевание между письменной и устной формами выражения. Касаясь XVII в., можно, видимо, говорить исключительно о культовом, церковном иноязычии, а не двуязы-

---

[25] См.: *Лудольф Г. В.* Русская грамматика. Оксфорд. 1696. Переиздание, перевод, вступит. статья и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937, с. 114.

чии русского народа в зависимости от того, пользовался он устной или письменной формой общения. Осуществляемая Институтом русского языка публикация текстов XVII в. (материалов приказного делопроизводства, в том числе и следственных [26], вестей-курантов[27] и грамоток[28]) свидетельствует об этом со всей очевидностью. Поскольку несостоятельность умозрительных концепций и значение определенных групп источников способен раскрыть лишь конкретный материал, приводим извлечения из этих текстов.

Вот описание межевых примет в белгородской отказной книге 1621 г.: ‹. . .› ѡт таво дуба по рѳбежю справа сажени | з два (*так!*) стоіт дѳб меньши тово на болшем дубя гран ѡт тѣх гра|неі через кустъ и комыш стоят три березы на ѡдно|мъ корени' ѡдна наклона к первымъ гропям встрѣчю || на неі гран ѡт тѣх трехъ берез сажен з десет стоіт ку|стъ ивавыі поправа тово куста земля Якова | Гревцова а полеву земля Донилыі Мезенцова | ѡт тово куста через степ десетины' с три' длинни|ку стоіт кустъ с водою посреді тово куста на бере|гѳ ѡт рѳбежа стоіт дѳб с вѣтми приземистъ на нем | гран ѡт тоі границі ѡт дубка десетины' з двѣ длинни|ку стоіт кѳстъ четыря гнезда лозы' пятоя гнездо | ѡсиновае тут гран ѡт тово куста к степи' з десети|нѳ длинникѳ стоіт малыі кусток то гран ѡт тово кустка | пряма до ливенскоі дороги да ему ж Дониле Мезенцо|вѳ дано на сеножат полянка через ливенскою доро|гу позад Игнатоваі дачи Волкова на вздуброві стоітъ || дуб толстъ краковистъ на полдни' накляп на немъ ста|роя гран ѡтводѳ Зохаря Гвоздева ѡт тово

---

[26] См.: Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968; Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.

[27] См.: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972; Вести-Куранты, 1642—1644 гг. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

[28] См.: *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова). Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965; Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

дуба посе|ред полянкиі стоіт пен дубав в обоіма дуб ссѣчен на | пни' гран ѡт тово пня пряма через полянку в дѹб|рове в чещи' стоіт дѹб толстъ на полнач наклян (Южн. отк. 12).

Из расспросных речей 1642 г.: ‹. . .› Офонка Наѹменок перед гсдрем ви|нился што он перед гсдрем и перед гсдрнею | црцею виноват. а в допросе ска|зал какъ де был на гсдрве слѹжбе | под Смоленском Михаило Шеин а он де | Оѳонка в тѣ поры был на слѹжбе | в Путивле в стрелцах в Василеве | приказе Жѹкова и спознался | с пѹтивским казаком с Васкою Кѹла|[ком] и ѹ того Васки наѹчился при|. . .ыват кил и для воровства | [ж]онокъ приворачиват а приво|рачивает де он жонокъ тѣм. во|змет легѹшкѹ самца да самкѹ | [к]ладет в мѹравеиникъ и приго ||говариваем (так!) скол тошно тѣмъ легѹшкам | в мѹравеинике стол бы тошно бы|ло тои жонке по нем Оѳонке а по|минает тои жонке в тот час имя и на | третеи ден приходит он Оѳонка | к томѹ муравеиникѹ и в том де | мѹравеинике тѣхъ легѹшек оста|нетца один крючекъ да вилка | и он то возмет и тѣм крючком ко|торѹю жонкѹ зацѣпит и та | жонка с нимъ и ворован станет | а какъ емѹ с тою жонкою воро|ват не похочетца и он тоѣ жонкѹ | вилками от себя отпихнет и та | жонка по нем тѹжит перестанет

А килы присаживает дает пит | в питѣ травѹ имѧ тои травѣ воп | ростет при болоте и как дастъ испит | и от тоѣ травы ѹ тово члвека хто | изопетъ бѹдет кила

А отсадит тоѣ килѹ есть дрѹгая | трава имя тои травѣ малюкъ и как | дастъ тоѣ травы киловатому члвку | испит и ѹ тово члвека килы не бѹ|детъ

А што де на нево извещал иноземец | Данилко Рябицкои гсдрво словѡ | про гсдрню црцѹ што он Офонка си|дя в тюрмѣ про неѣ великѹю гсдрню || говорил невѣжливое слово и в том де | он Оѳонка перед гсдремъ виноват про | гсдрню црцѹ он Офонка сидя в тюрмѣ | такое непригожее слово говорил | ѹмысля хотѣл еѣ гсдрню ѹморит до смерти а давать было еи гсдрне в пи|тьѣ травѹ имя еи целебока | а ростет та трава на рекѣ на Окѣ | и на Москвѣ рекѣ а положит де | было ему та трава гсдрне црце | в пите в тѣ поры какъ понесѹтъ | про гсдрню црцѹ пите в Верхъ а ха|живал де он за бояриномъ своим | за Иваном Стрешневым в Верхъ | к светлицам а толко де было емѹ | тоѣ травы гсдрне црце в пите | [по]ложит самомѹ немочно

и емꙋ *де* | [б]ыло тово докꙋпат*ца* кѣ*м* | [м]очно то дѣло здѣлат (МДБП, 256).

Отрывок из челобитной 1633 г.: ‹. . .› бьет челом холоп вашъ Андрю|шка Бермацкои жалоба гсдри мнѣ на стрѣлецкого го|ловꙋ на Петра Красного оглашает гсдри меня тот Петръ | всяким безделемъ и бутто ѥ холоп вашъ ꙋ себя на дворѣ | баню топил и парился и бутто ѡт того ꙋчинился пожар | и тем гсдри он менѥ пожегом клеплет и оглашает напра|сно по недружбе ꙋ меня гсдри никако (*так*!) бани не тапливали | и не токмо что было баню топит ни в одноu деревянои | хороминѣ ꙋ меня на дворѣ огня не было а стоѥл гсдри со | мною холопом вашим вмѣсте Михаило Бутурлин и он про то | вѣдает что я бани не тапливал а от чьево двора и от чево | пожар ꙋчинилсѥ тово ѥ холоп вашъ и самъ не вѣдаю | а тому гсдри Петру Красномꙋ по чему вѣдат что ѡт моего | двора ѡт бани ꙋчинился пожар живет он Петръ sa Бѣлым | городом а мои гсдри двор был в Китае и коли было емꙋ | поспѣшит и то видет от чево загорѣлосѥ которые | сосѣди тут живут и тѣ того не вѣдают и не видали от чь|ево двора пожар учинилсѥ а буде ж гсдри тот пожар | от моего двора стался и я холоп вашъ мню что тот стрѣле|цкоu голова Петръ Краснои по недружбе велѣл тот мои | двор sажеч а окромѣ гсдри ево недруга ꙋ менѥ | нѣт и огнѥ ꙋ меня во дворѣ не было да и то гсдри приз|начно какъ ꙋчал двор мои горѣт и людишка мои вскоча | рухлед понесли на ꙋлицꙋ и в тое пору ево Петров члвкъ | Горска с ыными людми стоит с ослопом ꙋ двора моего ꙋ ворот и на | него мнѣ в том пожеге невѣрка потому что из sa горо|да было ему притти нѣколи да тово ж гсдри Петрова члвка | Горску в приказе ꙋ боярина ꙋ кнsя Андрѣя Василевича | Хилкова в тот ден какъ пожар в ночи ꙋчинился в моем | дѣле sa ево воровство бито патоги а недружба гсдри | ꙋ меня с тѣм Петром держал онъ ꙋ себя бѣглою мою ка|балную жонку и ту жонку поимали и сидѣла за приста||вомъ и тот Петръ об неи промышлял всякими промыслы | чтоб ему еѣ к себѣ добитисѥ ‹. . .› (МДБП, 48—49).

Обратимся к извлечениям из вестей-курантов первой половины XVII в.

Тово ж дни в шестом чсꙋ после обѣ|да к ꙋжине вострꙋбили ꙋ кѳроu|ста и тꙋтъ кꙋрѳистъ sвал к столу | арцꙋха Карла и всѣх шлеusенских | послов и их гораздо чесно

потчивал | и тѫтъ при столѣ всякие мѫзи|кѣи были и цысерского величе|ства и иных кнзеи здоровя чаши | пили и тот стол до четвертого | чса ночи тянѫлся после ѫжи|ны пошли всѣ в болшѫю полатѫ | и ѫчали тонец водит

І в тѣ тонцы его кѫроистская | млсть со многими дворяны | в ыные потѣшные платья | переодѣлися і в шестом чсѫ ночи | аки селские мѫжики з гѫдка|ми и с волынками в мѫжиче | плате розных цвѣтов на тонецъ | пришли и танцовали шлеизенские | послы а которые до тѣх мѣстъ ‖ нагами станали а тѫт в тан|цѫ рядом с молодыми скакали | и до дневного чсу бреславскои дох|тѫр такъ запился что ево два | члвка вь ево хоромы одва дота|щили ‹. . .› (В-К I, 54).

‹. . .› в Колберхъ | пришли изневесть из Ливонскои земли | Г корабля на них по Р лошедеи | а третево дни отселе проводили | в Белгардъ Ф лошедеи а что ѫчин[ят] | и то бѫдет вѣдомо по времени

Из Аглинские земли из города Лѫдена сент[яб]|рѧ въ Д де

Король стоит с своим воиск[ом] | под городом Келчестером і воиско свое [собрал] | и к городу крѣпко пристѫпает а о[садные бо]|ронятца жестоко ѫже один п[риступ] | отбили и на выласкѫ ходили и такъ | ѫчинили кабы ѫчали в город ѫстѫпат | и королевские за ними настѫпат і в город | прогнали и как видели городовые | что полно ихъ в городе велѣли воротнѫ[ю] | решеткѫ опѫстит и пошли на королевских | людеи и их в городе всѣх побили

Да сказывают что в прошлом понедѣлнике | на пристѫпе побито ≠АФ члвкъ і в том чис[ле] | много великих людеи и ратново стр[ою] | ѫрядников (В-К II, 37).

‹. . .› в городе | в Копенгаге добрѣ много ратных людеи какъ сказы|вают карабелщики которые недавно отголе ‖ приѣхали а вѣсти здѣс носятся что адмирал | карабелноі в Копенгав с моря пришел со многими | мертвыми людми и многие карабли прострѣле|ны и попорчены потому что он с свѣискими караблями | бился а два свѣискихъ караблеи (так!) ис пѫшекъ | пробили и потопили а третеи сожгли. а про гон|цовъ из Датцкие земли слѫхѫ нѣт. а про дат|цкого воеводу про Аннибал Сеистета слѫхѫ нѣт гдѣ он | нне с своим воискомъ а окромѣ тѣх вестеи иных | не мог здѣс провѣдат. (В-К II, 192).

Поскольку, согласно Лудольфу, по-русски не писали, а «разговаривали», а язык грамоток в большей мере, не-

жели всех других источников, близок к устной р а з г о в о р н о й речи, отвергая как несостоятельное данное утверждение Лудольфа, представляется особенно важным привести в качестве запечатлений русского языка в графической форме как раз именно грамотки. Выявленные в различных рукописных фондах эти материалы частной переписки были опубликованы в упомянутых выше изданиях Института русского языка АН СССР, причем, в отличие от прежних крайне ограниченных публикаций, в воспроизведении, удовлетворяющем требования лингвистов. Если принимать во внимание, что лишенные юридического значения материалы частной переписки, в противоположность актовым, обыкновенно не хранились, то дошедшее до наших дней количество грамоток XVII в., в большинстве еще не изданных, лишь в малой степени характеризует распространение частной переписки в означенное время. Поэтому можно полагать, что общение русских посредством грамоток в XVII столетии было не столь уж редким. Напомним далекие истоки эпистолярного общения на Руси — письма на бересте.

Приведем страницы грамоток XVII в.

Ѿт Дмитрея Василевича женѣ моеи Маремъянѣ Ивановнѣ | а на Москвѣ ноября въ КЕ *де* да воли божьи жив а впред | бгъ воленъ а ты Маремъянѫшка пиши ко мнѣ о своем | здорове и о Прокоѳеве здорове Дмитреевича какъ васъ | бгъ милѫет да вели вино сидѣть неоплошно не | мешкав да писано к тебѣ Маремянушка про пиво | сварив катлом велел а привести и бѫдѣт мошно | ево бѫбѣреч от морозов а бѫдѣт немошно бѫберечь | ино то пиво отставит к намъ не возит ино боши (*так*!) | солодѫ яшнова привести и на Москве пиво сварят | да береги неоплошно Маремянушка Прокоѳь|юшка дома у себя и в дороге какъ поедеш | к Москвѣ и Онтониде прикажи ево беречь | неоплошно не ознобитѣ ево крошинки маленкои | в дороге ‹. . .› а на ситные хлебы и на решотные хлѣбы | мѫки велѣл привести из вотчинъ из резанскои | да из ряскои мѫкою и рожю тритцет пят четвертеи да ов|са тритцет четвертеи да привести медведно и сѫкно | санное и место санное и завертъки ременные | болших санеи и ящикъ крѫглои кедровои и в немъ ‖ положит зерколо мое и чюлки мои ‹. . .› (МДБП, 39—40).

‹. . .› а что прислана грамотка июня въ И *де* а в Азовѣ писана маия К *г* числа | и писано немного і *мне* о том

гараздо печелно все ли ты другъ мои | в добромъ здоровѣ і смирно ли у васъ і нетъ ли какихъ подходовъ отъ непри|ятелеи і ты другъ мои о томъ ко мнѣ никогда не отпишеш. . . | ѹ васъ дѣлаетца а горенка і задния сени гараздо хѹды ннешнее | лѣто одва простоитъ ли а естли повалятца садъ весь переломаетъ || а в горенку нне і девки не ходятъ і ходитъ дтямъ по сенямъ опасно | а прошлаго году починивали присланъ былъ съ Юрева Ванка Деме|ньтьевъ і нне вся горенка і с сенми отошла отъ полаты і поклонилась | вся на садъ а какъ горенка і сени обвалятца садъ весь переломаетъ | да пожалуи другъ мои сердешноu Іванъ Семеновичь не печался | поберѣги своего здоровья умилис надо мною надъ такою бед|ною безродною і надъ детми а я безродная і безпомошная по|жалеи своего здоровья да пиши другъ мои х Катюшке | грамотки ѹставомъ хотя неболшее да послала я к тебѣ | другъ мои связочку извол носитъ на здоровѣ і связыват головушку | а я тое связочку целоu днь носила і к тебѣ другъ мои пос|лала извол носитъ на здоровѣ а я еи еи в добромъ здоровѣ а кото|рыя у тебя другъ мои есть в Азовѣ каѳтаны старыя изношены и ты другъ мои пришли ко мне отпоровъ отъ воротка лоскуточикъ кам|ки и я тое камочку стану до тебя другъ мои стану носитъ бѹдто | с тобою видятца ‹. . .› (Ист. 66).

Гсдрю Мартынѹ Василевичѹ бьетъ челомъ и плачетца сирата твои | крестьянишко Ѳочка Ѳедоровъ пощади и помилѹи сиротѹ | своего оброкомъ своимъ боярскимъ половинѹ тебѣ гсдрю дана а дъ|рѹгои на нынешнои годъ пощади Мартын Василевичь сиратѹ | своего потомѹ что скѹденъ и бѣденъ хлѣбъ позябъ весь | а инои снѣгомъ запалъ самъ ты вѣдаеш гсдрь Мартын Василевичь | а мѹжиченко сталъ одинакои все скорбенъ пощади гсдрь Мартын | Василевичь прикажи гсдрь овса датъ на симяна своего бояр|скова выборномѹ Елисею чѣмъ ты пожалѹеш Мартынъ | Василевичь а а топерво миромъ питаюсь потомѹ что скѹ|денъ и бѣденъ а окѹпитца нѣчемъ плачѹся слезно Мартынъ | Василевичь о томъ млсти прошаю пощади сиротѹ своего і пожалѹи (Гр-ки, 76).

Запечатление собственно русского языка представляет собой и опубликованный нами список первой половины XVIII в. Дневника участника русского посольства в страны Западной Европы в конце XVII в. Не исключая возможности появления в списке, в сравнении с оригиналом, отдельных фоно-морфологических и правописных

отклонений, не видим условий для появления в нем таких лексических изменений, которые могли бы заметным образом отдалить его от оригинала: замена тех или иных слов в подобном документальном повествовании, да еще при «писарском» копировании, маловероятна. Обращаем внимание на то, что Дневник и Русская грамматика Лудольфа появились почти одновременно: грамматика была напечатана в 1696 г., а посольство состоялось в 1697—1698 гг.

Как будто есть достаточные основания усматривать в списке Дневника источник главным образом конца XVII в., а не первой половины XVIII столетия.[29]

Об этом, кажется, можно судить и по выпискам из Дневника.

‹. . .› тут же виделъ слона великаго | которои игралъ знаменъ и трубилъ по туре|тскіи и по цесарски и стрелялъ из мушке|та и многия весщи делалъ і имеетъ симпатию с сабакою которая непреста|нно с нимъ пребываетъ зело дивно на я|рмонке виделъ металниковъ которые | чрезъ трехъ чловкъ перескоча налету | перевернутся головою внизъ и станутъ на но|гахъ.

У доктора видел анатомию кости жилы | мозгъ члвческои теле[са младен]ческая и какъ зачинается ‹. . .› ‖ и кишки жила та на которои лехкое | живетъ подобно какъ тряпица старая | жилы те которые в мозгу живутъ видел | пятдесятъ телесъ младенческихъ в спирту|сахъ отъ многихъ летъ нетленны виделъ же | какъ мужеское и женское четырехъ летъ | возраста нетленны и кровъ знать глаза | целы и тела мяхки а лежать бѣспи|ртусовъ у женскова полу внутренняя | сердце печень кишки и желудокъ все | нетленно (Дн. 174).

Трубку зрителную видел чрезъ которую | смотрятъ на мсцъ и звезды на мсцъ смотрели | и можно видеть что есть земля ‹. . .›

Стекло чрезъ которое можно разстопить | серебро и железо темъ же стекломъ то|пили камень самои крепкои ис того ка|мня выжгли подобно бутто хрусталь | и темъ хрусталемъ резали стекла | бутто алмазъ.

---

[29] См.: Дневник участника русского посольства в страны Западной Европы в конце XVII в. (Список Государственного архива Рязанской области). — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 167—205.

Темъ же стекло*м* жгли дерево по*д* во|дою воды было палца на четыре | налито вода закипела и дерево со*ж*гли.

Е҃имокъ растопитца какъ мо*ж*но моли|тву о*т*че нашъ прочитать.

Темъ же стекло*м* топили свинецъ | и со*ж*гли в пепе*л* и іс того пеплу вытопи|ли камень подобно ентарю (Дн. 180—181).

‹. . .› ехали на гору каменную 8 часо*в* | такая что невозмо*ж*но было смотри*т* | внизъ а дорога такая уская во многи*х* | местахъ было о*т* колеса менше полу|аршина а тамъ такая пропасть что | неподобно сказать а наверху техъ | горъ великои снегъ в самое лето не схо|дить.

А внизу промежу теми горами река | страшная быстрая и *з* стороны те*х* горъ ‖ текуть источники подобно какъ | великие двери о*т*ворены на те*х* источни|кахъ поставлены многия мелницы | и пилярки а горы те каменные во многи*х* | местахъ ехали по*д* камение*м* вися*т* на*д* го|рою саженъ пять сотъ каменная | каменная гора и часто о*т*рываются ка|менья и побивають много людеи са|мая ну*ж*ная езда и стра*х* великои о*т* ка|менья перед нами упалъ камень за | день на самую дорогу просекали по*д* не|го яму и клали порохъ и ево во многи*х* | места*х* просверливали и порохо*м* насы|пали что*б* разорвало и мы ехали ко|ретою на рука*х* свои*х* с великою ну*ж*дою | пере*д*винули то место потому что | работники не успели рваного каменья | очища*т* (Дн. 189—190).

Мы намеренно привели более или менее достаточные неизвестные ранее тексты, которые не просто свидетельствуют о существовании в рассматриваемый период развитого письменного языка, сложившегося на собственно русской основе, но и убедительно показывают, насколько широким в жанровом отношении было его функционирование (от сводок зарубежных известий до бытовой, интимной грамотки). Представленный в приведенных источниках, этот письменный язык вполне определенно заявляет о себе и в массе других рукописных текстов — в тысячах книг делового содержания: писцовых, разрядных, таможенных, а также иных приходо-расходных, вкладных и книгах городового дела, в посевных, ужинных и умолотных, в так называемых десятнях; в неисчислимой массе государственных и частно-правовых документов; наконец,

в статейных списках и в такой художественной литературе и страстной публицистике, как сатирические повести и сочинения протопопа Аввакума. Письменный язык русской формации обслуживал огромную сферу центрального и местного управления, сельскохозяйственного, ремесленного и зарождавшегося промышленного производства, торговли и таможенной службы, военной организации государства, его дипломатических отношений, вседневного эпистолярного общения и частью духовной жизни общества. В нем выражалась многообразная деятельность и центральных приказных учреждений, и уездных приказных изб, а также монастырских и разного рода иных канцелярий.

На долю церковнославянского языка оставалось обслуживание религиозного культа, обильное применение в виршевой поэзии, выполнение определенных стилистических функций в светской художественной литературе, орнаментация некоторых документов, вроде духовных грамот, этикетное украшение зачинов и концовок в частной переписке.

Почему же столь очевидный факт, как наличие в XVII в. вполне развитого письменного языка, возникшего на собственно русской основе, не получил у некоторых исследователей должного признания? Причин здесь несколько. Сказалась и традиционная ориентация на памятники наиболее известные и притом более древние, а они в основном —церковнославянские, и не менее традиционная неосведомленность в памятниках более поздних. «Известно, — констатировал Г. О. Винокур, — что наука истории русского языка до сих пор преимущественно строилась на данных памятников древнейшего времени или на данных диалектологии, а богатейший материал текстов более молодых вовлечен в научный оборот в явно недостаточной степени» [30]. Сыграло определенную роль и то прискорбное обстоятельство, что памятники поздней поры (после XVI в.) вплоть до 60-х годов по правилам лингвистического воспроизведения вообще не издавались. Имело значение и такое представление о правописной культуре той поры, о котором С. П. Обнорский, разбирая Грамматику Лудольфа, говорит следующее: «Лудольф хорошо

[30] *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 230.

знал и о том, что вся система письма русских находилась в особых условиях, директируясь нормами славянского письма, отстоя в этом отношении далеко от черт живого русского произношения» [31].

Заметим, кстати, далеко не всегда письмо, которым пользовались русские, «директировалось» нормами славянского и было во всех своих компонентах отдаленным от устной речи. В наиболее распространенной деловой письменности, почти исключительно скорописной, происходил процесс узуальной выработки русских орфографических норм, отражение которого находим и в печатных нецерковных книгах. Ср. замечание П. Я. Черных об орфографии печатного Уложения 1649 г.: «Одна и та же грамматическая форма, одно и то же слово встречаются то в одном, то в другом орфографическом или фонетическом облике, очень часто не только на смежных страницах, но и в соседних строчках и даже на одной и той же строке, в одной и той же фразе» [32]. В другом месте исследователь справедливо подчеркивает: «При всем том, однако, язык, получивший отражение в Уложенной книге 1649 г., представляет собою нечто цельное, исторически сложившуюся цельную систему, жизнь которой определяется известными соотношениями ее основных элементов, их взаимосвязью. Неустойчивость, непоследовательность в выборе того или иного написания слова, того или иного варианта в произношении отдельных слов, того или иного дублета в грамматике не противоречит понятию о системе, потому что не касается ее основных элементов» [33]. Замечание это полностью относится и к скорописной форме существования того же самого языка. Несовместимость церковнославянских норм с русскими писцовыми и теми, какие применяли в нецерковной печати, явствует из следующего: напечатанная в Москве годом ранее под наблюдением тех же справщиков, которые участвовали и в печатании Уложения, известная церковнославянская грамматика Мелетия Смотрицкого не оказала на язык и правописание Уложения сколько-нибудь заметного влияния [34].

---

[31] *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 146.
[32] *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года, с. 142.
[33] Там же, с. 144.
[34] Там же, с. 73—75.

Обрисованное выше соотношение церковнославянской и русской стихий, установленное в результате привлечения и исследования новых источников, нисколько не напоминает то, какое мнилось Лудольфу: разговаривали по-русски, а писали по-славянски. Разговаривали, естественно, по-русски, но и писали главным образом по-русски, не по-славянски. Иногда сосуществование в нашей письменности церковнославянской и русской стихий трактуют как двуязычие. Однако и место и значение той и другой стихии в жизни русского общества были не одинаковы. Буквально все коммуникативные функции в его многообразной деятельности, за вычетом религиозно-культовой и частью литературно-художественной, в полном их объеме (в диалогической и монологической формах) выполнял только русский язык. Коммуникативная роль церковнославянского являлась ограниченной и по преимуществу монологической. Характерно: в грамотках духовенства в церковнославянском облике выступали почти исключительно разного рода «этикетные» выражения, а конкретное содержание грамоток излагалось собственно русским языком [35]. Безраздельное употребление русского языка в XVII в. в устном общении и решающее — в письменном позволяют констатировать: русское общество того времени было моноязычным. Огромные массы населения не владели церковнославянским языком как особым, отличным от русского. Устное знание некоторых молитв и крупиц церковной фразеологии еще не означало такого владения. Церковнославянский язык тогда представлял собой не компонент двуязычия, а всего лишь культовое иноязычие, в основном монологическое. Однако отсюда вовсе не следует, что церковнославянские элементы, усвоенные русским языком в предшествующий длительный период, воспринимались носителями этого языка как чуждые, неприемлемые. Их органическое участие в развитии русского языка — факт общеизвестный.

Оптимальное изучение истории языка предполагает вместе с привлечением разнообразного круга письменных памятников, что связано в первую очередь с выявлением их лингвистической содержательности, осведомленность и в возможностях их лингвистической информационности.

---

[35] См. грамотки представителей духовенства в кн.: Грамотки XVII—начала XVIII века.

Отдельных вопросов данного плана (правописание и отклонения от него, речевой уклад писцов и пр.) попутно с освещением других мы уже касались. Обратимся к более широкому рассмотрению этой проблематики. Напомним связанные с ней общие суждения. Изучая язык новгородских грамот, А. А. Шахматов писал, что имеет дело «не столько со звуками, сколько с буквами, а результатом этого является весьма сложная задача: доискиваться звукового значения этих букв. Поэтому, — заключал исследователь, — . . . придется остановиться на употреблении некоторых букв в разбираемых нами памятниках, т. е. сначала коснуться их графической стороны, чтобы потом приступить к лингвистической» [36]. Продолжение мысли А. А. Шахматова находим в следующем замечании Р. И. Аванесова: «Известно, что единственным путем исследования древнего письменного памятника с фонетической точки зрения является путь от изучения графики (написаний) к орфографии (к системе правил употребления этих написаний) и от орфографии как системы — к отклонениям от нее при постоянном критическом сопоставлении всего этого графического в широком смысле, т. е. писанно-зрительного, материала с данными живого языка или живых родственных языков позднейшей (обычно современной) эпохи» [37].

Приемлемые как общие, эти положения не обеспечивают, однако, во многих случаях достаточно правильного истолкования получивших отражение в старой письменности фактов русской фонетики (а иногда и грамматических). Дело в том, что для их истолкования недостаточно знания одних соотношений между фонетической системой, графикой и орфографией. Необходимо учитывать и конкретные условия, в которых данные соотношения реализуются: в уставном письме, в полууставе или, скажем, в скорописи; в условиях узуальной или кодифицированной орфографии; под рукою опытного писца или малограмотного и т. д. К сожалению, подобный аспект исследования внимание историков языка обыкновенно не привлекает, хотя упомянутые соотношения под пером носителей общерусской, но в каждом отдельном случае индивидуализи-

---

[36] Исследования по русскому языку, т. 1. СПб., 1895, с. 132.
[37] Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 79.

рованной, речевой культуры и правописной выучки получают в названных разновидностях старой русской письменности порой неодинаковое выявление. Исследование указанных соотношений лежит в основе изучения лингвистической информационности письменных источников: ее обусловливает характер систем, образующих эти соотношения (с одной стороны, фонетики и морфологии, а не только фонетики запечатленного языка, с другой — графических средств запечатления, а также норм правописания) и преломление данных соотношений в индивидуальной писцовой практике.

Насколько мы еще далеки от исследования памятников языка в источниковедческом аспекте, можно судить по состоянию в такой сфере русистики, как изучение исторической фонетики. Для современной истории русского языка характерно исследование фонетических отражений в полном отвлечении от писцов, у которых они явились, в отвлечении от их речевой культуры и орфографических навыков. Отражения различных фонетических явлений рассматриваются как обезличенные, не связанные с определенным писцом, названным или не названным в тексте, вне учета их соотношения в пределах того или иного почерка. Подобного рода уединенное изучение показаний старой письменности не может гарантировать их верной интерпретации. Необходимая предпосылка последней — изучение любого фонетического явления или, точнее, его отражения непременно в свете отражений иных лингвистических явлений, представляющих общую речевую культуру и орфографическую выучку писца. Между прочим, как это ни странно, упомянутое выше уединенное, мы бы сказали, внесистемное изучение исторических фактов русской фонетики и представляемых ими фонетических явлений в известной мере перекликается с системным изучением русского языка в фонологическом аспекте, когда исследователь оперирует принципиально обезличенным лингвистическим материалом. Оперирование лишь обезличенным материалом так или иначе обедняет характеристику фонетических явлений, в особенности качественную.

Рассмотрим несколько конкретных случаев.

Например, для выяснения того, насколько распространенным было аканье и являлось ли оно произносительной н о р м о й, безусловно следует знать, насколько орфографическая подготовка писцов и в каких преимущественно

ситуациях ограничивала в памятниках письменности его прямые или косвенные проявления. Естественно, опытный писец уклонялся в сторону аканья главным образом в тех случаях, когда отсутствовала возможность проверки написания безударного гласного звучанием его под ударением, а у писца, не искушенного в орфографии, обыкновенны были отражения аканья и в проверяемых положениях. Эти общеизвестные наблюдения, учитываемые в преподавании русского языка, в сущности не принимаются во внимание в исследованиях по исторической фонетике: в них господствует, так сказать, «валовое» изучение фактов. Не получает должного освещения и преобладание во многих случаях над прямыми отражениями аканья отражений косвенных. А оно обычно свидетельствует о невысокой выучке писцов и помогает правильно оценить информационные возможности источников с точки зрения исследования безударного вокализма.

Интерпретация в полном отвлечении от писца отражений безударного вокализма в составе флективных элементов слов может привести к ошибкам в понимании и морфологических фактов.

Возьмем рукопись того времени, когда в дат. пад. мн. числа определенной группы имен существительных старая форма на *-омъ* вытеснялась новой на *-амъ*. В зависимости от выучки писца — уроженца южновеликорусской области — буква *а* в написаниях вроде *крестьянамъ*, *помѣщикамъ* допускает двоякое толкование: либо это примета новой флексии, либо проявление аканья в старой флексии *-омъ*. Напротив, буква *о* в аналогичных положениях может быть истолкована и как примета старой флексии и как «перестраховочная» в составе новой флексии. Поэтому для выяснения статуса рассматриваемой флексии (старая или новая) и употребительности ее в том или другом качестве в пределах почерка одного писца представляется важным общий учет, а не только в данной падежной флексии, написаний *а* на месте *о* и «перестраховочных»: менее опытный грамотей был более склонен к «перестраховке», нежели более опытный. Разумеется, следует принимать во внимание и то, какую гласную писали в этой флексии в положении под ударением.

Небезразличен, далее, учет орфографической выучки писцов и при оценке качества фонемы, исторически передававшейся буквой *ѣ*. Необходимость этого признается,

но в исследованиях обыкновенно не реализуется. Отражения указанной фонемы в том или ином источнике, заведомо писанном одним писцом, рассматривают в полной изоляции от каких бы то ни было отражений других лингвистических явлений, совокупность которых (отражений) могла бы дать представление об орфографической выучке писца. Кроме того, не учитывают и употребительность буквы *ѣ* под пером отдельных писцов. Между тем о заметном различии в применении данной буквы в зависимости от грамотности писцов говорит, например, следующее: у заурядных грамотеев, в отличие от опытных, как показывают известные нам рукописные материалы XVII в., проступает явственная тенденция — избегать употребления буквы *ѣ*. Хорошо прослеживается это различие в текстах однородного содержания, например, в отказных книгах и, помимо того, в сказках, поданных по какому-либо одному поводу, в связи с одним и тем же событием или обстоятельством.

Анализ правильных написаний *ѣ* и взаимной мены *ѣ* и *е* отдельно в каждом почерке, иначе — у тех или иных писцов, с учетом их общей правописной культуры, позволяет уверенно судить, с отражением каких явлений мы имеем дело — явлений фонетических или орфографических. Практика отдельных писцов, как мы многократно убеждались, например, показывает, что в жестко регламентированных оборотах стандартных зачинов и концовок старой актовой письменности *ѣ* по обыкновению пишут правильно и, напротив, в менее регламентированном, более свободном изложении основного содержания документов появляется немало отклонений от правильного употребления *ѣ*: взамен ожидаемого *ѣ*, в основном в безударных положениях, пишут букву *е*. Полагаем, в первых случаях, в регламентированных оборотах, заявляет о себе заученная орфография, или, точнее говоря, отдельные орфографические факты, а во вторых отражается явление фонетического порядка. Принадлежность тех и других написаний перу одного писца представляется нам особенно доказательной. Обезличенное изучение подобных фактов действительного значения их обычно не открывает. Рассматриваемые исключительно в рамках общего соотношения фонетики и орфографии, информационные возможности источника до конца не выявляются. Только детальное исследование употребления буквы *ѣ* и ее замен посредством *е*

дифференцированно по писцам позволило нам установить, как уже говорилось, что в прошлом в южновеликорусском наречии фонемы *ѣ* и *е* под ударением различались, а в безударных положениях первая совпадала со второй.

Отметим отдельные особенности старинной русской орфографии и графики, которые несколько снижают лингвистическую информационность источников.

Одну из таких особенностей составляют сокращенные написания слов [38]. Во многих случаях они ограничивают информацию о фонемном составе слова, о конкретных реализациях фонем, а иногда и о грамматической форме слова. По мере развития русской письменности от устава к полууставу и затем к скорописи количество сокращений постепенно увеличивалось. Поэтому уставные тексты, рассматриваемые с этой стороны, несколько более информационны, нежели полууставные и особенно скорописные. Среди скорописных сокращений заметно выделяются такие, которые приводят к изменению грамматического оформления слов. Выражается это в том, что в конечном открытом слоге, выносимом в верхнее междустрочие, гласная буква опускается. Без конечной гласной—флексии сокращение может выглядеть иною формой слова, если только сокращаемую форму не подсказывает контекст. Ср., к примеру, такие сокращения в контекстах и вне контекстов: (бил челом) ‹. . .› Василю Иванович (Иван Селиванович Коробы); (продал есми гсне) Ивану Селиванович (Коробьи) (Пам. Ряз. 9). В других случаях, в отличие от первых, также за счет конечной гласной флексия сокращается частично и, поскольку ее начало как «намек» на флексию в целом в слове остается, морфологическая информационность последнего сохраняется в прежнем объеме, в то время как фонетическая в результате сокращения конечной гласной (при ее возможной вариативности в безударном положении), естественно, снижается. Таковы сокращения конечной гласной во флексии род.-вин.

---

[38] Поскольку некоторые сокращения слов (бъ (бог), гсдрь (государь), дхъ (дух), дша (душа), кнзь (князь), снъ (сын) и др.) являлись регулярными, можно сказать, правописными, не находим основания для того, чтобы в любом сокращении видеть всего лишь графический прием (см.: *Седова О. Н.* Сокращенно написанные слова в древнерусском уставном письме конца XIII в. (на материале новгородского Евангелия 1270 г.) — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 77).

пад. ед. числа имен прилагательных и местоимений. Пам. Ряз.: солод*щ*щинь.ског (10), Ѡлговъскаг маностыр*и* (11), Зеленьскаг ѡзера (11), своег (11), резанског и м*ѯ*ромског (12), великог (12), всѧког (12), твоег (12), всег (12), своег (13), поличног (14), нашег (15), пречистаг (18), Федоровского села и Григорьевъског уѣзда (19), старог (24) и др.; МДБП: вашег (44), лазоревог (44), твоег (45), своег (45), моег (45), стари*нн*ог (46), москов*в*скаг (49), напрасног (50) и др.; Южн. отк.: диког (9), стоничног (19), никол*м*ског (31), ро*з*рытог (34), харо*м*ног (48), дровяног (48), бо*р*тног (48), че*р*наг (50) и др.

Как видим, в подобных сокращенных написаниях в качестве согласного элемента флексии приемлемо было только *г*. В аналогичных формах с флективным *в* (на *-ово* или *-ево*) сокращения не наблюдаем. Приведем примеры написаний с флективным *г* и флективным *в* в одних и тех же контекстах. Гр-ки: я твоево гсдря моево многолѣтног ѕдоро*в*я ‹. . .› слышать ра*д* (14), сверхъ гсдрь тог шлюс тово своево беглова крестья*нин*ца на ‹. . .› ро*з*спросныя ре*ч*и (125); МДБП: с*ѯ*кна аглинског зеленово (44), тог моег беглова стари*нн*ова чл*в*ка (46), на бѣглова своег стари*нн*ог чл*в*ка (46), тог своег беглова чл*в*ка изыма*л* (47), ѡт ево ‹. . .› нано*с*нова напрасног слова ло*ж*нова (50); твоег ‹. . .› поде*нн*ово ко*р*му (59); Южн. отк.: никол*м*скова попа ‹. . .› да троицкова собо*р*нова диякона ‹. . .› да стоничног атомана (19), церковный дьячок Ивашка Богданов писал: дикоѓ, но — дикова (10—11).

Во второй половине XVII в. применение описываемых сокращений, восходивших к эпохе Древней Руси [39], заметно идет на убыль и к началу XVIII в. сходит почти на нет.

Еще в уставном древнерусском письме при выносе в верхнее междустрочие конечного открытого слога опускали буквы ъ и ь, что было подготовлено утратой редуцированных в слабых положениях: вместо памѧть писали памѧт и т. д. В скорописи такой прием сокращения получил особое распространение и в известной мере сказывается на лингвистической информационности соответствующих источников: исторически сложившаяся возможность обозначения твердости согласного посредством буквы ъ и мягкости буквой ь в этих случаях исключается. След-

[39] См.: *Седова О. Н.* Указ. соч., с. 84.

ствием является отсутствие сведений о твердости или мягкости конечной фонемы в таких, например, редких случаях, как *занавес* и *занавес'* и т. п., а вместе с тем и о принадлежности образующих подобные противопоставления слов к мужскому или женскому роду, если только их родовую характеристику не подсказывают представленные в рукописи формы косвенных падежей. Также, скажем, и написание се*м*, означающее «семь», не позволяет установить, что звучало в говоре писца — сем' или сем, а написание нивиц (Пам. Ряз. 19) еще не говорит о твердости *ц*, ср. нивиць (там же).

Заметно обедняет информационность источника отсутствие сведений о твердости или мягкости фонем во флексиях некоторых грамматических форм. Так, известные по современным данным южновеликорусские глагольные формы 3 л. ед. и мн. числа на *т'* затруднительно документировать соответственными фактами из южновеликорусских скорописных материалов XVII в., потому что *т* выносится вверх, а ь за ним опускается. Примеры из Южн. отк.: сидя*т* (11), стои*т* (12), стоя*т* (12), тяне*т* (13), живе*т* (14), живу*т* (14), паше*т* (15), коси*т* (15), сече*т* (15), пашу*т* (17), косе*т* (17), лѣжи*т* (17), ѣзди*т* (26), еди*т* (34), тене*т* (36), ходи*т* (44), платя*т* (44) и т. д. А в тех довольно редких случаях, когда рассматриваемые глагольные формы писались без выноса буквы *т* и сокращения следующей, документировать мягкость *т* мешает весьма распространенная в XVII в. графическая недифференцированность скорописных ъ и ь. Ср. в более раннем тексте, датированном 1483—1501 гг.: зоветь ‹. . .› призове*т* (Пам. Ряз. 10). Напрашивается вывод: историческое документирование названных южновеликорусских форм, по-видимому, не может обойтись без обращения к более ранней (второй половины XVI в.), в графическом отношении менее сбивчивой, южновеликорусской деловой письменности. Необходимы также разыскания бесспорно южновеликорусских материалов XVII в. с более дифференцированной скорописной графикой. В этих группах источников, полагаем, более вероятны, нежели в обычной, ходовой скорописи XVII в., полные написания данных форм.

Как известно, в русском языке старые формы инфинитива на *-ти* в течение нескольких веков, утрачивая в безударном положении *и*, сменялись новыми на *-т'* (в полном написании *-ть*). Иногда, употребляя старые формы, писцы

выносили суффикс вверх, а букву *и* опускали: ср. дава*ти* и дава*т* (Пам. Ряз. 29), коси*ти* и коси*т* (Южн. отк. 145). С выносным *т* аналогичный вид приобретали и новые формы. По этой причине процесс замены старых форм новыми не получал достаточно ясного отражения в рамках старинной письменности, в особенности в скорописи. В установлении его хронологии применительно к разным областям России предпочтительнее опираться на такие написания форм инфинитива, в которых суффикс не выносной: привесть (Пам. Ряз. 41), снимать (Моск. 307), не велѣть, ср. не велѣ*т* (МДБП, 247).

В скорописной передаче возвратные глаголы претерпевали обычное сокращение — в возвратной частице после гласных *с* выступало как выносное, а конечный ъ опускался. Пам. Ряз.: съсылати*с* (12), въстѫпати*с* (12), вст҃плю*с* (30), бити*с* (36), послали*с* (37), шлѣте*с* (37), сошла*с* (38), постричи*с* (41), и др.; В-К I: берег҃*с* (21), побили*с* (22), ѕдали*с* (23), воротили*с* (23), ҃чинило*с* (23), гонялo*с* (25), ѡб҃явило*с* (26), розѣхали*с* (26) и др.; Моск.: ѕагорѣла*с* (290), почало*с* (294), почело*с* (298), пронесла*с* (309). Поэтому происшедшее в ряде говоров отвердение названного *с* остается датировать, с одной стороны, по редким его написаниям с ъ, с другой — косвенным образом по тому, как в малограмотных почерках передается частица с конечной гласной, скажем, в виде *-са*. Всегда необходимо принимать во внимание, что одни и те же написания, в зависимости от писцовой культуры лиц, которые их оставили, могут быть информационными в разных отношениях. Возьмем написания вроде *битися*, *розлилоса* и т. п. В малограмотном письме и *я* и ѧ, которые следуют за буквой *с*, скорее всего, свидетельствуют о мягком произношении предшествующей фонемы, а в искусном могут и не свидетельствовать, если вызваны равнением на орфографию вне зависимости от говора писца, который в данном случае произносил твердое *с*.

От сокращений конечных ъ и ь перейдем к сокращениям этих букв в других положениях в слове. Когда предшествующие им согласные выносились в верхнее междустрочие, они неизменно сокращались. Отклонения от этого были редки. Сокращение ъ не влекло за собой более или менее осязательных изменений в информационности, а вследствие сокращения ь в передаче предшествующей согласной выпадал признак мягкости. Если говорить о ши-

пящих и *ц*, которые постепенно отвердевали, то выяснить, как они отразились в том или ином скорописном тексте, в качестве мягких или твердых, в подобных условиях невозможно.

Совпадение в начертании отдельных букв, таких, например, как *в* и *д*, *ш* и *щ*, *е* и *и*, *ъ* и *ѣ*, выносных *л* и *н*, также несколько снижает информационность скорописных источников, особенно XVII в.

Осведомленность и в правописном узусе и в графическом строе рукописных текстов уставного, полууставного и скорописного характера является совершенно необходимой при исследовании истории языка по таким изданиям памятников, которые были подготовлены без расчета на лингвистическое изучение. Знание правописания и графики рукописей позволяет правильно решить, исследованию какой лингвистической содержательности — фонетической, грамматической или лексической — и в какой именно степени отвечает то или иное издание. Анализ изданий в этом плане предполагает выяснение того, что из материи языка не могло получить в них отражения и что, неизвестное рукописным оригиналам, привнесено в них публикаторами. Все издания подобного рода характеризует такое привнесение, как современная пунктуация. Древнерусскую она ничем не напоминает, а в сравнении с поздней скорописной не может быть поставлена, так как в поздних скорописных текстах, во всяком случае в деловой письменности XVI—XVII вв., пунктуация практически едва ли не отсутствовала. Таковы, например, рукописные материалы, представленные в лингвистических изданиях грамоток, московской деловой и бытовой письменности, вестей-курантов и отказных книг. Современная пунктуация опирается на современные синтаксические отношения, а получившие отражение в старинных рукописях синтаксические отношения были иными. Поэтому привнесение современной пунктуации в издания старинных рукописных текстов служит их современной интерпретации, а не выявлению отложившихся в них былых синтаксических отношений. Лингвист, не знакомый с рукописным наследием, невольно ориентируясь на эту пунктуацию, воспринимает представленные в публикуемом источнике те или иные синтаксические отношения в несколько осовремененном виде. Вот почему, нам кажется, разработка исторического синтаксиса особенно

нуждается в повороте к непосредственному изучению старинных рукописей.

Хотя в последние два десятилетия и появились приметы заинтересованности отдельных историков языка в изучении поздних скорописных текстов [40], до основательного введения их в лингвистические исследования еще очень далеко. Пока историки языка, за самыми редкими исключениями, не владеют чтением скорописи, разыскания, построенные на материалах этого рода письменности, — явления просто редкостные. Особенно сказывается незнание скорописи на исследованиях по истории русского языка в периферийных высших учебных заведениях. Дело в том, что древние уставные и полууставные рукописи, чтение которых не затруднительно, собраны главным образом в центральных архивохранилищах, а периферийные архивы, за малыми изъятиями, располагают только скорописными текстами XVI—XVIII вв. Таким образом, последние остаются не исследованными. Между тем их исследование во многих случаях оказывается и более содержательным и более результативным, нежели исследования, основанные на упрощенных изданиях памятников, к которым (изданиям), вследствие незнакомства с богатыми рукописными фондами, вынуждены прибегать лингвисты.

Словом, дальнейшее плодотворное развитие истории русского языка во многом зависит от приобщения ученых к огромному рукописному наследию, притом не только к уставному и полууставному, но также и скорописному.

Сложившееся в прошлом в русской науке изучение церковнославянских текстов в настоящее время не обнаруживает более или менее достаточного развития, особенно если говорить об исследовании данных текстов непосредственно по рукописям [41]. Вполне объяснимое условиями первых двух десятилетий революционной эпохи, ныне такое положение не может быть признано правомерным, потому что значительно ограничивает возможности познания древне-

---

[40] В появлении заинтересованности известную роль сыграли осуществленные в эти годы лингвистические издания скорописных текстов XVI—XVIII вв.

[41] Из монографических работ, в основе которых лежит изучение древних церковнославянских рукописей, можно назвать такие: *Марков В. М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964; *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

русского языка, представленного в сложном взаимодействии со старославянскою традицией в основном подобными текстами. Самое тщательное изучение по ним восточнославянского лингвистического материала (а плодотворность такого изучения бесспорна [42]) остается первостепенной задачей науки о русском языке. Необходимо существенное продвижение в монографических исследованиях древних текстов, в исследованиях такого плана, которые можно было бы связать не просто с церковнославянской стихией, а, вслед за В. В. Виноградовым, с несколько более широкой, именуемой книжно-славянской. «В настоящее время, — справедливо писал В. В. Виноградов, — проблема исторических взаимодействий и соотношений народно-русской и старославянской, а также и позднейшей церковнославянской (или, вернее, книжно-славянской) стихий в русском литературном языке на протяжении всей его истории и во всех сторонах его строя и состава не может считаться всесторонне и равномерно освещенной. Даже древнерусские письменные памятники XI—XII вв., такие, например, как Святославов изборник 1076 г., летописные списки, жития Бориса и Глеба, как сохранившиеся, правда, в поздних списках произведения проповеднической поучительной литературы (сочинения митрополита Илариона, Климента Смолятича, Кирилла Туровского и др.), Киево-Печерский патерик, древнейшие тексты переводных повестей и др. под., с историко-лингвистической точки зрения почти не исследованы» [43].

Столь же важной задачей является глубокое изучение других источников, относительно языка которых Ф. П. Филин вполне обоснованно говорит следующее: «Для всех очевидно, что язык «Русской Правды», «Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю» после 1192 г., «Договора великого князя Александра Ярославича Невского и новгородцев с немецкими послами» (написанного между 1257 и 1263 гг.), «Договора смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом» 1129 г. и многих других документов деловой письменности XI—XIV вв. не тот, что язык канонических и иных богослужебных книг.

---

[42] Об этом свидетельствует, например, исследование многочисленных списков евангелия (*Жуковская Л. П.* Указ. соч.).

[43] *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. 20.

В основе языка деловой письменности лежит народная древнерусская речь, церковнославянизмы в нем встречаются спорадически, прежде всего в формулах зачина и других торжественных местах» [44].

Означенные категории письменных источников нуждаются в обстоятельном изучении со стороны лингвистической содержательности и лингвистической информационности. Пока в трудах по истории языка, даже там, где сообщают об источниках, источниковедческий аспект проступает очень слабо, а то и вовсе отсутствует. В лучшем случае в исследовании находим только список источников, предназначенный для раскрытия их сокращенных обозначений. Список этот по большей части является довольно стандартным и не выходит за пределы общеизвестных изданий памятников. Места хранения памятников указываются не часто, в редких случаях приводятся номера или названия фондов, не говоря уже о номерах описей и единиц хранения. Иногда наименование изданий памятников включаются в один список вместе с названиями рукописей: настолько недифференцированно воспринимают составители списков эти не сводимые к одному знаменателю виды источников. В сокращенной передаче наименований источников, особенно в обозначениях публикаций, наблюдается значительный разнобой [45]. Если работы предваряются более распространенными, нежели списки, обзорами письменных источников, то они, как правило, бывают элементарно археографическими, лингвистическая специфика источников освещения не получает. В обзорах не раскрывается содержание источников, их тематическое наполнение; не отмечается принадлежность их к определенному жанру письменности, а в тех случаях, когда это оказывается возможным, и приуроченность их к определенной территории. Никогда не указывают писцов, хотя бы они и назывались в текстах.

Отсутствие в обзорах этих сведений — не всегда непохвальная дань традиции, иногда — и следствие поверхно-

---

[44] *Филин Ф. П.* Об истоках русского литературного языка. — Вопросы языкознания, 1974, № 3, с. 5.

[45] Поэтому в публикациях старинных текстов, осуществляемых Институтом русского языка АН СССР, по нашему предложению, стали печатать сокращенные обозначения публикаций. К ним рекомендуется прибегать при цитировании текстов и ссылках на издания.

стного знакомства с рукописными материалами. Рукописные источники заслуживают более вдумчивого отношения. Необходимо глубокое проникновение в их лингвистические и информационные свойства. Без этого и совершенные методы исследования не могут дать надежной картины исторического развития языка. Знание предопределяемой содержанием источников лингвистической содержательности последних обеспечивает их оптимальный подбор для исследования в намеченном направлении. Знание лингвистической информационности источников обеспечивает объективность их показаний. Осведомленность в том и другом аспекте предостерегает русистов от серьезных ошибок.

Ошибки нередко вытекают из формально-логической оценки источников. Так, деловое содержание и локальное происхождение многих рукописей как будто позволяет полагать, что в них непременно должны наличествовать лексические диалектизмы. Однако рассмотрение таких источников со стороны их конкретного содержания и обусловленной им лингвистической содержательности убедительно показывает: вероятность употребления в них слов диалектного характера более или менее ограниченна. Отдельные группы диалектных слов, вроде элементов детской речи, детальных обозначений состояний погоды, наименований растений и животных, не имевших хозяйственного значения, названий малоупотребительных второстепенных предметов домашнего обихода, и некоторые другие слова в них вовсе не могут быть представлены. Самый характер данных текстов, их назначение и лапидарность исключает отображение в них таких житейских ситуаций, в которых могли бы прозвучать подобного рода диалектизмы. Только самое близкое знакомство с текстами данной категории дает возможность понять, почему определенные лексические диалектизмы, известные нам из говоров, с которыми исторически связаны тексты, и заведомо бывшие в употреблении в прошлом, не получают в них отражения.

Исходя из формально-логических соображений, в старинных южновеликорусских текстах, только на том основании, что они южновеликорусские, мы вправе были бы ожидать отражения известного и ныне в южновеликорусской области смягчения заднеязычных согласных в положении после мягких, наподобие *Ванькя*, *речкя* и пр. В действительности этого недостаточно, потому что лексико-морфологические условия многих таких рукописей дело-

вого содержания исключают возможность проявления данной фонетической особенности. Документировать смягчение заднеязычных после мягких, кроме *ч*, в прошлом в южновеликорусских говорах можно лишь по таким произведениям южновеликорусской письменности, которые отличает обильное употребление личных собственных имен в уменьшительной форме, вроде *Васькя*, *Ларькя*, *Аниськя* и т. п., поскольку однотипные уменьшительные образования из категории имен нарицательных в этих южновеликорусских источниках обыкновенно не находят применения. Документировать рассматриваемое смягчение заднеязычных после *ч* еще сложнее, так как в личных собственных именах соответственных фонетических условий для его проявления нет, а в категории нарицательных его отражение вероятно всего лишь в нескольких словах (*речкя*, *ручкя* и под.), из которых памятникам делового содержания, и то лишь единичным (отказным книгам, например) знакомо только первое слово, а появление его диалектных написаний (*речкя* или *речкю*) замыкается в двух падежных формах.

Иногда приходится наблюдать, как по чисто формальному признаку — отнесенности рукописного источника к тому или иному городу — его показания привлекают при изучении местных говоров, их фонетики и морфологии, хотя указанный источник (например, писцовая книга) и был написан не местным писцом, а присланным из Москвы. А сколько ошибочных заключений о былой географии отдельных слов, фонетических и грамматических явлений, их первых фиксациях в памятниках рассеяно в статьях и диссертациях, авторы которых, ограничившись изучением печатных материалов, не обратились к необходимым рукописям или воспользовались ими недостаточно основательно, так сказать, мимоходом.

О ПАМЯТНИКАХ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

В заметке «Редкое выражение русской разговорной речи XVII века» Б. О. Унбегаун, касаясь исследований синтаксиса древнерусского разговорного языка, пишет: «Уже само изучение разговорного языка по письменным памятникам, — а иными источниками мы, увы, не располагаем, — является парадоксом» и далее утверждает: «. . . даже тексты, казалось бы, наиболее близкие к строю разговорной речи, написанные на так называемом деловом языке, все же значительно отклоняются от этого строя, следуя правилам выработанной письменной традиции, особенно в XVII в.». «Поэтому, — замечает он попутно, — несколько странно звучит заглавие недавно вышедшего издания писем XVII в.: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова). Издание подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965» [1]. Указывая, что тексты делового содержания «являются сугубо утилитарными, далекими от разговорной стихии языка», исследователь вместе с тем напоминает: «даже частная переписка и та подчиняется условностям традиции, отклоняясь от непосредственности устного разговора, каким она в сущности могла бы быть» [2].

Хотя уже сам условный характер письма древнерусских памятников, как и любого обыкновенного, общепринятого письма, предопределяет некоторые отклонения от звуковой, а в известной мере и грамматической непосредственности, однако это вовсе не означает, что в основной своей конкретной данности фонетика и грамматика разговорной стихии в нем не реализуется, если не вступает в действие влияние таких лингвистических факторов, которые

---

[1] См.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 273.

[2] Там же.

заведомо лежат за пределами разговорности. Следовательно, основное затруднение заключается не в том, что разговорную стихию прошлого приходится изучать по письменным памятникам (это историческая неизбежность), а в том, что определенный уровень разработки истории русского языка, и в частности письменных источников, далеко еще не всегда обеспечивает уверенное различение отложившихся в памятниках литературно-книжной и разговорной стихии, а следовательно, и самих памятников по преобладанию в них той или другой из этих стихий.

Не случайно и автор упомянутой заметки без достаточных на то оснований из обширного круга различных текстов старинной деловой письменности избирает как включающие элементы разговорной речи только так называемые явки, «происходящие почти исключительно из северных, бывших новгородских, земель и сохранившиеся в архивах Устюжской и Холмогорской епархий» и определяемые как «заявление о преступных действиях, направленных против автора явки, вместе с просьбой о защите и помощи» [3].

Несколько слов относительно того, что материалы деловой письменности, как «сугубо утилитарные», далеки от разговорной стихии. Напротив, их практическая направленность может как раз благоприятствовать проявлению в них этой стихии. Все дело в том, каков характер их утилитарности, какая сфера человеческого бытия и в каком именно виде получает в них отражение. Скажем, и царская грамота, и грамотка, адресованная родственнику, по-своему утилитарны, но первая, естественно, облечена в особую, официальную форму, далекую от разговорной, а грамотка, помимо зачина и концовки, порою не свободных от фразеологии, навеянной церковной книжностью, в значительной степени разговорна, поскольку обслуживает сферу неофициального, интимного общения.

Вот, к примеру, грамотка сугубо утилитарного свойства:

Гсдрю Андрѣю Иличю холоп твои Истратка Микитин да | старостишко Харлашко Борисовъ челомъ бьют | писал ты гсдрь ко мне холопу своему велелъ | прислать лен и поскон что осталос за роздачею | 8 оброков и 8 нас гсдрь лен не родился нет ни горсти | а поскони толко

[3] Там же.

десет десятков да ты же гсдрь ко | мне холопу своему пишеш велишь кормить | мелкою скотину хвостьемъ и х меня холопа | твоего хвостья нет по ка места молотили | хлеб по та места и хвотья (*так*!) было пожалуи гсдрь | изволь прислать льну на сети (Пам. 73).

Мы не видим в грамотке ни одного слова, во вседневном, обиходном употреблении которого в то время в среде простого люда можно было бы сомневаться. Все, обозначаемое подобной лексикой, — предметы, явления и отношения — составляло тот обыденный мир простого русского человека, в условиях которого как раз и пользовались разговорной речью. Характерно в этом отношении и выражение *лен не родился*. А такие образования, как *посконь*, *горсть* в значении «мера льна» и, кроме того, *ухвостье* обличают в писавших грамотку носителей диалекта [4]. Географическая дифференциация, с одной стороны, слова *посконь*, а с другой — *замашки* применительно к XVII в. установлена нами, например, для южновеликорусской области [5]. Принадлежность слова *горсть*, применяемого в указанном значении, к словам не общего употребления отмечалась неоднократно. О диалектном характере слова *ухвостье* говорит наличие дублетов *озадки* и *ухоботье* в других русских говорах.

Уже в приведенном заурядном тексте, небольшом и относительно «однотонном», определенно проступает народно-разговорная речь в ее лексических элементах. Нет оснований определять как далекий от разговорного, как свойственный, скажем, литературно-книжному или приказному языку и синтаксис этой грамотки.

С точки зрения отражения на письме народно-разговорной стихии подобной общей характеристике отвечают и многие другие тексты той же категории, вошедшие в публикацию, упомянутую Б. О. Унбегауном. Не выпадает из этого круга текстов, например, пространная грамотка, которую послал своему брату Ф. И. Безобразов. За вычетом единичных выражений («приставили к тебѣ», «искали владенья», «земли іщут», «межа писцовая», «прямои. . .

---

[4] О нетвердости их правописания и отсутствии книжной выучки, что безусловно благоприятствовало проявлению в письме «разговорности», свидетельствует, между прочим, отказ от употребления буквы ѣ: *хлеб* (вм. *хлѣб*), сети (вм. *сѣти*) и т. д.

[5] См.: *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 28.

выписи», «велел ему тебя во всем дакладовать»), ее лексическое и фразеологическое наполнение не обнаруживает характерных примет приказного языка, как не обнаруживает явных примет и литературно-книжного языка (кроме, разве, пожелания «пребывати во всяких радостях» и выражений «добра желател» и «чести твоеи аберегаетъ»). А отражение в ней фонетических явлений свидетельствует о близости написанного к устной народной речи.

Вот текст грамотки:

Батка и братецъ Андреи Ильич здравствуи гсдрь на многие лета і пре|бываи во всяких радостях с невѣстъкою с Агаѳьею Василевною і с теми кто | тебѣ гсдрю всякова добра желател и чести твоеи аберегаетъ

Писал ты гсдрь ко мне что Иван да Степан Ловчиковы приставили к те|бѣ і не сходя суда (так!) искали владенья сорока семи четвертеи с осминою | и про то гсдрь мне ведома и то гсдрь дела у нас обчея толка | гсдрь какои они земли ісшут у нас их земли нет с нашею дрвнею Дешкиною | и ныне межа писцовая съ их дрвнею Дешкиною толка гсдрь по тои | меже ныне проложена болшая дарога и от реки от Оки каторыя были | грани на деревях те все высечаны толка один столбъ у дароги | стоит а от тово столба межою да телчанскои межи надобна была два | столба да две ямы и те столбы выволилис а ямы заплыли а прямои | гсдрь выписи нету и ты извол гсдрь выпис прислат а я нарошна | велел чюбаровского своего крстьянина прислат кои час приедит члвченка | мои что с Ловчиковыми з дрвнею Дежкиною писцовою межою да без нея ж | и не даходя Оки межа цела толка гсдрь столбы вывалилис все|во два столба стоит да две ямы и они не о своем уме на нас | земли ишут у нас промеж их дрвни Дешкинои і нашеи дрвни Тел|чеи межа писцовая а кои час гсдрь пут падет и я тот час буду к Москве и мне на них бит челом с тобою вместе что у нас | их земли нет і не бывала а их земля от наших земел отмежована и кре|стьяне гсдрь наши владеют по писцовым книгам и по писцоваи | меже как батюшка и дядя при прежних памещиков владели | а что ты гсдрь изволил ко мне писат что дарога из Болхова і ва Мценескъ | ездят и по иным по тои дароге гсдрь Ловчиковы крстьяне не ездят а другая | дорога что на их дрвню была и я по твоему писму велел вспахат и надолбы | от их земли зделат чтоб их скотина на нашу землю не ходила и в лес | в наш бы их не пустат

и то гсдрь зделано во все лето ногою не бы|ли а иных дарок нет по нашеи земли и своим крстьяном заказал | против твоего писма да пишеш гсдрь чтоб мне не зажи|ватца в древне естьли бы братецъ не нужа меня несла | для орловскои древни для межаваня кто бы меня с Москвы нес | еи гсдрь за писцом за Полуехтом Шамординым посылаючи лошадеи | и людеи помарил а я гсдрь с людми с твоими по меже ездил | и землю их смечали и у них надобна в дачах на петдесят четвертеи | старые дачи да внов сорок сем чети вь их жа дачех за писцовою ме|жою и они без ума на нас исщут мошна и на землю что у них в дачех и я | у них землю смечю всю і к тебѣ отпишу что у них всеи земли | да пишеш ты гсдрь ко мне что будут писцы в Канкова и в Гаврикова | и на Каменку межават а меня на Москве нет и тебѣ бутто без | меня делат нечава и Яков Стрешнев нарежаетца бит челом и Яко|ву гсдрь с коими глазы бит челом брат ево Яковлев Григореи бил | челом на батюшка и на дядю об межаване и по ево челобитю || Семен Хлопов и межавал и про то тебѣ гсдрю ведома сам ты тут | был и как что делал все при тебѣ а я в те поры был под Быховом и Якову | как бит челом а гсдрвъ указ старои и новаи не токмо что ме|жавоя дело будет по записям или по каким крепостям у пре|жних помещиков или у вотчинников зделки былі так им и быть | будет Яков станет на нас бит челом и ты изволь на нево бит челом | гсдрвымъ указом и мое именишка вели написат а что | гсдрь пишеш мне самому быт не на чамъ а древенские выпи|си с писцовых кних у тебя гсдрь древни Канковаи выпис с ме|жавых кних Семена Хлопова у тебя гсдрь а хотя братец | я и на Москве был и мне без твоево веленя как делать | как тебя гсдрь богъ на разум наставит так и делаи во всем | ты волен послал к тебѣ гсдрю нарошна члвченка своего Силку | и велел ему тебя во всем докладоват что ты гсдрь изволиш | и ты гсдрь за тем делам прикажи члвку своему ходит а будет что | лучитца кормъ или что дат и ты гсдрь прикожи члвченку | моем8 да писал ты гсдрь ко мне что мои члвкъ Митка Даниловъ | с поваренным малам украл полсажени дров и я как буду на Москве і про | то гсдрь розыщу мне гсдрь такая дурость не надоб|на по том тебе гсдрю своему і нѣвестъке Агаѳье Васил|евнои братишка твои Ѳетка челомъ бьетъ

В белевскои своеи древни | Телчеи октября въ КГ де | жкивъ (Пам. 43—44).

Промелькнувшее в тексте *токмо* — не обязательно из церковных книг: для многих русских говоров, по данным старых словарей и современных наблюдателей, образования *то́кмо* или *токма́* вполне обыкновенны, почему и попадают в художественные произведения в качестве народных, например: «[Акулина:] Не токмо пшена, — хлебушка нет» (Эртель, Гарденины); «Афанасий Яклич выразил большое неудовольствие, когда Гараська взял столичного человека. — Я бы эдакую погань не токма почевать, на версту не подпустил к деревне! — сказал он с необыкновенным видом презрения прямо в лицо столичному человеку» (Эртель, Гарденины).

Особенно яркие приметы народно-разговорной стихии находим в таких, например, выражениях: «ко*и* час гсдрь пу*т* паде*т* и я то*т* час буду к Москве»; «*д*ругая дорога что на и*х* дрвню была и я. . . вел*ел* вспаха*т*. . . что*б* и*х* скотина на нашу зе*м*лю не ходила. . . и то гсдрь зделано во *в*се лето ногою не были»; «пише*ш* гсдрь что*б* мне не заживат*ц*а в дрвне»; «естьли бы братецъ не нужа меня несла. . . кто бы меня с Москвы нес»; «Яко*в* Стрешнев нарежае*т*ца би*т* челом и Якову гсдрь с коими глазы би*т* челом». В оборотах вроде «пу*т* паде*т*» и «во *в*се лето ногою не были» или «не заживат*ц*а в дрвне» и «естьли бы. . . не нужа меня несла. . . кто бы меня с Москвы нес», и, помимо того, «Якову. . . с коими глазы би*т* челом», легко улавливаем слог, характерный для устного рассказа.

О том, что писавший грамотку был обычным сельским грамотеем, в значительной степени свободным от орфографической традиции и, значит, в письме во многом следовавший живой народной речи, говорят его весьма нередкие отклонения от орфографии, с едва ли не полным отрешением от правописания буквы *ѣ*.

И приведенные грамотки и многие другие, вошедшие в цитируемое издание, по содержанию являются деловыми, и тем не менее отождествление их со всеми иными деловыми текстами явно неправомерно. Грамотки обслуживали неофициальное, порою семейное общение и не имели юридического значения, почему определенно выпадали из приказной, официальной письменности, сферы приказного языка. К сожалению, безоговорочное отнесение материалов частной переписки к неизмеримо более стандартной и функционально иной официальной письменности в науке еще не преодолено. Обыкновенно не делают различия не

только между грамотками и частно-правовыми актами — меновными, раздельными, духовными т. п. — но и между грамотками и актами государственными. Так, например, читаем: «Рядом с описанным здесь литературным стилем письменного языка Московская Русь знала и другой его стиль — деловой. Этот стиль речи принято называть приказным языком, так как наиболее типичные его образцы находятся в приказном делопроизводстве XVI—XVII вв. Это, следовательно, язык канцелярских бумаг, юридических актов, хозяйственных записей, официальной и частной переписки, то есть таких явлений письменности, в которых нет стремления к литературности изложения» [6]. Поскольку ранее у автора говорилось о произведениях с определенными художественными достоинствами, литературность так или иначе в приведенном здесь высказывании сводится к художественности, а между тем «понятие „литературности" речи необходимо отличать от понятия ее „художественности"» [7].

Трудно согласиться с представлением, что в XVII в. русский литературный язык существовал всего лишь как язык художественной литературы и не было общего литературного языка, в основе своей русского, на базе которого (и церковнославянского) в то время только и мог развиваться язык художественной литературы. Связывать его развитие с одним лишь церковнославянским по меньшей мере спорно. Предположение, что в русском обществе в течение полутысячелетия, в том числе и в деловом общении, литературные функции выполнялись исключительно старославянским — церковнославянским языком, не согласуется в данными старой письменности. Существенные литературные функции выполнял и так называемый язык московских приказов. Отказывать этому языку в какой бы то ни было литературности едва ли есть основания, особенно если принимать во внимание, что в название «приказный язык» вкладывают самое разнообразное содержание.

В самом деле: разве язык того же Уложения не несет на себе печать определенной кодификации (имеем в виду литературную, а не юридическую), которая прежде всего

---

[6] *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 64.

[7] *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. 69.

и обусловливает литературность? Не случайно и Г. О. Винокур обнаруживает в этом «памятнике приказного языка» «некоторый налет книжности». Присутствие последней правомерно объясняется естественной необходимостью в литературной обработке документа большого государственного значения. Едва ли возможно полагать, что существовавшее в ту пору на Руси представление о литературности не было принято во внимание составителями основного закона государства. А по мнению Г. О. Винокура, наличие в нем налета книжности «имеет специальное объяснение в особых условиях его появления (каких именно условиях, об этом не говорится. — *С. К.*) и, в частности, в том, что ему была придана типографская печатная форма» [8].

Придание Уложению печатной формы в какой-то степени, понятно, содействовало его кодификации, но лишь в отношении графики, орфографии и пунктуации и не имело существенного значения для его литературности. Ср. замечание П. Я. Черных о работе справщиков Печатного двора: «Они не имели возможности (если бы даже к этому стремились) произвести какие-нибудь существенные изменения в тексте печатного Уложения сравнительно с рукописным оригиналом, потому что за этим следил Одоевский и дьяки, но они были полными хозяевами этой книги в других отношениях, в частности, например, в области графики, орфографии и пунктуации. . .» [9]

Возьмем не попадавшие в печатный станок Вести-Куранты XVII в. И они являют собой образцы хотя и не специфически художественного, тем не менее литературного изложения. Стремление «курантельщиков» Посольского приказа — русских переводчиков зарубежных вестей — к определенной литературности проявляется и в композиции материала, и в исправлениях, порой многочисленных, рассеянных в черновых записях, причем не только фактического, но и стилистического свойства. То же стремление к литературности прослеживаем и в отчетах русских послов, или так называемых статейных списках, которые Д. С. Лихачев с достаточным основанием характеризует как памятники литературы [10]. Уже самый характер таких текстов,

---

[8] *Винокур Г. О.* Указ. соч., с. 66.

[9] *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953, с. 73.

[10] См.: *Лихачев Д. С.* Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954.

как Уложение (государственный кодекс), Вести-Куранты и Статейные списки (ответственная международная информация), в значительной мере предопределял необходимость их литературной обработки, тем более что в приказной практике сложились для этого благоприятные условия. «В Московских приказах, — справедливо писал Б. А. Ларин, — . . . с XV—XVI вв., по мере усиления централизации административной системы создается единство административной терминологии и фразеологии, единство основных норм языка деловой письменности» [11].

Но если тексту Уложения, Вестям-Курантам и Статейным спискам нельзя отказать в литературности (не касаясь обстоятельств иного рода — хотя бы просто потому, что они выходили из-под пера людей по тем временам образованных), говорить о стремлении к литературности писца какой-нибудь грамотки в лице, например, деревенского старосты или барского приказчика, а также сельского нецерковного дьячка или, скажем, в более высоком кругу, супруги, пишущей к мужу, было бы по меньшей мере опрометчиво. Особенно показательны в этом смысле не свободные порой от элементов фольклора грамотки «семейные», грамотки интимного свойства. Только в зачинах и концовках этих, как и прочих, грамоток встречаем слова и выражения, навеянные церковной книжностью. Вот несколько примеров: *г*сдрю моем8 і др8г8 се*р*дешно*му* Іван8 Семеновичю жени*ш*ка твоя Дашка | премного чело (*так*!) бье*т* здра*в*ствуи друг мои Іванъ Семеновичь на мно|жество лѣ*т* в мл*с*ти бжии а ко мнѣ др8*г* изво*л* писа*т* о своемъ многолѣ*т*|номъ здоро*в*е чего я о твоемъ блгоздравиі по *в*ся чсы слышати | со усе*р*диемъ желаю; подаи годь (*так*!) богъ | тебе г*с*дрю моем8 многалетна здраствовать на | многие впреть ид8щия леты; за семъ писаниемъ ми*р* и тебя благословения; на многие нище*т*ные | лѣта желаи к себѣ вашего премногогѡ | мл*с*рдие Івашка Губинъ ра*б*ски і s женою | и з детми со усе*р*диемъ премного с радо|стию чело*м* бьемъ (Ист. 65, 74, 128, 152). Примеры эти еще не указывают на осознанное стремление к литературности, а знаменуют лишь усвоение писцами, так

---

[11] *Ларин Б. А.* Разговорный язык Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 29.

сказать, в готовом виде исторически сложившихся формул эпистолярного этикета.

А вот каков основной текст той «семейной» грамотки (приводимой вследствие повреждений с незначительными купюрами), которую послала Ивану Семеновичу его «женишка Дашка»:

‹. . .› а Парашенка у меня девочка ізрядная даи гсди те|бе]. . . | і как станем тебя кликат і она так же кличет і нам всево дороже. . . | прошу у тебя друг мои Іванъ Семеновичь млсти гда ра[ди] . . . | мои не пѣчался во всемъ уповаи на млсть бжию і пожалѣи мѣ[ня] | і детокъ своих а у нас толко і радости что ты друг мои бга ради | не пѣчался

А чаят Петров днь кончая. . . | Мартьянъ с Воронежа приѣхал а с Воронежа с ним | . . . ко Кузма Титов в Козловѣ у строгового дѣла | [н]е бывал а бꙋдет де он ис Козлова на Воронеж на Троицу | . . .даны бꙋдары которыя на Воронеже Семену Грибое[до]|вꙋ а естли Кузмы Титова ждат ѕ запасом на Воронеже ж. . . | будет долго а которыя бꙋдары на Воронеже есть іс под Азова | взогнаты і те все на сухом берегу худы и гнилы і по се число | не чинены а в грамоте великаго гсдря какова послана іс Пꙋ|-шкарскаго приказу на Воронеж Кузме Титову о бꙋдарах напи|сано велено дат боярину кнзю Алеѯѣю Петровичю Прозоровскому | будара а нам бꙋдара з дьяками іс тех которыя вѕогнаты | ис под Азова вверхъ Доном на Воронеж болшаго полку боярина | і воеводы Алеѯѣя Семеновича Шеина і боярина кнзя | Алеѯѣя Петровича члвкъ ево Семенъ Куров і Лазоревъ | грамоту великаго гсдря Семену Грибоедову подали і онъ ука|зал на старыя бꙋдары которыя на сухом берегу не починены | и згнили і о гребцах грамоты великаго гсдря подали ж Семену Гри|боедову і онъ сказал у мѣня скат грѣбцов нет гребите і сами | і Лазорев вкупился в бꙋдару у донских казаков і со всем в бꙋдарꙋ | угрузалис а дано вкупꙋ И ру их гребцы і кормщик а хотя б бꙋдары | і дали старыя і гнилыя і в тех бꙋдарах ѣхат опасно і на починку б | днгъ много надобно а гребцов бы нанят же а чаят с Воронежа вскоре | а что прислана грамотка июня в И де а в Азовѣ писана маия К г числа | и писано немного і мне о том гараздо печелно все ли ты друг мои | в добром ѕдорове і смирно ли у вас і нет ли каких подходов от непри|ятелеи і ты друг мои о томъ ко мнѣ никогда не отпишеш . . . | ꙋ вас дѣлаетца

а горенка і sадния сени гараздо хѳды ннешнее | лѣто одва простоит ли а естли повалятца сад вес переломаетъ ‖ а в горенку нне і девки не ходят і ходит дтям по сенямъ опасно | а прошлаго году починивали присылан былъ съ Юрева Ванка Деме|ньтьев і нне вся горенка і с сенми отошла от полаты і поклонилас | вся на сад а какъ горенка і сени обвалятца сад вес переломает | да пожалуи другъ мои сердешнои Іванъ Семеновичь не печался | побереги своего sдоровя умилис надо мною над такою бед|ною безродною і над детми а я безродная і безпомошная по|жалеи своего sдоровя да пиши другъ мои х Катюшке | грамотки ѳставомъ хотя неболшее да послала я к тебѣ | другъ мои связочку извол носит на здорове і связыват головушку | а я тое связочку целои днь носила і к тебѣ другъ мои пос|лала извол носит на здорове а я еи еи в добромъ sдорове а кото|рыя у тебя другъ мои есть в Азовѣ каѳтаны старыя изношены и ты другъ мои пришли ко мне отпоров от воротка лоскуточикъ кам|ки и я тое камочку стану до тебя другъ мои стану носит будто | с тобою видятца а Дмитреи Ѳедоровичъ і Матрена Ивановна і Марѳа Дмитревна дал бгъ sдоровы а живут в подмосковноиа князь Василеи Ги|горевичь в дрвне а кнгиня Ирина Ивановна на Москвѣ и с свекровью | а кнжны Стеѳаниды Василевны не стало і я у неи на погребенье была | і о том пожалуи другъ мои не пѣчался у нас и у самих Михаилушка не ста[ло] | да не пособит по тому тебѣ дрѳг мои премного челомъ бью да пожалуи другъ | мои извол писат об людях все ли в добромъ здорове а к женам грамотки не при|х[одят] и оне плачютъ извол дрѳг мои их грамотки своими печат ‹. . .› (Ист. 65—66).

И описание семейного быта и всяких хозяйственных забот, и излияние связанных с народным верованием глубоких, интимных чувств, и сообщения о судьбах близких людей и о различных житейских обстоятельствах — все это (оно и составляет содержание письма), не нуждаясь в особом, церковнокнижном или специально приказном выражении, естественным образом облекалось в форму разговорной речи.

Конкретно эта «разговорность» письма, при всей разнородности его содержания, проявляется в абсолютно свободном переключении с одной темы на другую, переключении, нисколько не мотивированном предшествующим текстом: так, задушевную весточку о детях сменяет рассказ

о затруднениях с бударами и о плохом состоянии домашних строений, а далее следует изъявление нежной привязанности к мужу. О «разговорности», кроме того, свидетельствуют и обращение к «другу сердешному», и экспрессивное употребление уменьшительных образований не только от собственных имен, что было обыкновенно в приказной письменности и в ней социально обусловлено, но также от нарицательных, и уверение «ей ей».

Для суждения о том, каким языком писались в то время грамотки, существенны сведения о людях, которые их писали, как писали и документы, особенно сведения о писцах с огромной периферии. Исследование южновеликорусской письменности XVII в. убедительно показало: периферийные писцы-профессионалы не являлись присланными из Москвы, как прежде обычно думали, а в подавляющем большинстве своем были местными уроженцами. Аналогично происхождение и писцов-непрофессионалов [12]. Вместе с тем выяснилось, что письмо подобных грамотеев не отличается твердой орфографией и заключает приметы локальной речи [13]. Принимая во внимание эти обстоятельства, отражение в грамотках разговорной стихии можно считать реальным. Итак, приходим к заключению: частные письма-грамотки в сопоставлении с прочими источниками того же самого времени представляют разговорную стихию если и не в полном виде, то наиболее рельефно. Выходит, характеристика грамоток как памятников народно-разговорного языка имеет достаточные основания.

Определенные объективные обстоятельства в известной степени обеспечивают отражение разговорной стихии и в материалах актового характера, в документах государственного управления и частно-правовых. Вместе с тем подобные материалы заключают и заметный элемент того литературного языка, истоки которого берут начало в древнерусской эпохе и который, в отличие от церковнославян-

---

[12] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, с. 24—26; *Он же.* Отказные книги. — ВЯ, 1969, № 1, с. 131.

[13] Впервые осуществленные лингвистами обширные публикации грамоток подтверждают это со всей определенностью. Кроме названных, см.: Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969. См. также отдел первый в кн.: Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

ского, способен был обслуживать более широкие сферы жизни русского общества. В исследуемое время, как и прежде, при известном церковнославянском влиянии, этот язык продолжает развиваться на общерусской основе, наиболее обобщенным выражением которой к началу национального периода становится московский говор.

Недифференцированное, общее восприятие деловой письменности XVII в. приводит к ошибочным суждениям о лингвистической содержательности и лингвистической информационности образующих ее категорий источников. В интересах успешной разработки истории русского языка составляющие деловую письменность категории источников необходимо определенно разграничивать. Поскольку эта письменность недостаточно исследована, в качестве элементарного разграничения, полагаем, возможно следующее: эпистолярная письменность, актовая письменность, статейная письменность. Первые два обозначения не нуждаются в особых разъяснениях. Заметим только: в актовые включаем и законодательные тексты, вроде Уложения 1649 г. Статейную письменность представляют отчеты русских послов, или так называемые Статейные списки [14], а также Вести-Куранты. Включение последних в статейные тексты оправдано и общностью их содержания и содержания Статейных списков (военно-политические и экономические вести из зарубежных стран), и более или менее общим следованием в тех и других источниках статейному принципу изложения. Например, в Вестях-Курантах 1620 г. встречаем такие редакторские пометы: «переписат к тѣм к прежним к четырем статям тотчсъ» (ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, 1620 г., № 15, л. 15); «переписат тотчсъ к прежнимъ к трем статям» (там же, л. 30). На листе амстердамского издания «Europische Saterdaegs courant», с которого переводили вести, встречаем следующую помету: «переведены тѣ стати которые надобны а иные были» (ЦГАДА, ф. 155, 1646 г., № 5, л. 4 об.).

С деловой письменностью исследуемой эпохи обыкновенно связывают деловой, или так называемый приказный язык. Но если эта письменность, как можно было убедиться, довольно неоднородна, во-видимому, нуждается в пересмотре и представление об этом языке как однородном обра-

[14] См.: *Котков С. И.* Сказки о русском слове. М., 1967, с. 72—73.

зовании. Когда выделяют «деловой» язык, в отличие от «книжно-литературного», то это противопоставление в какой-то мере оправдано, поскольку определение «деловой» в сравнении с «приказный» является более емким. А что касается определения «приказный», то его применение к языку в смысле «деловой» по меньшей мере спорно. Скажем, язык эпистолярной письменности, в известной степени деловой, не является, однако, приказным, тождественным языку делопроизводства и государственного управления, языку актовой письменности. Да и в таких безусловно «деловых» произведениях русской письменности, как Статейные списки и Вести-Куранты, мы не можем с уверенностью усмотреть просто язык приказов, хотя появление этих произведений и обусловливалось деятельностью последних. И в Статейных списках, и в Вестях-Курантах вполне отчетливо проступает определенная литературность и, кроме того, заметные элементы публицистического стиля, которые в общем не характерны для массовой актóвой письменности. По нашему мнению, определение «приказный» условно можно ассоциировать только с языком стандартных актовых текстов.

ПАМЯТНИКИ ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В наше время одно из важнейших условий конкретной и результативной разработки истории русского языка, особенно национального периода, и, в частности, южновеликорусского наречия, — выявление и глубокое исследование памятников южновеликорусской письменности. Поскольку эти рукописные материалы историкам языка еще не известны, представляется уместным, хотя бы конспективное обозрение некоторых из них. Основная масса рукописей XVI—XVIII вв. южновеликорусского происхождения (по содержанию они — деловые) хранится в фондах Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве [1].

Прежде всего следует выделить огромный фонд Поместного приказа (№ 1209), в составе которого находятся рукописи 1540—1720 гг. В фонде приказа, который ведал поместными и вотчинными владениями, сосредоточена огромная поземельная документация. Из материалов этого приказа особого внимания заслуживают отказные книги на поместья и вотчины. Книги связаны главным образом с южновеликорусской областью, например, с такими городами, как Белгород, Брянск, Воронеж, Елец, Карачев, Курск, Мценск, Новосиль, Орел, Рыльск и др. Фонд заключает и разного рода поместно-вотчинные дела, имеющие, в частности, отношение к таким южным городам: Белгород, Болхов, Брянск, Валуйки, Воронеж, Елец, Калуга, Карачев, Кромы, Курск, Ливны, Мирополье, Мценск, Новосиль, Ольшанск, Орел, Путивль, Рыльск, Старый Оскол, Суджа, Хотмышск, Чернь, Яблонов и др.

[1] С некоторыми из этих фондов мы знакомились непосредственно, другие сведения об архивных материалах заимствуем из следующего источника: Центральный Государственный архив древних актов. Путеводитель, ч. I. М., 1946; ч. II. М., 1947. Более подробные описания фондов или сведения о них см. в соответствующих разделах Путеводителя.

Частично южновеликорусские данные заключают и приуроченные к соответственным уездам писцовые книги, в особенности бортные.

Богат южновеликорусскими источниками и фонд Разрядного приказа (№ 210), объединяющий рукописное наследие 1545—1713 гг. Приказ «ведал служилыми людьми Русского государства, военными делами и управлением южными («украинными») городами и уездами. Делопроизводство Разряда велось по столам. Известны столы: Белгородский, Владимирский, Московский, Новгородский, Севский, Приказный, Денежный и Поместный» [2]. Заметим, что южновеликорусские тексты содержат не только специфически «южные» Белгородский и Севский столы, они наличествуют и в Приказном и особенно в Денежном столах.

Столбцы Белгородского стола включают материалы о сторожевой и станичной службе и состоянии городов Белгорода, Валуек, Воронежа, Данкова, Ельца, Коротояка, Курска, Ливен, Новосиля, Нового Оскола, Обояни, Острогожска, Старого Оскола, Яблонова и др.: об устройстве отдельных южных городов, о хозяйственной жизни и воинской службе, о денежных и хлебных сборах, а также таможенных доходах. Столбцы повествуют, помимо того, о восстаниях и волнениях на Юге, татарских набегах и т. д. Архивные определения содержания источников во многих случаях весьма приблизительны. Так, «состояние городов» означает самые различные события, случаи и факты городской жизни вплоть до вседневных, обыденных. Книги Белгородского стола содержат записи о сооружении укреплений, приходе и расходе денежной казны, о хлебных и пушечных запасах, таможенных сборах и др. Книги относятся к Белгороду, Брянску, Валуйкам, Вольному, Воронежу, Данкову, Ельцу, Калуге, Коротояку, Короче, Курску, Ливнам, Мценску, Новосилю, Орлу, Острогожску, Путивлю и Хотмышску.

В столбцах Севского стола — дела о служилых людях, о состоянии Белева, Болхова, Брянска, Карачева, Кром, Орла, Путивля, Рыльска и Севска, о денежных и хлебных сборах, о постройке оборонительных сооружений и др. Книги этого стола заполняют также приходо-расходные записи по Белеву, Брянску, Карачеву, Кромам, Мценску,

---

[2] Путеводитель, ч. I, с. 206.

Новосилю и другим городам. Отметим и полоняничные книги служилых южновеликорусов.

В составе книг Денежного стола находим «Книги съезжих изб, таможен и кружечных дворов южных городов (1612—1708): приходо-расходные денежной казны и хлебных запасов; сборные книги государственных налогов; оброчные книги казенных угодий, приходо-расходные таможен и кружечных дворов. Раздаточные книги денежного и хлебного жалованья служилым людям, стрельцам и казакам (1613—1695)»[3].

В значительной части с Югом связаны в фонде Разрядного приказа и Дела десятен (1577—1682). Десятни, именные списки городовых дворян и детей боярских, составлялись при разборе или верстании этих людей и когда раздавали им жалованье.

Южновеликорусские источники хранятся, далее, и в фондах некоторых приказных, или съезжих изб, существовавших в XVII столетии. Сидевшие в избах воеводы ведали всеми местными делами — административными, военными, поместными, судебными и пр. Назовем фонды подобных изб с южновеликорусской территории: Брянская (№ 1109), Добренская (№ 1118), Корочанская (№ 1130), Кромская (№ 1133), Курская (№ 1136), Ливенская (№ 1138), Мирополькая (№ 1140), Новооскольская (№ 1146), Обоянская (№ 1147), Острогожская (№ 1149), Путивльская (№ 1152), Яблоновская (№ 1176).

Материалы южновеликорусского свойства находим и в фонде, именуемом Грамоты Коллегии экономии (№ 281). Среди других бумаг фонда встречаем купчие, закладные, вкладные и духовные, а также выписи из отказных и других книг. Говорим о материалах таких уездов: Белгородский (1625—1703), Белевский (1567—1755), Болховский (1629—1704), Брянский (1670—1759), Воронежский (1616—1748), Елецкий, (1630—1762), Калужский (1564—1763), Карачевский (1585—1756), Курский (1617—1750), Мценский (1637—1745), Новооскольский (1621—1730), Новосильский (1571—1748), Путивльский (1601—1672), Рыльский (1615—1722), Севский (1595—1759) и др.

Старинными южновеликорусскими текстами располагают личный фонд А. И. Безобразова (№ 1257), имевшего вотчины в Кромском, Мценском и Орловском уездах, и

[3] Путеводитель, ч. I, с. 216—217.

фамильный фонд Голицыных (№ 1263), южные владения которых находились в Ливенском и Новосильском уездах.

Из фондов ЦГАДА, в которых представлены и рукописи южновеликорусского происхождения, принадлежащие XVIII в., можно указать следующие:

Фонд Белгородской губернской канцелярии (№ 405), 1727—1779 гг.

Фонд Воронежской губернской канцелярии (№ 406), 1725—1779 гг.

В губернских канцеляриях отложились дела об отказе и разделе имений; о подушных, таможенных и питейных сборах и взыскании недоимок; о рекрутских наборах; о беглых крестьянах, дворовых людях и рекрутах; о неповиновении крестьян помещикам и властям и сыске «воров и разбойников»; судебные дела об имениях, крестьянах и дворовых людях, уголовные дела и т. д.[4]

В известной мере сходные материалы хранятся в фондах южных провинциальных и воеводских канцелярий.

Провинциальные: Белгородская (№ 420), 1722—1727; Орловская (№ 434), 1772—1779; Севская (№ 442), 1719—1780.

Воеводские (содержат материалы 20—70-х годов XVIII в.): Болховская (№ 464), Брянская (№ 466), Валуйская (№ 470), Данковская (№ 480), Добренская (№ 483), Карачевская (№ 497), Корочанская (№ 510), Кромская (№ 516), Курская (№ 520), Ливенская (№ 523), Мценская (№ 535), Новооскольская (№ 541), Обоянская (№ 545), Орловская (Воронежской губ.) (№ 549), Путивльская (№ 558), Романовская (Воронежской губ.) (№ 562), Рыльская (№ 565), Старооскольская (№ 580), Усманская (№ 595), Яблоновская (№ 606).

Отметим фонды следующих городовых магистратов: Белгородский (№ 701), 1736—1799; Брянский (№ 713), 1725—1799; Курский (№ 742), 1724—1799; Мценский (№ 746), 1757—1799; Обоянский (№ 751), 1762—1799; Орловский (№ 753), 1733—1799; Путивльский (№ 760), 1724—1799; Севский (№ 769), 1724—1799; внушительным является фонд Орловского провинциального магистрата (№ 820), 1746—1778.

Мы остановились лишь на отдельных, с точки зрения наличия в них южновеликорусского элемента особенно

[4] Путеводитель, ч. II, с. 35.

содержательных фондах. В ЦГАДА немало и других фондов, в которых менее компактно или в разрозненном состоянии отложились южновеликорусские тексты.

Рукописные южновеликорусские источники XVII—XVIII вв. либо в виде небольших собраний, либо в виде рассеянных текстов встречаются в некоторых фондах и других московских хранилищ. Назовем, к примеру, фонд И. Е. Забелина (№ 440) в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, фонд Куракиных (№ 3) в том же отделе и там же фонд Ф. И. Маслова (№ 88). В Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина выделяется в этом отношении Коллекция Общества истории и древностей российских (№ 204).

Интересующие нас рукописные источники имеются и в архивах, расположенных в южновеликорусской области. Значительно скопление их в Воронеже: фонд Землянской воеводской канцелярии (№ 86), Воронежского городового магистрата (№ 203). В Орле хранятся столбцы Брянского Свенского и Карачевского Воскресенского монастырей, в Курске — коллекция документов XVII—XIX вв.[5]

Конспективное сообщение о сосредоточениях южновеликорусского рукописного наследия в фондах некоторых хранилищ дает известное представление лишь о его значительных масштабах и общем деловом характере. Насколько это рукописное наследие является действительно южновеликорусским (за вычетом приказного элемента), можно судить по конкретным текстам. Приведение последних особенно важно, так как сомнения в возможности изучения устной речи по памятникам письменности в науке еще проявляются. Разумеется, в текстах обнаруживаем гораздо большее тематическое разнообразие в сравнении с представленным в архивных данных. Особенно любопытны с этой стороны материалы Разрядного приказа.

В подавляющем большинстве деловых текстов XVII—начала XVIII в. писцы их не указывались. Тем не менее принадлежность писавших к местным уроженцам устанавливается и по отражениям в письме их говора, и по условиям локального делопроизводства, и по другим условиям местной жизни. Приведем фрагменты подобных текстов.

[5] Лингвистические обзоры материалов упомянутых архивов южновеликорусской области см. в кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 225—252.

Воронеж — 1594 г.

‹. . .› тѣ гдрь | сотники со мною с холопам твоим ни одномъ | дѣля не бывали а живут ѕ себя в деревнех | по дамом а сотни гдрь им росписоны Михаи|лу Спылномѕ два петидесятника Иев Желто|пятои да Матвѣи Ултанов а с ними сто че|ловѣк а Кондратѕ Жаворонкову отдана сот|ня Ѳксена Онтипина с товарищи а Сыдав|номѕ гдрь Морину отдона сотня нова|приборных козаков Зомятню Заицова | с товарищи и сотники ‹. . .› стоят в козаков на | дворех насилством и козаки гдрь ко мнѣ к хо|лопу твоему приходят на них ж жалобою а сто|ит гдрь во дварѣ Михаила Спылнои в козока в Бог|дана в Шерстеног и тот козак Богдан Шерсте|нои приходил ко мнѣ к холопу твоему на | Михаила Спылног ж жалобою что напивши|ся пьян Михаила къ ег дочери к дѣвки и къ | ег снахѣ дролся в клѣт а хотѣл их силничет и я || холоп твои за то Михаилу Спылномѕ говорил и Мих[айла] | Спылнои про то козака Богдана Шерстеног бил до | палусмерти и голову пробил до крови и но|гѕ ему переломил надвоя да тот же гдрь Ми|хаила Спылнои напившися пьян застрелил и|с пищали воронежског таргового члвка Коншю Потсѣ|кина и платя гдрь на нем ис пищали пробил и тѣ|ла занел и ѣ холоп твои про то Михаилѕ гово|рил и он меня холопа твоег лаел и бесчестовал и я | холоп твои писал к тебѣ к гдрю на сотники не ѡ|диножды что ѡни на твоеи гдрваи службя на | Воронежа не живут (ЦГАДА. Ф. 141, Прик. дела стар. лет, № 1, л. 19, 18).

Принадлежность писца к южновеликорусам выдает заударное яканье (надвоя, на ‹. . .› службя и т. п.) и *в* вместо *у* (стоят в козаков и т. п.).

Елец — 1616 г.

Ноября въ КГ дн явилис елецкия козаки Козаринава | приказу Апухтина Иван Радин да Сенкя Шереметев | да Ѳилкя Лапѣяв да Савостя Лисицын да Ѳилкя Бори|сав да Артюшка Сатин сворит вина по подставки для | гсдрва (*так!*) службы ‹. . .›

Таг же числа явился елецкои козак Петрова прика|зу Заицева Ікав Бочеров поласмины вина сво|рит к празднику къ Егоряву дни

Таг же числа явился Данилав крестьянин Чалаг | Сапронка Митроѳанав вина сварит с осмину | ко кстинам ‹. . .›

Ноября въ KS дн явилис елецкия козаки Козаринава | приказу Апухтина Ѳедкя Путилин да Юскя Богда|нав да Кузкя Улянав вина сварит по подставки для службы ‹. . .›

Таг же числа явился Елецкаг уезда з Белевца Троѳима‹в кресть|янин Рогачова Ивашка Степанав снъ Паѳомав вина сворит | асмина к рожеству Хсву к бабим кашем а порука по немъ | в продажи затинщик Аноха Ягупав ‹. . .›

Таг же числа явился беламѣснаи козак Микиѳар Кобылин | вина сворит с осмину к именинам ‹. . .›

Таг же числа явился елецкаи жилец Беламѣснаи слободы | вдова Акулина повивалная баба вина сворит с осми|ну к бабим кашем ‹. . .›

Таг же числа явился беламѣснаи козак Добрик Беляев вина | сворит с осмину к бабим кашем для внук ‹. . .›

Генворя въ В дн явился елецкаи казеннаи кузнец Иван Студе|никин пуд меду поставит да с осмину вина сварит| Николе помалитца ‹. . .›

Генворя въ ДІ дн явился Елецкаг уезду деревни Крутои | Дабрынин крестьянин Рощупкин Васкя Сергѣяв снъ ви|на сворит асмина для свадбы ‹. . .›

Таг же числа явилася дмитровская проскурня Ѳедося вина | сворит поласмины к месопуснаи суботе родители поменут ‹. . .›

Генворя въ КГ дн явился Елецкаг уезда деревни Крутои | Акулинин крестьянин Астрѣикева Тимошка | Василяв вина сварит асмина к масленаи недѣли ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 210, Разр. вязки, в. 2, ч. 2, № 2, л. 10, 11 об., 13, 17, 19 об., 20, 23 об., 27 об., 30, 31).

Принадлежность писца к южновеликорусам свидетельствует аканье, отражение известного на Юге смягчения заднеязычных, вроде Сенкя и т. п., ѳ вместо х (Паѳомав).

Курск — 1621 г.

Црю гсдрю и великому кнзю Михаилу Федоро|вичю всеа Рѫси бет челом сирота твоя гсдрь | Степанов крестьянинец Гнездилова изс (*так*!) Кур|ска Левка Лукянов снъ Михолев жалоба | гсдрь на Филатова на крестьяни|на

Фомина на Тита ѠФанасева | сна дѣлас гсдрь в прошло (*так*!) ва сто К[Θ]год | потровил гсдрь у меня тот Тит двѣ де[ся]|тины хлѣба десетину овса де|сетину гричихи а вжынали гсдрь | на десетине ѡвса по двацати | копен да жатог гсдрь овса строви*л* | тот же Тит пят копен и всего гсдрь у ме|ня тот Тит потровил трицат копен а [умо]|лоту гсдрь ѡвса из копны по четверти | курскои мѣры а гречихи гсдрь з дес[я]|тины малачевали по десети четвертеи курскои мѣры да затро|вил же гсдрь у меня тот же Тит три·свин|еи супоросых да ноне ш гсдрь РЛ г год | на рожество Христова были гсдрь мы на беседе и тот же гсдрь Тит учел мою жену лает и бе|щестил всякоми неподобноми дѣлы ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 210, Бел. стол, стлб. 9, л. 369).

О том, что писец — местный уроженец, говорят и факты безударного вокализма (*гричихи*, *малачевали* и др.) и *в* вместо *у* (*вжынали*).

Курск — 1633 г.

‹. . .›тюремнои сиделец Стенка Θароѳо|нов в роспросе скоѕал в нынешнѧм | де во РМА м годѵ в великои постъ ѕа три ндли да вели|ко дня а в которои днь тово | он Стенка не ѵпомнит говорила де | чернаѧ старица Марѳа Жили|на в торгу глѵпые де мужики которые ‖ быков припущают х коровамъ | об молоду и тѣ де коровы ро|жают быки а как де бы | припущали об ысходе ино бы рожали все телицы | гсдрь де црь женился об ысходе и гсдрня де црца | рожает црвны а какъ | бы де гсдрь црь женился | об молодѵ и гсдрнѧ де бы | црца рожала все црвчи | и гсдрь де црь хотѣл црцу | постриг в черницы и что де | гсдрь црвич кнѕь Олеѯѣи Михаи|лович и тот де црвич подмѣнноі ‹. . .› та старица ‹. . .› на ѩзык боика ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 60, л. 426—427, 432).

Вполне определенных южновеликорусских признаков в этом тексте нет, но и противоречащих признанию писавшего южновеликорусом также не имеется.

Белгород — 1639 г.

Ивашка Нечаева двор огорожен колемъ | и ѳоростом на дворѣ избенка плостеная | ржи ѵ нево посѣено десятина проса | осминникъ рѵжя ѵ нево вѕято пищал ло|шедеи ѵ нево мерин гнѣд кабыла коѵра

Еремки Мосѣева двор огорожен форос|том на дворѣ избенка плостеная перед из||бенкою пристѣн огорожен в замет плость|ем ржи ѵ нево носѣено десятина овса де|сятина ж проса осминникъ рѵжѧ ѵ нево вся|то рогатина сабля лошедеи ѵ нево мерин гнѣд дрѵгои ворон ‹. . .›

Гришки Игнатова двор огорожен колемъ | и форостомъ на дворѣ избенка плостеная | да клѣтка меж избенки и клѣти сѣни | в замет плостьем ржи ѵ нево посѣено пол|торы десятины рѵжя ѵ нево взято пищаль | лошедеи ѵ нево кабыла в гнеде чала дрѵ|гая рыжа с жеребенкомъ ‹. . .›

Тихонка Федорова двор не горожен | на дворовом мѣсте избенка земленаѧ | да повѣт огорожена тыном ржи ѵ нево посѣено десятина овса полдеся|тина рѵжѧ ѵ нево взято саадакъ да | лѵкъ лошедеи ѵ нево кон чал кабыла | гнеда с жеребенкомъ ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 124, л. 229—231).

Южновеликорусские приметы текста — проявления аканья в сочетании с употреблением *ф* вместо *х* (форостом, ѳоростом).

Усмань — 1647 г.

Црю гсдрю и великому кнзю Олексѣю Михаилавичю | всеа Рѵси бьет челом сирота твоѧ гсдрѧ да ни|щаѧ чорна старица Акилина жалоба гсдрь | мнѣ на побратима своего на Дементиѧ ѳедо|родорава (*так*!) сна Высотцкаго на усманскаго от[а]|мана была гсдрь ѧ за тем за Дементаѧмъ и тот мои бы|вщаи муж Дементеи избываючи менѧ сиротѵ тв[ою] | бивал и мѵчивал без вины моеи и | всѧким нарѵганѧм наруговался и обножив мѧ|ня в коник крапивы послав и мяня в крапи[ву] | кладывал в коник и в потпал сажал и в сохѵ впре|гал и бив менѧ изѵвечив и повес мѧ (*так*!) в горат и при|весши мянѧ в горат по неволи моеи постриx мѧ|пя в черницы а кѣльи мнѣ не поставил и не дал мнѣ | чем дѵша своѧ питати аставил менѧ и нагѵ и бо|сѵ а приданаго моево у менѧ была платѧ и х[о]л|стов и перспеи и манисты и серех и всѧкои ко|рабеинаи рѵхледи была на дватцат рѵблеи и тог[о] | моего приданаго тот Дементеи ничего не ѡтдал | а ѧ сирота твоя нонѧ безприютна волачюсѧ [меж] | двор и нога и боса и голадна млсрдыи гсдрь | црь и великпи кнзь Олексѣи Михаилавич всеа Р[у]|сп пожалѵи мѧнѧ сиротѵ свою вели гсдрь | мнѣ с тем Демендм свои црьскои укоз (*так*!) учинит чтоб мнѣ | сиротѣ твои меж двор не волочитца безприютно

го[ло]*д*|ною смертью не умере*т* црь гсдрь смилѷсѧ и по|-жалѷ*и* (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 352, л. 18).

Южновеликорусские приметы: яканье, указание *х* конечного на фрикативный *г* (постри*х*, сере*х*).

Курск — 1655 г.

‹. . .› был я халопъ | твои в кѷзнечишки своеи для своего промыслишка | кѷзнечного и как я халоп твои из кѷзничишки своеі | пошол домов а тот Лѷкянъ имъстяс на меня халопа | твоего за то что я халоп твои по выборѷ брати своеи всех | кѷрских кѷзнецов извещаю емѷ Лѷкянѷ для тво|его гсдрва дела ѷмысля надо мною халопам тво|им воровски и своею (*так*!) женою и с совѣтники выско|ча из своеи кѷзницы на болшои проезжеи дороге | ѷчали меня халопа твоего бит ослопы мер|твымъ боемъ голову̏ мнѣ халопѷ твоемѷ | розбили и бородѷ выдроли а биючи гсдрь меня | он Лѷкян своею (*так*!) женою оборвали с меня в чере|сѷ пят рѷблев денег ‹. . .› вели гсдрь мнѣ на нево Лѷкяна ѷ моем бои да в обрыве ѷ пяти рѷблех дати свои црскои сѷд и ѷправѷ ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 1136, Курская прик. изба, № 1а, л. 2).

Южновеликорусский говор писавшего обличают аканье, *и* перед группой согласных в начале слова (имъстяс) и *у* вместо *в* (ѷ моем бои, ѷ пяти рѷблех).

Обоянь — 1656 г.

‹. . .›ѡбоянскои козак Кирѣи Кромскои | евил мерин гнѣда грива напрова восми лѣтъ | дана пят рѷблев продона арлянинѷ Кириля Ми|хоиловѷ и взято с продовца пошлин по цонѣ с пре|мои с продажныя цѣны с пети рѷблсв восмъ алтын | В денги с рѷбля по десети денех ‖

Карповскои стрелец Родивон Арбугин явил но по|кѷпкѷ деньги пят рѷблев закѷпит в Обоянском | уездя мѣлког скотѷ и взято с нево з денех | пошлин с пети рѷблсв восмъ алтын В денги | с рѷбля по десети денех

‹. . .› ѡбоя|нец гѷлещеи человѣк Микѷла Третѧков явил | мерин в темъня гнеда во лбѷ звездочеленою (*так*!) | но губѧ бѣло грива напрова ноздри ѡбѧ | пороты в лѣтѣх продана ѡбоѧнскомѷ пѷшко|рю Кѷзмѣ Рѷневѷ взял два рѷбли и взято | с продовца пошлин по цонѣ с премои с про-

дажныя | цѣны з дв҃ р҃блев три алты (*так*!) В денги с р҃бля | по десети денехъ

‹. . .›дрог҃н Іван | Каменев променил лошет мерин рыжа грива напро|ва с одметомъ правоя уха подрѣзона нобѣхъ (*так*!) ухохъ | перевяска бѣло седломъ побито в лѣтех сросла променил ѡбоѧнц҃ Дмитрею Б҃лхаков҃ выменил мерин | чюбара семи лѣтъ грива напрова ‹. . .›

‹. . .› ѡбоѧнскои п҃шкар Яков ⷪ҃ө|ремов явил коня цвѣтларыжа грива налева | с одметомъ во лбѣ звездочелька но правомъ сте|гнѣ звѣр ѧл но левомъ стегнѣ товр҃жина под ѧ|зыкомъ бородавка в лѣтех сросла продона | ѡбоянц҃ Кирила К҃ркин҃ взял девет | р҃блев и взято с продовца пошлин по цонѣ | с премои с продажныя цѣны з девети р҃блев | петнатцат алтын с р҃бля по десети денех ‹. . .› ис томоженных ис петенных ис пошлинных | денех вздато денех но ѡброс воскресениѧ Хри|стова промѣны двя гривнѧ но б҃маг҃ но пи|щею десет з гривною но дрова десет алтын и все|во на расход тритцат алтын да вздато денех | на зовод но кр҃жечнои двор но устр҃женя ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 214, Сиб. приказ, № 405, л. 1463—1464, 1477, 1478 об., 1481).

Южновеликорусскую природу писца характеризуют проявления аканья, указания *х* конечного на фрикативный *г*.

Путивль — 1677 г.

Роспись Ивашкиным животам и животины | и дворовому строеню З҃бка

На дворе хором изба да клѣт а в ызбѣ образ | спасов и престые бдцы да стол окончина стекол|чатая

В клети животов перины да подушка | да в мешке хмелю полчетверика

Жорны да лемяши да коса с касемъ пере|вес птичеи

Кадка г҃б саленых пят вентереи | вѣтхие да брадникъ вѣтхои же

Ковшъ деревянои кляга ступа три кадки | д҃бовые порожіе

А на дворе ж изба да сени и клет старые ветхие | все х҃ды и розволялис хлѣв плетневои вѣтхои | подле хлѣва лежит одрища тележное да | три ѕлыі порожие

А на городе посеено ованц҃ пят гряд копу|сты а соберетца толко с тех гряд капусты с воз | гряда свеклы гряда редки

На том же огороде адиннатцат ульев со пчела|ми
Животины пятера лошадеи кобыла совра|са четвера
мереиковъ два рыжих адин мыша|стъ дрѫгои кар ис тех
лошадеи кабылу да два мереика взяті | в Путивль
Пятера свинеи годовички | телушка дву год рыжая
десятера гѫсеи
На поли жатого хлѣба четыре копны ржи | да восмь
копеи пшеницы
Нежатого десятина овса десятина | гречихи полдеся-
тины гороху ||
Да в тои же дрвни Казловки ево ж Ивашкина хлѣба |
немолоченого стоит одонокъ на гѫмне ‹. . .› ѫ Васки Пыр-
ского восмь копеи | ржи ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 210, Прик.
стол, стлб. 611, л. 16—17).

Южновеликорусский колорит тексту придают проявления аканья. С формой *жорны* перекликается аналогичная в рыльской отказной книге 1634 г. (Южн. отк. 280).

Карачев — 1688 г.

‹. . .› в роспросе он Івашка сказал ‹. . .› Василева де крсть|янина Соковнина села Клинского Андрюшкѫ Іванова | знавал и он Андрюшка убит ли или как умер того | он не ведает і в ннешнем де во РЧЅ м год в осен в октебре | мсце он Андрюшка в Саколови у Дмитреева крстья|нина Маслова ѫ Івашки Шиша был ли того он не | ведает ‹. . .› а тои осени | перед Дмитреевым днем ѣздил он в село Бутрь бояр|ского гвоздья ковать и на Со-
коловском поле наѣхал | он лошад ходит по нежатои пшеницы впреже|на в телегѫ и ѫвозжена і возжи тоскаютца || а на телеге напол да бочка а члвка ѫ тои лошади | никакого нѣт и он Івашка тое лошад взял и при|вел в село Клинское Іванов крстьянинъ Василева | сна Львова Калинка Семенов варит пива и он ему тое | лошад обявил и он Калинка узнал тое лошад что | она Андрюшкина Василева крстьянина Соков|нина а тут жа был Коска Швечик да Дмитреев | крстьянинъ Маслова Куприкъ Шишов и тот | де Кѫприкъ узнал тѫт скозал та де напол нашъ и боч|ка наша ж а лоша (*так*!) де Андрюшкина и он Івашка | тое лошад отвел к ево Андрюшкиномѫ дворѫ | і ѫ молодицъ спросил про него Андрюшкѫ и тѣ | молодицы сказали что Андрюшки дома | нѣт поѣхал на Соколова

и он Ївашка тое лошад | у варот тое лошад велел им взят а сам поѣхал | в село Бутрь и после того как он Андрюшка | мертвъ обявился і гдѣ ево сыскали того он | не ведаетъ ‹. . .› тѣ крстьяне в Карачеве в приказной избѣ | перед воеводою перед Ѳедаром Лѫкичемъ Юрасовым | роспрашиваны а в роспросе Дмитреев крстьянин Маслова | Ївашка Шиш сказал Василева де крстьянина Соковни|на села Клинского Андрюшкѫ Іванова знал ему Ївашке | он был своякъ убит ли он Андрюшка или как сам ѫмря того | он не ведает в нынешнем де во РЧS м году в осен перед | Дмитровым днем в которои ден не ѫпомнитъ | приѣхал он Андрюшка к нему Ївашке во двор на те|леге пьян да в вечар ѕа час до начи і взѣхал | к нему на двор перед избы ѕакричал пьянои | и он Ївашка учел ему говорит что ты беспѫтнои п'янъ | так ѣздиш и он Андрюшка учел ѫ него Івашки | прошат напола да бочки варит пива ‖ к празнику к Дмитревѫ дню і в то число были | у него Івашки на дворе брянчене Тихан да Прохар | Сопошковы і Тихон Сопошъков спросил ѫ него Андрюшки | что у тебя на брови ѕашибено кожа соврона | не жена л тебя била и он Андрюшка сказал емѫ | Тихонѫ что обивал чоп да обручем ѕашибло и бря|нъчене поѣхали прежа ево Андрюшки а он Іваш|ка унимал ево Андрюшкѫ у себя начеват | и он Андрюшка взял ѫ него напол да бочку начеват | не стал поѣхал от него ѫжа смерклас дамов и по|ѫтру после ево Івашки приѣхал къ ево Ївашковым | воротам брат ево Андрюшкинъ роднои Савка сказал | что де брат ево мертвъ лежит на поли а он Ївашка | в то время был в лесѫ а лежал он Андрюшка на их | ѕемле ‹. . .› возле дороги в стороне ‹. . .› и след в сторонѫ | один ево Андрюшкин а как он Андрюшка лежал и что | след один про то сказывал ему Степанов крстья|нин Веревкина Ѳедка Микиѳоров а он Ївашка | тѫт не был а были тѫт дѣти ево Наѫмка да Аѳонка | позвал их брат ево Андрюшкин Савка і взяли ѫ него | Ївашки сани да хомут и на тѣ сани ево Андрю|шкино тѣло вложа отвезли въ сво Андрю|шкин двор дѣти ево Наѫмка да Аѳонка | отвозили ево Андрюшкино тѣло ѕ братом ево Ан|дрюшкиным Савкою вмѣсте і в селе Клинском | ево Андрюшкѫ схоронили

‹. . .› Наѹмка Іванов снъ Шишов сказал Василево де | крстьянина Соковнина Андрюшку Іванова он | знал ему даводился он дядя убит ли или как умер | того не ведает а в нынешнем де во РЧЅ м году | перед Дмитровым днем приѣзжал он Андрюшка | к отцѹ Наѹмковѹ просит напола да бочки ‖ пива варить а приѣхал он на вечар постѹх | ужа животинѹ с поля пригнал а приѣхал | пьян и на дворе закричал и отец ево за то стал | ево бранит а сказывал он Андрюшка что пил | в селе Клинском у Микитина крстьянина Веревки|на у ѳилки Морозова и тое бочкѹ и напол у нихъ | взял поѣхал ат них дамов ѹжа смеркаетца а были | у них брянченя Тихан да Прохар Сопошковы и они | прежа поѣхали и на дрѹгои днь перед обедом | приѣхал на двор их брат ево Андрюшкинъ | роднои Савка плачючи сказал что де брат ево ѹмер | на их Соколовском поли лежит и попросил ѹ них | санеи да хомѹта и они емѹ дали сани | да хомѹт и сами с ним пошли он Наѹмка пошол | з братом своим Аѳонкаю да с ними ж был Степа|нов крстьянин Веревкина ѳедка прозвища | Цѹкан і пришли ажно он Андрюшка в стороне от да|роги сажен с пятнатцат лежит ниц и след тол|ко адин ево Андрюшкинъ в сторонѹ пошол | гдѣ он лежит а лежал он от села іх гдѣ онѣ живѹт | на поли с полверсты та земля помѣсщика их | Дмитрея Маслова і брат ево Андрюшкинъ Савка | взложа ево Андрюшкино тѣло на сани отвез во д|воръ ево Андрюшкин на своеи лошади и он Наѹмка | з братом Аѳонкаю с ним жа Савкою отвезли ево Андрюш|кино тѣло во двор ево а ѣздили они на своеи | лошади и отвезши ево Андрюшкино тѣло во дворъ | к нему поѣхали они к себѣ дамов а ран боявых | на нем Андрюшке никаких не было толко на брови | у него зашибено и то он Андрюшка будѹчи ѹ них | сказывал Тихонѹ Сопошъковѹ что обручемъ сашиб обивал чоп толко знатно как он Андрюш|ка брел і портки опали лежит ниц рѹкою | за бороду держит а левою возлѣ ѹха держит | а лошад ево Андрюшкина в староне долеча | знатно и с телегаю какъ брадила по палю ‹. . .› (ГИМ, ОПИ. Ф. 88, № 5, л. 297—300).

Южновеликорусские приметы говора писца и дававших показания: проявления аканья (боявых и др.), характерное для Юга слово *напол* и возможное в западных говорах Юга диалектное образование *чоп*, ср.: *чоп* кур. гвоздь

в бочке, затычка; кран, верток, спуск у бочки, чана || зап. чан? (Даль, Слов.).

Карачев — кон. XVII в.

Роспис црковному строению что в цркви постро|ить лесу црковному длина Д саженя мят|ных (*так*!) а столпу в цркви ЛГ венъца | а в тои цркви мостъ на З *м* венъцы | да к тои же цркви трапеза дватцат вен|цов а мостъ мостит в цркви і в трапезе | исподнеи дубовыми досткамі | в трапезе верхнѣя подволока брусеная | сасновоя а в цркви верхъ рубит по каме|ному по калопам сводомъ | а сверхъ того своду шею рубит под главою | осмериком і в том осмерику четыре окна | а главу побиват чѣшаею добовою да главѫ | поставит пяті саженъ или болши мятных (*так*!) а тое | црков крыт в два теса а промеж тесов скола (*чтение предположительное*) а сверхъ кровли | гребни поставит какъ водитца | на цркввях мостерские а к тои цркви | і к трапезе паперть по левую сторону | отрапезы (*так*!) і до олтаря с переднеи стены а ту па|перть крыть въ два теса да на тои же | паперти мостъ а паперть забирать в ко|сяк а с надворья в паперти подзоры резные | от переднихъ двереи всход на усходе полатка | а в боковых дверях такъ же а рундуки делат | четвераугольные в цркви і в трапезе двоі | двери из трапезы внутри из трапезы | в црков двери ту стену перерѫбною всю в брус | рубить а в тои цркви два крыласа четверо|угольные в косякъ зобрать с подъзоры | к тои цркви к олтарю въступъ а в тои цркві | перебрать где быт мѣсным іконом в олтаре і в цркви | і в трапезе восмь оконъ косых олътарь | рубит в пят стенъ а три стены с обѣ стороны тесать || а в волтаре то *ш* ‹. . .› (ГИМ, ОПИ. Ф. 88, № 5, л. 344—344 об.).

Приверженность писавшего к местному говору видна из проявлений аканья, употребления *у* вместо *в* (на усходе) и протетического *в* (*в* волтаре).

Курск — 1707 г.

‹. . .› какъ | приѣхали Курскогѡ уѣздѫ в моностырскою вотчинѫ | в село Смородинное і в том селѣ спрашивал у него | Григоря каторою дарогою поѣдетъ і он де Григореи | сказал что поѣдетъ не заимая Курска і он де Де|нис тот товар склал было на дворѣ того села у попа || Данила і того ж де времени он Григореи велѣл ему Денису | нанимат подводу і сказал что поѣдетъ на Курескъ | и он де Денис нанявъ подводу того села крестьяни|на Ивана

Алеѯѣева и стал на вoѕы товар на|кладывать и он Григореи с ызвощики ис того села поѣхал и ска|зал емѫ Денисѫ что бѫдѫтъ ево ждать за селом переѣхов мост[ъ] | і онъ Денисъ наклавъ товар поѣхал за ним Григоремъ и переѣх[ав] мостъ ево Григоря с извощики за тем мостомъ нѣтъ и онъ де | Денисъ с подводчиком поѣхал за ним Григоремъ і от того села | отѣхал верстъ с пять и часѫ в седмомъ дня напал[и] | воровские люди разбоемъ члвкъ с восмь верхам. . . | с лѫки і с копи і уѳотя ево Дениса и подвотчика гла|за завезали і завезли в боярак и в том бояракѣ ле|жат повяѕаны шесть члвкъ в том числѣ одна баба | и ево де Дениса с подвотчиком положили с теми ж вяѕанами | и держали часа съ четыря и тѣ ево товары и с лошедми | взяв да с него Дениса сняли ковтан сѫконнои зеленои да | ковтан серого сермяжного тонкого сѫкна шѫбѫ авчинною | крыта зеленымъ кѫмачемъ крестъ да перстен серебре|ные сапаги телятенные рѫбахѫ да штаны пестредин|ные шапкѫ с лисицею кѫшак верблюжеи жолтои два | плотка бѣлых лняных да подвотчиковых двѣ лошеди | с хомѫты ремянными и с телѣги а ему де Денису вмѣс|то того платка дали партки да рѫбахѫ да ѕипу|-нишка сермяжнои белои ветхои знатно разбоинои і побрав то | все поѣхали к Сороковому колодезю (ЦГАДА. Ф. 1136, Курская прик. изба, № 357, л. 1—1 об.).

Говору писца свойственно аканье, *ф* вместо *хв* (уѳотя), диалектизм *боярак*.

При всей приказной регламентированности этих старинных анонимных текстов, которая определяла их общую композицию и выражалась в употреблении стандартной официальной фразеологии и терминологии административно-юридической и делопроизводственной, их все же следует считать произведениями не только приказного языка, но и южновеликорусской речевой культуры, хотя бы последняя и проявлялась в них более или менее неполно. Под южновеликорусской речевой культурой мы понимаем и то, что было в ней специфически южновеликорусским, и то общерусское, в том числе и свойственное приказному обиходу, что служило основой устного общения носителей южновеликорусских говоров. Имеется в виду прежде всего лексическое наполнение этой культуры. Необходимо учитывать: далеко не все, что на первый взгляд представляется чуждым, не свойственным

устной народной речи, было таким в действительности. Обусловлено это двумя обстоятельствами. Во-первых, приказная письменность формировалась на базе и предшествующей деловой, с единичными вкраплениями церковнославянской, и на общенародном основании живого русского языка. Во-вторых, отдельные термины и выражения безусловно приказного происхождения, означавшие те или иные установления, определявшие экономические условия жизни и подневольное положение широких масс, по необходимости усваивались последними, входили в их речевой обиход. К таким лексическим элементам принадлежат, например, наименования различных документов и повинностей, таможенных и других сборов, термины военнослужилого круга (*десятня*, *верстанье* и т. п.). Примеры из приведенных текстов: *явить* (товар), *расписаны* (казацкие сотни), *тюремный сиделец*, *сирота твой*, *роспись животам*, *пятенные деньги*, *волочиться меж двор*, *в расспросе сказал* и др. Если бы тексты были приведены с официальными зачинами и концовками, список подобных примеров оказался бы более пространным.

В тематическом отношении разнообразные приведенные образцы локальной письменности [6] дают известное представление о возможностях изучения по ним определенных сторон русского языка XVI—XVIII вв. в его южновеликорусской «редакции».

Приметы южновеликорусского происхождения представленных выше текстов, преимущественно фонетические, являются только выборочными. О южновеликорусском происхождении текстов говорят и отдельные формы именного склонения (дат. ед.: животины; по ‹. . .› пшеницы; предл. ед.: на З *м* венъцы) и отдельные местоименные формы (вин. ед.: тое), помимо того, лексическое наполнение, а в ряде мест и вторжения в письмо слога живой народной речи. Вторжения последнего, например, очевидны в челобитной старицы Акилины и в расспросных речах о смерти в поле крестьянина А. Иванова.

И приведенные южновеликорусские тексты и многие другие с того же Юга, писцы которых тоже не названы, в рассматриваемом плане относительно однородны и обоснованно могут быть квалифицированы как произведения

---

[6] Образцов грамоток не приводим, так как старинная частная переписка рассматривается в особой главе.

местных грамотеев. Традиционная оценка периферийных текстов из круга деловой письменности XVI—XVIII вв., как писанных приезжими москвичами, не имеет под собой оснований. Даже такое внешнее обстоятельство, как смена воевод на местах обыкновенно через два года, не в ладу с предположением, что назначаемые в уезды в качестве воевод бояре и дворяне непременно тащились туда со своими дьячками и подьячими. Кроме того, деловые бумаги писались не только в приказных, или так называемых съезжих избах, где сидели воеводы, но и вне местных учреждений, и не только писцами-профессионалами — дьячками и подьячими или служителями церкви, но и такими непрофессионалами, как, скажем, дети боярские, торговые люди и др.

Принадлежность основной массы грамотеев, писавших на Юге, к местным уроженцам убедительным образом подтверждают тексты, в которых писцы названы.

Обратимся к таким источникам.

Комарицкая волость — 1620 г.

‹. . .› (крестьяне) сказали во ѡбыску суд*но*|му старосте Васи*лю* Пронякину по гс*дрву* црву і вели|ког*о* кн*ѧ*зя Михаи*ла* Ѳедоровича всеа Р*ѹ*си*и* крстному | целованию про тово *ж* Саву Гогалева слышали де | мы стала тому Саве Гогалева потеря в дрв|ни Круглои в Никиѳора Голдабы а слухом жа слы|шали что потерял его Карпъ Максимов а *ѕ*ало|тых его и камен*я* и денег і всякое р*ѹх*леди не ве|деемъ хто *ѕ*авладел то наши и речи

Тово *ж* Васи*л*евског*о* прихода крстияне дрвни | Кочетовки Осиѳ Василев Іван Михаилов Герасим | Окулов Семен Алексѣев Богдан Мартиновъ | Іван Захаревъ Василе (*так*!) Михаилов Лукянъ Нестеров | Ѳедор Никитин і все крстияне сказали во | обыску суд*но*му старосте Василю Прониѧки|ну по гс*дрву* црву і великог*о* кн*ѧ*зя Михаила | Ѳедоровича вса (*так*!) Р*ѹ*си*и* крстному целованию | про тово *ж* Саву Гогалева что был де тот | Сава в дрвни Кр*ѹ*глои в Никиѳора Голдабы | і в нег*о* жа Никиѳора стала потеря то|му Саве а слухом мы слышали что по|терял его Карпъ Максимов а *ѕ*алотых | его и денег и камен*я* | і всякои р*ѹх*леди не ви|дали а что тот Сава дал отцу дховному | папу Никиѳор*ѹ* мерина челого по своеи дши | то наши и речи а речи писал диячок | села Болдыжа Карпикъ

Стеѳанов лѣ|та ҂ЗРКИ г году марта в КВ днь (ЦГАДА. Ф. 210, Моск. стол, стлб. 13, л. 154).

Мценск — 1634 г.

‹. . .› тово Дмитрея Субочев[а] | не стала умер в нынешнем въ РМВ м году | а жену ево взяли в полон крымския люди | а после ево осталося четыря дочери' | девки' Ѳетиница да Онтонидица | да Нелидица да Оѯиница и он Ере|меи зговорил ѕа себе болшею доч девку ‖ Ѳетиницу и Семен Лобав откоѕал тому | Еремею Ошихмину своякини' (так!) ево девкоми' | Дмитреява поместья Субочева тритцат | четии в поли' а в дву по тому ж со всеми' угодии | по семи' четии члвку да двор помещиков | Дмитрея Субочева да двор крестьянскои | а во дворѣ живет крестьянин Игнатка | Ѳедоров снам (так!) Сенкею да двор крестьянскои а во д|ворѣ живет крестьянин Петруха Ѳедоров снам (так!) Ломачкою да двор крестьянскои а во д|ворѣ живет крестьянин Исаикя Степа|нав снам (так!) Степанкям ‹. . .› а отказныя книги ‖ писал мецненин Иванкя Петрищевъ ‹. . .› (Южн. отк. 181.)

Орел — 1636 г.

‹. . .› орленин | Овдѣи Ѳеонасевъ снъ Переверѕев ‹. . .› в т[о]|мъ Мелеховском да в Ыивановском да в Семеновскомъ | да в Олѳимовском да в Олексѣевском помѣстьи Вороб|евых переписал дворы двор помѣщиков Восиля Олексѣ[е]‖ва сна Воробева да двор помѣщиков Павла Ивано|ва сна Воробева пашни пахоныя добрыя ѕемли пере|логу и диково поля сѣна и лѣсу и всяких вгодеи | по дватцати чети в пол без третника а в дву по тому ж | да на диком поли по обе стороны Крутова верха | х Крулому (так!) леску на ѯсть Колюковки рѣчки права|ю сторону и по обе стороны Оптухи рѣчки по ѡтвершку | от Григоря Мешкова по правою сторону на круто|ярину нижа леска на суходоля по ѳумскою дорогу | переписал под дворы мѣста два мѣста дворовых | помѣщиковых да на огороды и на гумна и на | подгуменники чатыри десетины ѕемли и | диково поля на пашню сѣна и лѣсу и всякихъ | вгодеи восмъдесят чети в пол а в дву по тому ж орле|нин Овдѣи Ѳеонасев снъ Переверѕев по гсдрваи гра|мотя ѕа приписю диека Божина Степанова ‖ и по выписи с орловских ѕ доѕорных книг по ноказу во[ево]ды

Бориса Совостьяновича Колтовскога ‹. . .› то Мелеховскоя да Ива[нов]|ское да Семеновское да Олѳимовское да Олексѣевъ[ско]|е помѣстья Василевых детеи Воробева розделил по т[ре]тям ѿтделил орляном дѣтем боярским Василю Олекс[е]|еву сну Воробеву да Павлу Иванову сн8 Воробеву по | дватцати чети члвку без третника да дикова поля | по сороку чети члвку въ их аклады по сту чети члвку в [по]|мѣстья со всѣми вгоди орленин Овдѣи Оѳонасев снъ | Переверѕев отдѣлу своево то Мелеховское да Ива|новское да Семеновское да Олѳимовске (*так*!) да Олексѣ|евскоя помѣстья Василевых (*так*!) детеи Воробева и ди|коя поля велѣл в книѓи написат подлинна ‹. . .› а кни (*так*!) отдѣлнои писал орленин снъ боярскои | Петрушка Тимоѳѣевъ снъ Ѕбитаи ‹. . .› (Южн. отк. 240—241).

Новосиль — 1646 г.

‹. . .› навасилец Петръ Булгаковъ | вѕяв с собою туташних и сторонихъ лю|деи добрых сколке члвкъ пригожа | в Навасилскои уѣздъ в Николскои стан в Кузме|демяскои приход пад Малинов лѣсъ ‖ побе (*так*!) стороны реки Суши да ѕа реку | ѕа Зушу па Слепотину калодиѕю на | гару да с верхъ Слепатинских ѿтвершков | Напраснага калодизя па Дубок ка|лодиз на подол па Дубку калодизю | к рекѣ Ѕушу (*так*!) от тои реки Суши побе (*так*!) сто|роны Болшего верха и выша Долгов[о] | лѣсу па савенкову дарошку к рекѣ Ѕуш[е] | на болшеи Малинов лѣс с Кандратемъ да с Н[а]|умом Шеталавы (*так*!) в чертежи ‖ ѣздилъ па челобитю навасилцовъ де|теи баярских Давыда Ортемъева сна | Пурлова да Ортемя Иванова сна да Воина | Михаилова сна да Ѕахара Степана|ва сна Шеинцовых да Ѳедора да Ондрѣя | да Трахима Иванавых детеи Шипи|ловых и по гсдрве црве и великого | кнѕя Алеѯѣя Михаиловича | всеа Русиі грамоте сыскавал | всякими сыски накрепка ‖ в тѣх урочищех таго памѣстья пустоши дикого | поле есть на четыраста четвертеи и нне то по|мѣстье лежит паражне наперед сего | в памѣсстья и вотчину и на обрак не отдано нико|му и по сыску и побысным (*так*!) людеи рѣчем навасилец | Петръ Булгаков на топ пустоши на диком по|ли переписал присады и врочищи подворы (*так*!) | и подгороды (*так*!) и на подгуменники и мѣсто дворо|вых и дикого поле на пашню и сѣна

и лѣс и вся|кое угоде а переписав то дикое поле в тои | пустоши в тѣх урочищех измѣрел в десетины а де|сетину мѣрѣл в длину па асмидесят сажан а па|перек па трицати сажен изверставал четвертъные пашн[и] ‖ паравну и сенные пакосы и всякое угоде | а sa мѣраю осталос того дикого поле в тѣх урочищех | на восмъдесет четвертеи отписал на | гсдря цря и великого кнsя Але|ѯѣя Михаиловича всеа Русиі | а у мѣры были и на межавани | навасилци дѣти боярски (*так*!) Кандрат | да Наум Шеталовы Василеи Мухортои | Ондрѣи Θедянинов Иван Шеталов | а мѣрные кнги писал навасилец | Ермол Гребенкинъ ‹. . .› (Южн. отк. 221—222).

Курск — 1648 г.

‹. . .› курскои по|садскои успенскои поп Михаила скозал ‹. . .› Троецкова девичѧ | мнстыря игуменѧ Θедора с сестрами да Курскова мнс|тыря келар да черные попы Хорлампеи да Моисѣи да мнс|тырские крестиянѣ Куземка Воденицын да Мокар|ка Исаев да Кирюшка Потапов с товарыщи в приказ|ною избу з гсдрвою грамотою к столнику і воеводе къ | Θедору Михаиловичю Лодыженскому приходили и быв в съѣзжаи избѣ пошли по домом по себѣ и послѣ тово уско|рѣ мнстырские ж крестиянѣ Куземка да Мокарка да Кирюшка с товарыщи к приказноu избѣ пришли опят | скопом и гилемъ а за ними пришла игуменѧ тут же къ | сьѣзжаи избѣ и говорила столнику і воеводе Θедору Михаиловичю Лодыженскому не упусти вора Костенти|на Теглева да гсдрва указу а упустиш вора и тѣ|бѣ худа будет і в то ж время тѣ ж мнстырские крести|янѣ Куземка Воденицын да Мокарка Исаев да Кирюш|ка Потапов с товарыщи почали бит у двери брусом и ѡ|бив двери взяв ис приказные избы голову Костенти|на Тѣглева убили ево до смерти и убив животы ево | пограбили они ж мнстырские крестиянѣ Куземка Водени|цын да Мокарка Исаев да Кирюшка Потапов с товарыщи | і в то ж сметежна время столник і воевода Θедар Ми|хаиловичь Лодыженскаи кобацкому головѣ и цело|валником кобаки велел запечатат и кобацкаи голо|ва и целовалники скозали пошли подячева коба|ков печатат а мы кобаков печатот не станем и | сами боимся то я вѣдою а по чьему заводу и умы|шленю скопам и гилем к приказноu избѣ приходили | и хто каких животов у Костентина Тѣглева гра|бежем сколка взяли и я тово не вѣ-

дою то моя и | скаска а скаску писал курчанин Оѯенка Василев ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 210. Бел. стол, стлб. 269, л. 130).

Елец — 1660 г.

‹. . .› на Елцѣ на сь|ѣзжем дворѣ Остаѳю Семеновичю | Сытинѫ сказал по светои и непорочнои | евангилскои заповеди гсдни еи еи в прав|дѫ елченин снъ боярскои Засосенского | станѫ села Немерѕи Покровского приходу Павел | Щагловъ в прошломъ во РѯЗ году как | приходили под Елец воинския многия | люди крымския и ногаиския тотары ‹. . .› и в то время | отогнали ѫ нево воинския люди скотѫ | четвера лошедеи три коровы двор | и осекъ сожжен в осекѫ ж сажжено | пчол тритцат чатыре ѫли потолоче|на хлѣба чатыре десетины | то моя и скаска а скаскѫ писал елче|нин Андроник Григоревъ

‹. . .› в то время бжию | млстию от воинских людеи семя моя цела отец | Ѳолимон да мат Улита да зят Сидор пятнат|цети лѣт да сестра Мотрена да жена Маря | да племенник Артем шти лѣт да сестра Тот|яна да Анися а скату отогнали двоя ко|ров да два быка десетера овец а хлѣба | в поли потолочили всякова двѣ десети|не двор и гумно и с хлѣбам цела то моя | и скаска а скаску писал елченин пло|щеднои дьячок Савка Семеновъ

‹. . .› в то время у меня Митроѳана | от воинских людеи млстию бжию семя ево | цела мат Ѳекла два брата Степан де|сети лѣтъ Иван году жена Домна сестра | Степанида двор и гумно с хлѣбом цѣла | скоту атогнали шестеро лошедеи | двѣ коровы десят авец в поли хлѣ|ба всякова потолочена три десе|тины то моя и скаска а скаску пи|сал елчанин Ѳедко Паповъ

‹. . .› сказал по сь|ветои непорочнаи евангилскии заповеди | гсдни еи еи в правдѫ елченин снъ боярскаи | Засосенскава стану Архангилскава приходу | села Ѯткина Артем Иванав снъ Володин ‹. . .› в то время от воинских | людеи млстию бжию семьѧ ево цела брат | Кондратеи тритцети лѣт жена Граѳена | да снаха Ѳедора да два сна Мартин семи | лѣт Венкя трех лет да племенник Гришка де|сети лѣ (*так!*) да две дочери Маря десети лѣт да Ірина | двѫ годѫв да племенница Ирина а скатѫ | отогнали петера лошедеи в поли потолоче|ли всякова хлѣба пет десетин двор і гѫмно | с хлѣбамъ цѣла то моѧ

и зкаска а ска (*так!*) | а скаскѫ писал елченин Мирошка Лѫкинъ

‹. . .› в то время | ѫ меня от воинских людеи семья моя цеца (*так!*) жена | Ирина теща Анна своякиня Ѫльяна | шѫрин Перѳилеи трех лѣтъ дочь Котерина | снъ Селуянъ двор и гѫмно цѣлъ тесть | Григореи Халѣев пот Конатопом ѫбитъ | животины ѡтогнали ѡсмера ѡвецъ | то моя и скаска а скаскѫ писалъ елченин | Іващка Сергѣев

‹. . .› в то време взѧ|ли в менѧ в полонъ жену Восилису сна Михаилѫ | пети лѣт дочь Палогею трех лѣт а двор | и хлѣбъ в гомънѣ выгорел толка осталосѧ | адоне овсѧноѧ атогнали скату осмера | лошедеи пятера каров петнацат овецъ а на | пали потолочили вскова (*так!*) хлѣба полтары | десятины а в остатку в меня осталос | отецъ и мат да брат Аким женою (*так!*) са Улѧною | да два сна Меркушка адиноцат лѣт да ѳедос | асми лѣт

Да возлѣ менѧ живет зѧт Антип женою (*так!*) | с Анною да взѧли в него сна Аѳонку пети лѣт | дочь Алену адиноцат лѣт дочь Олена асми лѣт отог|нали скату четвера лошедеи четвера коров двацат | овецъ и двор и гумно згарѣла то маѧ | и скаска а скаску писал елчени (*так!*) Серешка Е|син

‹. . .› в то | времѧ взѧли в менѧ в палон ѡтца | Симона да матерѧ Маринѫ да въ | ме (*так!*) ж взѧли скотѫ шестера лошедеи | троѧ каров десетера овец а в поли | хлѣба паталочана всѧкова двѣ | десетины двор і гѫмнѫ сожгли | без остаткѫ а в остаткѫ в менѧ | осталас жена Авдотѧ | да в менѧ ж осталсѧ зѧт Лѫка жена | ева (*так!*) Авдотѧ доч Ѫлѧна осми лѣт снъ | Карнеи пети лѣт а скатѫ ево взѧли | четвера лошедеи две каве (*так!*) пѧтера | овец а двор ево і гѫмно сажгли без [ос]|таткѫ то моѧ і скаска а скас|кѫ писал Мирошка Пендюринъ

‹. . .› скаsал по светои | непорочнои евангилскои заповеди гсдни еже | еи еи в правдѫ елченин снъ боярскои Игнат | Неѳедов снъ Дѣев ‹. . .› в то время | ѫ меня от воинских людеи семья моя цела | жена Котерина снъ Аѳонасеи десети | лѣт зат Митроѳан жена ево Анна доч Марѳа | внучка Аѯютка два внука Степан | Яков близнята годѫ ѫнука Агаѳя ‹. . .› животины отогнали | лошед десет овецъ то моя и скаска а скас|ку писал ливенецъ Моѯимка Демъянов

‹. . .› скоsал по | свтеи непорочнои евангелские sа-

повед*и* гсдни | е*и* е*и* в правдꙋ елчанин снъ боярскоꙋ Sасосенского ста|ну дрвни Нижне*и* Козаче*и* Савеле*и* Ѳедоров снъ | Сꙋмароков ‹. . .› в то время взяли ꙋ меня воинские люди | в полон сестрꙋ Марѳꙋ женꙋ Гроѳѣнꙋ невѣстку | Марѳу племянника Василя трех годов племян|цꙋ Степанидꙋ а в остатке с ним осталося | мат Аѳросиня двѣ сестрѣ Акулина Маря | брат Семен девяти лѣт а отогнали скотꙋ тро|е лошеде*и* трое овец а в поли потоло|чена всякова хлѣба двѣ десятины | двор и гꙋмно цѣла на гꙋмнѣ три ѡдони | то моя и скаска а скаскꙋ писал елчанинъ | Костька Трꙋѳоновъ (ЦГАДА. Ф. 210, Бел. стол, стлб. 412, л. 743, 750, 762, 774, 779, 780, 785, 791, 800).

Болхов — 1683 г.

‹. . .› ценовщики болхавичи | посадцкие люди Савеле*и* Анисимовъ Кандрате[й] | Залотаревъ Парѳенъ Ільінъ Иванъ Донников[ъ] | оценили ссылочных болховичь посадцкихъ люд[ей]| дворы Давыда Белоꙋсова да Оноѳрея | Істратова Давыда Белоꙋсова двор в Б[о]|лъхове но посаде в Никольскомъ приходе П. . .|хотные і Гонъчарные слободы ідꙋчи от цр[кви] | Николая чюдотворца па Балшои улицы к . . .|гонꙋ в правои стороне мижъ дворовъ б[ол]|ховичь посадцкихъ людеи Сидора Шꙋмилин[а] | а по дрꙋгои стороне Івана Селиверстова длинник[у] | тому ево дворовому и огородному Давы|дову мѣсту соракъ три сожени поперегъ [в] | переднемъ конце ва дворѣ десять са[жен] | с полусажнем а у заднемъ конъце поп[ере]|чнику девять саженъ бес полꙋсожени а [на] | дворѣ хоромъ изба противъ еѣ кл[еть] | мижъ ими сѣни с чюланы да но дварѣ жъ онб[ар] | с сеньми да клѣть на огороде ‹. . .› да Оноѳрея Ист[ратова] дворовое мѣсто б. . . ‖ в Серъгеевъскомъ приходе идꙋчі | от цркви Сергия чюдотворца па Маленьк[ому] | праꙋлку к Пречистинскои улице в лѣв[ой] | сторонѣ мижъ дворовых мѣстъ Конд[ра]|тья Онтонава а по другои стороне Се[ме]|на Милютина длинънику таму д[во]|ровому ево Аноѳрѣеву мѣсту адинъ[над]|цать соженъ с оршином а поперечнику дев[ять] | соженъ с аршинам в абоих конъца[х] | цена таму дворовому ево Аноѳрѣев[у] | мѣсту два рубли ходил он Аноѳрѣи мижъ | двор по наимом и тот Давыдов дворъ с х[о]|ромы і с мѣстом продали мы из надд[а]|чи болховскому посадцкомꙋ члвк[у] | Алеѯѣю Яковлевꙋ взяли за т[от] | ево Давыдов

двор с хоромы и с [ме]|стомъ дватцат одинъ рубль ш[е]|снатцат алтнъ четыре днг[и] | а за Оношкино дворовое мѣсто вз[яли] | на болховском посадцкомъ члвке по Іва|не Пахомове два рубли шеснатцат[ь] | алтнъ четыре днги і всево взято | за тѣ опалные дворы дват. . .|цат четыре рѹбли а ценовную | пісалъ по велѣнью ценовшиков болх[о]|вичь посадцких людеи Савелья Онисимова [Кон]|дратья Золоторева Парѳена Ильіна | Івана Донникова болховские земские | избы подячеи Андрюшко Яковлевъ (ЦГАДА. Ф. 210, Сев. стол, стлб. 361, л. 15—16).

В отличие от северновеликорусской письменности, старинная южновеликорусская письменность, во-первых, в общем более поздняя и, во-вторых, не обладает значительными собраниями материалов из монастырских хранилищ. В связи с особыми условиями исторической жизни Юга (постоянные набеги степняков, господство военно-служилого землевладения и некоторые другие обстоятельства) монастырское хозяйство в этом крае было довольно ограниченным. Монастыри здесь были мелкими и не столь многочисленны, как на Севере. Единственным крупным монастырем являлся Брянский Свенский. Часть его рукописных материалов (XVII—нач. XVIII в.), как отмечалось выше, хранится в Государственном архиве Орловской области. Основной же состав рукописных материалов, принадлежавших этому монастырю, находится в ЦГАДА (Ф. 1200). Из интересующего нас рукописного наследия в этом фонде представлены тексты XVIII в. Заслуживает быть отмеченным, что в монастырских письменных источниках иногда отражались бытовые сюжеты, а вместе с тем и лексические элементы, какие встречаются сравнительно редко и в прочей, более обширной письменности. Не представляет в этом отношении исключения и рукописный фонд XVIII в. Брянского Свенского монастыря.

Приведем текст такого рода.

Брянск — 1741 г.

≠АѰМА *г году* июля въ ѲІ *де* села Бѹяновичь крестьянскои | снъ Авдіи Григоревъ снъ бѹдѹчи на мнстырском дворцы | извѣщал <. . .> показал на отца своего Григора | Иларионова и на дядю своего родного Козмѹ Иларионова | что учил де мои оцъ Григореи тетку свою двои

Отки | Настасию Сазонову дочеря выкрадена де у тебе клѣть ‹. . .› изделаи де ты что в тои клѣти остало[сь] | хотя адна нитка и ты на том ссѹчи свечю и постав[ь] | в цркви пред образом и чтоб такая свещица вся сгорѣла | и тот де воръ самъ тебе скажетца; и та гибель сыск[а]|лась и онои самъ вор возвратилъ покраденое; да он же де отецъ мои Григореи бьеть змеи и носит во | дворъ и сѹшить в печи а на какѹю потребу про то де ѧ н[е з]|наю и ѧ видѹчи такое дѣла отца своего многократно | страшился: да он же отцъ мои Григореи болшѹю свою невѣст[ку] | Агаѳию возлюбил недобрымъ дѣламъ и щѹпал ее жа женск[ий] | стыд и говорил еи такъ люби де ты мене и слѹшаи что | ѧ бѹдѹ делать то ѧ тебе бѹдѹ любить и дамъ тебѣ | шѹбѹ и все свое доброе а тому меншему не дамъ ничего ‖ и ѧ Авдіи стал тое братѹ своему болшому Петрѹ | казать про его женѹ Агаѳию что она нехороше дѣ|лаетъ а он Петръ сказал мнѣ заставь де ты и свою | женѹ того ж делать и то и твою женѹ отцъ нашь | любить бѹдетъ: и ѧ братѹ своему сказал что ѧ де | делать не хочю и жене своеи того делать не велю | творит: и за те речи отцъ мои мене возненавиделъ | да он же мои братъ Петръ побрал в лесѹ воровски пла|шья копыля и лѹчинѹ: а именно дьячка Козмы Дия|конова и хоронил в своемъ дворѣ: а я Авдіи сталъ | о том отцѹ своему Григорю говорить что с твоего ли вѣдо|ма он чюжее береть и отцъ мои сказал мнѣ что с моего | ведома и ѧ о том сказывал и сосѣдемъ а именно Исаю | Попову; да он же Авдіи Григоревъ показавал на дядю | своего родного Козмѹ Иларионова гразил де онъ Козма | Хролѹ Никитинѹ коли де ты за свояка своего Івана Кости|на стаишь и тебѣ де то ж бѹдетъ и он Хрол с того времени | занемощавал и умер горкею смертию и за то неверка на него | Козму: да дьечекъ Михаила попа Марки бывшаго снъ билъ | ‹. . .› его Козмы коровѹ: и он Козма сказал хто де | мою коровѹ бил тот де у мене и самъ раздѹется то он Козма | говорил при своеи семьи и при мнѣ Авдію и ѧ то ѧвлял | людемъ что мои дядя грозить | да он же де мои дядя Козма какъ Маѯимъ Ильинъ был | на дворѣ отца нашего Григоря он Козма стал ему Маѯимѹ | Ильинѹ говорить про долгъ а Маѯим емѹ сказал правь де | ты долгъ свои на отцѹ нашемъ: а он Козма сказал емѹ | Маѯимѹ кали де ты такъ говоришь ѧ де до тебе доры|ваюсь и с того де числа онои Маѯимъ занемощавал

в три | дни и умре || того *ж* числа того *ж* села Бѫяновичь крестьянин Адриан Аѳанасевъ | снъ сказал в бжію правдѫ на мнстырском дворцы при при|кащикѫ Павлѫ Петровѫ и при свщеникахъ ‹. . .› вышал де ѧ Адриан на ѫлицѫ к колодезю | воды взять в нощи и в то время ишли мимо колодезь | а именно Ѳеодоръ Черепня да Григореи Ларионовъ с бра|том своимъ Козмою и говорятъ междѫ собою Козма гово|ритъ пошлите де ребята а Черепня молвил а де грѣхъ | бѫдетъ а Григореи де молвилъ а я кобы де то ведал ѧ бы | его положилъ довно: и то говоря пошли на дворъ к Симе|онѫ да Аѳонасю Ильиным дѣтемъ | сказал он Симеонъ Ильинъ снъ в то время в нощи приходи|ли де ко мнѣ во дворъ оныя Черепня и Григореи и Козма | в мою избѫ седѣли и пили брагѫ и Козма Ларионов взялъ | на дворѣ снегѫ и тот снегъ во избе метал в стравы в грибы | и во иныя стравы в печи: и после тои ночи того дня в обѣ|дѣ причинилась моемѫ братѫ Аѳонасью а после того | в третеи день возили де брата моего немощнаго Аѳанасия | к целюрикѫ и целюрикъ сказал что его де мнѣ не отходить моли|тесь де томѫ жъ хто гето здествовал хто в них был: а онои | целюрикъ сказывал тем людемъ которыя моего брата немош|ного возили а именно Ероѳеи Захаров Конон Марковъ и казали | мнѣ молись де Козмѣ: и ѧ Симеон оному Козме молился отходити | такѫю болѣзнь и мнѣ де он Козма сказал сделаи де мнѣ сани | и ѧ дал ему сани за брата своего Аѳанасья и брат мои оздравел | того *ж* села Бѫяновичь крестьяне Ѳилатъ Сидоровъ Ерохвеи За|харовъ Троѳимъ Титовъ и все крестьяне того села сказали | какъ де пропадала у попа Марки Ѳеодотова вкрадена бочка [с] | виномъ онои Козма говорил хто де такѫю бочкѫ украл отдаи|те ѧ де следъ выню тотъ де умретъ | Улианъ Борисовъ Алеѯеи Захаровъ и прочия сказали урекал де он | Козма Маѯимѫ Ильинѫ снѫ какъ он Маѯимъ везал оного Козмѫ | за покраденою клѣть попа Макария ты де мене вяжишь | вожами а ѧ де тебе без вожеи свяжѫ и умирая сказывалъ | что ѧ де от Козмы умираю || того *ж* числа он же Козма Иларионов урекал оным же крестьяном | какъ они ишли от цркви от вечерни растакие де вы матеря | хотитя де вы мене Кѫзкѫ повѣсить вот де ѧ вамъ изделаю небылицѫ и мы того *ж* часѫ воротились на мнстырскои | дворъ изѧвили приказщикѫ и слѫге Гавриле Садоховѫ | и мы того опасаемся

немало того *ж* числа дьячкова жена Евдокѣа Илина дочь | сказала при оны*х* де выше означенны*х* людехъ о*н* Козма | ѫхвалялся хѫдымъ деламъ ведовство*м* жал де мнѣ | Акима а ты де у меня давно не была жива ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 1200, № 300, л. 1—2 об.).

Представленные фрагменты деловой письменности южновеликорусского происхождения, не исчерпывая ее тематики, общий характер этой письменности обрисовывают вполне определенно. В ней получали отражение сообщения местных властей в Москву, оформление помещичьего землевладения, события военнослужилой жизни и последствия татарских набегов, состояние сельского хозяйства, крепостнических отношений в нем, ремесленного производства и торговли, разбор уголовных и тяжебных дел, сбор таможенных и других доходов, расходы по местным учреждениям и кабакам, учет съестных и иных запасов, а также имущества опальных людей, разбирательства семейных неурядиц и т. п.

Конечно, круг разновидностей старинных южновеликорусских текстов шире представленного фрагментами. Вместе с последними его составляют следующие разновидности текстов: воеводские отписки, вести о набегах татар и других «воинских людей», отказные и таможенные, приходо-расходные и описные книги, бесчисленные челобитные, нередкие расспросные речи, поручные записи, доезды, явки по разным поводам, росписи «животов» и запасов, сказки, ценовные записи, купчие и меновные, сговорные записи, грамотки и др. Отказные документы и сказки, поручные и ценовные записи содержат прямые указания на писцов — представителей местного населения. Там, где требовались подтверждения свидетелей, обнаруживаем приложения рук церковнослужителей, писцов-профессионалов и прочих местных грамотеев. Хотя в большинстве разновидностей текстов писцы их не указывались, локальные лингвистические приметы не оставляют сомнения в том, что писали их южновеликорусы.

Как свидетельствует характер рассматриваемых текстов, некоторые существенные стороны вседневной жизни обитателей Юга и той природной и общественной среды, в которой протекала их деятельность, не получали освещения в деловой письменности. Поэтому в ней и не находим лексики, употребление которой либо преиму-

щественно, либо исключительно было связано с отражением в речевой культуре именно этих сторон бытия. Таковы, например, слова, выражающие сложный духовный мир человека, тонкие душевные переживания, многие обозначения явлений природы, в частности флоры и фауны, наименования деталей бытового уклада, специфические лексические элементы обрядности и т. д.

Частичное восполнение связанных с некоторыми из этих сфер тех или иных лексических данных находим в отдельных разновидностях текстов, писанных не местными уроженцами, а людьми, присланными Москвой.

Примечательны в этом отношении писцовые книги бортных угодий. Описания угодий заключают в себе наименования так называемых бортных знамен, т. е. вырубленных или вырезанных на бортных деревьях условных знаков, посредством которых обозначали принадлежность деревьев определенным бортникам. В качестве подобных владельческих знаков во многих случаях применяли не просто те или иные зарубки, а схематические изображения орудий труда или их частей, предметов бытового обихода, военного снаряжения, частей человеческого тела, растений и животных и некоторых других реалий. Наименования знамен в писцовых книгах нередко сопровождались их рисунками, дающими общее представление о соответственных реалиях. Надо сказать, что такие наименования в других южновеликорусских памятниках либо вовсе не встречаются, либо встречаются крайне редко, частью только в отказах.

Содержательность писцовых бортных книг в рассматриваемом плане значительна. Приведем в подтверждение примеры.

Наименования знамен по орудиям труда или частям этих орудий, а также предметам бытового обихода: багор, ведерки, вески, ветвина, вилки, вилы, грабли, гребенка, дуга, дужка, заступа, калита, киец, клецы, клещи, ключ, ключик, колодка, копыл, копылец, коромысло, коса, кочерга, крюк, крючья, лопата, лопатка, мотовило, ночвища, ночвы, оглобли, онучки, палица, палка, полоз санный, пояс, пробой, сапожок, сапожки, светыч, скобель, сошка, стремя, тебеньки, топорок, тренога, тяглище, хомут, хомутец, цевье, чеботок, чеботки, чеботы, шандалец.

Наименования знамен по предметам военного снаряжения: лук, стрела, тетива, шеломец.

Наименования, имеющие отношение к человеку, к частям его тела: борода, бороды, бородка, бровки, голова, коленце, коса, косица, косицы, ладони, локотки, ножки, ребра.

Наименования, связанные с животным и растительным миром: белка, векша, вербица, ель, змейка, коза, козка, конь, крылья луневые, лапа курья, лапа сорочья, лапка, прут, рог олений, рог лосиный, рожки козьи, росомаха, собака, совка, сосенка, уши заячьи, хвост орлиный, хвост тетеревиный, хвосты, хмелинки [7].

Отсутствие одних или крайняя редкость появления других подобных названий в огромной массе всех иных южновеликорусских памятников обусловлены спецификой их содержания. Трудно представить, чтобы лексические факты наподобие таких, как *ветвина*, *клецы* «грабельные зубья» (Даль, Слов.), *копыл* «деревяшка, вдолбленная в санный полоз» (Даль, Слов.), *коромысло*, *кочерга*, *мотовило* «костыль, с развилиной на другом конце (колодка и рожки), для намота пряжи с веретена» (Даль, Слов.), *ночвы* «неглубокое, тонко отделанное корытце, лоток» (Даль, Слов.), *оглобли*, *онучки*, *полоз санный*, *светыч* «светец», *тебеньки* «кожаные лопасти, по бокам. . . седла, подвешенные на пряжках» (Даль, Слов.) или, скажем, *вербица*, *змейка*, *крылья луневые*, *лапа курья*, *рог олений*, *рог лосиный*, *рожки козьи*, *уши заячьи*, *хвост орлиный* и *хмелинки* могли появиться в деловой, преимущественно актовой письменности, не в качестве наименований знамен. Среди наименований бортных знамен встречаем не зарегистрированные в картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.», *лыч*, *моторса* или *муторса* [8]. Изображение бортного знамени выявляет значение слова *ветвина*, не отмеченное в научной литературе: тяж, соединяющий санный полоз с верхом его изгиба [9].

---

[7] Подробнее о наименованиях бортных знамен см.: *Коткова Н. С.* Названия русских бортных знамен — историко-лингвистический источник. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 120—133.

[8] Там же, с. 126.

[9] См.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977, с. 267.

Писцовые книги бортных угодий представляют юго-западную зону южновеликорусской области.

И десятни являются такими текстами, относительно которых нельзя быть уверенным, что писали их местные уроженцы. И все же вместе с бортными и другими писцовыми книгами, которые составлялись тоже приезжими, а не местными людьми, они дают некоторые сведения о локальных лексических элементах, получивших отражение в ономастике. Так, слово *ночвы*, отмеченное выше в виде наименования бортного знамени, отозвалось в фамильном обозначении, попавшем в рыльскую десятню 1614 г.: Данила Иванов снъ Ночвинъ (ЦГАДА. Ф. 210, Дела десятен, кн. 170, л. 12). Ср. *клецы* (название бортного знамени), ед. *клец*, *клевец* и производное от соответственного прозвища фамильное обозначение в елецкой десятне 1605 г.: Ѳоонко Анцыѳоров снъ Клевцов (ЦГАДА, Ф. 210, Дела десятен, кн. 86, л. 90 об.). *Клевец* — производное от *клевать*, а с *клевать* связано сложное прозвище — обозначение человека по занятию, напоминающему клевание, прозвище, зарегистрированное в рыльской десятне: Прокоп Жернаклевъ <. . .> Василеи Жернаклев (л. 2а об.); ср.: *клевок* «удар тычком, молоточком, клювом снаряда. *Одним клевком жернова не накуешь*» (Даль, Слов.). Между прочим, для мастера, который наковывает, насекает жернова, Даль приводит такие названия: *жерновщик*, *жерносек*, *жерноков*, *жерноклюй*; название *жерноклев* не отмечено. Вообще упоминаемые в писцовых книгах обозначения людей по их занятиям, тому или иному мастерству вместе с аналогичными данными южновеликорусских источников позволяют обстоятельно изучить эту тематическую группу лексики в ее функционировании на Юге [10]. Отдельные прозвища документируют бытование таких образований, вероятность употребления которых в первичной функции, а не в виде прозвищ, в произведениях старой актовой письменности является, можно сказать, нулевой. Например, в путивльской писцовой книге 1594 г. встречаем прозвище, в основе которого лежит сравнение человека с характерным для Юга степным растением: пашня что была на оброке <. . .> за посадцким члвком

[10] См.: *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 213—242.

за Θе*д*кою за Перекати Полемъ (ЦГАДА, Ф. 1209, Писц. кн. 367, л. 171), Θе*д*ки Перекати Поля ови*н* (там же, л. 171 об.).

В писцовых книгах, приуроченных к южновеликорусской области, представляют немалый интерес и материалы по топонимике. В частности, в рыльских и путивльских книгах сказывается некое своеобразие топонимики юго-западной зоны южновеликорусской области, бывшей Новгород-Северской земли — наличие в ней апеллятивов *болонье* или *оболонье* «заливной, поемный луг или подгорье», *струга* «поток» и *яруга* «овраг».

Недостаточная для исследования словарного состава, которым владели южновеликорусы, во всем его объеме, старинная южновеликорусская письменность содержит достаточные данные для исследования южновеликорусской фонетики, за исключением, разве, типов яканья, и морфологии южновеликорусских говоров.

Гораздо сложнее обстоит дело с изучением по данным этой письменности синтаксического строя указанных говоров. Обусловлено это двумя причинами. Во-первых, в современном состоянии синтаксис южновеликорусских говоров несколько ближе к общенародному, нежели северновеликорусский синтаксис, вследствие чего синтаксическая специфика южновеликорусских говоров выделяется менее рельефно, чем специфика северновеликорусских. Во-вторых, влияние в деловой письменности, в особенности актовой, приказных конструкций затрудняет выделение в ней того, что было в синтаксическом отношении в то время живым, народным [11]. Усвоение местными властями и писцами приказных конструкций и других приказных норм происходило и устным образом — при чтении указов из Москвы и еще прочнее — письменно, когда отписывая об исполнении указов, начинали с их повторения. Воспользуемся в качестве примера любопытной отпиской из Хотмышска, по тому времени довольно грамотной.

---

[11] Уже не приходится говорить об отсутствии опытов изучения синтаксиса южновеликорусских говоров по памятникам письменности.

Гсдрю црю и великомѹ кнсю Алеѯѣю Михаило|вичю всеа Рѹсии холоп твои Сенка Болхо|вскои челом бьет в ннешнем гсдрь во РНЗ м | году генваря въ И де прислана в Хот|мышскои твоѧ гсдрва црва и великого кнsя | Алеѯѣѧ Михаиловича всеа Рѹсии гра|мота ко мнѣ холопѹ твоемѹ sа приписю | дьѧка Григорьѧ Ларионова а в твоеи | гсдрве грамоте написанѡ вѣдомо | тебѣ великомѹ гсдрю црю и великому | кнзю Алеѯѣю Михаиловичю всеа | Рѹсии ѹчинилос что в Хотмышскомъ | и в ыных ѹкраинных городѣхъ и в ѹ|ѣздех мирские всякихъ чинов люді|и жены их и дѣти в воскресные и в гсдъ|-ские дни и великих сваѧтых во время | свтго пѣния к цркважм бжиим не ходятъ | и ѹмножилос в людех во всѣхъ пьян|ство и всякое мятежнѡе бесовскоѣ | дѣиство глумление и скоморошств[о] | со всякими бесовскими играми и от тѣ[х] | сатаниных ѹченикоѵ в православн[ых] | хрстиѧнех ѹчинилос неистоство и мно|гие люди забыв бга и православну[ю] | хрстиянскую вѣрѹ тѣмъ прелесником ском[о]|рохомъ послѣдствѹют на бесчинное их прел|-щение сходятца по вечером во вс. . . || позорищах на ѹлицах и на полях и бго . . . |скихъ их и скверных пѣснеи и всяких[ъ] | бесовскихъ игръ слѹшают мѹжсков[о] | и женскова полѹ и до сѹщих младенц[ев] | и на кулашных боѣхъ меж собою драк . . . | дѣлают и на качѣлях колышѹтца в кл. . .| и на веревках а иные прелестник[и] | мѹжскова и женсково полѹ в город[ах] | и в ѹѣздех бываютт со мнѡгимъ чарод[ей]|ством и волхованиемъ и многихъ | людеи тѣмъ своимъ чародѣиств[ом] | прельщают а иные люди тех ча|родѣевъ и волхвовъ и бгомерск[их] | баб в домъ к себѣ приsывают к . . . |лым дѣтем и тѣ волхвы над болны|ми и над младенцы чинят всякое | бесовское волхвование и от прав[о]|вѣрия православных хрстиян отлѹчают | да в городех же и в ѹѣздех от прелесни|ков и от малоѹмных людеи дѣлаетца | бесовскѡе сонмище сходяс мнѡги | люди мѹжскова и женскова полѹ в ноч|и бесчинное скакание и плескание | поют бесовские пѣсни и на сваѧтои | недѣле жѡнки и дѣвки на досках | скачют а о рожествѣ Хрстве и до | бгоѧвлениева дни сходятца | мужскова и женскова полу мнѡгие лю|ди в бесовское сонмище по ѧвол|скои прелести мнѡгое бесовское дѣи|ство и играют во всякие бесовские игры ||

и накладывают на себѧ личины | и платѧ скоморошское и меж себѧ | нарядѧ бесовскую кобылку водят | и в таких в позорищах своих многие лю|ди в блѫд впадают и в тои прелести | хрстиане погибают и с качелеи многіе | ѫбиваютца до смерти да в городо|цких же и в ѫѣзных людех ѫ многихъ | бывают на свадьбахъ | всякие бесчинники и сквернослов|цы и скоморохи со всѧкими бесѡв|скимі игры и ѫклонѧютца правосла|вные хрстиане к бесовскимъ пре|лестем и ко пьянствѣ а отцов дѫхов|ных и по приходом поповъ и ѫчи|телных людеи наказанѧ не слѫшают | и за наказане отцомъ своим дѫхов|ным и приходцкимъ попом и ѫчителным | людемъ ѫкоризны и безчестьѧ и на|логи дѣлают и ты великии кнзь Алеѯѣи Михаиловичь | всеа Рѫсии жалѣя о правосла|вных хрстианех велѣл ѡ тѣх | о богомерскихъ дѣлех ѫказ ѫчи||нит чтоб православные крстияне | от такова от бесовского дѣиства | отстали и по твоемѫ гсдрвѫ црвѫ | и великого кнзѧ Алеѯѣя Михаило|вича всеа Рѫсии ѫказу и по гра|моте велено в воскресноі не | в один день быти к соборнѡи цркве | игѫменомъ и чернымъ и мирскимъ попом и головамъ стрелецкимъ | и сотником и дѣтемъ боярскимъ | и всякимъ служилым и жилецким | и ѫѣзным людемъ и которые съѣдут|ца к торговомѫ промыслѫ | и для своих и тоѣ твою гсдрвѫ гра|мотѫ веленѡ имъ прочесть | не одинѡжды всѣм вслух и велено | мнѣ холопу твоемѫ приказат | имъ чтоб гсдрь в городе и в слободах | и в ѫѣзде мирские всяких чинов | люди и жены их и дѣти в воскре|сные и въ господцкие дни и великих | сватых к церквамъ бжіим к пѣнию | приходили и в цркви бжии стояли смирно | меж себѧ в цркве бжиии в пение ника|ких речеи не говорили и слушали црковног | пѣния со страхом и со всѧким блгоче|стием внимателно и отцов своих дѫхов|ных и учителных людеи наказанѧ и ѫче|нья слушали и от безмѣрного пьянства ‖ ѫклонилис і скомороховъ ѕ домрами и з гу|сльми и с волынками и со всякими и|грами и ворожеи мѫжиковъ и баб к бол|ным і ко младенцом в дом к себѣ не при|сывали і по ночам на ѫлицах и на полях | богомерских и скверных пѣснеі не пѣли | и не плесали и в ладони не били и вся|ких бесовских игръ не слѫшали и кѫлачных | боѣв меж себя не дѣлали и на качѣлех | ни на каких не качалис и на досках | мѫжскова и женскова полу не скакали | и личин на себя не накладывали и бе|совских кобылокъ и на свадбах

бесчи|ньд и сквернословя не дѣлали а кото|рые гсдрь люди от тово ото всего от бо|гомерскова дѣла не отстанѫт и ѫчнут | впредь такова богомерскова дѣла | держатца и по твоему гсдрвѫ указу | велено тѣм людем дѣлат наказане | и они б всяких чинов люди тот твои гсдрвъ | ѫказ вѣдали а какъ гсдрь в Хотмы|шском по сему твоему гсдрвѫ указу вся|ких чинов людем о богомерских дѣлех | заказ д холоп твоі ѫчиню и что мнѣ | холопу твоему о том велено отписати к тебѣ || гсдрю и по твоемѫ гсдрь црвѫ и великог | кнзд Алеѯѣд Михаиловича всеа Рѫсии | ѫказу и по грамоте д холоп твоі в во|скресные во многие дни велѣл быти | к соборнои цркве чорным старцам и попом | и діяконом и мирскимъ всяких чиновъ | служилым и жилѣцким и ѫѣздным людем | и ту твою гсдрвѫ грамоту ѣ холоп твои | велѣл прочесть многожды всем всѫх | а заказ против твоег гсдрва ѫказу | ѣ холоп твои ѫчинил и хотмышаня | гсдрь всяких чинов слѫжилые и жилѣцки|е и ѫѣздные люди окромѣ хотмышан детеи | боярских Тимофѣя Милкова да Захарки | Кохонова да Сенки Петина выслушав | твоеи гсдрвы грамоты сказали мнѣ холопу | твоему твоег гсдрва ѫказу слушат ради і в во|скресные и въ гсдъские дни и великих | стых к цркважм бжиим приходит ѫчнѫт и от|цов своих дховных и прихоцких попов | и ѫчителных людеи наказаня и ѫчен|я слушат во всем ѫчнѫт и жен своихъ | и детеи ѫчит и ото всяког дѫрна ѫни|мат станут что б они к церквам бжиим | приходили почасту а от сотониных | и ото всяких бесовских дѣиствъ || отстанѫт а дети боярские гсдрь Тимоѳеі | Милковъ с товарыщи мнѣ холопѫ тво|ему в съѣзжеи избѣ говорили при многих | людех та де твод гсдрва грамота | прислана ко мнѣ холопѫ твоемѫ | по заводу кѫрчанина Гаврилы Малы|шева и в торгѫ гсдрь мирскимъ людем | он Тимофѣі с товарыщи говорил мно|гожды не по один днь какъ де онъ Ти|мофѣі был на Москвѣ і тѣ де твои | гсдрвы грамоты писаны и по городом | посланы по заводу курчанина Гаврилы | Малышева что де в Хотмышскомъ был | ѫ стрелцов и ѫ казаков головою а в Хотмы|шском гсдрь люди ѫкраинные тѣмі | гсдрь словами он Тимофѣі с товарыщи | многим простым людем смѫтѫ и ослабѫ | ѫчинил а всякому гсдрь добромѫ дѣлу | и твоим гсдрвымъ работамъ дѣлают|ца завод и порѫха от нег Тимофѣя | с товарыщі не от болших людеи а дети бо|ярские гсдрь хотмышаня на нево Ти|моѳѣя в воровствѣ

и в заводе в прошломъ | во PHS м году били челом тебѣ гсдрю црю и великомѵ | кнзю Алеѯѣю Михаіловичю всеа Рѵсіі | а ко мнѣ холопу твоему в съѣзжею избу ѯпри|-несли челобитную ѕа руками въ ег Тимоѳѣеве | воровствѣ а дрѵгую гсдрь таковѵ ж челобитнѵю | ѕа руками дети боярские на нег Тимоѳѣя посылали | к тебѣ гсдрю к Москве а которую гсдрь челобитнѵю | ко мнѣ холопу твоему принесли и я холоп твои тое | челобитнѵю ѕа руками на нег Тимоѳѣя въ ег ворове|ствѣ подал но Москвѣ в Розряде ‹. . .› (ЦГАДА. Ф. 210, Бел. стол, стлб. 270, л. 445—451).

Как видим, отписка начинается с изложения царского указа, воспроизведение которого и составляет ее большую часть. Естественно, переписывая этот указ, писец неукоснительно следует московской приказной орфографии. Даже там, где говорится о выполнении царского указа, составитель отписки не обходится без обращения к его отдельным пунктам и также невольно ориентируется на правописные нормы московских приказов. Отсутствие в этой отписке примет южновеликорусского наречия могло быть связано и с тем, что ее, по просьбе подателя, возможно, приехавшего в Москву, переписал московский профессиональный писец — подьячий или дьячок. Во всяком случае, в других отписках из южновеликорусской области следы локальной речи наличествуют. Например, в отписке, посланной из Ельца в 1593 г. читаем: Іванкя Месноu, Степанкя, а также: твоѣму, тобѣ (ЦГАДА, Ф. 210, Прик. дела стар. лет, в. 4, № 1, л. 97); в отписке 1622 г., направленной из Путивля: полявыми (ЦГАДА. Ф. 210, Моск. стол, стлб. 13, л. 364); в отписке из Курска, датированной 1626 г.: чатыреста чатыре; вхоботя, вхоботные, ср.: ухоботя (ЦГАДА. Ф. 210, Сев. стол. стлб. 79, л. 94—95). Можно было бы указать немало и других примеров.

При всем бесспорном влиянии московской приказной письменности на периферийную деловую, исследование синтаксиса южновеликорусских говоров и, шире, общенародного по данным указанной периферийной письменности в определенных, несколько суженных рамках представляется возможным. Говоря о рамках, имеем в виду ограничение возможностей изучения синтаксиса устной речи приказными схемами актовых текстов и применяемой в них довольно последовательно стандартной приказ-

ной фразеологией. В исследовании синтаксиса народной речи лучше всего ориентироваться на менее зависимые от приказных схем и приказной фразеологии грамотки, челобитные и расспросные речи.

Мы уже говорили, что принадлежность писавших к местным уроженцам в анонимных текстах устанавливается и по отражениям в письме их говора, и по условиям местного делопроизводства, и по другим условиям местной жизни. Полагаем, нелишне выяснить, каковы были тогда в России, точнее в южновеликорусской области, возможности участия в указанном делопроизводстве именно местных грамотеев, а это зависело от того, насколько широким и стабильным был контингент последних.

Значительное число писавших принадлежало к церковнослужителям. Не были ли они такими книжниками, что явления живой народной речи, вопреки орфографии той поры, в их письме не пробивались? Если взять рядовое духовенство, в особенности сельское, то его правописная подготовка не являлась столь высокой. Больше того, отдельные священники умели только читать, а писали за них другие. Выясняется это из поповских сказок, поданных в Ливнах в 1689 г.: к сей скаски ливенецъ Ивашка Демьяновъ вмѣсто егорьевского попа Ѳедора, потому что онъ самъ не пишетъ, по ево велению руку приложилъ (КЕ, III, 245), к сей скаски ливенецъ Сидорка Клушинъ вмѣсто богоявленского попа Стеѳана, потому что онъ самъ писать не умѣетъ, по ево велению руку приложилъ (там же, 253), к сей скаски николаевской попъ Андрѣи вмѣсто брата своево родного покровского попа Гаврила, потому что онъ мало пишетъ, по ево веленью руку приложилъ (там же, 257). С Чернавском связано следующее приложение руки к поповской сказке, датированной тем же годом: к сей скаске пятницкой дьячокъ Максимка Поповъ вмѣсто попа Костентина, что онъ писать не умѣетъ, по ево велѣнью руку приложилъ (там же, 267). Ср. более раннюю запись (1649 г.), отмеченную в брянском тексте: к сем ѡтказным книгам || Спаского мнстыря|| поп Ѳедар в николского попа места || Ѳедасея и в прихожен его места || которыя были в понѣтых | на ѡтказе а он поп нѣ пишет | по их велѣнью руку приложил (Южн. отк. 64). Не означало ли неуменье писать невладение именно скорописью? Уставное и полууставное письмо и чтение его давалось легче скорописи. Например,

в одном из писем мужу некая Ларионова просила его писать малолетней дочке грамотки не иначе, как уставом (Ист. 66).

Ознакомление с записями церковнослужителей, в большинстве своем церковных дьячков, позволяет констатировать: твердыми правописными навыками они не обладали и так же, как и другие писцы, непрофессионалы и профессионалы (площадные и прочие подьячие и нецерковные дьячки), допускали в письме, вопреки орфографии, несомненные отражения локальной речи. Примеры из отказных книг первой половины XVII в., писанных церковными дьячками и в единичных случаях попами, подтверждают это со всей очевидностью. Представлены они в материалах издания «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги». Из всех отражений локальной речи вслед за именем писца приводим лишь отдельные, более выразительные (фонетические, морфологические и лексические), располагая их в порядке следования в тексте. В скобках указываем страницы издания. Неравномерность в количестве отражений связана преимущественно с объемом текстов, писанных тем или иным писцом, а также и с выборочностью примеров.

Белгород. Церковный дьячок Пантелейка Степанов сын: на Севе*р*скомъ До*н*циѣ (дважды), дикоя поля (11), на бо*л*ше*м* дубя, четыря, сено*ж*а*т*, на *в*здубро*в*і, насечана (12); церковный дьячок Ивашка Богданов: ѯ Ивано*в*ское помѣстья, ѯ Андреев*ск*ом помѣстьи (10), сенажа*т*, обапо*л*ные (13), сѣножа*т*, на Дѯмча*и* курга*н*, ѯ о*т*казе (17), катлѯбани*н*ка (18); церковный дьячок Панька Степанов: по обя стороны, увер*х* (15); церковный дьячок Васька Ортемов: *дв*от*ц*а*т*, с ве*р*хи и *з* бояраки и с упал[ы]ми колодеѕи (18), по ‹. . .› ерѯгу, сеножа*т*, кр*с*тьяне*н* (19); никольский дьячок Ивашка Федоров сын Холевин: ѡбапо*л*ны*х*, сѣнажа*т*, с Про*н*кею, понижа, с удовою (14), вприеха*в*, дикоя поля (23), ме*ж* ‹. . .› бояраков, у лѣсъ, (24) вышал, мерел (29), ярѯга, обапо*л* (33).

Брянск. Церковный дьячок Митька Калистратов: сто че*т*и в поли а у двѯ по таму жа, у не*м*, у приделе, увопче, у то*м* се*л*цы, чатыря (37); церковный дьячок Васька Леонтьев: Селиве*р*стъ Ил*в*о*в*, Ми*т*кя, всякоя вго*д*я, ѡѕяриша, с Ла*р*ке*м* (41), ѕ бра*т*а*м* с Вяскямъ, дворища*в* (42), *в*сякоя ѯго*д*ѧ, Васкѧ, ѯдовѣ, ѯдова, *з* деверя*м*,

на яе жерѣбеи (43), у том ѫхожи, с удавою, сь яе ѕ дочерю, ѫдовы (44); поп Василий села Сухоря: мужа яе поместья, в нег двор, ѫдовы, Кузкя, всякоя ѫгодя, са ѡтцом яе, с пасанками, с Володкею, с Ларкею, с Кузкям (50), ѫ том ухожи, униз, с рыбнами ловли, к березе што стоит в селецкои дорожки (51), едучи ‹. . .› дорожкою управа а з дорошки улева, ѡт березы управа к дубу, ѡтделил ‹. . .› аму то село (52).

В о р о н е ж. Вдовый поп Первоище: вояводы, Бориса ‹. . .› Нашшокина, прозвиша (67), петдясят, пядясят, удоваи поп Первоиша (68); церковный дьячок Путилка Перфильев: воронежац, абапол, измѣряв (73), по боярак ѫ, ѡбапол, сеножатю, стоит волха ‹. . .› с волхи (74); троицкий дьячок Никитка Иванов: с тими людми, боярака, по суходолноu ерек, на Высокои верхъ (84).

Е л е ц. Егорьевский дьячок Афонька Лукин: дикоя поля (90), измѣрел, ѡбапол Стюденог леска, на отдѣля, Аѳонкя (91), со всѣми малами липеги (95), мѣрел, на ѡткаѕя, Аѳонькя (96).

К а р а ч е в. Церковный дьячок Ивашка Константинов: Борису Смолявитцком ѫ (116), уво вдовы, Борис Смоливитцкои, у его ѡклад у двесте чети, тыя пустоши (117); церковный дьячок Захарка Володимиров: (отказал пустошь) а у неі пят мѣстъ дворовых, обапол, с обапольными помѣщики (127); церковный дьячок Вторышка Степанов: в Корачевском вѣѕде, всякоя угодя (128); Ильинский дьячок Левка Федоров сын Попов: Кузке ‹. . .› Аковапцов (130), Володке Синицскои, (тридцать четвертей в поле) а у дву по тому ж (134).

К у р с к. Церковный дьячок Лучка Булатников: Хрола, в Дмитреявъ починок, ѡтт ѫстья ‹. . .› колодеѕя, Невстр ѫи, (148), по ‹. . .› памити (152), всякоя оугодя, Ларьке Иванов, с Трохимом, егорявъскои, Макъсим Оуласовъ снъ, аѳонасявскои (153), Михаиле Ха ѫстов ѫ, Васке Совелявъ, пашне паханыя, Семен Хролов снъ (155), ѫверх по ‹. . .› колодезю, (по правую сторону) рѣчьке, Кирянъ ‹. . .› Невбытов (159).

М ц е н с к. Церковный дьячок Ивашка Васильев: ездил ‹. . .› у Елизарева помѣстья болшова да у Елизарева меншова Борзых (181), Ярошка, (тридцать четей в поле) а у дву по таму жь (182).

Н о в о с и л ь. Церковный дьячок Наумка Офонасьев сын: (в Родионово Иванова сына) да у племенника ево

‹. . .› в *их* помѣси ѣздил, пашни и перелугу, слободка Стюденоя, до волхи (206), племеннику, пуня, пашни и перелугу, у рѣкѣ (208); церковный дьячок Демешка Потапов: *отказал* ‹. . .› Аверкяю, у двѣстя в пятдесят *чети*, на *отказя* (210); егорьевский дьячок Якушка Семенов сын Попов: вояводы, старостав, сыскивал у правдѳ, Паѳома, у ево *оклат* (221); церковный дьячок Васька Григорьев: навасилец, с себрами иво (229).

О р е л. Церковный дьячок Смирка Обросимов: ученена, с ѳсть *иржавца*, уверхъ, Василеи Брадихин (237); церковный дьячок Микишка Дружинин: сколке, целованю, паразжо, чатыряста (252); церковный дьячок Михалка Леонтьев: Троеим Пиминов, помѣстья что ямѳ дано, на Дябилове верхѳ, иметцат, ср.: иметца (256), *двотцат* (257); поп Никифор Мокеев сын: дикоя поля, сеножатноя, мѣсты, сенажати, чатыряста, ѕа рѣчкую (дважды), берех рѣчки (258), тое ѕемлю, нѣчимъ (259).

Приведенные здесь отражения аканья составляют лишь ничтожную часть наличествующих в отказах, причем, помимо прямых, имеется много косвенных. Сравнительно однородная тематика отказов обусловливает некоторое однообразие примеров. При отсутствии в отказных документах изложения от первого лица, в них, например, не могло проявиться употребление известной на Юге формы личного местоимения род.-вин. ед. *мене* (наряду с *меня*), нередкой в южновеликорусских сказках, которые писались от первого лица: у мене узяли дочере (ЦГАДА. Ф. 210, Бел. стол, стлб. 419, л. 78), взяли в мене корову (там же, л. 125), в мѣне Евтеха братъ Левъка (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стбл. 696, л. 113) и др.

И тем не менее совокупность фонетических и в меньшей мере морфологических примет ясно указывает на принадлежность писавших к носителям местных говоров. Имеет определенное значение и наличие в составленных ими отказах локальных лексических примет: *верх* или *яруга* в значении «овраг», *колодезь* «речка, текучий источник», *сеножать* и производное прилагательное, *пуня* «хозяйственная постройка», *обапол*, *обапольный* и др. Немаловажно следующее: означенные приметы в большинстве своем, в частности, особенно выразительные, совпадают с теми, которые свойственны и прочим, приведенным выше старинным текстам южновеликорусского происхождения, писанным, однако, не церковнослужителями. Выходит,

в условиях несколько шаткой в то время узуальной орфографии правописный уровень невысокого духовенства не препятствовал отражению в его письме определенных особенностей местных говоров. Писанные церковными дьячками и попами деловые тексты вполне пригодны для исследований в историко-диалектологическом плане.

Одновременно следует сказать: не церковные дьячки и попы составляли основной контингент писавших. Небезынтересны в этом отношении многочисленные свидетельства опубликованных нами отказных книг. В составе писавших отказные документы церковнослужители составляли всего лишь примерно пятую часть. Значительно чаще они заверяли отказные документы приложением рук, причем не только от себя, но и за неграмотных свидетелей. Среди грамотеев, писавших сказки, служителей церкви также немного. Все прочие периферийные писцы обыкновенно называли себя по городу или уезду, в котором обитали: воронежец, ельченин, курченин, мещенин, новосилец, орленин и т. д.: иногда указывали военнослужилое (сын боярский, стрелец, казак, пушкарь и т. д.) или должностное звание: площадной дьячок, губной дьячок; подьячий, площадной подьячий; городовой приказчик, губной староста и т. д.

Неоднократно высказывались сомнения в возможности изучения народно-разговорной и, тем более, диалектной речи по текстам старинной деловой письменности. Сомневались не только потому, что в ней осязательно проступало регламентирующее влияние приказной традиции, но также и вследствие того, что более или менее конкретного представления о составе периферийных писцов исследователи не имели.

Наша публикация отказных книг первой половины XVII в. дает о южновеликорусских писцах конкретное представление. Перечислим упомянутых в ней писцов, которые не входили в состав духовенства, учитывая и писавших отказные документы и заверявших их приложением рук. Указываем все их самоназвания, а в скобках — страницы публикации, где воспроизводятся писанные ими тексты.

Белгород. Артельный Костька Алексеев сын (28—29); Беляев Осипка (20); Богданов Ивашка, площадной дьячок Белагорода (25—28); Данилов Янка (15—17, 19—20); Жуварев Антип, станичный ездок (20); Кайдалов

Григорий (15); Кузьмин Алексей, станичный атаман, отказчик (11, 18); Малышев Васька (9—10); Муратов Роман, белогородец (33); Некрасов Кузьма, станичный сын боярский (23); Неронов Фомка, ездок (20—22), Неронов Фома (29), Неронов Фома Филиппов сын, белогородец, станичный голова (31); Пенцов Микитка (30—31), Пенцов Микитка, площадной дьячок (32—33), Пенцов Микитка (34—35); Пищулин Федор (10), Пищулин Федор Гаврилов сын, белогородец, полковой сын боярский (12), Пищулин Федор Гаврилов сын, сын боярский (17); Польщиков Михайла, белогородец, сын боярский, отказчик (35); Степанов Панька, площадной дьячок (13—14); Тонков Василий, станичный атаман (17); Тонкой Андрей, сын боярский (9); Юрлов Василий, осадный голова (10).

Брянск. Агапеев Ивашка, брянский стрелец (60—62); Алымов Дмитрий (50); Андреев Кондрашка (47—49, 55—56); Бакшеев Григорий Михайлов сын, стародубец (39); Глебов Федор Гаврилов сын, брянченин, отказчик (38); Голенищев Петр Гаврилов сын, рословец, отказчик (47); Головин Андрюшка (58—59); Дружинин Васька (38—39); Дружинин Сенька (45—46); Дружинин Юрка Иевлев сын, брянченин, площадной дьячок (63—64); Константинов Иван (55); Котелкин Сергушка, брянский площадной дьячок (64—66); Львов Григорий (45); Львов Иван, сын отдельщика почепца Львова Селиверста (42); Мачехин Лазарь, брат брянского городового приказчика Мачехина Степана (46); Мачехин Степан, брянский городовой приказчик (45); Мозалевский Василий Васильев сын, почепец, отдельщик (40), Мозалевский Василий (43); Никулин Софонка (53—54); Понютин Дмитрий (38); Понютин Федор (41); Провиков Сава (Савелий), сотник брянских стрельцов, отказчик (64); Растовкин Мишка (46); Слизнев Иван Андреев сын, брянченин, отказчик (63); Степанка Артемов сын, брянский земский дьячок (36), Степанка Артемов (38); Тонкой Воинка (39—41); Трубчанинов Алексей, рословец, отказчик (60); Юрасов Игнатий Яковлев сын, отдельщик (41).

Воронеж. Абросимов Ларка (76—77); Анахин Перша Иванов сын, воронежец, сын боярский (71—72); Аникеев Ивашка, дьячок с. Сенного (75—76); Безносов Перфилка (78); Бухалов (в отказе — Бухонов) Федор, сын боярский (83); Бухонов Артемий (68); Вальцев Афанасий, воронежец, сын боярский (81); Васильев Иван, по-

местный есаул, отдельщик (80); Васильев Тимошка (72); Горожанкин Анисим Аксенов сын, сын боярский, отдельщик (78); Горожанкин Архип, воронежец, сын боярский (81—82); Горожанкин Сидор Лукьянов сын, сын боярский (77—78); Иванов Федька (67); Иншин Григорий, воронежец, сын боярский (76); Искрин Тимофей, воронежец, сын боярский, отказчик (77); Корчагин Авдей (67); Корчагин Третьяк, воронежец, сын боярский (69); Кошкин Захарка Федоров сын, воронежский дьячок (82); Кунаковский Василий, воронежец, сын боярский, отдельщик (78, 81, 85); Пареный Володька (82—83); Попов Родька (80—81); Сумароков Дорога Панфильев сын, воронежец (68); Тарарыков Васька (68), Тарарыков Василий (73); Тарарыков Неустрой (71, 73); Ушаков Абросим (69—71); Филиппов Семейка (78—80); Шишкин Агап (82).

Елец. Алексеев Ивашка, ельченин (108, 115); Алексеев Илюшка, ельченин (112—113); Архипов Алексей, ельченин (105); Белозоров Гришка, елецкий казак (87—88, 110—111); Бородин Володька, ельченин (104); Гранкин Прохор, ельченин (103); Куликов Карп, ельченин, сын боярский (93), Куликов Карп, ельченин, сын боярский, сыщик (94), Куликов Карп, ельченин (113); Лазарев Воинка, ельченин, сын боярский (88); Леонтьев Матюшка, ельченин, кормовой казак (97—98); Мишка Игнатьев сын (89—90), Мишка Игнатьев сын, площадной дьячок (91—92, 94—95, 96—97, 98—99), Мишка Игнатьев, площадной дьячок (101—102, 109—110, 113—114); Пахомов Фомка (108—109); Пашков Василий, ельченин, отказчик (95); Перцов Степанка, ельченин (87), Перцов Степанка, сын Перцова Ивана, ельченин (101, 114); Петрушка Ерофеев сын (103); Потапов Илья Иванов сын (99); Сидячий Тимофей Петров сын, ельченин, сын боярский, мерщик (115); Сопелкин Дементий, ельченин, отказчик (92); Спесивцев Федька Григорьев сын, ельченин (99—100, 107—108, 111—112), Спесивцев Федька, ельченин (114); Сухачев Потапка, ельченин (92—93), Сухачев Потап, ельченин (93—94); Сухинин Мокей, ельченин, сын боярский, отказчик (96); Телегин Иван, ельченин, сын боярский, отказчик (104), Телегин Иван Фомин сын, ельченин, сын боярский, отказчик (111); Третьяков Васька Ананьин сын (86—89); Чурсин Иван, ельченин (100—101).

Карачев. Абросимов Смирка (116, 119—120); Азаров Андрюшка, площадной дьячок (131), Азаров

Андрюшка (134—135); Андреев Афонька (123—124); Белоусов Сенька (122—123, 129—130); Богатырев Федор, карачевский городовой приказчик (118—119); Володимиров Кузька, дьячок карачевских стрельцов и казаков (132—133); Голосов Богдашка (121, 125—126, 128—129); Гридин Иван (123), Гридин Ивашка (118—119); Дмитровский Фролка Григорьев сын (126); Иевлев Волокита, карачевский губной староста (126); Ковезин Ульян Васильев сын, сотник карачевских стрельцов и казаков (130); Опухтин Климентий Константинов сын (131); Подымов Михайла (125); Почепин Мишка, сын карачевского беломестного казака Ивана Почепина, отказчика (132); Савичев Власка (132—134); Селюменев Парамон (131); Селюменев Прокофий Логвинов сын, болхович (134); Тонкой Воин, стародубец (116, 118); Юрасов Ратман (130).

К у р с к. Анненков Воин Антипов сын, курский осадный голова (141); Аносов Васька (140—141, 168—169, 175); Афанасьев Добрыня, курченин, сын боярский (165); Афанасьев Кузьма Лаврентьев сын, курченин (166); Борисов Ивашка (137); Бортенев Селиверст, курченин, сын боярский, отказчик (157), Бортенев Селиверст, курченин, сын боярский, обысчик (159); Быканов Афанасий, курченин, сын боярский (155); Головин Максим Лукьянов сын, курченин, сын боярский (171), Головин Максим Лукьянов сын, курченин, обысчик (175); Григорьев Кондрашка (139, 141—144, 153—154, 161, 166—167, 170—171); Григорьев Федька (149); Дроковцов Фролка Ефремов сын, курченин (172—174); Дурнев Анисим, курченин (160—161, 170); Жеребцов Степан, курский подьячий (174); Иванов Сидорка, курченин (146); Исаев Афонька (157, 162): Истомин Нехорошка (151—152); Истомин Павлин, подьячий (136); Истомин Первушка (138—139, 153, 164—165, 175—176); Кобатов Васька (140); Кобатов Наумка, губной дьячок (137—138, 145—146), Кобатов Наумка, курский губной дьячок (150—151, 157—158); Кононов Микифорка Иванов сын, курченин (147—148), Кононов Микифорка, отказчик (170); Котунин Иван (140); Кузьма, сын Виденьева Богдана, курского осадного головы (140); Кунаков Дмитрий Васильев сын, курченин, сын боярский (157); Ловлин Акимка, курский стрелец (152); Мальцев Кирилла (148); Мальцев Филимошка, сын Мальцева Никифора, курченина (176); Машкин Иван Афанасьев сын, курченин, сын боярский (147); Мезенцев Нестер Иванов сын, кур-

ченин, сын боярский (140); Мелехов Петр Микитин сын, курченин, сын боярский (167); Морковчин Данила, курченин, сын боярский (154); Мосов Чужим (162); Омелин Афанасий, курченин, сын боярский, отказчик (168), Омелин Афанасий, курченин, сын боярский (171); Пашков Прокофий, курченин (162, 168); Поздняков Федор, курченин, отказчик (152); Протопопов Ивашка Гурьев сын, курченин (155—156), Протопопов Ивашка Гурьев сын (163), Протопопов Ивашка, курченин, площадной подьячишка (166, 171—172), Протопопов Ивашка Гурьев сын, курченин (174); Стрекалов Вавилка (144—145), Стрекалов Вавила Евсеев сын, курченин, сын боярский (160); Стрекалов Евсевий, курский губной староста (137—139, 145), Стрекалов Евсейка, курченин (146), Стрекалов Евсевий, курский губной староста (150); Тестов Иван (166); Трифонов Тимофей (144); Филатов Ларион, курченин, отказчик (159—160, 163—164); Шеховцов Василий, курченин, сын боярский (158); Шуклин Микифор, курский губной староста (140, 146, 151); Яковлев Данила Семенович, стольник и воевода (152—153, 158).

М ц е н с к. Алехин Янка, мецненин (185—186); Богданов Васька (190—191, 196, 200); Богданов Ивашка (178—179); Булгаков Купря (180—181), Булгаков Купря, мецненин (188—190, 192—193), Булгаков Киприян, мецненин (193—196); Булгаков Евдоким (187); Голиков Анашка Микитин сын (177—178, 199); Гринев Иван (178); Гринев Константин (199); Ефимов Мина, мецненин (191—192); Карлов Микита, мецненин (201); Климка, внук Толубеева Григория, мецненина (179); Комынин Ларион Данилович, воевода (183—185, 191, 199); Мишков Игнатий, мецненин (191), Мишков Игнатий Лаврентьев сын (192), Мишков Игнатий (200); Олтухов Алексей, мецненин, сын боярский, отдельщик (183), Олтухов Алексей, мецненин, отказчик (184—185); Павлов Васька (179); Паншин Мишка (182—185); Петрищев Василий (191); Петрищев Иванка, мецненин (181); Протасов Давыд (199); Селиверстов Филонка (199—200); Сидоров Меньшой Андреев сын, мецненин (196); Старово Григорий, новосилец (181); Сукманов Федор (180); Толоконцев Трофимка (187—188, 196—198), Толоконцев Трофимка Прокофьев сын (200—201); Толубеев Сергей (198); Черемисинов Иван Трофимов сын, мецненин (198); Чертов Богдан, мецненин (182), Чертов Богдан (193, 196); Юдин Нехорошка, мецненин (186—187).

Новосиль. Автомонов Григорий (216), Автомонов Григорий, новосилец (233—234); Автомонов Якушка Семенов сын, новосилец (217—218), Автомонов Якушка, новосилец (222—223); Ананьевский Лев, новосилец (209), Ананьевский Лев (235—236); Баркалов Мина, новосилец, отказчик (220); Булгаков Петр, новосилец (222); Головин Василий (203); Гребенкин Аксен, новосилец (226), Гребенкин Аксенка, новосилец (227—230), Гребенкин Аксен, новосилец, отказчик (231); Гребенкин Ермол (227), Гребенкин Ермолка (219—220), Гребенкин Ермолка, новосилец (220), Гребенкин Ермол, новосилец (221—222), Гребенкин Ермолка, новосилец (223—224); Демидов Левка (214—215); Жилин Константин (219), Жилин Константин Степанов сын, новосилец (223); Золотухин Афанасий, новосилец, отказчик (217), Золотухин Афанасий (234); Кузьмищев Абрамка, новосилец (213—214, 232—233); Малафеев Гаврилка, новосилец (230—231); Михайлов Якушка Иванов сын (212), Михайлов Якушка Иванов сын, новосилец (234); Моисеев Семен, подьячий (216), Моисеев Сенька, подьячий (212—213); Мормужевский Семен (212); Павлов Севастьянка (210—211); Папанин Гаврилка, новосилец, площадной подьячий (217); Папонов Мартинка, новосилец (225—226), Папонов Мартинка Федоров сын, новосилец (226—227); Руденский Федька, новосилец (203), Руденский Федька (204—206); Савенок Борис, сын Савенка Прокофия Потапова сына, новосильца (217, 225); Савенок Кузьма, новосилец, осадный голова, отказчик (220, 224), Савенок Кузьма, новосилец, отказчик (229); Совин Петр, новосилец, отказчик (214, 236); Толстой Григорий Осипов сын, новосилец, сын боярский (213); Трофимов Васька (231—232); Фоустов Володимир (218), Фоустов Володька, новосилец (204, 208—209); Чиркин Тимофей, новосилец (233); Шаталов Кондрат (224—225); Шатохин Фаддей (202); Шахонский Григорий Андреевич, князь, воевода (229, 231—232, 234, 236); Шеин Третьяк, новосильский губной староста (207); Шипилов Яков, новосилец, сын боярский (215), Шипилов Яков, новосилец, отказчик (229); Ярыгин Дмитрий (206).

Орел. Анненков Петр, орленин, сын боярский (244), Анненков Петр Мартинов сын, орленин, сын боярский (245); Анфилогов Афонька, орленин (253); Бологов Иван (243), Бологов Иван, орленин (257), Бологов Иван Микитин сын, орленин, отказчик (260); Ботырев Анисим Иванов

сын, орленин (238, 250, 252); Гневушев Степан, орленин (249), Гневушев Степан (251); Головин Матюшка (254—255); Донков Петрушка, орленин (244—245); Каменев Иван Андросов сын, орленин (252), Каменев Ивашка Андросов сын, орленин (239); Коробов Марка (248—249, 250—251), Коробов Марка, орловский пушкарь (253—254), Коробов Марка (257—258); Леонов Кондратий (257), Леонов Кондратка, орленин (245—246); Лунин Семен, орленин, сын боярский (237); Михайлов Евстрат, орленин (240); Некрасов Олфим (246); Оловяников Мишка (255—256); Савин Иван Герасимов сын, орленин, сын боярский (260); Сбитый Петрушка Тимофеев сын, орленин, сын боярский (241—242), Сбитый Петрушка Тимофеев сын, орленин (246—247); Тенетилов Гаврила, орленин, сын боярский, отказчик (249—250); Трунов Федор, орленин (242), Трунов Федор (253), Трунов Федька, орленин (238—240, 242—244, 247—248, 251—252).

Рыльск. Булгаков Микита Федоров сын, путивлец, сын боярский (273); Вислеев Федька, рыленин (271); Дарьин Иван, рыленин (276); Деменков Федор (272); Катунин Алешка (282—283); Катунин Степанка (264—265); Копачев Захарий (284); Лодыгин Юрий, рыленин (282); Маклаков Данилка (273, 276—277); Малого Василий Денисьев сын, путивльский городовой приказчик (277); Малышев Гаврила (270); Пересветов Сила Иванов сын, городовой приказчик Нова городка Северского (262), Пересветов Сила, рыльский городовой приказчик (265), Пересветов Сила, рыльский осадный голова (265—266, 268—271).

Указания на писцов содержат и другие, сравнительно редкие разновидности текстов делового содержания XVII в. Имеются они, например, в сказках, поданных в Ельце, Новосиле и Чернавске во второй половине этого века, в связи с учетом ущерба, причиненного татарами и другими «воинскими людьми» означенным южновеликорусским местам, и по иным поводам. В писании сказок принимали участие не столько церковнослужители, сколько грамотные горожане или обитатели села.

Так, елецкие сказки (ЦГАДА, Ф. 210, Бел. стол, стбл. 412) писали: Акулов Симеонка, чернавец (601) [12]; Алексеев

---

[12] В скобках отмечаем листы рукописи.

Илюшка, ельченин (334); Гнездилов Федька, ельченин (42); Григорьев Андроник, ельченин (409), Григорьев Андроник, елецкий площадной дьячок (420); Демьянов Максимка, ливенец (151); Есин Сережка, ельченин (489); Журавлев Кузька, ельченин (624), Журавлев Кузьма, ельченин, сын боярский Засосенского стану, деревни Моланиной (728); Лукин Мирошка, ельченин (774); Матвеев Ефим, ельченин (131); Михайлов Савка, ельченин (33); Неделин Афонька, ельченин (559); Немцов Куземка, ельченин (13); Пендюрин Мирошка, ельченин (766); Попов Митрошка, елецкий площадной дьячок (103); Попов Федька, ельченин, площадной дьячок (540); Родионов Дениска, ельченин (261); Родионов Мишка, ельченин (30); Руднев Федоска, ельченин (34); Семенов Дениска, ельченин (163); Семенов Савка, ельченин, площадной дьячок (445); Семенов Стенька, ельченин (519); Сергеев Ивашка, ельченин (779); Тинков Иевка, чернавец (149); Трубицын Никитка, ельченин (536); Труфанов Костька, ельченин (408); Турбин Петрушка, ливенец (595).

В другом елецком столбце (ЦГАДА, Ф. 210, Прик. стол, стлб. 696) собраны сказки, писанные на 15 лет позже. Кроме названных выше Есина Сережки и Семенова Дениски, в сказках упоминаются новые писцы: Акулов Петрунька, чернавец (102); Данилов Васька, елецкий площадной дьячок (313); Иванов Савка, ельченин (86); Дмитрев Ивашка Клеменов сын, ельченин, рейтар (229); Клементьев Федька, ельченин (172); Клишин Исайка, елецкой приказной избы подьячий (317); Кожухов Симонка, ельченин (111); Ларионов Ивашка, ельченин (381); Малютин Потапка, ливенец (320); Матвеев Петрушка, ельченин (142); Мартовский Гришка, ельченин (275); Павлов Якушка, ельченин (178); Попов Васька Силуянов сын, ельченин (157); Руднев Захарка, ельченин (266), Руднев Захарка, елецкий площадной дьячок (312); Руднев Пронька, ельченин (133); Студеникин Ивашка, ельченин (186); Тинков Федька, чернавец (243); Федоров Ивашка, ельченин (185); Федоров Микишка, елецкой площади дьячок (218); Хромой Гришка, ельченин (295); Шушлябин Мосейка, чернавец (17).

И в третьем елецком столбце сказок (ЦГАДА, Ф. 210, Прик, стол, стлб. 869) встречаем писцов местных уроженцев: Лазарев Першик, ельченин полковой (16); Михайлов Микитка, ельченин (33); Чукардин Евстратка, ельченин (8) и др.

Новосильские сказки 50-х годов (ЦГАДА, Ф. 210, Бел. стол, стбл. 419) знакомят нас с такими писцами: Автомонов Якушка, новосилец (202); Афанасьев Мирошка, новосилец (8), Афанасьев Мирошка Григорьев сын, новосилец рейтарского строю (76); Воронов Артюшка, новосилец (23); Иванов Тимошка, новосилец (308); Папанов Гаврилка, новосилец (7); Савянок Борис Прокофьев сын, новосилец рейтарского строю (313); Савянок Кузьма Федоров, новосильский осадный голова (436); Совин Насонка, новосилец (45), Совин Насонка Петров сын, новосилец рейтарского строю (466); Старый Алексей Григорьев сын, сынчишка боярский Пятницкого стану, деревни Нижних Ломов (14); Шаталов Кондрашка, новосилец (342); Шатохин Афонька, новосилец (3).

Писцы новосильских сказок восьмидесятых годов: Баранов Андрюшка, новосилец (КЕ, III, 199); Лямин Оська, новосильской площади подьячий (там же, 201); Одинцов Якушка, новосилец (там же, 198); Скуридин Егорка, ливенец (там же); Феоктистов Пименка, новосилец (там же, 196), Феоктистов Пименка, новосильской площади подьячий (там же, 199).

В сказках 1660 г., приуроченных к Чернавску (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 981), встречаем такие самоназвания писцов: Акулов Симеонка, чернавец (93); Дешин Ивашка, чернавец (16); Московитинов Дементий, чернавец, сын боярский (92); Прокофьев Демка, чернавец (83); Тинков Иевка, чернавец (124); Турбин Петрушка, ливенец (6). В чернавских сказках 80-х годов заявляют о себе писцы: Петин Микишка, чернавец (ЦГАДА, Ф. 210, Прик. стол, стлб. 682, л. 201 об.); Тинков Гришка, чернавец (КЕ, Ш, 206) и др.; в ливенских сказках того же времени: Демьянов Ивашка, ливенец (КЕ, Ш, 245); Клушин Сидорка, ливенец (там же, 253); Розинков Демка, ливенец (там же, 225); Смолянинов Гришка, ливенец (там же, 257).

В приведенных перечнях каждый писец соотнесен с одной записью и лишь в некоторых случаях, в соответствии с вариативностью самоназваний, — с другими записями. В действительности местные уроженцы в качестве составителей деловых бумаг или в роли заверявших их приложением рук выступали постоянно. Отказные книги и столбцы сказок состоят из их многократных записей, по которым иногда прослеживается превращение писцов-

непрофессионалов из рядового состава местных жителей в дьячков или подьячих, т. е. писцов-профессионалов. В елецкой отказной книге видно, как простой Мишка Игнатьев сын (89—90) становится площадным дьячком (91—92, 94—99, 101—102, 109—110, 113—114), а в курской Протопопов Ивашка (155—156, 163) — площадным подьячим (166, 171—172) и затем именует себя по-прежнему, не упоминая о подьячестве (174). Сначала в елецких сказках появляется просто Григорьев Андроник (409), а потом, в дополнение к личному имени, он называет себя и площадным дьячком (420). Другие сказки показывают, как ельчанин Руднев Захарка (266) приобретает звание площадного дьячка (312). Формирование писцового состава из местных уроженцев приводило к образованию местных писцовых «династий». Например, отдельные писцы составляли отказные книги в течение многих лет: в 30—40-х годах XVII в. в курских книгах выступает писец Наумка Кобатов, в 40-е годы — писцы Протопоповы и т. д.[13]

Несмотря на то, что приведенные данные о писцах из южновеликорусской области являются лишь выборочными, они имеют, на наш взгляд, большое доказательное значение.

Прежде всего они свидетельствуют о наличии в южновеликорусской области в то время такого контингента писцов, который в общем обеспечивал и письменное ведение дел и нужды письменного общения.

Они свидетельствуют и о том, что указанный контингент писавших, не исключая и церковнослужителей, представляли местные уроженцы [14].

Итак, старинные деловые тексты, писанные в южновеликорусских пределах, могут служить источниками для исследования не только приказной письменности в ее периферийном бытовании, но и южновеликорусского наречия.

Обоснование возможностей их исследования в плане исторической диалектологии устраняет ошибочную точку зрения, получившую законченное выражение в следующем

---

[13] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, с. 24—25.

[14] См. писанные ими тексты с несомненными отражениями местной речи, вошедшие в издание отказных книг, а также приведенные нами выше.

высказывании И. Я. Черных: «Письменные памятники делового характера XVI—XVII вв. курско-орловского происхождения являются, в сущности говоря, памятниками московского приказного языка (с твердым *т* в третьем лице глаголов, с местоименными формами *меня*, *тебя*, *себя* и проч.), но с отступлениями от собственно московских образцов в отдельных случаях» [15]. Заметим: с рукописями упомянутых памятников «курско-орловского происхождения» автор высказывания непосредственно не знакомился, а пользовался исключительно их публикациями, причем весьма «упрощенными».

Надо сказать, что в последние годы понимание старинной деловой письменности, в частности южновеликорусской, как источника основательных сведений о состоянии народно-разговорного языка и диалектной речи в прошлом получает авторитетное признание. Касаясь значения современных исследований южновеликорусской деловой письменности XVI—XVIII вв., Ф. П. Филин пишет: «Мало того, что были получены сведения о южновеликорусском наречии указанного времени, но оказалось, что многие наши представления об особенностях этого наречия, опиравшиеся исключительно на данные современных говоров, были ложными. Фонетические, морфологические и лексические изоглоссы XIX—XX вв. далеко не всегда совпадают с изоглоссами соответствующих явлений XVI—XVIII вв.» [16] В. В. Иванов замечает: «. . .развитие, особенно начиная с 60-х годов, источниковедения и лингвистического издания памятников письменности оказывает серьезное влияние на формирование общих и конкретных представлений в области развития русского языка в прошлые эпохи» и далее констатирует: «. . .издание целого ряда памятников и их изучение может привести и уже приводит к пересмотру определенных устоявшихся представлений об истории тех или иных явлений в русском языке. К такому, например, пересмотру привело издание и изучение южновеликорусских памятников XVII столетия, московской деловой и бытовой письменности XVII в., т. е. памятников,

---

[15] *Черных П. Я.* О начале и характере формирования русского национального языка. — Научные доклады высшей школы. Филолог. науки, 1958, № 3, с. 141.

[16] *Филин Ф. П.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1976, т. 35, № 6, с. 543.

не подвергавшихся ранее лингвистическому изучению и остававшихся неизвестными историкам русского языка»[17].

Между прочим, оспаривая наше мнение, что аканье было в московском койне уже в XV—XVI вв., В. В. Иванов полагает: для обоснования такого мнения «необходимо иметь не просто достаточное количество фактов отражения аканья на письме, причем фактов лингвистически достоверных, но необходимо иметь памятники разных жанров, принадлежащие писцам, речь которых отражала бы говор разных социальных слоев Москвы. Однако . . . этого у историков русского языка пока нет, а памятники деловой и бытовой письменности в этом случае оказываются недостаточными» [18]. Не вступая в полемику относительно времени утверждения аканья в Москве, мы не видим вместе с тем оснований для выделения в нем таких различий, которые могли бы быть обусловлены социальной дифференциацией населения: в публикацию «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» вошли многочисленные запечатления речи различных московских социальных слоев и тем не менее примет социально дифференцированной фонетики в них не наблюдаем. Вряд ли приемлема в этом случае и непременная ориентация исследователей на письменные источники разных жанров. Если, скажем, при изучении общего словарного состава языка нельзя обойтись без привлечения письменных памятников разных жанров, то для изучения его фонетики определяющим является привлечение письменных памятников такого жанра, который в силу своей специфики остается наиболее свободным от влияния не согласных с произношением условных норм орфографии и церковнославянской книжности с ее искусственными написаниями, вроде *всеа* вместо *всея* и т. п. Как раз деловая письменность и отвечает подобным требованиям.

Изучение южновеликорусского наречия по памятникам письменности имеет целью не только документированное выяснение его состояния в прошлом, но и более глубокое и, следовательно, более достоверное исследование русского языка в целом, причем исследование, не ограничен-

---

[17] *Иванов В. В.* Актуальные проблемы современной исторической русистики. — Научные доклады высшей школы. Филолог. науки, 1978, № 5, с. 31.

[18] Там же, с. 32.

ное временем сохранившихся южновеликорусских памятников, поскольку южновеликорусские данные XVI—XVIII вв., проливая свет и на более раннее состояние южновеликорусских говоров, позволяют уточнить и некоторые моменты истории всего русского языка.

Исследование южновеликорусского наречия по материалам XVI—XVIII вв. составляет фундаментальное условие решения особенно сложной проблемы формирования русского национального языка. Специфические особенности этого языка уходят своими истоками не в один какой-то диалект, а в более крупные лингвистические образования. Понимаемый как процесс концентрации говоров процесс образования национального языка протекал главным образом в широкой сфере взаимодействия северновеликорусского и южновеликорусского начал, причем второе функционировало в условиях более интенсивного, нежели в северновеликорусской области, развития национальных связей. Фокусом взаимодействия была Москва [19]. В свете сказанного первостепенное значение исследования памятников деловой письменности XVI—XVIII вв., особенно южновеликорусского происхождения, представляется очевидным.

Центральной задачей в выяснении процесса формирования национального языка безусловно является выделение той лексической общности, которая, имея в своей основе лексическую систему великорусской народности, по мере развития национальных связей обогащалась, развертывалась, совершенствовалась и в условиях все более обобщающего влияния письменной культуры приобретала характер национальной. Пока историки русского языка не располагали южновеликорусскими данными XVI—XVIII вв., осуществление этого было невозможно. Попытки использовать в этом плане современные южновеликорусские данные оказались безрезультатными.

Мы уже говорили, что изучение не только общерусской, но и диалектной лексики в ее современном состоянии и в историческом аспекте без учета южновеликорусских материалов XVI—XVIII вв. неизбежно приводит к серьезным ошибкам и сомнительным обобщениям [20]. Без учета

[19] См.: *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974, с. 282.

[20] *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков, с. 6.

южновеликорусских данных XVI—XVIII вв. немыслимо и выяснение роли северно- и южновеликорусской стихий в формировании русского национального языка.

В свете данных старинной письменности южновеликорусского происхождения представляется недействительным противоположение северно- и южновеликорусского наречий по некоторым лексическим элементам, притом довольно существенным. Таковы считавшиеся бесспорными в течение почти полустолетия не только в современном плане, что частью правомерно, но также и в историческом северно- и южновеликорусские противопоставления *изба — хата*, *клеть — пуня*, *конь — лошадь*, *волк — бирюк*, *петух — кочет*, *ухват — емки* или *рогач*, *лонской — прошлогодний*. Трактовка слов *изба*, *клеть*, *конь*, *волк*, *петух*, *ухват* и некоторых других, приемлемых в литературном языке как северновеликорусских по происхождению, так или иначе наводит на мысль, что словарный состав национального языка формировался главным образом на северновеликорусском основании. Однако южновеликорусские тексты XVI—XVIII вв. убедительно показывают, что в большинстве своем подобные слова являлись общерусскими. В дополнение к фактам, извлеченным из памятников и художественной литературы, которые мы приводили ранее, доказывая несостоятельность указанных противопоставлений именно как исторических [21], представим не менее доказательные примеры наименования строений из опубликованных отказных книг. Слова *хата* в них не встречаем, упоминается *изба*: Θедоту изба Григо*ря* | Мелехо*вског* да дво*р* (20); на дворѣ хоро*м* | изба жилая ‹. . .› на дворѣ хоромъ | изба на щепѣ (182); на дворѣ | на боя*рском* изба бо*л*шая (208); на | дварѣ двѣ избѣ (221); на дворѣ | изба (280). Особое значение этих примеров, как и других, заимствованных из отказных книг, состоит в том, что их принадлежность местным писцам строго паспортизована. В брянской рукописи: взялъ | на дворѣ снег$ и то*т* снегъ во изб*е* мета*л* (ЦГАДА. Ф. 1200, № 300, л. 2).

---

[21] *Котков С. И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 42—46; *Он же.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков, с. 135—142.

Характерное для западных уездов Юга слово *пуня* — название постройки, в которой хранили «животишки», оказывается в южновеликорусской области менее употребительным, чем слово *клеть*, понимаемое обыкновенно в том же смысле и квалифицируемое как северновеликорусское. И различие в семантике этих слов и свойственность второго не только Северу выясняются из их одновременного употребления в тех же отказных книгах: на дворѣ | на боярском изба болшая да клѣть да пуня (208), Ср.: сожгли клет да пуню (ЦГАДА. Ф. 210, Бел. стол, стлб. 419, л. 8). Другие примеры употребления слова *клеть* в отказных книгах: изба жилая да клѣт с приклѣтом плостин|ное да мшеничишка да клѣт липовая с ов|чюхом ‹. . .› изба на щепѣ да клѣт с приклѣтом да хлѣв (182); на ‹. . .› дворѣ двѣ клети да конюш|нѧ да курникъ да овечѧ закута да | банѧ (217); на | дварѣ двѣ избѣ да клѣт да хлѣвъ (221); на | соплоте две клети мелничных брѹсовых | а *в* клети двои жорны ‹. . .› а *в* дрѹгои клети четыре ступы | да на тои *ж* их мелницы двор а на дворѣ | изба да клет (280). Значение слова *клеть*, отличное от семантики упоминаемых с ним в одном ряду названий иных строений, выделяется вполне определенно. Из примеров явствует, что клеть, как бревенчатое строение, рубленное в клетку, могла служить и кладовой и производственным помещением, а пуня обыкновенно была плетеной. Ср.: *пуня* «плетневая клеть, где складывали всячину» (Даль, Слов.). Летом в пуне и спали. Соотнесение слова *пуня* как южновеликорусского и слова *клеть* как северновеликорусского образований несостоятельно и потому, что первое можно считать заимствованием из белорусского языка. Ср.: лит. pùne «стойло» и лат. pūnis «сарай».

Диалектное образование *лонской*, известное ныне только Северу, в прошлом звучало и на Юге [22].

Необоснованное отнесение отдельных слов, без проверки по южновеликорусским памятникам, в историческом плане только к Северу, тогда как прежде они составляли достояние всего русского языка — явление распространенное в исторической лексикологии. Так как в дошедшем до нашего времени рукописном наследии

---

[22] См.: *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков, с. 97—98, 102, 107, 110.

былых веков наиболее древние источники — источники новгородские, истоки системы русского языка, в том числе и лексические, непременно выводят из Новгородской земли или большей, северновеликорусской области. В дополнение к приведенным выше фактам и отмеченным в нашем «Очерке» (см. слова *бросать*, *векша*, *овин*, *пожня*, сущ. *через*, заимствование *сарафан* и пр.) [23] укажем еще некоторые другие, представляющие определенный интерес в сопоставлении с историческими и современными данными.

П. Я. Черных полагает, что слово *кулига* в значении «пожня, лесная полянка в низине и т. п.» связано с северновеликорусской областью, точнее с бассейном Северной Двины [24]. Отказные книги знакомят нас с употреблением этого слова на Юге: ѳса*да* ему ‹. . .› на пе*рвом* логу что тянет *лог* | ис Чернова лѣсу к Сиверскому Донцѳ | и *в* кулигѣ возлѣ Черно*и* лѣс вверхъ по Си|верскому Донцу (17); за перелесак в кѳ|лигу к ызрогу (31); ѡт донковско*г* броду на | Яблонову ку*лигу* (88); по*дле* ‹. . .› Дехтяво*и* кѳлиги что была ‖ пѳста*ш* Саѳонова (97); кулиги Жѳравина Болота (178); к Хвошевато*и* кѳлиги (221). В писцовых книгах Орловского уезда конца XVI в. отмечена деревня Красные Кулиги [25].

Иногда изученными по ограниченным материалам и потому не вполне определенными с точки зрения территориального распространения отдельными лексическими фактами неправомерно пользуются для выяснения, с каким наречием русского языка находится в генетической связи то или иное произведение письменности. Так, С. Д. Никифоров, связывая прототип Домостроя с северновеликорусской речевой культурой, аргументирует это ссылками на представленные в нем слова *тын*, *горница*, *подклет* и *сенница* [26]. Между тем они наличествуют и в заведомо южновеликорусских текстах XVII—начала XVIII в.: и*з*бенка землена*ѧ* | да повѣ*т* огорожена тыно*м*

---

[23] Там же, с. 42—44, 63—65, 133, 178—180, 286—289.

[24] *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, с. 105.

[25] См.: *Котков С. И.* Из истории некоторых диалектных слов. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. III. М., 1962, с. 159—160.

[26] *Никифоров С. Д.* Из наблюдений над языком Домостроя по Коншинскому списку. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1947, т. XLII, с. 29.

(ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 124, л. 231); горница с комнатаю (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 2216, л. 21); клеть на подклетех да черная горница с подклетам (ЦГАДА. Ф. 1136, оп. 1, № 336, л. 10); у меня ж згорѣло клѣть с хлѣбомъ да сенница (ЦГАДА. Ф. 210, Бел. стол, стлб. 419, л. 460).

В. В. Виноградов пишет: «. . .в «Речи тонкословия греческого» (т. е. в «греко-византийских разговорах») по спискам XV—XVI вв. заметны народные севернорусизмы» и в ряду северновеликорусских слов приводит *вступки* «башмаки» [27]. Ср., однако, в текстах 30—50-х годов XVIII в., приуроченных к курским местам: строитель бранил его ‹. . .› и бил лежачего уступками; взяв сильно шпагу мою, учал бит ефесом под бока и ногами и уступками [28].

Старые южновеликорусские данные расширяют зоны распространения некоторых диалектных слов, известных нам из современных источников. Например, слово *зголовь* в «Словаре русских народных говоров» в значении «берега на крутом повороте реки» регистрируется как вятское. Ср. в воронежской отказной книге: с того суходо*л*но*гѡ* ерька ‹. . .› на Высоко*и* ве*р*хъ что з бо*р*комъ на ве*р*хн|ею зголо*в* Сторожаво*и* поля*н*ки а на то*и* | зголови в полуго*р*ки дуб крековистъ (84), а также в елецкой отказной книге: *ѡт* тогѡ | усадища ‹. . .› к ве*р*хнеи | узголови (108); в курской отказной книге: *ѡт*делено трет пѫсто|ши на реке на Семи в Ни*ж*не*м* лесѫ на | ѫзголови (143). В том же словаре приводятся без указания на место *взлобок* «возвышенное место, крутой пригорок» и производное сибирское слово *взлобчик*. Ср. в елецкой отказной книге: в горѫ до ве*р*хове*я* ‹. . .› и ѣдѫ|чи по не*и* вверхъ с ѫстья признакъ по | правою сторонѫ на *взлобку* лиси и сѫро|вые ямы (100). Диалектизм *ендовище* как обозначение впалой поляны или луговины, низменности и лощины соотносится в словаре с костромскими, тульскими и тамбовскими местами, а отказные книги регистрируют его в Белгородском, Воронежском и Орловском уездах: (станичный голова ездил) на Малою ярѫшкѫ что

---

[27] *Виноградов В. В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 280.

[28] См.: *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков, с. 188.

пошла в Разумною рѣ|чкѫ по ендавища (28), ѫ реки Воронежа вы ен|довѣщѣ (70), с того дѫба пря|мо в поля на ендовища (77), на Ѡрле на рѣки | с нижнею сторону ендавище на Буко|ве колодизи (247). В словаре — брянский диалектизм *калева* «ягода (одна)», в белгородской отказной книге — производное образование *калевный*: идѫчи ‹. . .› на калев|ные стежки (32), калевные | стежки по лесѫ ѣи же вдовѣ Восилисе (там же).

И приведенные и другие лексические факты указывают на существенные расхождения между современной географией слов вседневного, обиходного употребления и их географией исторической. Возможно, некоторые расхождения — мнимые, намечаются вследствие недостатка соответственных либо современных, либо исторических сведений. Большинство же лексических расхождений — расхождения действительные, в конечном счете порожденные теми глубокими изменениями социально-экономического и культурного плана, которые совершались в течение столетий в жизни носителей русского языка. Привлечение южновеликорусских данных, заимствованных из памятников письменности, позволит более определенно судить о подобных расхождениях. Без широкого привлечения этих данных немыслимо решение такой задачи, как выявление в истории национального языка соотношения северновеликорусского и южновеликорусского лексических фондов. Положение в этом отношении В. В. Виноградов характеризует следующими словами: «Соотношения северновеликорусской и южновеликорусской стихий в составе лексики государственно-деловой и разговорной речи допетровской Руси не раскрыты» [29].

Основанное на данных старой письменности сравнение некоторых лексических элементов южно- и северновеликорусских говоров (*изба*, *клеть*, *овин*, *тын*, *сенница*, *пожня*, *кулига*, *волк*, *сарафан*, *лонской* и др.) наводит на мысль, что в прошлом, видимо, было несколько большее единство основного словарного фонда великорусского Юга и Севера, нежели в более позднее время — до усиления нивелировки говоров. Касаясь лексического единства, имеем в виду названия таких предметов и явлений, которые были равно известны и южно- и северновеликорусам. Полагаем, что возникновение новых лексических

[29] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 280.

различий с XV—XVI вв. означало не возникновение каких-то лексических новшеств в говорах, а являлось следствием отмирания в пределах южновеликорусской области общих для нее и Севера отдельных лексических элементов, что было связано с более интенсивной концентрацией говоров на Юге. Следует также принимать во внимание и поступление в южновеликорусские говоры, в процессе взаимного обогащения, заимствований из украинского и белорусского языков. В этом процессе взаимного обогащения заметно сказалось расширение и укрепление политических, экономических и культурных русско-украинских связей, особенно после воссоединения Украины с Россией, а также несколько позднее и связей с Белоруссией.

В процессе лексического взаимодействия, с одной стороны, русской стихии, с другой — украинской и белорусской южновеликорусская посредствующая среда играла весьма существенную, порой первостепенную роль. Участие южновеликорусского наречия в формировании русского национального языка следует, помимо всего, рассматривать и с этой точки зрения. Дело заключается не только в том, что зона непосредственного контакта русского языка с украинским и белорусским представлена преимущественно южновеликорусскими говорами, но и в том, что многообразные линии связи социально-экономического и культурного порядка между Россией и Украиной, Россией и Белоруссией осуществлялись главным образом через южновеликорусскую среду.

Первым условием для выяснения соотношения северновеликорусской и южновеликорусской лексики в процессе образования национального языка, а также выяснения лексического взаимодействия в пределах этого языка братских восточнославянских языков представляется подготовка и издание многочисленных рукописных текстов XVI—XVII вв. не только в виде осуществляемых ныне лингвистических публикаций данных текстов в полном их объеме, но и в виде раздельных собраний материалов, извлеченных из деловой письменности, с одной стороны, северновеликорусского, с другой — южновеликорусского происхождения. Материалы извлекаются в том количестве и в таком объеме, чтобы могли надежно документировать бытование тех или иных слов и были вполне достаточны для выявления их значений. Возможно использова-

ние этих материалов и для составления карт, рисующих географическое распространение отдельных слов в прошлом.

Старинные южновеликорусские данные позволяют точнее определить, а в ряде случаев и пересмотреть место отдельных грамматических форм или конструкций в истории русского языка в целом, в его и устной и письменной формах.

Возьмем, например, окончание родительного падежа единственного числа неженского рода имен прилагательных и неличных местоимений. Обычно окончание с *в* (*другово*, *синево*, *моево*) считают характерной особенностью северно- и средневеликорусских говоров, а с *г* (*другого*, *синего*, *моего*) — характерной особенностью южновеликорусских. Во время обследования орловских говоров мы установили, что в них окончание с *в* не просто преобладает, а почти безраздельно господствует [30], а в южновеликорусских памятниках обнаружили изобилие написаний интересующих форм на *-во* и *-ва* [31]. Естественно, свойственное устной форме литературного языка окончание с *в* нам представилось возможным выводить не только из северновеликорусского наречия, но с известным основанием и из южновеликорусского. Считая памятники деловой письменности курско-орловского происхождения в сущности московскими, П. Я. Черных связывает появление в них этих форм с московскою приказною традицией [32]. Однако в печатном Уложении 1649 г., где, казалось бы, данная традиция и должна была получить закрепление, по свидетельству самого П. Я. Черных, в рассматриваемом окончании «вместо *г* иногда (довольно редко) употребляется *в* как под ударением, так и в безударном положении» [33]. «Довольно редкое» употребление интересующего окончания с *в* не может быть признано традицией. А южновеликорусская деловая письменность примерно того же времени изобилует написаниями окон-

---

[30] *Котков С. И.* К изучению орловских говоров. — Учен. зап. Орловского гос. пед. ин-та, т. VII. Кафедра рус. яз. Орел. 1952, вып. 3, с. 126.

[31] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. с. 188—195.

[32] См.: *Черных П. Я.* О начале и характере формирования русского национального языка, с. 140.

[33] *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953, с. 304.

чаний с *в*. Характерно, между прочим, то, что обилие подобных написаний наблюдаем не только у писцов-непрофессионалов, но и у профессионалов.

Об этом можно, например, судить по отказу, который был написан белгородским площадным дьячком Ивашкой Богдановым в 1638 г.: ‹. . .› по гсдрве црве и великого кнsя Миха|ила ѳедоровича всеа Рѫсиі грамоте | за приписю дияка Ивана Переносова | и по ноказноu памяти столника и воеводы | кнsя Петра Дмитреевича Пожарскова | стоничныu голова Сидар Марков приѣхав в Бело|городцкоu ѫѣздъ в Нозарево помѣстье Ѭше|кова что во РМД *м* году дано снѫ ево Ондрюшке | взяв с собою тутошних людеи села Ѭшекова | николскова попа Аноѳрѣя да детеи боярских | Соѳрона Сысоева Данилѫ Выродова Семена Ме|двѣдева да стороннихъ людеи ‖ стоничных ездоков Семена Кураксина Лариона | ѳодеева да Наумова крстьянина Борода|това Богдана Олябьева да пушкаря | Илю Дмитреева да *в* том Нозаревѣ помѣстьи | Ѭшекове что во РМД *м* году дано сну ево | Ондрюшкѣ двор помѣщиков а в нем живеть | брат ево Оѳонка Ѭшеков да двор а в нем живет | дяде ихъ Петрѫшка Ѭшеков да крстьянъских | дворов Ⓑ Епишко Романовъ а в нево Епишки | пасынокъ Ивашко Иванов Ⓑ Куземка Иванов | а *в* нево Куземки зят Степанка Огѣев Ⓑ Сте|панка Емелянов а в нево Степанки снъ ѳеѳи|лка Ⓑ кресянинъ Ивашко Говрилов а *в* нево ‖ Ивашки снъ Ивашко *ж* Ⓑ крстьянинъ Ортю|шка Оѳонасевъ а *в* нево Ортюшки снъ Мокси|мко да ѳедка Ⓑ крстьянинъ Провторхъ | Сомоиловъ а *в* нево Провторха снъ Хорлашко | да Томка да два двора бобылскихъ | пѫстых да двор крстьянъскоu Сидорки Со|зонова а *в* немъ ннѣ живет онъ Ондрѣи Ѭше|ков а крстьянинъ Сидорка Созонов з Белагорода | сшол да по выписи с кнгъ пашни паханые | добрые земли на ногаискоu сторонѣ реки Ко|реня семъдесят чети да на крымскоu сто|ронѣ реки *ж* Кореня на Малом полце девят чети ‖ без третника да по конецъ поля вверхъ | по рѣчке по Кореню лѣс и рыбная ло|вля и хмелѣвое ѫгоде по слободцкую | дарогѫ по Вязовское ѫстье и по | обѣ стороны реки Кореня и с сѣножатю | да Чорнаво лѣсѫ и всево по выписи с кнгъ | пашни и перелогѫ и дикова поля и на | пашню дѫбровы по ѡбѣ стороны | реки Кореня семъдесят девят чети без | третника в поле а *в* двѫ по томѫ *ж* отдѣ|лил стоничномѫ голове Ондрѣю Ноза-

*рев*ѫ || *сн*ѫ ѯшаковѫ вь ево окла*д* в двѣсте | *в пятдесят чети* в помѣстье со всѣми | ѯго*ди* а мѣжа ево ѯса*де* в выписи Оси|па Секирина да по*д*ячево Добрыни Р|санова написано с Ѳѳонасе*м* с Илиным ‹. . .› а межа ево Он*д*рея ѯшаковѫ | в поле в Коренъско*м* лѣсѫ на виловато*м* || д*б*ѫ грань а о*т* тово д*б*а на кривои | д*б*ецъ а на не*м* грань а с кривого | д*б*а к сте*ж*ки прямо а сте*ж*кою налѣ|во к столѫ а па столѫ грань а о*т* стол*б*а | прямо на колокъ а по*д* колко*м* на д*б*ѫ | грань а с тово д*б*а прямо на рѣкѫ | на Корень на бродокъ сѣна емѫ коси*т* | по коне*ц* своево поля ‹. . .› (Южн. отк. 27—28).

На 22 случая написаний в интересующем окончании *в* приходится лишь 2 написания с *г*: *великого*, *кривого*. Наряду с такими отказами имеются и другие, в которых преобладание окончаний с *в* менее значительно. Встречаем и отказы почти свободные от написаний рассматриваемого окончания с *в*. И все же не эти, последние, факты характерны для отказных книг.

О том, что написание данного окончания с *в* — ненормативное, свидетельствует не только орфография Уложения 1649 г. Сравнение употребительности окончания с *г* и с *в* в московских челобитных и в московских расспросных речах показало: в челобитных окончание с *в* выступает примерно в половине случаев, а в расспросных речах такие написания составляют около четверти [34]. Расхождение это связано с неодинаковой правописной выучкой, с одной стороны, составителей челобитных, среди которых, вне сомнения, были и писцы-непрофессионалы, с другой стороны, более опытных постоянных писцов московских приказов. Неодинаковая степень отклонений в сторону *в* у тех и других как раз особенно ясно показывает, что москвичи произносили окончание с *в*, а письменной нормой было *г*.

На то, что в данном окончании правописной являлась буква *г*, указывает и следующее: при выносе окончания в верхнее междустрочие, обыкновенно без гласной буквы, выводили, как правило, букву *г*, а не *в*. Примеры из отказных книг, писанных заведомо южновеликорусами, подтверждают этот орфографический узус определенно. В белгородской книге: ево, таво (2 р.), бгоевъленскова,

---

[34] См.: *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка, с. 245.

горѣлова, Михаіла ‹. . .› Козловскова, ис села Кропивенскова, кропивенскова, подячева, а также — стоничнаго, но: великог, Василе Кприкрѣіскоѓ (15); в брянской: всево (2 р.), ево (10 р.), живущево (2 р.), живущаво, пустово, середнево (3 р.), но: великог, Ивана ‹. . .› Колтовскоѓ, Микиты ‹. . .› Мѣsацкоѓ (40); в воронежской: ево, тово (2 р.), обоево, а также — дикого, но: своег, тог, великог, дикоѓ (75); в елецкой: ево (9 р.), своево, тово, а также — ѡрхангелскогѡ, но: у нег (6 р.), своег (2 р.), тог, великог, дхвног, села Ѳрхангелскоѓ, ис Помѣсног приказу (111); в карачевской: ево (3 р.), своево, тово, бортново, а также — боярского, великого, Мини Л8жецкого, ис Помѣсного приказу, Шеремѣтевского помѣся Л8жецкого, но: тог, всякоѓ, дикоѓ, Козмы ‹. . .› Л8жецкоѓ, Мины ‹. . .› Л8жецкоѓ, Шеремѣтя Л8жецкоѓ (126); в курской: ево (4 р.), помѣсново, соборнова, но: тог, великоѓ (2 р.), всекоѓ, дикоѓ (2 р.) (149); в новосильской: тово (5 р.), ѡтвершка Стюденецкова, но: тог (2 р.), по Михаіловаі скаски Бобровскоѓ, великоѓ, дикоѓ (204). Подобных примеров много и в данных и в прочих отказных книгах и в иных южновеликорусских текстах XVII в.

Итак, при полной передаче окончания, осуществлявшейся в строке, его согласный передавали и буквой *г* и посредством *в*, а в выносном положении — лишь буквой *г*. По-видимому, с вынесением слога в верхнее междустрочие прочно закреплялось его правописание. Так или иначе в подобных случаях сказывался заученный правописный узус.

Выходит, и на Юге в XVII столетии произношение рассматриваемого окончания с *в* имело значительное распространение. В качестве нормативного в устной форме литературного языка национального периода оно явилось порождением не только северновеликорусского, но в известной степени и южновеликорусского наречия.

Не касаясь других морфологических явлений, историю которых обогащают и во многом конкретизируют старинные южновеликорусские данные, отметим исключительное значение последних для изучения истории категории рода в обширной группе соответственных говоров. Привлечение памятников делового содержания, приуроченных к территории Юга, позволило впервые документировать явления перехода имен существительных среднего рода в женский в говорах южновеликорусского наречия за три

с половиной века до нашего времени. «Примеры, — пишет об этих данных П. С. Кузнецов, — показывают, что мы имеем дело как со сменой согласования, так и со сменой склонения, притом и для слов с ударным окончанием» [35]. Написания вроде *строения какая*, *усадища пустая*, *хмѣлевая угодья*, *двор и гумну выжгли*, *ме*[*рин*] *рыж* ‹. . .› *под пузаю зжено*, *скирд просы* и т. д.[36] дополняются в южновеликорусских памятниках более частыми другими, лишенными подударных признаков рода, наподобие *дикоя поля* и пр., в которых, однако, можно подозревать отголоски того же явления — перехода имен существительных среднего рода в женский.

Без привлечения южновеликорусских данных XVI—XVIII вв. невозможно и создание цельной концепции синтаксической эволюции русского языка в эпоху его национального развития, поскольку отсутствие этих данных приводит к ошибкам в установлении и генезиса синтаксических конструкций и их территориального распространения, а вместе с тем и роли их в общерусском синтаксическом процессе.

Так случилось, например, с конструкцией типа *земля пахать*, изучению которой посвящена обширная литература. Ныне конструкция составляет особенность части говоров северновеликорусской области, а проявления ее в южновеликорусских настолько слабы и редки, что связывать их с южновеликорусскою стихией исследователи не решаются. Поэтому в науке утвердилось мнение о принадлежности данной конструкции лишь северновеликорусскому наречию, причем не только в современном, но и в историческом аспекте. Исходя из того, что наиболее древние памятники русского языка, в которых эта конструкция наличествует, связаны с древней Новгородской землей, признают ее новгородским диалектизмом, с течением времени получившим широкое распространение в московской письменности. Всего удивительнее то, что утверждение этой концепции в науке о русском языке происходило при полном элиминировании памятников южновеликорусской письменности, представляющих ог-

---

[35] *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 90.

[36] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 142—143.

ромную территорию распространения русского языка. Нельзя не сказать, что ранее никто не допускал предположения об общерусском характере означенной конструкции. «Если мы учтем, — писала, например, М. А. Соколова, — широкое употребление данного явления в самых различных памятниках прошлого, в фольклоре, то это и дает основание полагать его как явление не только севернорусское, а общерусское для известного периода жизни языка» [37]. К сожалению, обоснования этого тезиса старинными южновеликорусскими материалами далее не следовало.

Обстоятельное обследование подобного рода материалов позволило нам установить употребление названной конструкции в прошлом и на Юге [38]. Но это еще не доказывало бытование рассматриваемой конструкции в то время в южновеликорусских говорах, поскольку в южновеликорусскую письменность она могла быть заимствована из приказной письменности, на которую местные грамотеи в какой-то степени ориентировались. Изучение их письменной культуры в сравнении с письменной культурой приказных учреждений, а также некоторых других обстоятельств привело нас к убеждению, что исследуемая конструкция в прошлом была органически свойственна и южновеликорусским говорам. В обоснование этого заключения сошлемся на некоторые аргументы, изложенные в наших предшествующих работах, и дополним их иными.

В результате сравнения сопоставимых текстов XVII в. было обнаружено решительное, резкое расхождение в употребительности интересующей нас конструкции, с одной стороны, в южновеликорусской письменности делового содержания, с другой — в московской деловой и, в частности, приказной. В первой было зарегистрировано приблизительно 70% употреблений именительного в значении винительного в приинфинитивном положении и около 30% винительного, во второй, наоборот, зарегистрировано почти полное господство винительного — прибли-

---

[37] *Соколова М. А.* Очерки по языку деловых памятников XVI в. Автореф. докт. дис. Л., 1952, с. 15.

[38] *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1959, т. XVIII, вып. 1, с. 45—53; *Он же.* Конструкция типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 30—37.

зительно 92%, а примеры именительного приинфинитивного составили лишь около 8% [39]. Так как употребление рассматриваемой конструкции в московской деловой письменности и, в частности, приказной в то время уже угасало, предполагать ее заимствование писцами периферии как будто нет оснований. Проникновение ее в южновеликорусскую письменность в виде отдельных приказных формул если и наблюдалось, было весьма ограниченным. А усвоение отдельных реализаций конструкции наподобие *государева служба служить* являлось, собственно говоря, усвоением фразеологизмов, а не синтаксической конструкции как таковой.

Наблюдаемые в южновеликорусских памятниках случаи колебания в употреблении формы именительного на *-а* или винительного при инфинитиве в письме одной и той же руки тоже не в ладу с предположением об усвоении конструкции из приказной письменности [40]. В качестве заимствованной из этой письменности она приобрела бы характер заученной и, по всей вероятности, применялась бы более или менее последовательно.

С представлением об означенной конструкции как заимствованной из приказной письменности едва ли согласуется и ее появление в текстах такого рода, местные писцы которых не обнаруживают сколько-нибудь достаточной правописной выучки и допускают разительные отклонения в сторону диалектной речи — пишут *у* вместо *в* и наоборот, Васкя вместо Васька и пр.[41]

Да и лексическое наполнение конструкции в южновеликорусской деловой письменности порой оказывается не таким, чтобы сколько-нибудь напоминало традиционное приказное. Вот некоторые примеры подобного свойства из наших предшествующих работ: сва*д*ба играть (ЦГАДА. Ф. 210, Разр. вязки, в. 2, ч. 2, № 2, л. 7 об.), вина сворит асмина к празнику к Николину дни про себя (там же, л. 13 об.), вина сворит асми*н*ка к ба*б*им кашемъ (там же, л. 19), вина сворит асмина к сва*д*бе (там же, л. 25), вина сворит асмина для сва*д*бы (там же, л. 28 об.); ему было

---

[39] См.: *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в., с. 31—35.

[40] См.: *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров, с. 51—52.

[41] См.: *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в., с. 35—36.

Максиму делат кȣрту и што останетца остатков принесть ко мне курта и остатки (ГБЛ. М., 10991/5, л. 7); изба поставит и печ збит роботником дано тритцат пят олтын (ЦГАДА. Ф. 210, Ден. стол, кн. 82, л. 127 об.—128); церков рубит в круглой угол трапеза и алтар в брус ‹. . .› трапеза и олтар с норежья скоблит ‹. . .› трапеза крыт полаткою (Щук. ч. 4, 159—160); перенесть варата и келья с места на места у нас ‹. . .› мочи нет (КЕ, III, 18); емȣ Исаю ‹. . .› племянніца | своя девка Дарица кормит и поить | і самуж еѣ выдот с приданым (Южн. отк. 138), а да|рога емȣ Воинȣ вьезжат и животина го|нят ‹. . .› как дано было братȣ | его (там же, 143), глина | горшечноя имат в межах ȣв Овдѣя | Головина с розными помещи|ки (там же, 174), а вода ему пит и | животина поит вопчѣ с помѣщики дрѣни | Студенца ‹. . .› из колодеѕя (там же, 200), им ‹. . .› новые борти дѣлати и пчела | садити и рыба ловити ‹. . .› с волащаны в рядъ (там же, 284) [42]. Небезынтересны примеры из южновеликорусских грамоток: тобѣ б ѡдналична жонка бѣреч чтоб не выкроли (Ист. 83), отдат ся грамотка в полкех гсдрю мо|ему Дмитрею Івановичу (там же, 108). В южновеликорусской челобитной: мои бы|вшаи муж ‹. . .› не дал мнѣ | чем дȣша своѧ питати аставил менѧ и нагȣ и бо|сȣ (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 352, л. 18). Как видим, лексическое наполнение примеров не повторяет лексического наполнения, характерного для приказной письменности.

В роли заимствованной из приказной письменности, формирование которой восходит ко второй половине XV и XVI в., рассматриваемая конструкция, если бы она в качестве заимствованной являлась образцовой, не могла бы в такой непродолжительный срок настолько «деформироваться», чтобы в ней получили место и другие формы глагола и имена с основой на согласный и нарушения согласования определения-прилагательного с приинфинитивным существительным. Между тем в южновеликорусских памятниках это наблюдается: в полон поимали жена Авдотя сна Восиля доч Котерину (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 969, л. 34); покрали на твоем

---

[42] См.: *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров, с. 47—48, 50; *Он же.* Конструкция типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в., с. 34, 36.

боярском дворе из житни коса что сено косят боярское (Щук. ч. 4, 229); у мене Мартына взяли в полон матере Арина (ЦГАДА. Ф. 210, Прик. стол, стлб. 981, л. 54); мат своя Ул|яну Ивану кормит да ее живота (Южн. отк. 243); с того приходу святительская дань плачивалъ (КЕ, III, 254).

Трактовка рассматриваемой конструкции как органически свойственной когда-то и южновеликорусским говорам, т. е. общерусской, естественно, влечет за собой пересмотр трактовки ее судьбы в последующем развитии русского языка. Пока означенную конструкцию регистрировали только на Севере, ее история в русском языке представлялась в следующем виде: «Диалектная северная и северо-западная синтаксическая особенность, возникшая до появления восточнославянской письменности, была воспринята русским литературным языком сначала главным образом в деловой письменности, затем и вне ее рамок. В XVIII в. она выходит из употребления под воздействием южных говоров, для которых она была нехарактерна. Вместе со становлением собственно белорусского литературного языка прекращается ее употребление и на территории Белоруссии. Лишившись поддержки со стороны литературного языка, конструкция *вода пить* отступает все далее на север и обречена на вымирание» [43]. В свете впервые обнаруженных старинных южновеликорусских данных утрату названной конструкции в литературном языке, по-видимому, следует объяснять не тем, что южновеликорусским говорам она вообще была незнакома, а тем, что утрата ее произошла прежде всего в этих говорах, влияние которых в русском языке в эпоху его национального развития было доминирующим.

К сожалению, выявление новых данных по истории означенной конструкции не получило отражения в книге «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение», авторы которой, по их словам, «стремились к тому, чтобы осветить историю синтаксической системы русского языка на протяжении XI—XVII вв. на основании исчерпывающих (разрядка наша. — *С. К.*) выписок из возможно большего

---

[43] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 491.

числа памятников разных жанров данного периода» [44]. В книге говорится: «. . .до сего времени отсутствует убедительное объяснение случаев появления данной конструкции в южных деловых документах XVI—XVII вв.» [45] Однако представленные в нашей статье, на которую в книге ссылаются, южновеликорусские материалы не только не рассматриваются, но и не приводятся, поэтому читатель не может судить, насколько убедительным или неубедительным является наше объяснение. Выходит, огромная территория распространения русского языка в плане исследования указанной конструкции в книге не представлена и тем не менее утверждается, что означенной, южновеликорусской территории конструкция была несвойственна.

Изучение некоторых коренных вопросов исторической фонетики русского языка также во многом обусловлено изучением южновеликорусских памятников — выяснением былого состояния южновеликорусской фонетики. Например, без должных сведений о состоянии редукции безударных гласных на Юге в XVI—XVIII вв. едва ли возможно основательное исследование истории этого явления не только в южновеликорусской области, но и в средневеликорусских говорах, а также и в московском койне.

Установленная в результате современного обследования определенная диалектная целостность южновеликорусской области получила обстоятельное подтверждение в показаниях памятников местного происхождения, среди которых (показаний) проявления на письме безударного вокализма также играют не последнюю роль. Именно материалы памятников наиболее убедительно доказывают, что южновеликорусское наречие в основе своей является не продуктом поздней колонизации обширной степной окраины пришельцами из северных областей, а сложилось гораздо ранее и сохранялось в течение всего периода монголо-татарской опасности [46].

Своеобразие вокальной информационности старинных южновеликорусских текстов, в отличие от северновеликорусских, обусловлено значительным расхождением между

---

[44] Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. Под ред. В. И. Борковского. М., 1978, с. 4.

[45] Там же, с. 413.

[46] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 82—83.

безударным произношением гласных неверхнего подъема в южновеликорусских говорах и их правописанием. Вследствие этого безударное произношение в виде прямых или косвенных, так называемых перестраховочных отражений получает в этих текстах вполне определенное запечатление. Напротив, в старинных текстах, приуроченных к северновеликорусской области, где упомянутое расхождение является минимальным, выявление безударного вокализма представляется очень сложным. Если на южновеликорусской почве среди старинных рукописных источников по степени указанного расхождения легко выделяются как более надежные для изучения безударного вокализма тексты менее грамотные и в качестве менее надежных — тексты более грамотные, то в письменности северновеликорусского происхождения такого четкого различия в этом смысле нет.

Отражение в южновеликорусских памятниках явлений редукции безударных гласных во многих случаях имеет следствием выделимость в тех или иных словах или отдельных формах места ударения. С этой стороны значение южновеликорусских памятников для истории русского языка трудно переоценить. Как известно, за самыми редкими исключениями, огромная масса деловой письменности XV—XVIII вв., свободной от церковнославянской графико-орфографической традиции, является неакцентированной. И тем не менее эта письменность, в ее южновеликорусском и частью в средневеликорусском ответвлениях, отражая прямым или косвенным образом редукцию безударных гласных неверхнего подъема, в контексте с ее проявлениями дает наиболее надежные сведения о месте ударения в слове.

Для русской исторической акцентологии, которая в трудах Л. А. Булаховского, В. Р. Кипарского, В. В. Колесова обретает плодотворное начало, вовлечение в сферу исследования данной группы источников имеет первостепенное значение. Пока акцентологические разыскания в области истории русского языка строятся исключительно на материалах, снабженных знаками ударения. Однако применение этих знаков связано едва ли не исключительно с уставными и полууставными текстами, которые в подавляющем большинстве являются церковнославянскими. Изучение русского ударения древнеписьменного периода по необходимости строится главным образом на

источниках подобного круга, поскольку собственно русских текстов от той исторической эпохи сохранились единицы. Исследование русской акцентологии более позднего времени также покоится в значительной степени на акцентованных церковнославянских источниках, в том числе грамматиках и словарях. Привлекаются стихотворные тексты, в которых место ударения подсказывает метрика. Забвение лишенных графической акцентуации письменных памятников делового содержания несеверновеликорусского происхождения в прошлом было понятно: памятники южновеликорусской письменности, как мы неоднократно отмечали, лингвисты не изучали, а историки издавали их в таком упрощенном виде, что их лингвистическое штудирование во многом оказывалось невозможным. С памятниками средневеликорусского происхождения происходило в общем то же самое. Во всяком случае, лингвистических изданий скорописных памятников деловой письменности вплоть до 60-х годов текущего столетия не существовало. Выступающие в контексте с отражениями редукции безударных гласных акцентологические данные несеверновеликорусской деловой письменности, во-первых, рисуют акцентологический строй и общего русского языка XV—XVIII вв. и отдельные акцентологические особенности более узкого распространения в пределах наречий или говоров, во-вторых, в известной степени являются контрольными в отношении акцентологических данных церковнославянской письменности, в которой формально, по традиции могли отмечаться ударения, в живом народном языке опоры уже не имевшие.

До сих пор такими контрольными данными служили только показания современного русского языка и его многочисленных говоров, а также стихотворных текстов сравнительно позднего времени. Старинная письменность делового содержания несеверновеликорусского происхождения заключает некоторые контрольные данные трехчетырехвековой давности. Подтверждение фактов современного ударения соответственными данными этой письменности имеет большое научное значение. Столь же важны исторические свидетельства, сравнение которых с современными выявляет те или иные изменения, происшедшие в русском ударении за последние столетия. Указанные письменные источники обеспечивают определенные

возможности изучения и состояния ударения в именных и глагольных парадигмах, и его передвижения с последующего слова на предлог, не говоря уже об особых случаях акцентного оформления слов. Некоторые сведения об ударении, извлекаемые из старинной деловой письменности, являются единственными историческими, так как относятся к словам или их акцентным вариантам, не представленным в церковнославянской письменности.

Обратимся к примерам. Ср. обл. *ко́лок* «роща, лесок в поле, степи» (СРНГ) и примеры из Южн. отк.: на асина*в* колак (83), осинов колакъ (88), по осиноваі колак (255), по олховои колакъ (277). С калужским диалектизмом *конюх* (СРНГ) перекликается аналогичный случай в грамотке: плачеца ‹. . .› Корнюшка канюх (Пам. 69), возможно, с этими фактами ассоциируется и такой: прислать ‹. . .› канюха (Мурз. 308). Знакомое лишь фольклорным источникам Севера ударение на *и* во *вдови́ный* (СРНГ) находит соответствия в старинных южновеликорусских текстах: на ее вдавин Аксининъ жеребеи (Южн. отк. 64), на ѳдавин | на Настасин жеребеи (там же, 99). Ср. *пехота́* «пешее хожденье». *Идти пехотою* «пешком» (Даль, Слов.), а в грамотке: пошли ‹. . .› наши раитары с пехатою (Гр-ки, 120). Ср. южновеликорусское *возле́* (СРНГ) и акцентовку предлога в Южн. отк.: ваѕлѣ || Микиты Дамашова ‹. . .› вазлѣ Бал|шога верха (154). Сопоставление это нуждается в некотором уточнении. В старинном тексте *вазлѣ* — предлог, а ныне толкуется как междометие, причем толкование подкрепляется следующим разъяснением Бурнашова: «В Тульской и некоторых других низовых губерниях крестьяне делают ударение на последнем слоге: лучшая крестьянская лошадь есть та, которая хорошо знает это слово. Многого труда стоит, чтоб приучить ее исполнять его. Оно значит, что пашущая сохою лошадь не должна ступать в проведенную уже сохою борозду и отходить от нее. В первом случае соха будет вилять и пашущий должен ворочать назад, чтоб вновь начать с того места, где новая борозда слилась с прежнею. Во втором случае она сделает на пашне так называемый огрех, т. е. оставит место не вспаханное» (СРНГ). В свете старинных фактов предложно-наречное происхождение междометия выступает явственно. Ср. еще: «Возле́! . . Возле́ окаян-н-ая. . .» — кричит пахарь и понукает лошаденку. . . (Эртель, Записки степняка). В от-

личие от общепринятого современного *прóтив* в Южн. отк. представлено *пратив*: пратив | прѫтка (83), пратив дач (142), пратив ‹. . .› усады (194—195). В прилагательном *дубов* ударяемым мог быть и первый гласный: стоіт пен дубав (Южн. отк. 12), а в прилагательном *дровяной* оказывалось возможным и ненаконечное ударение: лѣсъ харомена*и* и дравена*и* (Южн. отк. 83). В субстантивированном образовании *окольничий* допускалось ударение на *и*: сѫд был ‹. . .› пере*д* акалнич*ем* (МДБП, 52). В противоположность современному образованию *óчный* в XVII в. отмечалось *очнóй*: ачноі ставки не была (Ист. 240). Из особенностей акцентовки отдельных форм отметим, к примеру, следующие: ѕа приписю диека (Южн. отк. 241), з дьеко*м* (Гр-ки, 50); з дачер*ю* з дев*к*аю (Южн. отк. 98), ѕ дачер*ю* (там же, 99), ср.: ѕа Пологеею ѕ дачью ‹. . .› дв*а*тцат пят чети (Южн. отк. 40); вѕелся (Гр-ки, 55). Из примеров перенесения ударения с последующего слова на предлог: на сара*к* | на пят четі (Южн. отк. 105), на саракъ четі (там же, 162); на пян дѫбо|во*и* (Южн. отк. 230); ѕа | рекѫ ѕа Данъ (там же, 94); бревянъ со ста (Ист. 140); на гарѫ (Южн. отк. 92), впрочем, возможно, здесь перед нами — вин. ед. с ударяемым окончанием, характерная южновеликорусская особенность определенной группы имен на *-а*: ваду́, нагу́ и т. п.

Обширные собрания рукописей южновеликорусского происхождения, с которыми мы ознакомились (имеем в виду скорописные), заключают лишь такие возможности выявления места ударения; скорописных текстов, где ударения обозначались бы специальной графикой, встретить не довелось. Недостаток акцентологических сведений применительно к более позднему времени могут восполнить некоторые данные из текстов художественной литературы, притом не только стихотворных, но и прозаических. Речь идет о художественных текстах авторов-бытописателей.

О том, насколько существенны бывают эти сведения, можно судить, например, по данным, извлеченным из произведений А. И. Эртеля, жизнь и творчество которого в большой степени связаны с южновеликорусской средой. Эти данные имеют отношение почти исключительно к речи персонажей, а не авторскому повествованию; в ряде случаев акцентологические особенности сопутствуют изменениям в формообразовании: *в городу́* (Смена); *полны вен-*

теря́ (Гарденины); *воля́*: — Что ж поделаешь ‹. . .› — вздохнул ходок ‹. . .› Никаких волей тебе нету-ти ‹. . .› — Ведь оне у всех одне — воля́-то | (Записки степняка); *в те поры́* (Записки степняка); *выгона́*: [Отец Юс] Выгона́ все пораспахали! (Записки степняка); *должо́н* (Смена); *дьяволя́* — им. мн. (Смена); *здоро́во*: [Сашутка] Действительно мы с ним маленечко того . . . здоро́во безобразничали (Смена); *ко́лок*: [Сергей Петрович] ‹. . .› это ведь начинается моя земля: вон Медвежий ко́лок ‹. . .› (Две пары); *мяса́*: [Алферов] Там Мурильо, Гвадалквивир, испанка оперлася на балкон . . . а у нас — мяса́, туши, сало (Смена); *навалёны* (Смена); *нарочито́*: Письмо было такого содержания: ‹. . .› Писал по воле Фелицаты Никаноровны и под ее диктант нарочито́ приверженный конторщик ‹. . .› Агей Дымкин (Гарденины); *обчество́* («сельское общество, мир») (Записки степняка); *о́грех*: [Онисим] Вот на пахоту пришел ‹. . .› У меня ежели о́грех — я проберу (Записки степняка); *однова́*: [Алеша] Я однова́ состязался с таким ‹. . .› (Смена); *о́-полночь*: [Поплешка] ‹. . .› сел на ночь в алтаре ‹. . .› и вдруг о́-полночь приходит белый старец (Записки степняка); *податя́* — вин. мн. (Смена); *позавчёра* (Записки степняка); *помёр* (Записки степняка); *по́том*: [Дворник] ‹. . .› с чего они спят-то долго? [Григорий Евлампыч] — А с того и почивают, что господа. И потом (Григорий говорил «по́том») женский быт. В женском быту завсегда, брат, спится крепче (Гарденины); *проса́* — вин. мн. (Волхонская барышня); *свежина́*: [Ефрем Капитоныч] ‹. . .› щи «с свежино́й», оладьи и тому подобное ‹. . .› (Гарденины); *ско́ромь* («скоромное») (Смена); *сора́* — им. мн. («сорные травы») (Смена); *снова́*: [Онисим Варфоломеич] Где это видано — наезднику руки не подает; я тогда, снова́-то, протянул ему руку, а он ‹. . .› один палец выставил (Гарденины); *способа́* — им. мн. (Смена); *третьёводни* (Гарденины).

В авторском повествовании: *жнива́* — им. мн. (Записки степняка); *настороже*: Казалось, простодушная чистота девиц заставляла кавалеров быть даже слишком настороже (Смена); *подреза́*: Лошади плетутся себе шажком, гужи скрипят, подреза́ визжат ‹. . .› (Жадный мужик).

Приведенные случаи, как было сказано, за весьма немногими исключениями относятся к речи персонажей. Напротив, в стихотворных текстах подобные случаи

крайне редки, в них едва ли не исключительно представлена акцентология авторской речи. Лишь в той незначительной степени, в какой автор является носителем местного говора, получает отражение в его стихах и локальная акцентология, понятно, не означаемая знаками ударения.

Заметим кстати: в словаре Даля таких акцентологических фактов, как, например, *нарочитб́*, *бгрех*, *пбтом*, *скóромь*, *снова́*, не зарегистрировано.

Не касаясь других вопросов изучения запечатленного в памятниках деловой письменности южновеликорусского ударяемого вокализма, отметим решающее значение введения в научный оборот именно южновеликорусских источников для освещения судьбы гласного звука, этимологически передаваемого буквой *ѣ*. По материалам этих источников, повторяем, были установлены проявления отличного от *е* характера указанного гласного в подударном положении при явственно выраженной тенденции его совпадения с *е* в безударном в прошлом в южновеликорусской области [47]. Таким образом, явление, в котором прежде усматривали историческую принадлежность только северно- и средневеликорусских говоров, оказалось явлением, исторически свойственным всему русскому языку. Не приводя вновь тех материалов, которые были опубликованы в обоснование этого положения, заметим: новые его подтверждения представлены в некоторых текстах недавно вышедшего издания южновеликорусских отказных книг [48], из которых ранее привлекались только курские. Возможность проявления описанной особенности — неодинакового звучания интересующего гласного в зависимости от подударного или безударного положения — не во всех, а только в части текстов ограничивалась тем, что опытные писцы употребляли букву *ѣ* этимологически, а неопытные, опасаясь ошибиться, иногда вообще ее не применяли и довольствовались лишь буквой *е*. Проявление в письме этой особенности несколько ограничивалось и заученным употреблением заимствованных из московской приказной письменности некоторых особенно употребительных орфограмм, к тому же применяемых в составе стандартных формул.

---

[47] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 35—52.

[48] Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги.

Привлечение южновеликорусских памятников позволило документировать широкое распространение 300—400 лет назад в говорах южновеликорусского наречия смягчения *к* в положении после мягких согласных и *j*: *Васькя*, *речкю* и т. п. Прежде это явление изучалось почти исключительно по диалектным записям. В публикациях памятников письменности (северно- и средневеликорусских) отражений его находили мало. Не выходя за пределы этих материалов, Н. П. Гринкова в свое время констатировала, что мягкое *к* указанного происхождения «попадает в письменность в очень ограниченном количестве случаев» [49]. Пока не обращались к памятникам южновеликорусского характера, иного заключения и быть не могло. Мы обратились к этим памятникам. Исследование южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. показало широкое распространение рассматриваемого смягчения *к* в южновеликорусских говорах в прошлом и довольно свободное его отражение в старой локальной письменности. В прежних сообщениях о данном смягчении мы приводили его примеры, за немногими исключениями, из Ельца и Курска, замечая, однако, что это объясняется лишь характером приводимых текстов, а не тем, что в других местах южновеликорусской территории описываемое смягчение было редким или вовсе отсутствовало. Действительно, по текстам иного характера выявляются и другие места распространения интересующего смягчения *к* в южновеликорусской области. И это при том условии, что возможности его проявления в текстах ограничены определенной словообразовательной позицией. Рассматриваемое *к* является суффиксальным, обыкновенно в уменьшительных образованиях, а специфика содержания деловой письменности допускает употребление в ней сравнительно немногих подобных образований, обычно личных собственных имен вроде *Васькя*, *Ларькя*, *Аниськя* и т. п. Однотипные уменьшительные образования из категории имен нарицательных (*речкя* и т. п.) в письменности делового содержания, за вычетом, может быть, грамоток, малоупотребительны.

---

[49] *Гринкова Н. П.* Воронежские диалекты. — Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. LV. Кафедра рус. яз. Л., 1947, с. 157.

Обратимся к отказным книгам. Из опубликованных материалов последних видно, что интересующее нас смягчение *к* охватывало едва ли не всю основную территорию южновеликорусского наречия.

В белгородской: Васкя (9), Васкя (10), *с* Ла*з*а*ркям* (21).

В брянской: с Ми*ткям* (41), Ми*тк*я (там же), с Ла*ркям* (там же), с Вяскямъ (*так*!) (42), Васкѧ (43), Миткѧ (там же), Степа*нкѧ* (45), Тре*нкѧ* (там же), Кузкя (50), с Воло*дкею* (там же), с Ла*ркею* (там же), с Кузкя*м* (там же), дрѣни Миле*ик*ява (51), с Васкею да *з* ѕяте*м* с Моисеке*м* (*так*!) (64), *с* Васкею (65).

В воронежской: Тренькя (72), Волотькя (там же), Черьнѣкя (*так*!) (там же), Лѯнькя (там же), Панькя (там же), Сенькя (там же), с Ла*л*рькею (*так*!) (79), (с) Се*н*кею (там же), Θе*т*кя (84), Макѣкя (*так*!) (там же).

В елецкой: Аѳо*н*кя (86), Степа*н*кя (87), поправѯ | рѣчки Сме*н*кя (89), Аѳо*н*кя (91), Васкя (99), Аръсе*н* Ескев Тимоѳѣи Ескев (106), Аверке*и* Ескев (там же), Аѳо*н*кя (106), по обе стороны рѣчки Смень|кя (107), Аѳонькя (там же), за рѣчкю (108), к Сухо|му Сме*н*кю (там же), о*т* Сухога Сменкѧ (там же).

В карачевской: Кузке ‹. . .› Акова*н*цов (130).

В курской: Θе*т*кя (136), Оѳо*н*ке | Совелевъ снъ (там же), Мокѣикя (там же), сколкя (138), Дениса ‹. . .› Ескева (146), Денису Ескеву (там же), Ларьке Ивано*в* (153), скольке (160), Ларке Восилевъ (там же), Оѳонкя (164), *с* Сенькя*м* (там же), Миленкя (165), Меленьке Ивано*в* (167).

Во мценской: Пронкя (180), Харкя (там же), Оѳонкя ‹. . .› *с* Се*н*кею (там же), Сенкя (там же), (с сыном) Се*н*кею (181), Исаикя (там же), (с сыном) Степа*нкя*м (там же), Ива*нкя* (там же), с Се*н*кею (191), с Θе*т*кею (193), Θилкя (там же), Васкя (там же), Степа*нкя* (194), Васкя (там же), Ра*д*кя (195), с Васкею (там же), Оскя (196).

В новосильской: сколке (204), Θе*д*ке Григо*р*евъ (там же), Θолимо*нк*а | да Исаике Восилевы (там же), Волотке Θоустов (там же), крестьяни*н* | Θе*д*ке (209), крестьяни*н* Сеньке (там же), на рѣчкю (219), в рѣчкю (там же), за рѣчкю (там же), впала рѣчке Лозавка (там же), сколке (221), на рѣчкю (223), въ рѣчкю (там же), за рѣчкю (там же), сколке (225), сколке (234), с Ысаикею (там же).

В орловской: сколкя (240), сколкя (241), сколке (245), Михаила Санке|ва (246), сколкя (там же), Михаилу Санкеву (там же), сколке (252), Аѳо*н*кя (253).

Единичность отражений смягчения *к* в опубликованных книгах отдельных уездов легко объясняется и тем, что изданы лишь немногие тексты, и отсутствием в некоторых отказах, где почему-либо не говорилось о социально зависимых людях, например, о крепостных крестьянах, соответственных уменьшительных личных имен. Перед нами — наглядный пример того, как отсутствие в источнике определенного элемента его фонетической содержательности, казалось бы, предопределяемого природой запечатляемого в нем наречия, опосредствованно обусловливается содержанием источника.

Отсутствие сведений из Рыльского уезда согласуется с сообщениями диалектологов об отсутствии названного смягчения *к* в крайних западных местах южновеликорусской области [50].

Ранее мы приводили примеры смягчения *к* после *ч*, заимствованные из текстов XVII в., приуроченных к Ельцу (*речкя*) и Новосилю (у *козачкя*) [51]. Как видим, и новые подобные факты связаны с Ельцом и Новосилем.

Современное сохранение твердости *к* на Юге в положении после *ш* согласуется с состоянием в прошлом. Единственное отклонение от этой нормы — в воронежской книге: Андрюшкя (72).

В свете южновеликорусских данных XVI—XVIII вв. судьба описываемого смягчения *к* и в южновеликорусской области и в русском языке в целом представляется существенно иной в сравнении с очерченной Д. К. Зелениным. Нам остается повторить сделанное ранее заключение: повсеместное смягчение *к* после мягких согласных и *j* в современных южновеликорусских говорах и достаточно яркое отражение его в южновеликорусских памятниках, начиная с самых ранних, говорит о том, что это явление коренное для данной диалектной области, а не внесенное в нее, как полагал Д. К. Зеленин, потоком колонизации откуда-то из Подмосковья. Особенно знаменательно то, что все известные нам отражения интересующего нас явления в старой южновеликорусской пись-

---

[50] См.: *Зеленин Д. К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, с. 185.

[51] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 126.

менности принадлежат писцам, которые оставили в ней многочисленные написания южновеликорусского происхождения [52].

Старинные южновеликорусские материалы вносят некоторые уточнения и в сложившееся в науке представление о времени отвердения шипящих. Обычно об этом процессе говорится в общей форме, в применении ко всему русскому языку, в редких случаях сообщается о времени отвердения шипящих в отдельных зонах русского языка, скажем, в Москве и Подмосковье. Лишь в последнее время установлено, что еще в XVII столетии в говорах южновеликорусского наречия сохранялись осязательные следы мягкости шипящих [53]. Приведем дополнительные примеры из Южн. отк.: по рѣбежю (12), через межю (31), Михаила Жюкова (34), пригожя (210), Гришя (там же) и др. Ср. в Южн. отк.: прожыточное (55), Бориса ‹. . .› Нашшокина (67), приложылъ (113), служыт (195), лежыт (250) и др.

В заключение отметим особое значение старинной южновеликорусской письменности для исследования истории русской орфографии. Гораздо большие, чем на Севере, расхождения между письмом и произношением в области южновеликорусского наречия предопределяли особо обостренное внимание к вопросам орфографии именно в среде писавших в южновеликорусской области.

---

[52] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 129.

[53] Там же, с. 105—106.

СТАРИННАЯ РУССКАЯ ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

Для изучения истории русского языка старинная частная переписка имеет особое значение, так как в сравнении с иными источниками того же самого времени отражает живую народную речь наиболее ярко и непосредственно. Это объясняется не только тем, что письма, или грамотки, служили средством общения людей, особенно близко связанных деловыми или родственными отношениями, прибегавших в этих условиях к обыденной, вседневной речи, но и тем, что письма эти писали, кроме профессиональных грамотеев — дьячков, подьячих и т. п., и просто грамотные люди с невысокой правописной выучкой. Последнее, кстати, говорит о более широком в ту эпоху распространении грамотности на Руси, нежели полагали прежде, об известном проникновении ее в среду простого люда. Содержание грамоток определялось кругом тех дел и событий, которые связывали участников переписки. Иногда в последней находили отражение и вопросы более широкого плана, обычно в той мере, в какой они интересовали ссылавшихся грамотками. Поскольку грамотки не являлись документами, предназначались для неофициального общения, писали их довольно свободно, в минимальной зависимости от норм, с одной стороны, приказного, с другой — церковнославянского языка. Влияние норм того и другого осязательно сказывалось в основном в изложении более или менее стандартных зачинов и концовок грамоток. Не имевшие юридического значения, грамотки обыкновенно не хранились. Неудивительно, что до наших дней материалов старой частной переписки дошло сравнительно немного и при этом некоторая часть ее — в неудовлетворительном состоянии. Помимо немногих, единичных грамоток (имеем в виду лишь писанные на бумаге), принадлежащих XVI в., ранние грамотки из дошедших до нас датированы XVII столетием, относятся к начальной поре становления русского национального языка.

В свете актуальных задач истории русского языка значение рассматриваемой переписки вырисовывается особенно рельефно. В трудах историков русского языка постоянно встречаем упоминания о его народно-разговорном варианте, и все же наполненной конкретным содержанием характеристики подобного варианта в науке пока не имеется не только для древнего периода развития русского языка, чего, собственно, и трудно ожидать, поскольку памятники той поры содержат мало соответствующих данных, но и для поздней эпохи, например XVI—XVIII вв. Воссоздание конкретного облика народно-разговорного варианта указанной эпохи — задача первостепенной важности. С ее решением связано решение многих других задач в области истории русского языка. Необходимо прежде всего выяснить состояние той речевой культуры, которую унаследовал национальный язык от времен великорусской народности. Представляется актуальным изучение роли северно- и южновеликорусского начал в становлении и развитии национального языка. Требует основательных уточнений хронология многих языковых изменений, особенно по диалектным областям. Имеется острая необходимость в содержательной характеристике говора Москвы XVI—XVIII вв., послужившего основой устной разновидности русского литературного языка. Нуждается, далее, в освещении взаимодействие письменных приказной и книжной и народно-разговорной стихий в различных сферах литературного языка XVI—XVIII вв. Можно было бы напомнить и о других существенных задачах, но и отмеченных довольно, чтобы уяснить лингвистическое значение старинной частной переписки.

Как памятники народно-разговорного языка материалы эти среди иных старорусских источников следует поставить на первое место. Правда, их территориальное приурочение затрудняется тем, что и авторы-писцы и лица, писавшие под диктовку, обыкновенно в качестве писцов себя не называют. Однако этот недостаток грамоток восполняется наличием в их строках заметных примет локальной речи, по которым, с учетом указаний на место написания, в общем возможно установить их территориальную приуроченность. За малыми исключениями, грамотки датированы. Хотя материалов частной переписки XVII в. сохранилось не так много, география их достаточно обширна. Даже одни опубликованные в послед-

ние годы материалы представляют и Москву, и северные и южные области, и среднее Поволжье [1]. Объем сохранившейся частной переписки XVIII в. более значителен и охватывает еще большие пространства распространения русского языка.

Общение посредством грамоток происходило не только в высших кругах, как можно было думать ранее, до открытия писем на бересте, когда немногие публикации материалов частной переписки, осуществлявшиеся историками, в основном составлялись из грамоток представителей именно этих кругов: письма царя Алексея Михайловича, письма патриарха Никона, письма Петра I и др. По грамоткам XVII и начала XVIII в., опубликованным в последние годы, кроме знати и высшего духовенства, выявляется такой контингент лиц, прибегавших к эпистолярному общению: помещики и крепостные крестьяне, среди вторых — выборные и старосты, приказчики, дьячки и подьячие, торговые и мастеровые люди, а также монастырские старцы и представители низшего духовенства. Как видим, и с этой стороны имеем определенные основания искать в данной категории источников отражения народно-разговорной речи.

Следует заметить: многие грамотки писаны такими почерками, чтение которых, в сравнении с почерками, типичными для актовой письменности, более затруднительно. Многообразие этих почерков в какой-то мере также характеризует степень распространения грамотности и состояния письменной культуры у тех, кто ссылался грамотками. В составе последних обыкновенно прослеживаются зачин, основная часть и концовка. В зачинах, нередко и в концовках встречаем обычно пожела-

---

[1] См.: *Котков С. И., Панкратова И. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова). Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968, с. 15—43; Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969; *Евтюшина Т. И.* Из белозерской переписки XVII в. — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971; *Тарабасова Н. И.* Частные письма из Мурзихинского архива. — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.

ния здоровья и благополучия адресатам, выражения в знак уважения нарочитого смирения перед ними, облеченные порой в затейливые фразы и уснащенные церковнославянской фразеологией. Основная часть заключает в себе освещение вседневных дел и событий, личных и общественных отношений, которые связывают участников переписки, и поэтому в ее изложении выступает народно-разговорная речь. Особенности указанных частей грамоток обусловливают возможность изучения по ним взаимодействия церковнославянской и народно-разговорной стихий.

Отображение в частной переписке вседневного труда и быта людей, их внутреннего мира, кипения страстей, настроений и характеров, социальных коллизий и т. п. дает богатый материал для разнообразных лексических наблюдений.

Грамотки подробнее и живее, нежели официальная деловая письменность, знакомят нас с разносторонней хозяйственной деятельностью людей, протекавшей в условиях крепостного строя, с «технологией» производственных процессов, их материальной основой, наконец, с отношениями, которые складывались между социально неравноправными участниками этой деятельности. Особенно выделяются в этом плане писанные владельцам поместий и вотчин конкретные грамотки приказчиков, старост и выборных крестьян, в которых находим характеристику помещичьего и крестьянского хозяйства, сообщения о барщинном труде и сборе оброчных повинностей. Наименования соответственных предметов и понятий, иногда сближающиеся с терминологическими, занимают в них большое место. Таковы, к примеру, наименования сельскохозяйственных культур, земельных угодий и орудий труда, обозначения производственных процессов, погодных условий и т. п. в области полеводства; лексика огородничества и садоводства; обозначения предметов и явлений, связанных с областью животноводства, пчеловодством, охотой и рыбной ловлей, с переработкой сельскохозяйственного сырья; названия хозяйственных строений и пр. В сравнении с иными источниками сходного лексического наполнения, но реестрового характера (посевные, ужинные и умолотные, а также отписные книги [2]),

---

[2] См.: *Астахина Л. Ю.* Сельскохозяйственные книги XVII века. — В кн.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и из-

в грамотках лексика данного круга выступает более детализованно и притом не в реестровом изложении, а в типичных для нее в ту пору контекстуальных условиях. Приведем несколько фрагментов, дающих об этой сфере лексики известное представление.

В 1694 г. «холоп» И. Данилов и староста Г. Максаков писали своему помещику: ‹. . .› посѣено гсдрь авса *к* Кабылю | КА десетина да за Вырою гсдрь посѣено на добр*ых* | земляхъ Д десетины с полѳдесетиною а сѣ|менъ выходило на десетину по *т*ри чет*в*ерти | да гарохѳ посѣено за город*ами* Д десетины а сѣ|менъ вышло Е чет*i* с ос*м*иною пшеницы посѣ|ено вь ерав*ом* В десетины а сѣменъ вышло | на прикас*щиковскоi* десетине Г ас*м*ины не пе|реб*о*рна высеено а на *д*рѳг*оi* десети (*так*!) за гарад*ам* вы|шло сѣменъ п*о*лтрет*и* ас*м*ины с полѳчетверичк*ом* | проса переборна*i* посѣено десетина бес получет*в*ертьки | и та десетина досѣено льн*ом* а сѣменъ вышло | проса пол-ас*м*ины а *л*нѳ п*о*лтора чет*в*еричка а про|са мы ѡбменили на гар*ох* пота*му* что наша слеглос | а *л*нѳ гсдрь посѣено в троем мѣсте и в чет*в*ертом | мѣсте от*д*ано на слабадѳ чет*в*ерик да ѡставле|но гсдрь по*д* ечмен В десетины ‹. . .› гречихѳ гсдрь | еще не сѣели а земля гатова а что высеем и то | рос*п*ис учиним конапи гсдрь посѣены всѣ ѡ|гароды в порѳ а сѣменъ вышло S чет*i* с о|сминою да ѡгѳр*ц*овъ гсдрь посажено на всѣ*х* аво|шник*ах* М гря*т* без двух а ѳсходы гсдрь хлѣбныя | хѳды пота*му* что у нас стал сѳхмен а казлов*скоi* | мерин бола охрамѣл и мы приводили конавала | и ѡн вырезовал выпода*к* і ево бгъ помиловал | а капѳста гсдрь посожена всѣ ѡгароды ‹. . .› а прѳд гсдрь с рыбою по*д* рощею по сю порѳ | цел ‹. . .› а сады гсдрь не силны и прѣжали торгова*т* | черемошенскова са*ду* калуженя а ценъ не скозали (Ист. 21).

В вестях примерно того же времени, писанных, видимо, приказчиком, говорилось следующее: по *т*воему гсдрь приказѳ | велено сады заводить и яблоновые гсдрь пни | принесли немногие люди ‹. . .› прикажи гсдрь к при|казнымъ людем писа*т* что*б* они велѣли рожь | молотит і везли бъ на стругъ с чемъ бы к тебѣ | гсдрю стругъ от*п*устит было и лошаде*и* гсдрь но Т[е]л|чеи нѣтъ в сохи

дания. М., 1974; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. Подг. к печати К. В. Сивков. М., 1951.

толко четыре лошади ‹. . .› | а хмелники гсдрь новые завелъ и старые | хмелники посоломил а всѣ былі запущены і мел|ницы обои построил и пруды ѕапрудилъ (Пам. 125).

В 70-х годах XVII в. приказчик Е. Гаврилов жаловался на крестьян: ани ярь посеели | гсдрь а кавыла в те поры взала засѫха лоше|[д]и гсдрь хѫды ковылы драт не силет Гришка Ши|ла приехол на лошеди на хромо (*так!*) а товаришъ ево | Аѳонка на жеребенкѫ и ани гсдрь макот[н]|о (*так!*) пашни не силят похат не то што ковылы я | стал им [гов]орит што ездите на хѫдых лошедях и они мнѣ гсдрь скозали нам де ук|ас есть што двѫм за адною лошедию ходит и с одною | сохою (Ист. 230); тот же приказчик писал: избы | гсдрю не ставили и двора гсдрь по твоем|ѫ указѫ не городили и ворот не делоли ‹. . .› сошники гсдрь взя[л] я у приказнова | да у старосты трои с полицоми ‹. . .› сена гсдрь сметал чертыре (*так!*) заро|да (там же, 229).

В 1630 г. поп Поликарпище и староста Е. Федотов сообщали из монастырской вотчины, расположенной в Белозерском уезде: собрав со крстьянъ ‹. . .› | ѡброку семь рѫблев да с рыбные ловли | с литьные и ѡсеные и з ѕимнаг невода | ѡброшных денег полтора рѫбли да ры|бы ѡброшные двисти числа да с не|вода семнацет сѫдоков а преже сего | ‹. . .› с невода ѡброчьные | рыбы платил по семинацети судоков про|тив ѡсударева ѡброку как з Белаѕера (*так!*) | со всех неводов емлют на гсдря по семина|цети судоков а послали те денежъ|ные доходы и рыбу и мнстрьские денежъ|ному ѡброку ѡтписи ѡто всего мирѫ (Гр-ки, 111).

В 1706 г. староста Д. Прокофьев наговаривал на крестьян орловской деревни: посы|лалъ с ѫльями і ѡни не послушали | не повезли да ізволилъ ты гсдрь імъ | двор строіт ѡни не слѫшаю (*так!*) не строет | і ѡсека не заплели ‹. . .› а пчелы гсдрь | починают роіца (Ист. 27).

Приведем, далее, несколько строк из письма крестьянина Ф. Федорова, писанного в 1696 г.: пощади и помилѫи сиротѫ | своего оброком своим боярским половинѫ тебѣ гсдрю дана а дъ|рѫгои на нынешнои годъ пощади Мартын Василевичь сиратѫ | своего потомѫ что скѫденъ и бѣден хлѣбъ позябъ весь | а иноu спѣгом ѕапал самъ ты вѣдаеш гсдрь ‹. . .› прикажи гсдрь овса дат на симяна своего бояр|скова (Гр-ки, 76).

Эти фрагменты в общих чертах знакомят нас с наиболее актуальными, хотя, естественно, далеко не всеми элементами лексики сельского хозяйства той исторической поры, показывают, с какой степенью детализации она получала отражение в грамотках. В письмах владельцев поместий и вотчин, в частности, в их распорядительных указах приказчикам, старостам и крестьянам выступает в качестве основного тот же лексический состав. Объясняется это общностью круга предметов, событий и понятий, которые вследствие разных причин так или иначе занимали господскую и крестьянскую среду. Обратимся к некоторым примерам.

Вот хозяйственные распоряжения приказчику, которые были посланы барином в 1670 г.: а какъ впред станетя | снетки ловит и вам бы велет сде|лат на берегу ѳ озера печи да в тех | печах велет сушит снетки да вы ж | к намъ писали чтоб вамъ вѣаимы | на семена ншева хлеба дат и вамъ | хлеб ншъ тепрва надобна а какъ вамъ | велят похат на нас и хлеб сеет и пря|тат и вы ж в те поры похат и хлеб пря|тат не хотитя ‹. . .› хлеб опят збират в нашу | житницу сполна а имат хлеб доброи та|кои же каков из наших житницъ емлют | а худова и сяблова хлеба не имат | ‹. . .› вам бы о томъ к нам | отписат и роспис ѳчиня тому к намъ прислат | ѳ ково сколко сох пашут и сколко ѳ ково пашни | сметит хто сколко десятин пашни па|шет и ржи в поле сеет и сена косит (Пам. 119).

В грамотке конца XVII в. помещик Д. В. Михалков наказывал старосте М. Попкову: кото|рои час сѧ грамотка придет ‹. . .› велѣт | на бѣлые хлебы отолоч на ядро пят чети ржи | мѧсо свиное полтевое по прежнему и гуси и ѳтки | и куры и поросенки шерсть и холсты и хмел по прежнему | ѧица и масло коров по прежнему да семени конопляного што умолоче|но все привести а гречи што ѳмолочено всю делат въ | крупы чисто гораздо на торговую рукѳ а на семена оста|вит шесть чети (МДБП, 42).

В начале XVIII в. некая Марья Матвеевна осведомлялась у приказчика Г. Татарина: что у вас въ Якавълеве і на Студе|нъце какова хлеба радилось сколка сотъ|ницъ ржиі сколка авъса і всякава еравова | хлебя сколка стаговъ паставълена сена | радились ли у вас агурцы і капуста і сяка аво|щь і буде агурцы радилис і ты іхъ велиі|

асалить у себя въ Якавълеве і паставить | іхъ велиі а паставить в погребе на дваре | да атъпиши шъ ка мнѣ что у вас радилось гусеі | і утакъ і куръ інъдеіскиіхъ і тебѣ ка мнѣ | прислать аба вьсемъ роспись ‹. . .› і буде | дились (*так!*) у тебя яблакі і ты іхъ прикажиі | упрятать (Мурз. 306—308).

Значение рассматриваемых лексических фактов заключается не только в том, что они знакомят нас с состоянием одной из актуальных лексических групп в XVII—XVIII вв. в масштабе всего русского языка, но и в том, что они вводят в историю отдельных слов и выражений, как свойственных всему языку, так и диалектных. Мы, например, узнаем, что *ковылой* слыла задерненная, целинная земля (Ист. 230), а *овощниками* называли огороды (Ист. 21), *пнями* кое-где именовали саженцы плодовых деревьев (Пам. 125), хлеб мог *снегом западать* (Гр-ки, 76), выражение *прятать хлеб* означало «убирать хлеб с поля» (Пам. 119), засушливое время было известно как *засуха* (Ист. 230) или *сухмень* (там же, 21). Из других грамоток выясняем: сено и триста лет назад могли называть *ведряным* (Ист. 235), говорили: пшеницу *ржа побила* (там же), первый сбор нового урожая именовали *новиной* (Ист. 244), а гречиху кое-где — *дикушей* (Ист. 219), скотину кормили *ухвостьем* (Пам. 73), о жеребенке писали: *мытью замытился* (Ист. 237), радовались добрым дождям — *перемокам* (Гр-ки, 22).

Включая в себя и общенародную и областную лексику сельского хозяйства, в том числе и сопутствовавших ему рыбного и других промыслов, материалы частной переписки открывают возможность ее изучения и с точки зрения взаимодействия народно-разговорного языка и диалектов, и в лингвогеографическом аспекте, и в плане ее соотношения с соответственным лексическим фондом более позднего времени, скажем, начала XX в. Уже не приходится говорить о том, что в свете подобных лексических фактов история соответственных слов и выражений приобретает более конкретные очертания. Словом, грамотки существенным образом пополняют наши сведения о лексике сельского хозяйства в ее былом состоянии. Иногда в них находим слова (например, *дикуша*, *перемоки*), которых нет ни в словарях, ни в связанных с ними картотеках обширных лексических материалов до XVIII в.

В переписке владельцев поместий и вотчин с людьми своего круга лексика сельского хозяйства проявлялась также довольно заметно. Вместе с тем в указанной переписке, поскольку она нередко касалась всякого рода поземельных, денежно-имущественных отношений, торговой и военно-служилой сфер, получала определенное отражение терминология этих отношений и сфер, сложившаяся в приказном обиходе и особенно характерная для актовой письменности. Не приводя примеров (они многочисленны), заметим: в данной переписке и в грамотках посадских людей, порой и духовенства нередко мелькают наименования разновидностей приказной документации: выпись, грамота, закладная, кабала, крепость, купчая, отказная книга, отписка, отпись, память, писцовая книга, поручная запись, поступная запись, расписка, расспросные речи, роспись, рядная запись, сказка, список, указ, челобитная, явка; названия экономических понятий: жеребий, подушный оклад, тягло; обозначения юридических акций: доправить (деньги) на ком-либо, справить (землю) за кем-либо; наименования следственных процедур: очная ставка, повальный обыск. Выходит, грамотки заключают возможность исследования в лексическом плане взаимодействия народно-разговорной и приказной разновидностей русского языка.

Не ограничиваясь простым изложением дел, в описании осложняющих дела обстоятельств, разных житейских неурядиц, семейных и социальных коллизий авторы грамоток иногда прибегали к эмоциональному повествованию, с выразительным, более подробным и окрашенным личным чувством изображением особенно волновавших их событий, фактов и моментов.

Характерно в этом отношении взволнованное письмо иконописца, не лишенного, видимо, поэтической струнки. Помещик И. И. Киреевский нанял его писать иконы и, не выполнив своих обязательств, поставил его в тяжелые условия. Потерпевший в отчаянии писал: посадилъ ты меня в такꙋю погибелнꙋю и хꙋдую | избꙋ что ни дѣла в неи ни покою толко мꙋкою замꙋчилис и глаза | выкꙋрили и совсем ѡгноилис ѡт потꙋ и мокреди иконные дѣла | портятся и дѣлат и писат в неи невозможно хлѣба и соли ѡт млсти | твоеи и харчю доволнова нѣтъ хлѣбомъ и солью и дровами заставилъ ты | меня скитатца и хлѣбом по деревням побиратца и в город для пѣ|чонова

хлѣба таскатца и дрова на плечах и потпоры в ызбѫ | самъ я на себѣ из рощь таскалъ ѡт того бѣз ногъ и бѣз рѫкъ | сталъ ты изволишъ говорит такъ чтоб я жилъ а иноu говорит | что пора з двора <. . .> из насъ і из животинишки нашеи хотят живот выклести | не проклятова не сопьешъ ни съежъ <. . .> жит невозможно с воды ѡднои мнѣ сытѫ не быть | <. . .> кто пива и браги | варит а у меня квасѫ нѣ было а пирога нѣ то что пшеничнова и ржано|ва нѣ было ни заговѣтца ни розговѣтца было нѣчем толко посмѣшище | людское всякъ дивится чем мы живимся кто лапти плететъ | тот слаще нас пъет и естъ и люди твои смеютца ужо де здѣс | і иконикъ станет лапти плести и я то вижѫ над собою что | ис сапоговъ в лапти ѡбуваюсь и кожи х костям присѫшили (Ист. 45).

А вот наветы и жалобы старосты С. Лукьянова: загналъ ѧ | баб вашеі баѧрскоі капѫсты | сечь и он Казма прислал девкѫ | семи лѣт и ѧ взяв ее да послал | домоі а Казмина снаха ста|ла менѧ матерна бранит и ѧ | за то ее прѫтам трожда і у|рилъ (*так!*) и мужъ ее менѧ за варат | зреб (*так!*) да свекар и хатели менѧ | абухами прибит шлюс ѧ гсдрнѧ | на ѳедоткѫ Макарава пасынка | три катки капѫсты секли семь | днеі какаѧ гсдрнѧ работа | а прикащик с ними патакает | заодна весною пынѣ гсдрнѧ он при|кащик Михаіла вылъгал у менѧ | полосмины семѧ алъленова <. . .> своих утат гсдрнѧ ѡнъ | прикащик приелъ да вместа сво|их наметилъ твоих баѧрских | петерых утак а мнѣ сказали | хажельницы про то дело бы|ла гсдрня бѣз двѫ петдесѧт аста|лас толка тритцат а гаварить | гсдрнѧ нелъзе бранит и кѫкиши | кажет и в борадѫ плюет и всѧчѫ|нѫ сарит он прикащик ис твоева | домѫ баѧрскава (Ист. 202—203).

Иллюстрация из переписки родственников: ннѣ ты не ѫбоясѧ бга и смер|тнаго часѫ поместье мое отказал и крстьяном | моим не велел меня слѫшат и ничево давat не велелъ | и заставилъ меня на себѧ плакат перед спасовымъ | образомъ и перед пречистою застѫпницы моеи бдцы | али гсдрь бѣзсмерьтенъ мнишися и страшнаго | грознаго сѫда не боишися тово ли я от тебѧ чаял | что ты не ѫмлсрдился над моею старостью и над мо|имъ сиротствомъ не от бѣды я тебѣ дал поместье | и не долженъ тебѣ ничемъ і чаялъ от тебя вся|ково добра и старости моеи покою и по смер|ти поминка себѣ и сожител-

нице моеи и дочери мо|еи а твоеи женѣ а ты гсдрь и ѯ жива ѯ меня отнял | совсемъ (Пам. 10).

Эмоциональным настроем грамоток, как видим, было обусловлено употребление в них лексических средств, необходимых для подробного описания и субъективной оценки тех событий, поступков, фактов и людей, с которыми связывались судьбы авторов.

Грамотки, адресованные близким людям, в особенности женские, во многих случаях отличало от прочих обозначение различных бытовых деталей. В них нередко довольно подробно рассказывалось о мелочах вседневной жизни, обо всем, что в общем составляло бытовой, домашний ее уклад. Разумеется, в них получал отражение уклад преимущественно той среды, которой они принадлежали, в основном — помещичьей и посадской (ремесленной и торговой), в меньшей мере — крестьянской. Подобной тематикой грамоток обусловлено присутствие в их строках названий жилых, или «хоромных» (у имущих людей) строений и построек хозяйственно-бытового назначения, а также утвари, съестных и некоторых иных припасов, наименований (особенно в женских грамотках) одежды и обуви, мехов и тканей, «щепетильных» — галантерейных товаров и прочих предметов домашнего обихода. Других категорий источников, соотносимых с тем же временем, в которых означенный лексический комплекс был бы представлен столь же ярко и, что существенно, в контекстах, менее других отдаленных от устной речи, мы не обнаруживаем. Только в описях «животов», как тогда называли пожитки, а также в явках о «сносных» (снесенных, покраденных) «животах», иногда еще в расспросных речах, а порою и в челобитных встречаем те или иные слова упомянутого комплекса. В переписке близких людей такие слова предметного значения более или менее обыкновенны и, как видим, в лексико-тематическом плане в достаточной мере разнообразны. А что касается состава отдельных лексико-тематических групп, то его разнообразие хорошо проявляется в таких, например, тематических рубриках.

Наименования строений, их частей и деталей: хоромное строение (Гр-ки, 38), на передънемъ дворѣ обложить | хоромы по чертежу ‹. . .› под хоромы подрѯбит дѯбу З венцов | и на З м венцѯ положит по Г матицы | а красног лѣсу в житьѣ ДІ венцов | чтоб

от земли до *верхнего* потолокѫ | было КА венецъ (Пам. 124), для і|конова писма хотѣлъ мнѣ поставит хороминѫ мастерскую пѫтнѫю с сенми и | с клѣтію (Ист. 44), церковное | строение в половину двереи здѣлано а вско|ре бѫдетъ и по окна (Гр-ки, 310), ѳедот гсдрь избѫ поставил и нѫтрь | выделол (Ист. 228), мы гсдрь двѣ окончинки купили ‹. . .› а тѣ гсдрь прежния окончины | оставили на Москъве пригодятца в ызбѫ новую (Гр-ки, 34), избенка | мая зарѫшалася (Ист. 198), мнѣ панья не даваіт ‹. . .› ни хаты ни ѡ|дежы (Ист. 91), подячеи ‹. . .› одну горницу отдал ншим приемщикамъ | быт а белая горница и подклеты и чюланы | і погребы ничего намъ де не дает (Гр-ки, 247), князь ‹. . .› анбар далъ где запас положит | ‹. . .› и свои гсдрь ан|бар ‹. . .› срѫбили (Пам. 14), погребъ и ледникъ ‹. . .› зде|лали а канюшню гсдрь переставливать некали ‹. . .› хлевовъ нетъ (Ист. 196), житницъ де го|товых ‹. . .› на хлѣб ѫ них нѣ было (Гр-ки, 21), ѡвса ‹. . .› І четвертеи в сусекѣ да полбы | в сусѣкѣ Г четверика (Гр-ки, 103), вели Пронюшка | солодъ ‹. . .› готовит нѣоплошно в се|нницѣ (МДБП, 40), есть | гсдрь ржи на ѡвинѣ твоем боярском насаже|но (Гр-ки, 70), взята из сушила ‹. . .› пят полот ветчины (Пам. 57), да будут к вам пиреписыват бани | пошлин з бани крестьян по пяти ал а з боярских | по рублю (Гр-ки, 64), соколники де емлют ѫ манастырских | крстьян с наистопков голѫби (Гр-ки, 112), ср.: наистобок «чердак, подволока» (Даль, Слов.), пишет ‹. . .› об анбарах о Г х і о избе (Гр-ки, 197), я б подря|дил драни на кровли (там же).

Наименования предметов домашней утвари: воровал ‹. . .› посуду | медную и аловяную (Ист. 220), ящикъ крѫглои кедровои (МДБП, 40), купит коробю ‹. . .› а кровлю ѫ неи здѣлать на вертлюгахъ (МДБП, 41), два лѫкошка болших с кровлеми (там же), в коробченкѣ один тапор да касар (Гр-ки, 37), посла|ли ‹. . .› чамадан да кошѫлю (Ист. 170), ср.: кошуля «корзина» (Даль, Слов.), ты покинул | у меня посуду погребѣц (Ист. 180), ср.: погребец «дорожный ларец» (Даль, Слов.), ларчикъ же|стеноі (Гр-ки, 41), пят кадѣи ржи (Ист. 244), катка липавая агурцовъ ‹. . .› даполнили | тое кадку из ыноі стоіки (Ист. 26), ср.: стойка «кадка, кадушка средней величины; в стойке готовят впрок огурцы, бураки, капусту» (Даль, Слов.), двѣ кадочки мѣдѫ (Ист.

104), бочка ягод (Ист. 47), прислал ‹. . .› бочюручьку винца (Ист. 82), ведернои боченок (Гр-ки, 231), два ведра (Пам. 62), ведерко винца (Ист. 183), рыжичков лагунчик (Гр-ки, 119), ср.: лагун, лагунчик «бочка, боченок» (Даль, Слов.), тѣста соложеного | бѫрачек (Гр-ки, 291), в бѫрашне К грѫшъ (Гр-ки, 119), насыпки ‹. . .› отдал (Пам. 121), ср.: насыпка «лукошко, мерка» (Даль, Слов.), котлы твои | здѣлал (Ист. 151), котлик пѫтнои (Ист. 170), пожалуi ‹. . .› котлика виннаго (Ист. 162), братинку ‹. . .› променяi на тазикъ (Ист. 168), сулеi и стаканы будуть | надобны (Ист. 181), послано ‹. . .› две крушки да торѣлку оловянѫю (Ист. 168), две θляш|ки вина (Гр-ки, 50), вотки ‹. . .› чарки з двѣ (Ист. 197), лекарствы ‹. . .› в скляночках запечатаны (Ист. 220), кушин съметаны | да хоршек творугу ‹. . .› горшечик масъла (Гр-ки, 35), масла берестен не полонъ (Ист. 86), ср.: берестень «повитый берестовым ремнем горшок» (Даль, Слов.), масла коровя две крин|ки а весу в первои и с черепом тритцат пят гриве|нок (Пам. 111), тузъ | соленои (*так!*) грибовъ (Гр-ки, 35), θонар розломали (Гр-ки, 131), зерколо мое (МДБП, 40), седелачка в чемъ сидеть (Ист. 114), ср.: сиделка «ступа, куда сажают младенца, стульчик» (Даль, Слов.).

И эти немногие примеры убедительно свидетельствуют о значении грамоток для исследования данных лексических групп в текстах XVII—XVIII вв. Заметим при этом: помимо исследования различных названий утвари, грамотки не менее перспективны и с точки зрения изучения других упомянутых выше групп наименований предметов домашнего обихода.

Если предметные обозначения рассматриваемого лексического круга порой мелькают в деловой письменности и за пределами частной переписки — в материалах актового содержания, лексика, характерная для интимной речи, выражения душевных переживаний (имеем в виду и глагольную и именную) в письменном общении той поры, кроме литературно-художественных текстов, выступает, пожалуй, только в грамотках. Что касается ее проявлений в художественной литературе того времени, лапидарной и назидательной, то они беднее проявлений в грамотках. Колоритные лексические элементы речевого интимного общения встречаем прежде всего в посланиях, писанных женскою рукой или со слов женщин. Они

обыкновенно звучат в обращениях к любимым, близким людям, в изъявлениях нежной привязанности к ним, в воспоминаниях об этих людях, в изъявлениях самых разнообразных чувств.

Выделяем в этом отношении письма Д. Ларионовой. Гсдрю моемѫ і дрѫгѫ сердешному Іванѫ Семеновичю, — писала она мужу, — женишка твоя Дашка | премного чело (*так!*) бьет здравствуи друг мои Іванъ Семеновичь на мно|жество лѣт ‹. . .› не печался | побереги своего здоровя умилис надо мною над такою бед|ною безродною і над детми а я безродная і безпомошная (Ист. 65—66), а по поводу укрепления супружеских уз далее говорила: послала я к тебѣ | друг мои связочку извол носит на здорове і связыват головушку | а я тое связочку целои днь носила і к тебѣ друг мои пос|лала извол носит на здорове а я еи еи в добром здорове а кото|рыя у тебя друг мои есть в Азовѣ каѳтаны старыя изношены и ты друг мои пришли ко мне отпоров от воротка лоскуточикъ кам|ки и я тое камочку стану до тебя друг мои стану носит бѫдто | с тобою видятца (Ист. 66). Колорит интимного речевого общения создают такие лексические средства, как выражения *друг сердечный*, *не печалься*, *изволь носить на здоровье*, *будто с тобою видеться*, слова *умились*, *беспомощная* и *безродная*, божба *ей-ей*, уменьшительные образования *головушка*, *связочка* и пр.

В другом письме Д. Ларионова пишет: как обрадовалась с детьми, узнав о здоровье мужа, а в ответ на опасения, что она больна, «печалится без рассудку», успокаивает супруга: «я друг моі еі еі не пѣчалюс і в добром | здорове», сообщая далее, что дочки взамен именинного калача послали ему колечко золотое и платочек, «колечко Катюшкино | ізволь на ручке своеі носит на здорове | а Парашенкиным платочком ізволь ѫтиратца | на здорове» (Ист. 67).

В письмах Т. И. Голицыной читаем: свѣтѫ моему кнзь Василю Василевичю бѫд | на тебѣ свѣт моѥ млсть бжия ‹. . .› и мое свѣт | мои серце о том сокрушилос что идешъ в такую дал|ную дорогу с малыми людми (МДБП, 18); сокрѫшил ты свѣт мои меня что по се число от те|бя ко мнѣ вестки нету болшо ты свѣт мои | меня забыл ‹. . .› да отпиши | свѣт мои грамотку к тетке кнгне Уляне утеши|телнѫю вь ее печали такои да и х кнзь Ивану | Григоревичю а преже сего я писала к тебѣ | про ее печал

что у нее сѫдом бжеим не ста|ло дочери кнгни Ѳедоси Алеѯѣевны ‹. . .› хорошои мои свѣт своеи | было головы побѣреч не ищово (*так!*) свѣт мои себя терят | побѣреги свѣт мои своего здоровя пожалеи жены | да дѣток даи мнѣ себя видет не даи мнѣ у|мерет без сѫда напрасно (МДБП, 19).

Более свойственные женским грамоткам, элементы интимного речевого общения, с их эмоциональной окрашенностью, в соответственных условиях не чужды были и мужским. Д. В. Михалков писал жене: да береги неоплошно Маремянушка Прокоѳь|юшка дома у себя и в дороге какъ поедеш | к Москвѣ и Онтониде прикажи ево беречь | неоплошно не ознобитѣ ево крошинки маленкои | в дороге (МДБП, 39). А вот примеры иного плана. Подьячий Арефа Малевинский улещал свою возлюбленную: не могу, друг, терпит ‹. . .› повидаися, сердо мое; доспѣла ты надо мною хорошо, уж я головы своие не щажу; не спасибо тебѣ, доспѣла ты меня, на всякои час слезами не могу терпит; приди на час и я недолго стану стоять лиш увижусь, не могу, еи, жить, а ты надо мною смееся; послушаи, выдь, нужно мнѣ стало и тошно ‹. . .› не здѣлаи без головы меня; и головы не щажу своие, иду к тебѣ, уш то мнѣ гораздо нужно, и люба ты мнѣ [3].

Нет необходимости умножать примеры. Особое, не восполнимое другими источниками, место писем-грамоток в исследовании словарных богатств народно-разговорного языка, особенно его интимной речи, отражающей внутренний мир человека, представляется очевидным.

Словарное наполнение грамоток в тематическом плане многообразно. Кроме рассмотренных и названных выше, в них обнаруживаем заметное присутствие и таких, например, лексических групп, как термины родства (баба «жена», бабушка, батюшка, брат, внучата, дед, дедушка, дети, детки, детушки, дочеришка, дочь, дядюшка, дядя, жена, женишка, зять, невестка, отец, отчим, племянник, племянница, свояк, тесть, теща и др.); наименования различных мер (аршин, верста, выть (земли), вьюк, десятина, кербь, кипа, копна, кулек, куль, мера, мех «ме-

[3] *Панкратова Н. П.* Любовные письма подьячего Арефы Малевинского. — Труды Отдела древнерусской литературы. М.—Л., 1962 т. XVIII, с. 366—367.

шок», мешок, пуд, четверть, четь и др.); отглагольные наименования отвлеченных понятий, оформленные посредством суффикса *-ние* (веление, владение, воздание, говение, забвение, обещание, оскудение, поведение, подкрепление, приготовление, приращение, прощение, рощение, страдание, терпение, упование и т. д.), оформленные суффиксом *-ка* (возка, выгрузка, выкурка, выметка, высылка, выторжка, грузка, держка, задержка, заживка, замочка, кладка, конопатка, отъездка, очистка, покупка, поноска, уделка и др.), разного рода бессуффиксные, образования от имен прилагательных на *-ость* (бедность, благость, близость, бытность, верность и т. д.); глаголы движения и говорения; обильны в грамотках ономастические материалы, заслуживают внимания топонимические [4].

Словарь народно-разговорного языка, за немногими исключениями (письма светской и духовной знати, и то далеко не все), составлял лексическую основу грамоток. В народно-разговорном ключе, иногда с незначительными вкраплениями церковно-книжного характера, излагалось основное содержание грамоток, за вычетом приветственных зачинов и исполненных добрых пожеланий концовок. Напротив, зачины и концовки, с их нередко усложненными, иногда затейливыми фразами, характеризовал, порой довольно значительный, церковно-книжный элемент, точнее, его лексические средства, либо просто заимствованные из церковной литературы, либо сложившиеся у русских в процессе ее чтения. Колоритных образцов подобного происхождения, при помощи которых выражались любовь, расположение к адресатам, нарочитое смирение перед ними, заверения в преданности и т. п., можно привести немало. Употребление подобных оборотов в составе зачинов и концовок обусловливалось определенными нормами поведения и обхождения того времени.

Вот некоторые непростые зачины: гсдрю многомлствому Івану Василевичю смѣю и не смѣю | сие писаница писат вскормленик твоі гсдря моего пре|светлоі трапезы Івашко Θедоров пад на зземлю (*так!*) да лица | земного челом бью подаі тебѣ гсдрю моему многол[ет]|ное здарове і со всеми детушки своими на вѣки в[е]|ков (Ист. 56); гсдрю моему млстивому приятелю брату Ивану | Ѳндрѣевичю

[4] См., например: Грамотки XVII—начала XVIII века, с. 328—405.

пад подножию твоему Улянко Ковѣзин | челом бьет многолѣтно гсдрь здравствуи со всѣми сво|ими ближни (*так!*) приятели и з благочести|вым своим праведным домом (Ист. 83); гсдрю добросродственному ко мнѣ сердоболю и ближнему | приятелю Івану Андрѣевичю тотка твоя Афонасева же|на Логиновича Пелагѣя челом бью здравствуи Іван Ондрѣ|евич сь семею своею и з детми на многия лѣта и буд | покровен десницею вышняго со всѣм своим блгодат|ным домом (Ист. 84); гсдрю моему млстивому батюшкѫ | Θеѡдоту Димитриевичю снъ твоі | Савва падъ пред чстными твоими | ногами блгословения твоегѡ оте|ческагѡ прося много челомъ бью до ли|ца земнаго здравие твое да сохранитъ | вседержащая десница вышняго бга | і впредь идѫщия на лѣта многа (Ист. 119—120); детем моим Петровым Якову и Θедору Петро|вичам ѿт менѧ вам мир и любов і вечное мое вам | блгословение буди над вами милость бжиѧ | всегда і во веки амин (Гр-ки, 47); млстивои мои гсдрь Терентеи Паткратьевичь (*так!*) | дшевне и тѣлесне здравствовать ти | со всѣмъ твоим блгодатным домом и с лю|бящими тя и тобою на вѣки, желаю | ища млсти и любви твоеи к себѣ Антон | Гомоницкиі челом бьетъ (Гр-ки, 80); гсдрю моему ко мне многомлстивому приятелю | Θедоту Тихановичю іскатель твоего мило|стиваго к себе приятства і докучник твоего прі|ятнаго жалованья Θетька Зиновев челом | бьетъ | здравствуи приятель моі о Христе на веки | і з детками своіми і со всеми любящими тя (Гр-ки, 99).

Концовки того же свойства: за сим бга молѧ о тебѣ блгодѣтелѣ своем | просѧ млсти челом бьемъ (Ист. 70); по сем тебѣ гсдрю | своему пад подножию твомѫ много | челом бью и з женишкою своею (Ист. 83); по сем тебѣ писавы (*так!*) Θедка Пазухин стократно | челомъ бьет (Ист. 155); за сем тебѣ гсдрю | неотступноі раб твоі Бариско паки | припадающе к ногам твоим те|бѣ гсдрю рабски множественно много | челом бью (Ист. 175); ѧ твоего здоровя слышат жаден | и много челом бью (Гр-ки, 16); по том тѣбѣ гсдрю мало пишѫ а много челом | бью до лица земнаго гсдрю моему брату Михаи|лѫ Θедоровичю да сестрице Марюшке Θедоров|не братишко ваш Петрѫнка челом бью рабскиі | до лица земнаго (Гр-ки, 27); при сем остаюс ѫслужником | твоим Евстаѳеи Конищев | отдаю нижаишиі поклон (Гр-ки, 30); а семъ тебѣ гсдрю своему рабскии | челомъ бью здравствуи о Христе на

вѣки (Гр-ки, 71); по семъ бгъ мира да бꙋдетъ с вами днес и на вѣки и з добро|творящими к вамъ члвки здравствꙋите (Гр-ки, 113); ѕа тѣм тебѣ гсдрю милостивому много челом бью і о твоемъ | многолѣтном ѕдоровье присно слышат хощꙋ (Гр-ки, 143); по сéмъ здрáвіа твоего и всякого блго|-полꙋчиа пожелав Петрꙋшко Скꙋрúхинъ челом | бьет (Гр-ки, 159); по сем | един от убогиг Бориско челом бью | Іван Петрович Григореи Тимоѳѣе|вич многолетно здравствуите на мно|гие лета і всемъ от меня друзя|мъ поклонитесь по семъ | вамъ челомъ бью (МДБП, 24); по томъ тебѣ свѣту своему много | множество челом бью и буди свѣтъ мои | бгом хранимъ (МДБП, 31); ѡ семъ Маремъяна Ивановна многолѣтно здравъ|ствꙋи (МДБП, 39).

Употребление в грамотках главным образом такого словарного состава, который в целом можно назвать народно-разговорным, и вместе с тем определенной доли церковнославянской лексики выдвигает эту категорию источников в качестве перспективной для изучения взаимодействия народно-разговорной и церковнославянской стихий. Предварительные наблюдения показывают: церковнославянские элементы свободно, органически переплетаются с лексическими средствами народной речи, в том числе и с наделенными уменьшительно-ласкательными значениями, орнаментируя зачины и концовки, иногда и основное изложение грамоток, в соответствии с эпистолярным этикетом. В грамотках сугубо утилитарных, содержание которых ограничено исключительно служебными, торговыми или хозяйственными делами, церковнославянской орнаментации обыкновенно не встречаем: зачины и концовки в них минимальны, свободны от словесных украшений.

Что касается фразеологии, то в грамотках наличествуют и приказная, и церковно-книжная, и разговорная. Первая, как и приказная терминология, употреблялась в том объеме, в каком у авторов грамоток — в основном помещиков и посадских людей — вершились дела в московских приказах и периферийных учреждениях; вторая проявлялась преимущественно в «этикетных» зачинах и концовках; употребление разговорной фразеологии вследствие ее неограниченных связей со всеми сторонами народной жизни было болсе «просторным».

Не приводя приказных фразеологизмов, гораздо полнее отложившихся в обширной актовой письменности,

заметим лишь: в эпистолярное повествование они привносились в основном пересказом приказных документов и освещением некоторых моментов приказного разбирательства дел. Применение их наряду с соответственными неприказными средствами русского языка, в общежитейских ситуациях, вне приказного обихода, все же не исключалось. Поэтому возможно говорить об известном влиянии приказной письменности на речевую культуру грамотеев — писцов и авторов грамоток.

Поскольку фразеологические средства церковнославянского языка представлены были выше в составе зачинов и концовок, ограничимся приведением фактов разговорной фразеологии: лоша*д* тебѣ гсдрю моему <...> сыска*т* никои*м*и мѣрами негде (Гр-ки, 14); ноги от*н*ялис (Гр-ки, 19); в оплошку себѣ | того не ста*в* (Гр-ки, 21); чаюся пу*д*ков с восмь буде*т* | ма*х* на ма*х* (Гр-ки, 43); де*н*ги <...> я у ни*х* с рѹкъ на рѹки | приня*л* (Гр-ки, 62); де*р*жися | своего слова (Гр-ки, 69); того *б* і в уме своем не де*р*жа*л* (Гр-ки, 98); и я | в розплате Але҃ѣя Ѳедоровича на *х*нѣ*в* навелъ (Гр-ки, 211); какъ тебѣ | гсдрю моему на умъ не на*и*детъ | что я в Казани*и* одинъ (Гр-ки, 213); на ково мнѣ надежу держать (там же); хлѣба и соли ѡ*т* млсти | твоеи и ха*р*чю доволнова нѣтъ хлѣбомъ и солью и дровами заставилъ ты | меня скита*т*ца и хлѣбо*м* по деревня*м* побира*т*ца и в горо*д* для пѣ|чонова хлѣба таска*т*ца (Ист. 45); и*з* сутки в сѹ*т*ки возмемъ клок | сѣна (там же); в домѣ млсти твоеи ѡди*н* | полякъ мнѣ сѣлъ на шее (там же); ѡни же гова|ря*т* что голо*д*ни и <...> пѣрвые ирвѹ*т* и*з* горла (там же); в переводе тайнописной грамотки: жена твоя <...> хо|четъ мима тобя убить бобра (Ист. 59); дро*в* тма тмами и селиⷣбиннова лесу буде*т* ле*т* на пя*т* и болши (Ист. 98); такую намъ досаду чини*т* <...> забы*в* голову свою чево и в указе не на|писано (Ист. 119); да го|вори*л* мнѣ Андреі Мо*р*ков бу*т*то на писме (далее утрачены 3—4 буквы) подымае*ш* на сме*х* (Ист. 158); ни ѡсъ|талося ни семенъ ни емен (Ист. 199); прикащи*к* <...> бра*н*и*т* и кѹкиши | каже*т* (Ист. 203); о*н* начитая на си*л*у свою | і в дела никово не ставить (Ист. 208); оди*н* | Иван Маⷣзимови*ч* порочи*т* твою

служ*б*у и *в* дело ее | не ставит (МДБП, 20); печал меня и с умом смяла (МДБП, 21); а гречи што ѹмолочено всю делат въ | крупы чисто гораздо на торговую рукѹ (МДБП, 42); прошю гсдрь <...> милости | ѹ тебѧ даи бѣдному свѣт видят (Пам. 70); ѧ бы <...> не переговоря с тобою не послал | х тебѣ в деревню нестатноя то дело (Пам. 72); буде гсдрь случитца смертнои | часъ мнѣ и ѧ гсдрь и в духовънои напишу (Пам. 76); у менѧ с ним про мельницу | и в поминя не была што дат ему в оброкъ (Пам. 78); на Михаила Антипина гнѣву не подержи (Пам. 93); ходетъ лѣсу сечь че|ловѣкъ двацеть а то гсдрь вьсе по ми|рѹ пошли (Пам. 122).

Даже эти немногие иллюстрации указывают на определенные связи разговорной фразеологии того времени с соответственной современной.

Для суждения о близости слога грамоток, вне славянизированных зачинов и концовок, к слогу народно-разговорному имеет известное значение наличие в эпистолярной письменности наряду с приведенными фразеологизмами пословиц и поговорок, которыми порой оживляется заочная беседа участников переписки. Например, сетуя на бедственное положение, иконописец восклицает: всякъ дивится чем мы живимся (Ист. 45), ср.: богатый дивится, чем бедняк (убогий) живится — ан убогому бог дает (Даль, Слов.); далее он жалуется: ис сапоговъ в лапти ѡбуваюсь (Ист. 45); ср.: обуть (переобуть) кого из сапог в лапти «обмануть и поставить еще в худшее положение, чем был» (Даль, Слов.); племянник обращается к дяде с упреком: ко мнѣ к одномѹ не пожаловал рыбки не ізволил | прислат не рыба та гсдрь мнѣ дорога дорого мне твое | приятство (Ист. 68), ср.: не дорог подарок, дорога любовь (Даль, Слов.); в одной из грамоток говорится: своі своему понѣволи другъ бывает (Ист. 46), ср.: свой своему поневоле друг (брат) (Даль, Слов.). К выражениям подобного рода относим и такое: не ѹкрасил бгъ а самому | себя не ѹкрасит (Гр-ки, 15). Возможно, к этой группе фактов принадлежит и выражение *по стрельбе и птицы*: изволил ты ко мнѣ | приказать что пищал моя хѣдо | стреляет, правда что по еѣ стрелбѣ | и птицы таковы

(Пам. 94) и, кроме того, следующее: хотя свѣт мои себя оскуди а ево | светъ мои подари (МДБП, 21).

Заметим: в дружеской переписке обращение *свет мой* не случайное и служит одним из проявлений в слоге этой переписки народно-разговорной стихии и фольклорной традиции. Отдельные элементы словаря и фразеологии интимно-обиходного круга, свойственные разговорному общению и устному народному творчеству, выполняли в дружеской переписке существенные эмоциональные функции. Выявляется, в частности, некоторое влияние в эпистолярном слоге народной поэзии. Укажем несколько примеров естественной реализации ее элементов в переписке дружеского плана: поздравляю теб| светъ мои Настасѧ | Ивановъна (Ист. 55); свѣту моему | и шутушке Семеновічю я свет мої на | Москвѣ ‹. . .› а ты свѣт мої пи|ші ко мнѣ ‹. . .› а от меня вам всѣмъ свѣтом моим | мир и блгоденство (Ист. 68); хотя бы ты свет моі батюшъка бра|тецъ і не о током деле ѯ меня просил і я бы тебѣ | свету своемѯ не постоял волю всее твою сотво|рил (Ист. 225); обо всемъ свѣтъ мои я к тебѣ писала (МДБП, 17); слышала я свѣт мои что велено тебѣ стоять | в Лубнах да и то свѣт мои я слышала что тебѣ | велено по вестям глядечи итти и в Бѣлгород и мое свѣт | мои серце о том сокрушилос что идешъ в такую дал|ную дорогу с малыми людми (МДБП, 18); Дунюшка ‹. . .› ко мнѣ свет моя отпиши (Гр-ки, 60). Ласковое обращение *свет* звучало и в народных песнях и в былинах. Вот примеры из лирических песен, записанных на оборотах грамоток: светъ моя милоя дорогая (Ист. 264); оі светъ же моі доброі млдцъ (Ист. 266). И в песнях и в семейных грамотках встречаем обращение *друг сердечный*: гсдрю моемѯ і дрѯгѯ сердешному Іванѯ Семеновичю ‹. . .› да пожалуи друг мои сердешноі Іванъ Семеновичь не печался (Ист. 65—66); дрѯгѯ мо|ямѯ сердечному ѳекле Дмитре|вноі с любовию поклон (Ист. 143). Ср. в песнях: аі не селезень от ѯтицы отлѣтаетъ мил серде|шноі другъ от меня отбѣгаетъ (Ист. 262); поехал мил сердешноі другъ далѣче (Ист. 267). Прибегали и к обращению *душа*: от мѣ|ня тебѣ дѯша моя поклон (Гр-ки, 60); дша | моя Дмитревна (Ист. 143). Ср. в песенных контекстах: какъ любил ме|ня и жалывал имел меня какъ свою дшѯ | в бѣлом телѣ (Ист. 262); жалела я милова какъ свою дшу в бѣ|лом телѣ (Ист. 264).

С точки зрения исследования рассеянные в грамотках, впрочем немногочисленные, элементы фольклорной фразеологии, старинные пословицы и поговорки обладают некоторым преимуществом в сравнении с теми, которые представлены в сборниках пословиц и поговорок XVII в.: в составе грамоток они выступают не изолированно, как в сборниках, а в характерных для их употребления речевых ситуациях. Исследование семантики устойчивых выражений и степени их фразеологизации требует соблюдения этого условия.

Грамотки наглядно показывают, что русский народно-разговорный язык в XVII столетии, выполняя свою основную функцию — средства устного общения, функционировал и в письменном обличье.

Сопоставление лексических материалов грамоток с более поздними лексическими материалами позволяет фиксировать некоторые изменения как в составе словаря, так и в семантике отдельных слов, происшедшие за последние четыре столетия. Приведем примеры, которые указывают на возможности исследования в подобном плане.

В XVII в. еще употребляли слово *прость* «воля, свобода», восходящее к древнерусской эпохе (Срезн. Матер. II, стлб. 1586). Иконописец взывал к помещику, порядившему его писать иконы и нарушившему условия договора: когда твоя нѣ|могѫта пожалѫ*и* даи мнѣ прость а писать я въ ѣтои | *из*бѣ не бѫдѫ тово и смо*тр*им ѡ*т* вѣтрѫ долго ли не завали*т*ца (Ист. 45). Ср.: о*н* | бѫдетъ простъ о*т* слѫ*ж*бы (В-К II, 58). В Словаре Даля в таком значении слово не отмечено, приводится *прость* «прямой путь, прямая дорога, прямь», знакомое и древнерусской письменности (Срезн. Матер. II, стлб. 1585—1586).

Кроме значения «горе, печаль» (Срезн. Матер. III, стлб. 401), представленного и ныне, слово *скорбь* с древнерусской поры обладало значением «болезнь, недуг» (Срезн. Матер. III, стлб. 400). Судя по грамоткам, в XVII в. и второе значение было живым. Примеры: не стало ‹. . .› кнгни ѳедоси Алеѯѣевны а ско*р*бь гсдрь | еи была ѡ*т* родо*в* (Гр-ки, 128); есть ли о*т* ско*р*би невѣстки о*б*легъчения (Гр-ки, 174); ско*р*|бью своею лежу на смерто*и* посте*л*и ‹. . .› а ка*к* гсдь дастъ мл*с*ть | свою мнѣ о*т* ско*р*би излу*т*чать и лита*в*ры | конечно велю здѣлать (Пам. 61). Синонимичность слов *скорбь* и *болезнь* отразилась в такой записи: к пре*ж*ни*м* | наше*д*ши*м* ско*р*бя*м*

болѣзнию бгъ посети*л* ноги *от*нялис ‹. . .› лекари сказывают болѣзнь в ногахъ камчюк (Гр-ки, 19). Впоследствии это значение слово *скорбь* утратило.

Известное с первых древнерусских памятников слово *наглый* в смысле «внезапный» (Срезн. Матер. II, стлб. 274) в XVII в. еще сохраняло некую связь с былым значением, во всяком случае, современный смысл «крайне нахальный, дерзкий, бесстыдный» в нем не обнаруживался. Ср.: супо|статы моі Григореі да Семе*н* Ре*з*ановы хотя*т* | меня привести нагло в бесконечное ра*з*оре|нье (Гр-ки, 95); чини*ш* мн[е] | во *в*сякихъ моіхъ несовер*ш*е*нн*ыхъ бескон*ч*а|емы*х* і наглыхъ ра*з*ореньяхъ і нужда*х* всякое | свое млсе*р*дое споможение (Гр-ки, 97); к*ѳ*риц*ѳ* индеіск*ѳ* украли ‹. . .› др*ѳ*г*ѳ*ю индѣик*ѳ* в день нагло задавили (Ист. 45).

В соответствии с древнерусскими *нѳжьныи* «тягостный, трудный» (Срезн. Матер. II, стлб. 476) и *нѳждьныи* «бедствующий, несчастный» (Срезн. Матер. II, стлб. 475) в грамотках слово *нужный* употреблялось в общем в том же смысле: пожал*ѳ*и гсдрь умилися в токое н*ѳ*жное и голо*д*ное въ|ремя одолжи ‹. . .› хлѣбомъ | рожью и ѡвсомъ (Гр-ки, 42); ничего не послали пото|м*ѳ* что высланы они посы*л*щики осе*нн*им самымъ н*ѳ*жным п*ѳ*темъ (Гр-ки, 270); плачютца ‹. . .› крест*ѧ*нинишки самыи бедны*ѧ* | и н*ѳ*жныи (Ист. 213); ср.: люди Юрасова ‹. . .› нас всѣ*х* побили и пограбили ‹. . .› на*м* гсдрь | о*т* ни*х* стало тѣсно и нужно (Ист. 23). В Словаре Даля: *нужный*, стар., а иногда и доселе в народе: бедный, нищий; убогий, скудный; нужливый, связанный с нуждою, нужей; тяжкий, стеснительный, изнурительный. Ср., однако, в соответствии с другим древнерусским значением, *нужный* в смысле «необходимый»: мнѣ со*л* нужна в кашинскую дрвню люди | і крстьяне ѣдя*т* бе*з* соли (Гр-ки, 18). В современном русском языке *нужный* — только «необходимый» [5].

Отметим далее *льзя* (в древнерусском *льзѣ*): о*т*пиши гсдрь льзя ли на*м* розпечата*т* и юнгинскую соль (Гр-ки, 189). Уже тогда это слово являлось пережиточным, обыкновенно пользовались синонимами *можно* и, чаще, *мочно* (см. Гр-ки, 348—349).

---

[5] Подробнее об изменении значений слов *нужный* и *нужно* см.: *Котков С. И.* Сказки о русском слове. М., 1967, с. 62—67.

В заключение обзора лексического состава старинной частной переписки заметим: спецификой грамоток обусловливалось употребление в них таких слов, появление которых в иных источниках той же временно́й приуроченности ничем не вызывалось. Таков, например, глагол *облегчиться*. Значение его раскрывают контексты: по|жалуi ‹. . .› ѡблехчис ко мнѣ к именинице име|нинои пирох скушат (Ист. 20); пожалуi облехчис ко мнѣ | і о всемъ ‹. . .› перегаворимъ (Ист. 106); естьли | млсть твоя ко мнѣ будетъ ізволь ѡблегчитца ѳевраля | двадесятого числа (Ист. 173); гсдрь батю|шка изволь ѡблехчитца побываі ѯ нас (Ист. 196); пожалуи | ѡблехчися к Москве не ѕамешкав (Гр-ки, 40); пожалѯи гсдрь даи | мнѣ очи свои видет облехчис ко мнѣ в Ꙗ|рославль в сѯботѯ (Гр-ки, 52); братец ‹. . .› облехчись со мною | к Москве поѣду к Москве заговѣвъ | на первыхъ днях (Гр-ки, 57); ты | пожалуи облехчись к намъ и мы | с тобою обо всемъ переговоримъ (Гр-ки, 109); ты ко мнѣ пожалуи от|пиші подлинна а всево бы тово лутча чтобы ты | ко мнѣ самъ ко мнѣ облехчился и о всемъ бы | мы с тобою договорилис (Гр-ки, 154); пожалѯи облехъчис к Николаю | чюдотворцу обѣдни слѯшат а ко мнѣ убогая до|мишка хлѣба кѯшат (Гр-ки, 316). Глагол *облегчись* допускает толкование: «будь легок на подъем», «соберись» или «поспеши». Пожелание быть легким на подъем осознавалось и в качестве пожелания доброго, легкого пути. С названным глаголом связывалось значение «приехать легко, скоро, немедля», а затем и просто «приехать, прибыть» [6].

Опосредствованное отношение к рассматриваемому глаголу имеет присловье *легок на помине*: кого-либо только что поминали, а он уж тут как тут — приехал, или облегчился, объявился легким на помине [7].

Как явствует из приведенных материалов, глагол *облегчиться* в отмеченном значении был довольно употребительным. И тем не менее науке он оставался неизвестным. Лишь интенсивное выявление грамоток в различных архивных фондах и широкая публикация данных источников позволили обнаружить этот лексический факт и ввести его в научный оборот. Этот случай хорошо показывает, какую существенную, а подчас и главную роль

---

[6] См.: *Котков С. И.* Указ. соч., с. 70—71.
[7] Там же.

в исследованиях по истории языка играет источниковедческий аспект и в первую очередь знание специфики лингвистической содержательности источников.

Пожалуй, только грамотки или прежде всего грамотки проливают свет на историю выражения *как (что) бог на душу (на сердце) положит*. Ср.: пришли ко мнѣ еще днгъ || чемъ тебѣ гсдь бгъ по сердцу положит (Гр-ки, 32); одолжи милостию своею хлѣбомъ | рожью и ѡвсомъ чемъ тебя гсдря | бгъ по серцѹ положитъ (Гр-ки, 42); задаточьные | деньги возми какъ тебѣ бгъ | по сердрдцу (*так!*) положит (Гр-ки, 49); заступи своимъ жало|ванемъ как тебѣ гсдрю моему бгъ по серцу положит (Гр-ки, 54); при|шли к именином моимъ вхляжечку водочки | или чемъ бгъ тебѣ по серцѹ положить (Ист. 121). Являвшееся прежде этикетной оговоркой, в несколько преобразованном виде (не *по сердцу*, а *на душу*) выражение приобрело впоследствии смысл «как случится» и «сколько хочется», а в наше время все определеннее выступает в значении «кое-как». Изменение это протекало в общем русле переоценки элементов церковной фразеологии и вовлечения некоторых из них в разряд стилистически сниженных.

В материалах частной переписки полнее, чем в других источниках, раскрываются и словообразовательные возможности живого русского языка XVI—XVIII вв. Сравнение некоторых представленных в них фактов словообразования с современными позволяет уверенно проследить как явления живого языка отдельные моменты эволюции за последние три—четыре столетия и в репертуаре словообразовательных средств и в лексико-семантических сферах их функционирования. Пока сравнение в историческом плане общего состояния русского словообразования осуществлялось главным образом в рамках литературного языка, при этом более позднего времени, со второй половины XVIII в.[8] Привлечение грамоток и близких к ним с точки зрения лингвистической содержательности других материалов деловой письменности обеспечивает изучение словообразовательного процесса в народно-разговорном языке на протяжении всего национального периода.

[8] См., например: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964, с. 7—135, 277—555.

В грамотках встречаем неизвестные ныне бессуффиксные имена, в соответствии с которыми в настоящее время употребляются суффиксальные. Ср. современное *лечение* и старинное, а также диалектное *лека*: лекари сказывают болѣзнь в ногахъ камчюк а леки еи не | сказывают (Гр-ки, 19). С современным *опасение* перекликается *опась*: Трифанова жена опас вели|кую держит чтоб хлѣба не выгребли (Гр-ки, 29). Выявляем далее противопоставление как старых и новых образований синонимических имен, различающихся суффиксами. Отмечалось образование *владельщик*: ѡписат чтѡ | ѡн влодѣет и влодѣлщиковъ допроси[ть] (Гр-ки, 33), употреблявшееся и позднее (Даль, Слов.). В современном русском его нет, возобладало слово *владелец*, известное с XVII в. Ср. образование *проведка*: я бил челом об людишках своих о праведке ‹. . .› проведаі Дмитреі Іваночь (Ист. 92) и современное *проведывание*. В минувшем веке еще бытовали *проведанье*, *провед* и *проведка* (Даль, Слов.). В соответствии с современным *бедствие* пользовались словом *бедство*: на нас бѣдство изволение бжие | еще в Нижнемъ Волга стоит (Гр-ки, 209). В качестве прилагательного от *весна* в грамотках употреблялось только *вешний*: пѫт вешнеи (Гр-ки, 13); вешнеи лед (Гр-ки, 183); к вешнему коровану (Гр-ки, 216); вешнему отпуску (Гр-ки, 225); вешнеи прибылои воды (Гр-ки, 258). Характерно, что и в отказных книгах, в которых народно-разговорная речь отразилась довольно заметно, наблюдалось то же самое [9]. Прилагательное *весенний* ни грамоткам, ни отказным книгам незнакомо [10]. Образование *вешний* ныне свойственно народно-разговорному языку и текстам художественной литературы, как общеупотребительное звучит *весенний*. Обратимся к образованиям, которые различаются только префиксами. В грамотках одного и того же лица уживались и *бескончаемый* и *нескончаемый*: въ бескончаемых своіх бедахъ (Гр-ки, 94),

---

[9] См.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977, с. 298.

[10] В Словаре русского языка XI—XVII вв. представлены *весновой* и *вешний*, прилагательное *весенний* не зарегистрировано (вып. 2, 1975, с. 115, 133). Ср., однако, уединенное употребление прилагательного *весенний* в переводном тексте второй половины XVI в.: коли *б* или (в польск. im — *С. К.*) дебелость | не владѣла, которая с тол'стоты воздѫхѫ | происходитъ, тогды прирожения ихъ, ровняло бы сѧ ѡбразѫ весен'номѫ (Назир. 148).

в бедахъ своіх нескончаемыхъ (там же, 96). Прилагательное *бесконча́емый* ныне неприемлемо. В прошлом в значении «подкупать» функционировал глагол *накупать*: мат их ‹. . .› накупает ево на | нас (Гр-ки, 43), со временем утвердился другой, с иным префиксальным оформлением — *подкупать*.

Фактов, которые в сравнении с современными показывают те или иные изменения в судьбе отдельных словообразовательных вариантов с XVI в. до наших дней, в грамотках немало. Прослеживаются также изменения в судьбе отдельных словообразовательных моделей и целых грамматических категорий.

Так, данные грамоток позволяют внести поправки в сложившееся в науке представление об отглагольных именах, оформленных суффиксом *-к-а*. «В памятниках древнерусского языка, — говорится о нем в современном исследовании, — он встречается редко. Однако постепенно его продуктивность возрастает; к середине XVIII в. в русском языке было уже значительное количество отглагольных имен с *-к-а*» [11]. Далее приводится два с половиной десятка примеров, среди которых бесприставочный один — *чёска* [12]. В связи с этим небезынтересно привести образования подобного типа из частной переписки XVII в., зарегистрированные в одной из публикаций.

Бесприставочные: возка, грузка, держка, кладка, конопатка, крышка, пытка, сидка, ставка, тряска, явка; приставочные: выгрузка, выкурка, выметка, выписка, высидка, высылка, выторжка, догрузка, доимка, задержка, заживка, замочка, записка, недоговорка, неустойка, околка, опаска, описка, оплошка, отставка, остановка, отвалка, отделка, отписка, отъездка, оценка, очистка, перевозка, перегрузка, поделка, поездка, покупка, помешка, поновка, поноска, поставка, посылка, посяжка, потачка, починка, прибавка, прикладка, присылка, развытка, разделка, расписка, рассылка, свалка, сгонка, сделка, сказка, сличка, справка, ссылка, ссыпка, уделка, устойка (Гр-ки, 328—378).

Можно с уверенностью сказать: «значительное количество» отглагольных имен на *-к-а* сформировалось в русском языке не к середине XVIII в., а по меньшей мере

[11] См.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века, с. 100.

[12] Там же.

на столетие ранее. Этот факт одновременно показывает, насколько существенны могут быть расхождения в документировании лингвистического явления в зависимости от характера, точнее говоря, от лексико-семантического наполнения источников, на которых данное документирование основано. Без учета этого обстоятельства представляется нереальным выявление каких-либо ориентиров возможного исследования.

В ряду синхронных источников грамотки выделяются обилием отражений категории субъективной оценки. Последняя до некоторой степени определяет специфику народно-разговорной речи. Имеем в виду многочисленные образования как с уменьшительно-ласкательным, так и уничижительным значением, в их числе и производные от собственных названий лиц. В строго деловой письменности, тем более официальной, уменьшительные образования — названия лиц выступают либо в качестве нейтральных, либо несут на себе печать явной уничижительности, особенно в случаях выражения социальной неполноправности. В переписке узколичного свойства употребление форм субъективной оценки, естественно, было связано с наиболее тонкими движениями человеческой души. В сугубо деловом эпистолярном обращении их функции были иными: например, именуя себя уменьшительно, писавшие выражали смирение перед адресатами, к которым обращались с просьбами. В общем изучение данных форм со стороны их экспрессивных функций получает опору прежде всего в материалах частной переписки. В отличие от официальных деловых текстов в грамотках, помимо уменьшительных слов — собственных названий лиц, встречаем и нарицательные, притом не только конкретные, но и отвлеченные. Словом, для исторического исследования форм субъективной оценки материалы частной переписки являются наиболее перспективными. Живописная полная картина состояния данной категории в прошлом обнаруживается именно в них. Примеры достаточно разнообразны.

Встречаем, например, такие собственные названия лиц: Ваня (Гр-ки, 208—209), Костя (Пам. 119), Настя (Ист. 32), Олеша (МДБП, 20); Иванец (Ист. 162); Марфица (Ист. 59); Алешенька (Пам. 90), Ивашенько (Ист. 173), Костенька (Ист. 116), Олешенька (МДБП, 16); Дашука (Ист. 74); Петруня (Ист. 167); Петрунька (Ист. 165), Сергунька

(Ист. 176); Олександрушко (МДБП, 38), Оринушка (МДБП, 16); Васюта (Гр-ки, 133); Петрунюшка (Ист. 173); Дунюшка (МДБП, 16), Маремьянушка (МДБП, 38), Пронюшка (МДБП, 40—41), Васильюшка (Пам. 94), Дарьюшка (Ист. 128), Марьюшка (Ист. 32), Прокофьюшка (МДБП, 39—40) и др. Наиболее продуктивным было образование личных собственных имен с суффиксом субъективной оценки *-к-а*: Аксенка (Гр-ки, 142), Алешка (Ист. 156), Бориска (Гр-ки, 294), Васька (Гр-ки, 16), Власка (Пам. 42), Данилка (Гр-ки, 48), Захарка (Пам. 51), Кузька (Ист. 85), Ларка (Пам. 19), Мишка (Гр-ки, 10) Назарка (Ист. 156), Пронька (Ист. 129), Савка (Гр-ки, 36), Сенька (Пам. 111), Степанка (Гр-ки, 124), Федька (Пам. 13); Грунька (Гр-ки, 63), Дунька (Гр-ки, 35), Оксютка (Ист. 162), Танька (Пам. 62), Федоска (Гр-ки, 70) и мн. др.

Поскольку самым употребительным мужским именем было *Иван*, особенно распространенным образованием на *-к-а* было *Ивашка*. Единственный раз отмеченное *Ваня* (от *Иваня*, после утраты *и*?) (Гр-ки, 208—209) еще только входило в речевой обиход; поэтому весьма распространенное позднее производное от этого образования *Ванька* в грамотках встречается сравнительно редко (Гр-ки, 56, 296—297).

Прозрачная соотносимость многих форм говорит об интенсивности словообразовательного процесса в категории субъективной оценки в XVI—XVIII вв.

Достоинство грамоток заключается в том, что в них раскрытию эмоционального наполнения уменьшительно-ласкательных и уменьшительно-уничижительных образований содействует не только контекстуальное окружение, но и общая отраженная в переписке атмосфера определенных отношений между теми или иными ее участниками, а также между участниками переписки и окружающими их людьми. Семейная переписка заключает в себе, помимо отмеченных (личных собственных), и оформленные суффиксами субъективной оценки наименования родства. Вот, например, зарегистрированные в публикации Ист.: батька (60); матка (60); братец (21); сестрица (30); братишка (46), дочеришка (168), дочишка (199), женишка (99), мальчишка (189), племянничишка (42); бабушка (50), дедушка (78), матушка (30), невестушка (128), тетушка (25); сватьюшка (167); куманек (152) и др.

Заметим: в прошлом уменьшительные образования, оформленные суффиксами определенного типа, производные от имен существительных мужского и женского рода, примыкали к категории среднего рода. Проявления этой старинной нормы, по свидетельству грамоток, в XVII в. наблюдались и в живой народной речи. Во всяком случае, контекстуальные условия проявлений этой старинной нормы вполне согласуются с признанием ее живой, народной, хотя и угасавшей: бабен|цо заскорбело и щишек сварит неком8 (Ист. 236), же|нишко твое Авдотица челом бьет ‹. . .› батюшку (Гр-ки, 55), сестры и жени|шко мое ‹. . .› живы (Гр-ки, 92), сестришко тво|е бѣдная и беспомошная вдова ‹. . .› челом бью (Ист. 116); ср.: ѧ члвчнка | глупое и бедное а ѡн хочет менѧ ‹. . .› розарит (Пам. 13).

Касаясь образований подобного рода, в том числе и не названий родства, вроде таких, как *мое деревнишко*, тоже известных грамоткам, П. С. Кузнецов отмечает, что они встречаются в памятниках XVI—XVII вв. и затем, принимая во внимание специфику источников, обоснованно заключает: «Возможно, что это явление наблюдалось и в более ранние эпохи истории русского языка, но мы не располагаем для окончательного суждения об этом необходимым материалом. Более ранние памятники редко содержат интересующие нас существительные, вероятно, не потому, что этих существительных не было в живом языке, а по самому характеру дошедших до нас памятников. Уменьшительные и уничижительные существительные широко употреблялись в древней Руси в челобитных (в соответствии с принятыми тогда нормами обращения низшего к высшему), памятники же этого рода известны лишь сравнительно поздние» [13].

Понятно, в составе челобитных из уменьшительных форм субъективной оценки почти в исключительном употреблении были уничижительные, между тем как в грамотках значительную роль играют уменьшительно-ласкательные образования. Типичной ситуацией, предопределявшей употребление многих уменьшительных форм в челобитных и в частной переписке, являлось обращение с просьбой к адресату и обоснование этой просьбы необ-

---

[13] *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 87—88.

ходимостью в чем-нибудь, бедственным положением просителя. Если просьба выглядела менее обременительной, ее удовлетворение представлялось более вероятным. Поэтому неудивительно, что наименование просимого употреблялось в уменьшительной форме. Да это, собственно, диктовалось и просительным тоном обращения. Прося и вместе с тем рисуя свое бедственное, унизительное положение, обычно социально неравноправное, проситель в силу социальной или иной подчиненности облекал и личное собственное имя и нарицательное самоназвание (*крестьянин* и т. п.) в уничижительную форму (*крестьянишко* и т. п.). Разумеется, в эпистолярном общении людей в социальном отношении равных использование уменьшительных образований с уничижительным значением носило в общем сдержанный, в основном этикетный характер. Употребление в частной переписке уменьшительно-ласкательных образований придавало эпистолярному общению оттенок особой доверительности.

В уменьшительную форму облекались наименования не только такого просимого, которое реально возможно представить в уменьшенном виде, но и такого, уменьшение которого реально представить невозможно: велите ‹. . .› дат*ь* сен*ц*а и соло*м*ки (Ист. 201); просил*и* м*л*сти о сене о возк*ѹ* (там же); вели | усечь хвороску и коликов (Пам. 88); прошу у тебя ‹. . .› замашечекъ (Ист. 142); промысли | мнѣ инохо*т*чика (МДБП, 26); пр*ѡ*шу у те|бя ‹. . .› песцовои | мешечикъ хошъ неб*ѡ*лшои (Гр-ки, 63); била чьломъ (*так!*) к*ѹ*пить шелъчк*ѹ* (Ист. 74); пожалу*и* ‹. . .› к*ѹ*пи | мнѣ чюлочки немѣцкие (Гр-ки, 80); приш[л]и ‹. . .› сулеiку | вин*ц*а (Ист. 173); при|шли к имени*н*ом моимъ вхляжечку водочки (Ист. 121); пожалуи маслица ореховова пришли (Пам. 14); пожалу*и* братецъ пришли рыбки (Гр-ки, 25); пришли ко мнѣ москов*с*кие рыбки (Пам. 68); пожал*ѹ*ите | запасц*ѹ* пришлите небол*ш*ое место (Гр-ки, 122); пожал*ѹ*i ему ‹. . .› *от* др*ѣ*нских *s*апасцов (Ист. 46); они бы пожалова*ли* | присла*ли* ден*ж*енец (Гр-ки, 53); не презри моего ‹. . .› убогово прошеньішка (Гр-ки, 96); «дочеришка» просила отца-помещика: пожал*ѹ*и прика|жи к*ѹ*пит камочки с пола*р*шин*ц*а ‹. . .› пожал*ѹ*и свези белиле*ц* ‹. . .› да сошли гсдрь батюшка баб*ѹ*шъ|ке башмачки да к*ѹ*пи мнѣ ‹. . .› блесточек серебреных | золот*н*ичек (Ист. 170) и др.

Обычны формы субъективной оценки и в описаниях бедственного положения людей. Выделяем уменьшительно-горестные упоминания о тех реалиях и житейских условиях, отсутствием или печальным состоянием которых характеризовалось это положение: дере|внишко стало в роззорене (Пам. 62); нивишки были і ты у насъ отмаютъ (Ист. 213); помираемъ и по|гибаемъ сами і с скотинишкомъ (Ист. 233); сами і скотинишко ‹. . .› з голоду помираемъ (Гр-ки, 77); из животинишки нашеи хотятъ живот выклести (Ист. 45); животишкав ево | ничево не отдал (Ист. 233); ничего нет і рѳбашенки единои (Гр-ки, 37); осен приходит а шюбенки нет (Пам. 69) и др.

Уменьшительные формы субъективной оценки, особенно нарицательные (увеличительные не отмечены), составляют специфическую принадлежность старинной частной переписки. Поэтому мы характеризовали их несколько подробнее. Однако это не означает, что другие категории суффиксального словообразования представлены в грамотках недостаточно.

Так же, как и в актовой письменности, в этих источниках, например, хорошо прослеживается образование значительного ряда наименований лиц мужского пола. Так, в издании Гр-ки можно указать образования с суффиксом *-ец* (гонец, писец, сиделец, стрелец и др.; арзамасец, балахонец, казанец, нижегородец и др.), с суффиксом *-ик* (иконник, квасник, котельник, кирпичник, обручник, работник и др.), с суффиксом *-чик* (вкладчик, заводчик, ответчик, приказчик и др.) и *-щик* (закупщик, наемщик, прядильщик, рассыльщик и др.). За исключением имен — обозначений родства, об уменьшительных формах которых мы упоминали, нарицательных имен — обозначений лиц женского пола в грамотках обыкновенно не находим. В том же издании можно отметить и более или менее заметный состав имен — обозначений отвлеченных понятий, которых ранее мы не касались, прежде всего с суффиксами *-ни-е* (*-нь-е*) (бранье, дание, мечтание, опростанье, упование и др.) и *-ени-е* (*-ень-е*) (береженье, изволение, оскудение, рожение, теснение и др.), затем с суффиксами *-ость* (бедность, дряхлость, хитрость, худость и др.) и *-ств-о* (бедство, безлюдство, недосужество, шишиморство и др.). Часть названий отвлеченных понятий связана с церковнославянской культурой, другая часть образовалась в собственно русских условиях. Сопоставительный

анализ тех и других, представленных в данных источниках, может осветить некоторые моменты исторического взаимодействия между ними. Присутствие в грамотках известного круга церковнославянских образований не лишает означенную группу текстов, кроме немногих церковнославянизированных, значения оптимальных с точки зрения исследования живого, народного языка.

Большое место в содержании грамоток занимает событийность, а отсюда — их повествовательный характер и, как следствие, свойственная повествованию о событиях насыщенность глагольными образованиями.

Грамотки заключают обильные сведения о префиксальном и суффиксальном образовании глаголов. Ограничимся двумя—тремя примерами.

Приметно, скажем, образование глаголов от приставочных глагольных форм посредством приставки *по-*: повыгореть, позавести, позазрить, позамешкать, позапирать, позаскорбеть, позахватить, поиспоздаться, поисполнить, поиспортиться, поисправить, поисправиться, понаказать, понаслушать, понасмотреть, пообеpечь, пообеpечься, пообойтись, поопасаться, поопоздать, поопоздаться, поотстать, попроведать, попромыслить, поразговорить, порассмотреть, поумешкать, поуправиться (Гр-ки, 357—361). Крестьяне писали помещику: мочи | наше*i* не стало ‹. . .› попомираем смер*т*ию голо*д*ною (Ист. 218); в других грамотках: хорошо было тебѣ | по*ѳ*стави*т*ца ‹. . .› в Мар*ѳ*ино в двѣ недѣ|ли одинова ѣздишь в баню пари*т*ца (Пам. 39); ка*к* | лошеди по*от*дешевѣю*т* і я к тебѣ *от*пишу (Пам. 68). По употребительности подобных форм эпистолярные материалы несколько превосходят такие повествовательные произведения, как вести-куранты первой половины XVII в.[14] Причиной общности в данном пункте тех и других источников являются тематическое разнообразие и эмоциональный настрой повествования. Именно это благоприятствовало использованию в названных источниках глаголов данного типа. На «сгущение» подобных образований в каких-либо старинных текстах, насколько нам известно, в литературе не указывалось, хотя они употреблялись издревле: позазьрѣти, позасѣдати, пона-

---

[14] См.: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972, с. 275—280.

казати, понакладати и др. (Срезн. Матер.). Возможно, это объясняется тем, что обширных изданий грамоток и вестей-курантов еще не так давно в распоряжении ученых не было.

Сопоставительное изучение по материалам грамоток глаголов с приставками *вы-* и *из-*, *пере-* и *пре-* помогло бы историкам языка конкретизировать отдельные моменты взаимодействия в данную эпоху церковнославянской и русской стихий.

В материалах грамоток нашло отражение употребление известного разряда глаголов, в которых значение повторяемости действия выражается суффиксом *-ива-* (*-ыва-*). В отличие от многих других источников, показания грамоток свидетельствуют о существовании данных форм не только в письменном языке, но и в недрах народной речи. Напомним замечание М. А. Соколовой, которая исследовала эти формы в тексте Домостроя: «Образования эти принадлежат разговорному языку, о чем свидетельствуют до некоторой степени и их лексические значения» [15]. Приведем как наиболее доказательные примеры употребления таких глаголов в контекстах. Гр-ки: бгъ дал | погоду дожжевую ‹. . .› и запахат чередом не дало и у тебя по I *днь* | не пахивали (43); говаривал ты ммнѣ (*так!*) Паньѳилеи | Тимоѳѣевичь про пустошь (52); они за десят летъ не плачивали | конских пошлин (110); ср.: днгъ не плачивано годовъ с пят (113); преж сего тѣ пусто|ши и пожни кашивали на манастырскои оби|ход (112); а про вино изволил ты приказывать и м8|жики по се время не сиживали (155); я жонку сыскал ‹. . .› и она клят|вою великою клела себя что *де еи еи* не знаю | и того ничего не дѣловала (220); Ист.: он ко мне не бывал и животины не приган|ивал (236); Пам.: ты гсдрь и одиново не приезживал | в мнстрь и перед собою панахиды не отпевывал (10); записи в том на ту дрвню | зятю своему не давывал (25); повѣр гсдрь бгу как мнѣ пред богом | душ8 отдать ‹. . .› слов никаких я не говаревал (48).

В сравнении с лексикой, представленной в собственно приказной письменности, лексический состав частной переписки несколько разнообразнее: отражает такие стороны жизни, которые в приказных текстах не получают

---

[15] *Соколова М. А.* Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957, с. 144.

освещения, и в то же время в известной части совпадает с лексикой данных текстов. Достаточно разнообразны и отраженные в переписке синтаксические отношения. С этими обстоятельствами связана более полная и более глубокая, в отличие от некоторых других источников, реализация в ней морфологических явлений и, значит, возможность более полного и более глубокого их изучения, притом не только в собственно грамматическом, но и в более широком аспекте — в связи с процессами лексико-семантического и стилистического плана. Да и для выявления в языке собственно грамматических изменений материалы частной переписки, в сравнении с приказной письменностью, как менее скованные письменной традицией, более перспективны. Зарождаясь в устной народной речи, новые формы вторгались затем в область письменного языка, при этом частная переписка в силу своей специфики оказывалась к ним особенно восприимчивой. Устанавливаемую по данным частной переписки хронологию новшеств в языке считаем наиболее реальной; то же самое можно сказать и по поводу хронологии отмирающих явлений. Значение этого факта немаловажно, если учесть, что даже не столь древняя история русского языка имеет своим основанием преимущественно относительную, а не абсолютную хронологию. Мы коснулись проблемы абсолютной хронологии в морфологической сфере не случайно: становление современного морфологического строя русского языка и в его говорах и особенно в его литературной разновидности протекало в значительной степени в национальную эпоху.

Более или менее общее ознакомление с морфологической содержательностью частной переписки, нам кажется, следует начать с одного предварительного условия. Приступая к этому ознакомлению, необходимо прежде всего отклонить получившее некоторое признание в науке такое заключение: современный фонетический облик и грамматический строй русского языка к XV—XVI вв. в общем уже сложились. Выходит, каких-либо существенных показаний его фонетико-грамматического развития более поздние памятники собственно не содержат. В свое время исторически оправданное определенным уровнем состояния науки, включая и исследование памятников, это заключение в настоящее время нельзя признать обоснованным, если не удовлетворяться обедненной трактовкой

фонетического и грамматического развития языка. Как показывают исследования последнего времени, далеко не все что представлялось утраченным русским языком к XV—XVI вв., в действительности было утрачено, если брать русский язык в целом как в его литературной, так и внелитературной разновидностях. Уже не приходится говорить о том, что в течение национального периода в недрах русского языка рождались и некоторые новые явления.

О фонетике речь пойдет далее, а что касается грамматики, в данном случае морфологии, то в ней в XVII—XVIII вв. обнаруживаем довольно заметные сдвиги. В этом убеждают главным образом показания письменности делового содержания XVII—XVIII вв., в особенности южновеликорусской, в прошлом совершенно не изученной. Немалое значение в этом смысле имеют и свидетельства частной переписки. Морфологический строй русского языка XVII—XVIII столетий отложился в частной переписке со всем богатством локальных вариантов.

В категории рода еще наблюдалось живое, а не только в письме, бытование некоторых форм, унаследованных в качестве остаточных от более раннего времени. К ним, например, можно причислить соответственные современным формам м. р. *налог*, *недород* старинные формы ж. р. *налога* (с несколько иным значением), *недорода*. Примеры: нолога великоѧ (Гр-ки, 125), буде*т* налога (Гр-ки, 231), налоги ‹. . .› не стало (Гр-ки, 232), о*т* налo*х* и*х* (Гр-ки, 237); недорода бо*л*шая (Ист. 235), но: хлѣ*б* нне*ш*няго го*да* недоро*д* (Гр-ки, 229), *х*леб*н*ова недоро*ду* (Пам. 118). Ср. современную форму м. р. *отъезд* и старинную ж. р., осложненную суффиксом *-к-*: с Москвы о*т*ездка ѳчинилас (Гр-ки, 23), о*т*ѣздки ‹. . .› не*т* (Ист. 80), впрочем: моего о*т*езду (Гр-ки, 223). Наоборот, в соответствии с современной формой ж. р. *присылка* в прошлом, кроме формы *присылка*, употреблялась и форма м. р. *присылок*. Ср.: рыба мое*и* присылки (Гр-ки, 10), присылки по нево не была (Гр-ки, 47), упомянуто о присылке к ва*м* днгъ (Гр-ки, 120), ѕ денеж*н*ою присылкою ‹. . .› приехал (Гр-ки, 202) и др.; но: днеж*нои* присылo*к* ‹. . .› о*т*дал (Гр-ки, 184), то*т* присылo*к* ‹. . .› привез (Гр-ки, 210), а которо*и* гсдрь присылo*к* с Макаро*м* Павло|вичем і тѣ присылные днги у него (Гр-ки, 241).

Во второй половине XVII в. имена существительные на *-а*, обозначающие лиц мужского пола (*голова*, *сирота*, *староста* и т. п.), как можно судить по согласованию с ними имен прилагательных, местоимений и глагольных форм прошедшего времени, на большей части территории распространения русского языка уже не входят по формальной примете в категорию имен женского рода, а примыкают по значению к категории мужского: писа*л* голова (Гр-ки, 191), оса*дно*и голова (Гр-ки, 273); сирота вашъ (Ист. 208), сирот8 своиво (Ист. 222), сирата тво*и* (Пам. 58), сирату своего (там же); староста тво*и* (Гр-ки, 27), старосте моему (Гр-ки, 115), пода*л* староста (Гр-ки, 303) и др. Показания грамоток в этом случае согласуются с данными деловой письменности, приуроченной к южновеликорусской области, которые показывают, что согласование по значению, а не по грамматической форме наступает в этой группе имен приблизительно в середине XVII в.[16] Совпадение свидетельств частной переписки и южновеликорусской деловой письменности, помимо собственно лингвистического значения — документирования абсолютной хронологии определенного явления в языке, имеет и другое значение — подтверждает достаточную надежность заключенных в деловой письменности сведений об изменениях в живой народной речи.

Отозвалась в частной переписке и форма ж. р. *овощь*, относимая ныне к просторечным (Слов. Акад. 8, 1959):

---

[16] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, с. 147—148. Пример согласования по грамматической форме попался в грамотке, писанной, по всей вероятности, в 60-х или в начале 70-х годов XVII в. где-то под Костромой: бье*т* челом*ъ* и плаче*т*ца сирота ваша Мики*ѳ*орко| Мартыно*в* смилосе*р*дитеся г*с*дри Лев Семеновичь | и Оѳроси*ѳ*я Ивано*в*на надо мною сиротою своею (Гр-ки, 43). В этом примере подозреваем отголосок явления, задержавшегося в отдельных северновеликорусских говорах. С. П. Обнорский пишет: «Можно, как северновеликорусскую черту, отметить подобное же согласование по форме, именно по ж. роду, имен существительных на *-а*, по значению являющихся именами муж. рода» (*Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, с. 64). В других северновеликорусских говорах, скажем ярославских, во второй половине XVII в. согласование по грамматической форме сменялось согласованием по значению: бие*т* челом*ъ* | опъчая сирота вас г*с*дре*і* своих, — писал «крестьянинец» Андрюшка Клементьев, — <...> учини росправ8 | том8 дѣлъ чтобы мнѣ опчем8 си|ротѣ вашем8 *в*конецъ не погинѣ*т* (Гр-ки, 58).

сяка авощь (Мурз. 306). В качестве имени ж. р. выступает и *лосось*: две лососи (Гр-ки, 223), *одну лосос* (там же). Наблюдаем колебание в роде существительного *ячмень*: авса пять салянакъ ечменю четыри (Гр-ки, 123), *чет* толченова ечменю (Гр-ки, 301), полосмины ечменю (Гр-ки, 302), *пят четвериков* ечменю (Ист. 108), полтара *четверика* ячменю (там же), заимова*т* ‹. . .› ечменю (Ист. 168); но: с овин ячмени (Белозер. 228), ячмени ‹. . .› нѣ*т* (Гр-ки, 113), *четверть* ечьмени (Ист. 193), ечьмени три *четверти* (Пам. 53).

Грамотки содержат некоторые указания на освоение в плане категории рода таких заимствований из других языков, которые в условиях рýсского языка могли включаться в категорию мужского или женского рода. Старое заимствование из арабского *харч* обнаруживает принадлежность к мужскому роду: харчь всяко*и* дорог (Гр-ки, 22), всякои харчь ‹. . .› вмѣсто харчю (Ист. 44), харчю доволнова нѣтъ (Ист. 45), на *всякоі* харчъ (Ист. 216), купил харчю (Ист. 242). Ср. в московских сказках, язык которых недалек от народно-разговорного: всяко*и* харчь (МДБП, 138), сьѣстъно*и* харчь (там же), харчю ‹. . .› надобно (там же); но: всякая харчь (МДБП, 135). Заимствованное из французского слово *пистоль* в грамотках — имя женского рода: пистоли своеи (Гр-ки, 51), іс писто*ли* (Гр-ки, 125), іс писто*ли* (Гр-ки, 126). В московских расспросных речах, близких к народно-разговорной стихии, *пистоль* выступает в форме и мужского и женского рода: пистоль набит (МДБП, 226), но: пистол выстрелилась (там же). Приведенные примеры, включая представленные в сказках и расспросных речах, — убедительные свидетельства родовой квалификации означенных заимствований в устном обиходе.

Завершение становления категории одушевленности относят то к XVI, то к XVII в. П. С. Кузнецов, например, указывает на «завершение к XVII в. процесса выработки в русском языке категории одушевленности» [17], а в другом исследовании говорит: «. . .в XVII в. завершается процесс установления категории одушевленности» [18]. Противоречивость суждений на этот счет, можно думать, свя-

---

[17] *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965, с. 225.

[18] *Кузнецов П. С.* Указ. соч., с. 106.

зана с недостаточностью данных из памятников письменности, наиболее близкой к народно-разговорному языку. Поэтому не лишне привести материалы XVII в., ранее исследователям неизвестные. Показания рассматриваемых грамоток, принадлежащих, за редкими исключениями, второй половине XVII в., позволяют сделать вывод: становление категории одушевленности завершалось в это время.

Винительный тождественный родительному в единственном числе от названий лиц господствовал безраздельно, а во множественном, хотя и редко, встречался и винительный тождественный именительному. Гр-ки: дал на себя запись и на женѫ свою и на | дети (36); дал бгъ на непри|ятели наши побѣдѫ (120); присылаите запасѫ с людми как люди бѫдѫт посылат (121); Ист.: сьѣ|хат на бошкирцы (72) — случай несколько особый: говорится о Башкирии; положити гсдри вывод за | дети наши (201), ср.: отдат мошно детеi своих (там же); жанѫ и дети покинѫл (240); МДБП: про меня ‹. . .› похошъ | вѣдат и про невеску и про дѣти (17); тот же оборот с вин. *дети* встречаем и в других семейных грамотках (18, 20—22), ср.: про менѧ ‹. . .› похошъ вѣдать и про нѣвеску и про дѣ|теи (19); давали | за него на ромѣне (*так!*) сродичи ево три тысячі | рѫблев ‹. . .› по послѣднеи мѣре бѫде не дадѫт денгами | розменять на люди (33); Пам.: ншим крестьяном ѕа дети своu ѫ них'доче|реи имат (119). Смену старых форм новыми в устном обиходе писавших документируют факты колебаний в пределах почерка одной руки. Отметим далее старые формы вин. мн. в составе конструкции, не чуждой и современному литературному языку. Гр-ки: муж моu пошел в работники (70); пожалованы ‹. . .› Григорѣи Шишков в столники ‹. . .› Семена | Пазухина в стряпчие (130); пере|менен чином ис полуголов во дворяна (130); во дяки пожаловалъ (143); Ист.: брать в салдаты (142); Пам.: вѕят по сну или по брату ‹. . .› в деловцы (118).

По поводу винительного от названий лиц Ф. П. Филин пишет: «В XV в. в русском языке новая форма становится нормой, хотя в определенных сочетаниях и в отдельных жанрах старая форма сохраняется и позже» [19]. Прини-

[19] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 403.

мая во внимание показания грамоток, полагаем: новая форма винительного во множественном числе становится нормой позднее. Во всяком случае, остаточные проявления старой формы винительного множественного от имен существительных, обозначающих лиц, попадаются даже в официальном тексте Уложения 1649 г. Исследователь языка Уложения отмечает свойственность этой формы именам существительным «с собирательным значением *люди* и *дети*: будетъ собака или корова или козелъ мечутся на люди, 22; также: собака на люди мечется, 169 об.; имать ‹. . .› за даточные люди денги, 211 об.; чьего холопа возмутъ в полонъ ‹. . .› и жену его и дѣти, 271; холопъ ‹. . .› приживетъ дѣти, 286» [20]. Употребление старой формы винительного отмечается в Уложении и «в склонении личных существительных женского рода в словосочетании *выдать замуж*: дочери свои дѣвки, или сестры, или племянницы выдали замужъ, 171 об.» [21] Регистрируются в нем и словосочетания типа *стать в стрельцы*. «В Уложении, — замечает исследователь, — подобных случаев встречается немало: о посадъскихъ людехъ, которые стали во псари, 44 об.; о тяглыхъ людехъ, которые стали въ стрельцы, 44 об.; также: стали въ стрельцы, 258; стали въ пушкари и въ иные чины, 44 об.; также: стали въ пушкари, и въ затинщики, и въ воротники, и въ кузнецы и въ иные во всякие чины, 258 об.; о посадъскихъ же людехъ, которые стали въ казаки, 44 об.» и т. д.[22]

Легко заметить: хронологически сопоставимые показания грамоток и Уложения 1649 г. в общем согласуются.

Следы винительного тождественного именительному в единственном числе от названий животных в грамотках необыкновенно редки: купилъ я ‹. . .› в по*д*|московнаю твою мѣри*н* далъ три рубли (Ист. 73); послал конь буръ (Пам. 112). Ср. в Уложении: кто ‹. . .› звѣрь и птицы исъ того лѣсу тѣмъ пожаромъ отгонитъ, 153 об.[23] Старая форма винительного множественного в применении к названиям животных является в грамотках спорадически. Гр-ки: про го*р*ностаи і про бѣлку писал (22); *от*дал мнѣ за днгиі лошади (26); за бораны | де*н*ги собрали (76); соко*л*ники де емлют ‹. . .› с наистопко*в* голѫби (112),

[20] *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953, с. 257.
[21] Там же.
[22] Там же, с. 257—258.
[23] Там же, с. 255.

ср.: голѹбеи не имали (там же); вѕял у нас ‹. . .› лошад что мы вѕяли ‹. . .› ѕа свое лошади (126); ѡни | к нам соболи присылали казати (175); на саѕаны розходу нѣт (198); Ист.: мы ‹. . .› копаем черви (21); лошеди все привели (118), ср.: приказал лошедеі про|дат (там же); за куры индеіские рубль тринатцать | алтнъ две дни за гуси рубль пятнатцат алтнъ (152); лошеди | потковал (154); у иных и лошадеі нет на оброк коровы | изпродали а ины лошеди (166); про овцы сказал (244); овцы | взялъ (245); приказал ‹. . .› быки прадават (246); МДБП: лошади под нихъ вѕять | с конюшни (32); вели к себѣ пригнат бораны (38); велет пригнат | бораны (39); хо|докам бораны кормит (39); Пам.: лошеди ‹. . .› пограбили (10); хателъ ты мне пожаловат ‹. . .› пар|кѹ боръзыхъ сабакъ сѹкѹ да кабель добърыхъ (19); лошеди взяв с собою побе|жали (19); гѹси и ѹтки и куры ‹. . .› прикажи имат (91); про лебеди писал на Хапер (98), и др.

В Уложении во множественном числе старый винительный преобладает: кто пчелы выдеретъ, 17; помѣщик или вотчинникъ ‹. . .› загонятъ чьи лошади, 18 об.; кто звѣри и птицы отгонитъ, 19; помѣщики ‹. . .› бобры чѣмъ отпужаютъ или бобры насильствомъ побьютъ, 151 об.; кто учнетъ птицы ловити, 152; и ему за свиньи, и за кобылы, и за коровы, и овцы, или за иную какую животину и за пчелы править ‹. . .›, 170, и др.[24]

Мы намеренно задержались на категории одушевленности, поскольку соответственные материалы, заключенные в грамотках и Уложении, дают довольно определенные сведения относительно времени, когда завершалось ее формирование. Во многом противоположные, эти источники (представляющие стихию народной речи и определенного рода литературную) согласно свидетельствуют о завершении формирования названной категории во второй половине XVII в. Они свидетельствуют и о том, что процесс вытеснения старых форм винительного новыми охватывал в е с ь русский язык и протекал во в с е х его звеньях (территориальных, жанровых и др.) одновременно, сначала в области единственного, а затем — и множественного числа.

Связанные со сложением категории одушевленности изменения в оформлении винительного падежа в единствен-

---

[24] *Черных П. Я.* Указ. соч., с. 257; *Кузнецов П. С.* Указ. соч., с. 105.

ном и множественном числе представляют собой лишь одно звено в цепи изменений, которые происходили в склонении имен существительных в начальный период становления русского национального языка. Применительно к началу XVIII в. В. В. Виноградов отмечает широту и свободу грамматических (морфологических) колебаний в литературной русской речи и приводит примеры колебаний главным образом из именного склонения [25]. Грамотки свидетельствуют о подобном положении в XVII и XVIII вв. Свидетельства их в какой-то степени касаются и литературного языка, в той части, в какой он отличался от народно-разговорного и диалектов, но в основе имеют отношение к народно-разговорному языку и различным диалектам. Грамотки выразительно документируют общерусские изменения в именном склонении, которые протекали в начальный период национальной жизни русского языка. Выразительность документирования обусловлена и разнообразием лексического состава грамоток и разнообразием тех синтаксических отношений, в которые его элементы вступают, а это в свою очередь обусловлено разнообразием содержания грамоток — событий, предметов и понятий, о которых в них повествуется. В указанном смысле грамотки несколько перспективнее актовой письменности, сюжеты которой существенно лимитируются старинными правовыми отношениями, а изложение сюжетов — делопроизводственными нормами.

Еще в эпоху великорусской народности «мы находим большое количество форм на *-у* для родительного и местного падежей единственного числа как в существительных, восходящих к старому склонению на *-й*, так и в существительных, восходящих к старому склонению на *-о*» [26]. В XVII и XVIII вв., по данным частной переписки, наблюдается аналогичное состояние. Описывая склонение имен существительных, историки русского языка материалами частной переписки, наиболее близкой к устной традиции, как правило, не пользовались. Поэтому небезынтересно привести формы родительного на *-у* именно из грамоток.

Отдельные примеры родительного на *-у* мы уже приводили выше в качестве уменьшительных форм субъек-

[25] См.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938, с. 65—67.
[26] *Кузнецов П. С.* Указ. соч., с. 17.

тивной оценки. Приведем здесь некоторые другие из грамоток XVII и начала XVIII в. Как и в более раннее время и в современном языке [27], означенные формы были характерны для известной части имен существительных, во-первых, с вещественным значением, во-вторых, со значением отвлеченным.

1. Гр-ки: ме*ду* ‹. . .› розхо*ду* нѣ было (20), бѫзуну ‹. . .› не*т* (34), ѳун*т*ъ ладону (там же), хо*р*шек творугу (35), кр*ѫ*жечи*к* восъку (там же), че*т*и луку осмину чес*н*ѡку (41), жемчюгу ро*с*сыпънова (41), ко*р*му нѣтъ (46), о*т*пиши много ли у на*с* | ко*р*мѫ и вели бога для ко*р*мѫ бѣречь (60), яшнова солѡдѫ (63), льну И кербеи (там же), лѣсу ни дубца ср*ѫ*би|ть не велятъ (73), ни хлѣба ни ко*р*му (77), коръмѫ | не ѡ*т*да*л* (102), Г вѣти винограда, полоса а*р*бѫsу (119), авса пять салянакъ ечменю четыри (123), хмелю пу*д* (164), надобе*т* мнѣ ‹. . .› свинцу і ѳетилю (174) и др.; Ист.: ечменю S че*т*і ‹. . .› гарохѫ посѣено ‹. . .› а *л*нѫ полтора че*т*веричка (21), ечьменѫ две че*т*верти ‹. . .› горохѫ че*т*верть (26), вмѣсто ха*р*чю (44), позуме*н*тѫ | sалатънова (55), прикожи в лесу своем | на*д*рать дору (97), купи*т* ‹. . .› шолку (113), дубовова ‹. . .› лесу (114), пѫдъ медѫ (117), крамѣ горохѫ (127), хъмелю ‹. . .› не добыли (129), заимова*т* ‹. . .› ечменю (168), уксѫсѫ ѳляга (169), аньба*р*нова лесѫ (203), пу*д* медѫ (209), *д*ве кѣ*р*би льну (217), ечменю ‹. . .› четве*р*ть (227), гуме*н*нова ко*р*му (233), купи*л* ха*р*чю (242), ечменю нивица (243) и др.; МДБП: пива і ме*д*у (15), солодѫ яшнова (39), соло*д*у полосмины (41), ки*р*пичю сы*р*цѫ сотня по полѫгри*в*не (там же); Пам.: ме*д*у ‹. . .› не добуде*ш* (14), взя*л* потошу (40), лесѫ повози*т* (54), для ро|ди луку и чеснаку ‹. . .› лѫку первакѫ | поласмина ‹. . .› чеснаку ѧ к тебѣ гсдрю своемѫ | посла*л* тысячю а сезему четыре со*т*ни (54), изволь прислать льну (73), луку семь сто*л*пздцо*в*, ср.: шесть сто*л*пъцо*в* лучьку (81), прикажи ‹. . .› лѣсу да*т* (85), часть винограду (90), вару посла*л* шесть| гривено*к* (111), бревенно*в*а лѣсу (115), что здеся лну ‹. . .› то в росписи | написано (118), ѳун*т*ъ ладану (120), прислать к на*м* гороху (122), сѣчь ‹. . .› дубу неколи (там же), ходетъ лѣсу сечь (там же), красно*г* лѣсу (124), ѡтосла*т* медѫ (127).

---

[27] См.: *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 241—247; *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 98—223.

2. Белозер.: осенного промыслъ ‹. . .› вешнаго промыслу ‹. . .› зимнаго промыслу (224), гнѣву не положил (225); Гр-ки: тебѣ *б* ‹. . .› гнѣву не положит (10), для сыску (16), до приѣзду (18), розходу нѣ было (20), того сроку (21), против *ъ*казу (21), от великово посту (26), чтобы ‹. . .› стыдъ не было (26), дагавору ‹. . .› нету (39), от слъхъ (42), *ъ* наказъ (45), *ѡ*купу триста рублев (54), с голодъ (64), с отпъскъ (67), весу всего шесть|десят золотников (68), полавинъ оброкъ (71), с холоду (80), против побѣгу (81), никакова у вас ладу | не зделано (83), для ‹. . .› розыску (83), без остатку (94), польского полону (95), мужеска полу (там же), котораго году (100), убытку не чини (110), твоего поѣздъ (119), *з* подездъ (121), с приводу (125), *ѡт* ‹. . .› походу (128), крику ‹. . .› много (130), всякова запасу (131), не *ъ*чинит ли ‹. . .› хан отвороту (137), ис троецког обѣзду (там же), платить откъпъ (159), до моего оклад*у* (174), умлствис не попомнѣв на меня | никакого поносу (175), промыслу отстал (там же), от меня | отступу нѣтъ (179), такова мыту не видано (179), для подряду (181), *ѕ*аводу у нег днжного ‹. . .› скудно (там же), для | отмеру соли (182), *ѕ*апрету ‹. . .› нету (183), до моево *ж* приѣзду (187), до *т*воего ‹. . .› отказу (там же), приступу к себѣ не | дали (191), изяну не учиним (193), без приказу гсдрь твоего (216), от лошадиного поскоку (217), иного начатку (217), у гсдрева хлѣбного свозу (221), чебаѣарении Михаила | Ѳедоровича наиму (226), приему Мирона Болотова (229) и др.; Ист.: на меня гсдрь гнѣву не подержи (20), розыску ‹. . .› не учинил (22), пожитъкъ име|ятъ у себя довольно (29), требъятъ члвка | и разуму (там же), твоево приказу (32), занелъ ‹. . .› денягъ ‹. . .› да сроку (40), бе*ѕ* астатку (42), нѣт ли ‹. . .› указу (49), нѣт ни указу ни миру (52), до приезду моево (52), нѣт ли на ково начету (там же), для переводъ (58), без разсудкъ (67), для рыбного промыслу (70), для | збору ѧмъских денег (77), для платежу (91), орженова севу (93), розговору ‹. . .› не была (99), поспеши ‹. . .› ни часу не мешкаючи (101), с сыску (111), оброкъ не привезли (117) и др.; МДБП: всякого заводу (15), *ѡт*ходя | сего свѣту (15), до указу (34), іс походъ (36), для сыску (37), до сроку (38), до моево приезду (там же), до отпускъ (39), до векъ (40), от поклепного ‹. . .› иску (42); Пам.: смертнаго часъ (10), *з* голодъ (там же), до отказъ (там же), против ‹. . .›

даговорѫ (11), всѧкова дурна и позору (13), дат ему сроку (17), таво часу (18), безъ лишкѫ (18), ѫказу ‹. . .› не ѫчинили (23), всякого чину (30), приказу не слыхал (37), до ихъ приходу (46), окромѣ ‹. . .› збѡрѫ тамскихъ денег (52), без остатку (55), какова искусѫ (64), промыслу не [и]|дет от них (70), от гнѣву ево (75), без розыску (там же), воды мѣлки | лову не стало (89), роду неболшово (90), выходу ‹. . .› не было (94), такова году не было (98), от нево видел приносу к сѣбе (100), с окладѫ (101), вѣсу | в них шесть пуд двѣ четверти (104), они гсдрь приходят своимъ | озорничествам на чюжие дворы а ѫиму | нет (111), сыску не ѫчинил (112), наиму ‹. . .› прѫднику дать мнѣ нѣчево (112), проѣзду і проходу нѣт (116), хлебнова недороду (118), до отпуску (там же), такова | оброку не платят (119), боярского приговору (123), поперечнику Л саженъ (124), Л саженъ длиннику (там же), для переду (126) и др.

Не приводим форму родительного на *-у* со значением места, местности, поскольку имена существительные, от которых они образуются, составляют, как нам кажется, в сравнении с двумя приведенными, менее определенную лексико-семантическую группу. Не задаваясь целью специально исследовать представленные в частной переписке формы родительного на *-у*, мы ограничиваемся лишь констатацией их заметного наличия в грамотках и указанием на то, что эти источники дают возможность историкам языка рассмотреть на обширном материале соотношение форм родительного, с одной стороны, на *-у*, с другой стороны, на *-а* с точки зрения уточнения и лексико-семантической базы того и другого падежного варианта и тех синтаксических условий, в которых они функционируют, особенно в случаях оформления родительного одного и того же имени то посредством *-у*, то посредством *-а*. Ср.: например: убытку не чини (Гр-ки, 110), чтобы убытка не был[о] (Гр-ки, 101); баяс гсдрь | твоего гсдря гнѣву (Гр-ки, 141), не поло|жи гсдрь на нас своего гсдрьскова | гнѣва (там же). Варианты на *-а* единичны. Представленные в частной переписке XVII—начала XVIII в. формы родительного на *-у* определенных групп имен существительных с вещественным и отвлеченным значением производят впечатление едва ли не нормативных.

Не лишне отметить: эти материалы фиксируют бытование родительного на *-у* в различных зонах русского языка, в его европейских и сибирских пределах. По данным старинной деловой письменности южновеликорусского происхождения аналогичное положение впервые установлено в черте южновеликорусских говоров XVII в.[28] Изучение новых рукописных источников, запечатлевших говор москвичей того же самого времени, обнаружило сходное состояние [29]. Словом, употребление родительного на *-у* в XVII—XVIII вв. в определенных лексико-семантических группах предстает перед нами как явление в с е г о русского языка, и народно-разговорного и литературного. Рассматриваемая форма родительного падежа у имен с древней основой на *-о*, характеризующая в восточнославянской области прежде всего русский язык, является примечательной вместе с тем и как одна из морфологических примет собственно русской, а не церковнославянской грамматической основы литературного языка и в более раннюю эпоху и в начальный период национального развития. Особенно показательно в этом плане обилие форм родительного на *-у* от имен с отвлеченным значением, органически свойственных в первую очередь деловой разновидности литературного языка, но знакомых, однако, и устной речи, потому что оформление в деловой письменности при помощи этих образований владельческих, торговых и хозяйственных, тяглых и иных отношений, а также судопроизводства, естественно, связывалось с активным использованием образований данного характера и в разговорном обиходе.

Довольно обычной является в грамотках и такая примета русского основания нашего старинного литературного языка, как форма предложного падежа единственного числа на *-у*, у имен с древней основой на *-о*, употребление которой обыкновенно сочетается с употреблением формы родительного на *-у*. Предложный на *-у* от имен существительных, обладавших в древности основами на *-й* или на *-о*, наблюдается в тех же лексико-семантических группах, в которых имеет распространение и родительный на *-у*, но группа имен со значением места и порою времени

[28] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 150—164.

[29] См.: *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974, с. 203—212.

выступает в предложном более четко, нежели в родительном.

А в общем распространение предложного на *-у* в грамотках более ограниченное, нежели распространение родительного на *-у*. В основном выделяются формы предложного от имен со значением места. Белозер.: в Перешно*м* острову (228); Гр-ки: в дому (16), на то*р*гу (20), на кореню (42), в саду (64), на лугу (там же), в лѣсу (72), на острову (83), на губномъ стан$ (91), в Ве*р*х$ (91), въ Ва*н*домъско*м* стану (95), в по*л*ку (141), в углу (162), в лото*ш*но*м* ряду (180), на са*s*а*н*е стругу (там же), на возу (198), в гребно*м* стругу (199), в твое*м* ‹. . .› промыслу (200), в мѣ*л*ко*м* льду (204), *в* ‹. . .› *s*ашито*м* хо*л*сту (207) и др.; Ист.: на лугу (23), на возу (26), *в* пче*л*ник$ (27), на стр$гу (32), в по*л*ку (50), на сухо*м* берегу (66), но то*р*г$ (80), в дому (100), в Подывоцко*м* стану (107), въ яшчику (118), на смотр$ (133), в сусе*ш*но*м* | па*з*у (223) и др.; МДБП: в дому (22), в по*л*ку (23), *в* томъ лист$ (33), во снѣг$ (41); Пам.: в дому (24), ниже Черного яру о Полово*м* яру (55), на берегу (74), в стогу (122), на следу (там же), на З *м* венц$ (124) и др.

Анализируя рассматриваемые падежные формы родительного и предложного, С. П. Обнорский обоснованно придает особое значение в их судьбе акцентологическому фактору. В неакцентованных текстах грамоток указания на место ударения встречаем очень редко — попутно с отражением в них редукции безударных гласных: на вазу (Ист. 26).

Окончание *-у* получают в предложном едва ли не по общему правилу наименования городов на *ск*: в Брянску, в Иркутску, в Красноярску, в Кузмодемьянску, в Мосальску, во Мценску, в Нерчинску, в Севску, в Симбирску, в Смоленску и т. д. Единичны такие случаи, как: во *Б*р*я*нскѣ (Ист. 112), в Рылскѣ (Пам. 42) и под.

В грамотках обнаруживаем сведения на только о формах, так сказать, общего русского употребления, но и о формах ограниченного распространения, таких, например, как формы на *у* от имен существительных среднего рода — в род. ед.: домишк$ | моего (Пам. 93); в предл. ед.: в во*і*ску (Ист. 58), в домишку (Пам. 33), въ пр$дишк$ (Пам. 96). Как известно, в некоторых говорах формы на *-у* возможны от имен существительных одушевленных. Ср.: на жеребенк$ (Ист. 230). Формы ограниченного

распространения, или диалектные С. П. Обнорский связывает с южновеликорусской областью. Во всяком случае современные данные не противоречат этому [30]. Что касается исторических материалов, то в свете их показаний отнесение указанных форм на *-у* только к южновеликорусской области представляется спорным. По крайней мере формы на *-у* и родительного и предложного падежей от имен существительных среднего рода, оснащенных суффиксом *-ишк*, отмечаются в текстах делового содержания второй половины XVII в., писанных москвичами [31].

Мы рассмотрели лишь некоторые формы на *-у*. Но даже неполное ознакомление с их конкретным репертуаром, без основного состава форм родительного на *-а* и предложного на *-ѣ* (*е*), склоняет к заключению: предопределяемое тематическим разнообразием лексическое разнообразие частной переписки имеет своим естественным следствием более полное отражение в ней, в сравнении с иными синхронными источниками, парадигматических возможностей языка. Отметим и другое ее преимущество. Поскольку авторы-писцы или только авторы (когда писали не они, а другие лица) в грамотках известны, изучение по этим письменным источникам тех или иных лингвистических фактов или явлений языка, в том числе и падежных вариантов, можно вести в пределах почерка, принадлежащего одной руке, руке писца или автора, а также в пределах почерков разных грамотеев, но писавших под диктовку одного и того же автора. В этих условиях вариантные написания всегда ассоциируются с одним и тем же индивидуальным речевым укладом и, следовательно, могут быть трактованы, с одной стороны, как проявления нового, нарождающегося в языке, с другой стороны, как проявления традиции в рамках единого (у автора-писца), либо более или менее единого (в письме под диктовку автора) запечатления лингвистической системы. Как видим, исследователь грамоток имеет возможность изучать достаточно ясные проявления в н у т р е н н е й эволюции языка.

Намеченные выше аспекты исследования распространяются, само собой разумеется, и на иные формы именного склонения. Более или менее конкретное обозрение

[30] См.: *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 103.

[31] См.: *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка, с. 211—212, 214.

всей совокупности последних не входит в нашу задачу. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями относительно, так сказать, представленности в грамотках отдельных падежных форм и возможностей их исследования по материалам данных источников.

Во второй половине XVII и в начале XVIII в. завершалась замена форм *долов* и *домов*, восходящих соответственно к древним формам дательного единственного *долови* и *домови*, наречными образованиями *долой* и *домой*. Ист.: ста|роста ‹. . .› зби|ваетъ с Отоновко (*так!*) пѫстоши долов (243); ср.: пошелъ долоі (208). Гр-ки: бѫде нас | не ѡтпѫстят домов (121); ср.: бог понесет ‹. . .› домои (51), я бѫдѫ домои (60), домои ѡн не бывал (64), Савъку домои отпущу (85), просится домои (231) и др.: Ист.: приѣхал домов (122), пошли было домов (там же); ср.: поѣхал ‹. . .› домои (88), послал я Івана домои (там же) и др. Остаточное употребление формы *домов* связано с брянскими и смоленскими местами. В окрестностях Брянска она дожила до конца XVIII в.[32] Следы ее в современных говорах отмечали на Севере и в западной зоне русского языка, смежной с Украиной и Белоруссией [33].

В единственном числе творительный падеж имен существительных на *-а* в старинной частной переписке выступает с окончанием *-ою*, *-ею*, а не *-ой*, *-ей*. Старые формы на *-ою*, *-ею* сменялись новыми на *-ой*, *-ей* в течение XVII—XVIII вв. в общем довольно медленно. О том, насколько устойчиво держались старые формы в устном обиходе, говорит такой факт: в крестьянских грамотках XVII—начала XVIII в. и в грамотках сельских приказчиков того же самого времени старые формы являются нормой. Ист.: ѕ гривною (198), ѕ гривною (там же), весною (201), весною (202), неволяю (205), съ полтинаю (там же), волию (210), порою (212), мерою (218), з ‹. . .› грамотою (218) з Гришкою (там же); но: со мноі сиротоі (207). Так в деревенских грамотках, адресованных помещикам Самариным. В переписке со стряпчим Ф. М. Челищевым наблюдаем то же самое. Ист.: зимою (223), с осминою (227), сохою (230), с осминою (231), зъ женою (231), со шпеницею (232), лебѣдою (233), с полѫнивою (235), с палѫсминою (там же), семею (237), землею (239), с нивою (242)

[32] *Тиханов П.* Брянский говор. — Сб. ОРЯС. СПб., 1904, т. LXXVI, № 4, с. 24.

[33] См.: *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 249.

и др. Обычно формы на *-ою*, *-ею* в живом современном бытовании рассматривают как связанные главным образом с южновеликорусской областью [34]. Выделение их в этом качестве едва ли правомерно. Они еще не так давно функционировали как общерусские. В настоящее время «окончания *-ою* (в твердом склонении) и *-ёю*, *-ею* (в мягком склонении) употребляются в творительном падеже единственного числа преимущественно в книжной речи в зависимости от стилистических и ритмических условий, тогда как окончания *-ой*, (*-ёй*), *-ей* свойственны общему употреблению» [35]. В сравнительном изучении материалов грамоток и текстов художественной литературы прежде всего и следует искать разгадку стилизации старинных форм.

«Окончания *-а*, *-я*, — пишет Ф. П. Филин, — в именительном и винительном падежах множественного числа мужского рода появились поздно и представляют собой специфическую особенность русского языка» [36]. В качестве письменных источников особенно близких к народной речи материалы частной переписки, как во многих других случаях, и в этом случае заключают наиболее реальную датировку развития лингвистического явления. Согласно их показаниям, распространение интересующих падежных форм в XVII столетии находилось в начальной стадии. Среди наиболее ранних примеров образования форм на *-а* (начиная с конца XV в.) указывают *рукава* и *жернова* [37]. Однако применительно к данному времени они вполне объяснимы и как формы двойственного числа. В грамотках именительный и винительный множественного от имени существительного *жернов* выступает с окончаниями *-и* (*-ы*) и *-а*. Гр-ки: тѣ жорновы (34), жорновы скинут (там же), жерновы нижегородцкие (215); Ист.: купит жернови ‹. . .› купит на те | дньги жорнови ‹. . .› купит жорнови (104); но — Пам.: пришли гсдрь жернава ‹. . .› зделат | жернава (105).

В соответствии с общепринятыми ныне в определенной группе имен существительных формами именительного и

---

[34] Обнорский С. П. Указ. соч., с. 227.
[35] Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология. М., 1952, с. 165.
[36] *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 395.
[37] *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, с. 122.

винительного на *-а* в грамотках почти безраздельно господствовали формы на *-ы*, *-и*. Белозер.: в долгие вѣки (228); Гр-ки: в домы (38), *хл*ѣбы ‹. . .› дабры і на|сѣяно у меня ржи много (71), стоги ‹. . .› потравили (71), в тѣ городы (102), потравили ‹. . .› л*ѳ*ги (112), на гсдрвы городы (129), приходят ‹. . .› мастеры (180), в ниsовые городы (184, 192), в городы (216), старые якори (там же), якори выслали (221) и др.; Ист.: про л*ѳ*ги ‹. . .› сказывали (21), л*ѳ*ги Себякина и л*ѳ*ги Жары ‹. . .› разделили (118), в городы (142), подъ иныя городы (145), мастеры есть (149), *изволил* ‹. . .› выпустит на свои | хлѣбы батушку на свои хлѣбы (241) и др.; Пам.: в ыныя городы (97), на погребы (122), л*ѳ*ги ваши (125) и др. Характерно: формам множественного на *-ы* в то время еще уступали место формы двойственного на *-а*: два годы (Гр-ки, 18), два возы хлеба (Ист. 239). И все же новые формы на *-а* постепенно пробивались: пишет ‹. . .› про струга которые струги дѣлали ‹. . .› тѣ струга всѣ sдѣланы ‹. . .› отпустим струги (Гр-ки, 211). Заметное распространение форм на *-а* приходится на более поздний период, почему представляется особенно важным привлечение к исследованию в этом аспекте эпистолярного наследия в объеме всего XVIII в.

В грамотках оставили следы и другие протекавшие тогда в именном склонении изменения как общерусского распространения, так и региональные.

Прослеживается постепенное вытеснение дательного множественного на *-ом* формою на *-ам*. При этом следует иметь в виду: в грамотках с южновеликорусской территории бесспорно свидетельствуют этот процесс лишь формы с подударным окончанием *-ам*. Ср.: по городом (Гр-ки, 214), прикажи вывесть хлѣбов | стрелцам (Ист. 185) и т. д. В грамотках северновеликорусского происхождения принимается во внимание и различие в написании безударных окончаний: крестьяном — крестьянам и т. п.

О состоянии в винительном множественного говорилось в связи с категорией одушевленности.

В период, отраженный в исследуемых грамотках (в основном вторая половина XVII и начало XVIII в.), старый творительный множественного числа с окончанием *-ы*, *-и*, не замыкаясь в составе имен существительных мужского и среднего рода, иногда распространялся на женский род. Ист.: с хомуты | и *з* дуги (102), со слезы многои

(116), со всѣми угоди с лѹги и з болоты и с ѹсадбы ‹. . .› с людми и с лошадми и с телеги | и со всякими припасы (131), с ‹. . .› племянники и с пле|мянницы моими (147); Пам.: с луки и с сабли и с ножами (59). Однако в то время такие факты, обычно являвшиеся в ряду с нормальными, представляли собой не развивающееся явление, а слабые отголоски былого влияния старого творительного множественного числа на категорию имен женского рода. Живым, развивавшимся явлением было, напротив, вытеснение творительного множественного на *-ы*, *-и* формой творительного на *-ами*, *-ями* от имен женского рода на *-а*.

Предварим анализ означенного процесса обращением к одному общему положению, которое в определенных условиях является в принципе правильным, но, применяемое без должного учета конкретных лингвистических обстоятельств, приводит к спорным выводам. Негласное, это положение сводится, в сущности, к тому, что в эпоху узуального нормирования языка и зарождение и отмирание тех или иных лингвистических явлений в письме обнаруживается позднее, нежели в устном обиходе. Однако указанное опоздание, в зависимости от специфики произведений письменности, в которых явления получают запечатление, а также в зависимости от правописной и речевой культуры создателей произведений, может существенно разниться, не всегда является продолжительным. Первые устные и письменные проявления отдельных изменений в языке по времени могут быть и близкими. Правомерно ожидать такую близость прежде всего в грамотках. Вот почему особенно необходима проверка лингвистических данных, скажем, актовой письменности, аналогичными данными частной переписки.

В такой проверке нуждается, в частности, и состояние рассматриваемых форм творительного в народно-разговорном языке XVII столетия. Если, по мнению А. И. Соболевского, старые формы творительного множественного долгое время, в том числе и в XVII столетии, «продолжали существовать рядом с новыми формами» [38], то, согласно утверждению П. С. Кузнецова, «в живом языке объединение форм различных типов в новой форме творительного падежа в XVII в. уже осуществилось» [39].

[38] *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907, с. 177—178.

[39] *Кузнецов П. С.* Указ. соч., с. 76.

Грамотки показывают заметную употребительность старой формы творительного множественного в первой половине XVII столетия, гораздо меньшую во второй половине, с угасанием к концу XVII и в начале XVIII в.

Представим примеры ее употребления. Гр-ки: *з* ближними своими *добро*|*желателѣ* (10), *з* ближними *своими* прия|*телѣ* (12), со *всѣми* *твоими* *доброжелателѣ* (16), *ѡтдал* | *ѡн* ‹. . .› с товарыщи ларчикъ (41), владеть *савкинъскими* кресьяны (57), почали ломит*ца* | на двор с ослопы (58), не поки*н* меня с робя|ты (65), с крстьяны моими (79), со *всеми* уго*ди* (82), ника*ѡтѡрыми* | делы (87), *з* дѣтки своими (101), со *все*|ми крестьянскими животы (102), у ‹. . .› Кузмы *Овдокимова* с товарыщи (109), пошли ‹. . .› с пехатою | и с наряды в немецкою землю (120), стрѣлецкимъ голова*м* с приказы ‹. . .› вѣлено ‹. . .› *итти* к тебѣ (129), с карабины гсдрь как *ѡтпустят* того не ведомо (там же), с пушечными ‹. . .› запасы (133), тебѣ *итит* ‹. . .› с товарыщи (136), боярин і воевода ‹. . .› с товарыщи (148), *з* женишкою своею и *з* дѣтишки (149), за бѣглыми кресяны (154), *здравствѹи* ‹. . .› *з* дѣтушки (160), *з* доми|шкомъ и *з* детишки (там же), денги ‹. . .› хотѣл прислать | *з* запащики (162), не разори меня с ребятишки (там же), *с* сыны своими (162), с тамошними жители (166), ника*ими* дѣлы (183), *отпустил* я к млсти твое*і* мукі ‹. . .› с по*двот*чики ‹. . .› с крстьяны ‹. . .› с товарыщи (221—222) и др.; Ист.: касили мы со крстьяны (23), Пе*тр*ѹшка | Скворецъ с товарыщи (там же), со съво*іми* дѣтѹшьки (25), прикоза*т* ‹. . .› мелнику с товарищи (32), свѣще*нн*ика съ причет*ники* ‹. . .› разорит не велѣ*т* (75), здравствуи со *всем* домом и сво|ими детушки (82), со *в*|сѣми ‹. . .› приятели (82—83), послан ѕ бояры (84), здравствъуі ‹. . .› *з* детушки (87), крестьянишак ‹. . .› я послал к тебѣ ‹. . .› с товарыщи (93), по*дячеі* с товарыщи (95), здравствуі ‹. . .› *з* детки (108), со кресть|ѧны своими (там же), с первыми крестьяны (112), ѕ дети боярскими (там же), здравствуі ‹. . .› *з* дѣтки (122), никоторыми дѣлы (132), *з* детушки своими (134), з женою и з детки (142), з детки и со крестьянишки (144), з детушки своими (144), съ детушки своіми (146), с тѣми же| казаки (149), не со многи*мі* ‹. . .› крѣстьяны (151), со внѹчаты своими (163), з женишкою і робятки (166), з женишкою | и с робятки (167), с ро|бятишъки своими (167), со всѣми любящими тя человѣки (191) и др.; МДБП:

члвкъ ево | которои за дѣлы ходитъ (37), Иванъ Θедоров снъ Акининъ с то|варыщи (42); Пам.: с нарскимі | бояры (9), с воровскими ка|заченки (10), к вам отпишем | со крестьяны (14), поместье ‹. . .› и со крстьяны (25), с костро|мскими крестьяны съ | Якункою | Сергеевым с товары|щи (27), Θедотка Семенихинъ | с товарыщи (28), Яко|ву гсдрь с коими глазы бит челом (43), никоторыми дѣлы (46), никоими делы (52), Ивашка | с товарыщи (58), Ивашка ‹. . .› с таварыщи (там же), с тѣми крстьяны (70), по черте с полки стоят ‹. . .› Михаилу | Григорьевичю Рамодановскому (71), здравствуи ‹. . .› с приятели (79), з женишкою | и з детишки (80), с Пелагѣею и с робятки (89), с Пелагѣею и з дѣтки (90); с хоромы и з заводы (91), а далее: и с прудами и с садами (там же); я ‹. . .› з дѣтки жив (92), никоторыми дѣлы (105), Θедка ‹. . .› с товарыщи (116).

Документируя старые формы творительного в письменном языке XVII в., не все приведенные примеры равно документируют вместе с тем и принадлежность форм к народно-разговорным. Выражения наподобие здравствуі ‹. . .› з детки, со всѣми любящими тя человѣки, никоими делы, с товарыщи, можно думать, представляли собой в то время фразеологизованные обороты главным образом письменного языка. Напротив, характер иных примеров не оставляет сомнения в том, что в их составе старые формы — органическая принадлежность народной речи. Имеем в виду и контекстуальные условия, в которых подобные формы выступают, и то лексико-семантическое содержание, которое в них воплощается. Наличие в памятниках письменности запечатлений, с одной стороны, новых, с другой — старых явлений языка нередко объясняют как противоречие между зарождающимся в устной речи и отмирающим в письменной традиции. Но поступая так, вольно или невольно принимают следствие за причину, потому что указанное противоречие (в чистом виде оно не бывает) всегда вызывается зарождением нового в народно-разговорном языке.

Перейдем к некоторым конкретным фактам.

Перед нами грамотка «крестьянинца»: он же Прокопеі травил у ме|ня жеребчиною мирина и я ему Прокопю | стал говорит о уеме и он Прокопеі учал меня | бранит всякою неподобною бранию і бра|тью свою призвав меня

загнали на двор і как | я ѡт них ушел на двор и они почали ломитца | на двор с ослопы і палками на двор бро|сать (Гр-ки, 58). Принимая во внимание контекстуальные условия и воплощенное в форме творительного на *-ы* лексико-семантическое содержание, квалифицируем использованную в этой грамотке старую форму творительного как свойственную не только письменному, но и народно-разговорному языку.

Полагаем, с народно-разговорной стихией связаны и старые формы творительного в грамотке сельского старосты: касили мы со крстьяны на твоі боярскоі обиход сѣна на лугу на Чистом и Осиповы люди Юрасова Петрѹшка | Скворецъ с товарыщи нас всѣх побили и пограбили а на|сывают своими дачми по Митюковскоі лугъ а нам гсдрь | от них стало тѣсно и нужно (Ист. 23).

Аналогичного свойства и старая форма творительного множественного *глазы*, промелькнувшая в грамотке помещика в составе народного фразеологизма: Яков Стрешнев нарежаетца бит челом и Яко|ву гсдрь с коими глазы бит челом брат ево Яковлев Григореи бил | челом на батюшка и на дядю *об* межаване и по ево челобитю || Семен Хлопов и межавал (Пам. 43).

Говоря о контекстуальных условиях, анализ которых способствует выяснению «природы» изучаемых в письменных источниках лингвистических фактов или явлений, следует отметить и известную роль, которую играют в этом плане (и внутри и за пределами контекста) лингвистические особенности источника, то, что мы назвали бы л и н г в и с т и ч е с к и м с о п у т с т в и е м. Речь идет о лингвистических особенностях, способных пролить некоторый свет на принадлежность писца, автора источника к носителям определенного говора, на состояние его правописной культуры, степень начитанности и т. п.

В этом отношении особенно интересна пространная грамота помещика. Само по себе народное, выражение *с коими глазы*, в составе которого находим старую форму творительного, выступает в грамотке в условиях такого лингвистического сопутствия, что сомневаться в близости ее языка к народно-разговорному нет оснований. Наряду с отмеченным в этой грамотке встречаем и другие фразеологизмы народно-разговорного характера: они не

о *своем* уме, во *все* лето ногою не были, пу*т* паде*т* (о зимнем пути, в смысле «установится»). За единичными исключениями, наподобие пребыва*и*, желате*л*, не то*к*мо, словарный состав грамотки укладывается в рамки народно-разговорного. О близости отразившейся в ней фонетики к фонетике устного общения говорят, например, проявления аканья (аберегаетъ, дарога и др.) и в особенности яканья (высечаны, приеди*т*, нечава и др.), следы долгого твердого *ш* (испу*т*, пусша*т*) и произношение *чн* как *шн*: наро*шн*а. Из проявлений локальной морфологии: при *прежних* памещико*в*, по наше*и* зе*м*ли. Все эти и некоторые другие не отмеченные элементы лингвистического сопутствия вводят рассматриваемую форму творительного в строй народно-разговорного языка. Присутствие в последнем в означенное время творительного множественного на *-ы*, *-и* свидетельствуют и другие грамотки.

Итак, показания частной переписки не в ладу с предположением, согласно которому старые формы творительного множественного могли употребляться в письменном языке, не имея опоры в устном. Вытеснение этих падежных форм и в письме и в устном обиходе было одновременным. Не приводя специально новых форм (в текстах их немало), обратимся к примерам колебаний, знаменующих этот живой процесс. Гр-ки: *з* дѣтки своими (101), ср.: *з* де*т*ками своіми (95); стоимъ *s*а по*д*воды (141), ср.: стояли мы за подводами (там же); Ист.: *s* дети боя*р*скими (112), ср.: *з* де*т*ми своими (там же); с пе*р*выми крестьяны (112), ср.: с кре*с*тьянами (114).

Хронологически было также связано устное и письменное употребление творительного множественного на *-ьми*. С. П. Обнорский замечает: «Протекавшая из категории имен с исконными основами на **-а* в прочие типы именного склонения флексия тв. мн. *-ами* медленнее всего овладевала категорией существительных с старыми основами на **-i*, упорно державшихся своего окончания *-ьми*. В результате и в литературном языке (в старой его и современной стадии) и в народном языке имеется известная совокупность слов, держащихся еще старой своей флексии *-ьми* или колеблющихся в употреблении старой флексии *-ьми* и новой *-ами*» [40].

---

[40] *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, с. 352.

Естественно, еще бóльшую устойчивость старого творительного с окончанием *-ьми* наблюдаем в старинной частной переписке. Гр-ки: пусто*шьми* (59), с лоша*дьми* (66), с о*тписьми* (111), со властьми (130), с бѣлыми роспи*сьми* (199), плет*ьми* (279); Ист.: с крѣпостми (75), крепостьми (114), с лоша*дьми* (131), за лоша*дьми* (141); Пам.: ночми (90), с крепостмі (94).

Отмечаемое в некоторых современных говорах проникновение окончания *-ьми* из склонения имен женского рода старых основ на *-i* в иные типы именного склонения по материалам грамоток фиксируется на три века ранее. Окончание *-ьми* вторгалось в склонение имен существительных и мужского и женского рода. Гр-ки: собо*лми* (175), ко*нми* (199, 206), съ яко*рми* (221); Ист.: дачми (от *дача*) (23), со слезми (144—145); МДБП: соболми (32); Пам.: ѡбычьми (76). Датированная концом XVII в. форма ко*нми* представляется нам особенно интересной как подкрепление следующего предположения С. П. Обнорского: «Характерна устойчивость формы *коньми* (ср. также *комоньми*) в областной речи, между прочим, как диалектизм, встречающаяся у Державина . . . Можно поставить вопрос, не говорит ли эта устойчивость в употреблении формы *коньми* в народной речи об исконной принадлежности слов не к основам на **-jo*, а к основам на **-i*» [41].

На материалах отдельных падежных форм мы пытались показать некоторые аспекты и возможности исследования этих форм преимущественно с целью выяснения былых морфологических процессов в народно разговорном языке. Отметим далее в общем плане и другие возможности разысканий в морфологическом строе грамоток.

Обычное в частной переписке изложение многочисленных конкретных дел, происшествий, случаев и событий влекло за собой обозначение тех временны́х и локальных рамок, в которых они осуществлялись или протекали. Отсюда — нередкое употребление в грамотках форм предложного падежа, выражающих соответственные, особенно местные значения. В грамотках хорошо прослеживается как старое окончание этого падежа постепенно сменялось новым: в полке*х* ‹. . .› во все*х* полкахъ (Гр-ки, 172); в таки*х* дѣле*х* (Пам. 90), ср.: в ны*х* дела*х* (Пам. 33); во многи*х* мѣсте*х* (Гр-ки, 22), ср.: в пяти|нат*ц*ати мѣста*х*

[41] *Обнорский С. П.* Указ. соч., вып. 2, с. 358.

(Гр-ки, 90); на крстьянех (Гр-ки, 138), ср.: на крестьянах (Ист. 113) и др.

В лексическом отношении рассеянные в грамотках формы предложного множественного достаточно разнообразны. Поэтому возможно их исследование не просто в грамматическом плане, а с учетом исторического взаимодействия лексического и грамматического начал. В частности, полезно было бы выяснить, в каких лексико-семантических группах новое окончание предложного множественного появилось ранее, а в каких позднее. Заметим кстати: подобное исследование желательно во всех случаях, когда изучаемые формы представлены в условиях лексико-семантического разнообразия.

Привлечение данных эпистолярной письменности особенно важно для выяснения такого спорного вопроса, как оформление родительного падежа единственного числа полных прилагательных и местоимений в южновеликорусских говорах в XVII—XVIII вв. и происхождение этого оформления [42]. Согласно традиционной точке зрения, родительный падеж единственного числа на *-ово*, *-ево* является исторической принадлежностью неюжновеликорусских говоров, южновеликорусским признается только *-ого*, *-его*. Формы на *-ово*, *-ево* в деловой письменности южновеликорусского происхождения сторонники этой точки зрения считают несвойственными местному диалекту, объясняя их присутствие в названных памятниках ориентацией писцов на приказную норму. Доказательность в этом случае свидетельств интимно-бытовой переписки, кажется, никем не отрицается. А они-то прежде всего и склоняют к пересмотру традиционной точки зрения.

Введение в научный оборот заключенных в грамотках сведений о глагольных формах поможет более четко дифференцировать в сфере глагола элементы, свойственные лишь книжной речи, от тех, которые в то время равно обслуживали и книжную речь и устное общение.

В «этикетных» разделах грамоток, т. е. в зачинах и концовках, инфинитивы с безударным *-ти* были еще приемлемы. По-видимому, навеянные приказным слогом, они проступали иногда и в выражениях волеизъявления (*велети*, *послати* и т. п.) в основном изложении грамоток.

---

[42] Подробнее об этом см.: *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 411—419.

Вообще же в последнем господствовали новые формы на *-ть* [43]. Такое совмещение в текстах грамоток, в условиях индивидуальной речевой культуры, и старых и новых инфинитивных форм представляется благоприятным для исследования процесса замены первых вторыми и стилистических функций первых форм.

Напрашивается сопоставление отраженных в грамотках (и в других памятниках делового содержания) инфинитивных образований типа *несть* с современными данными об этих формах с целью уточнения территории распространения названных форм в историческом плане. Имеем в виду следующее наблюдение за распространением данных форм С. П. Обнорского: «. . .они были чужды севернорусскому наречию, но составляли типическую черту южнорусских говоров и полосы среднерусского наречия, а в границах его — в особенности Московщины. Отсюда понятно, что эти формы явились нормой старого литературного языка и из него уже распространились по периферии. Литературный язык старшей поры (XVIII в.) знает эти формы в обильном употреблении» [44]. Предположению о распространении подобных форм из литературного языка на периферию противоречит их употребление в грамотках и в других, притом периферийных, памятниках деловой письменности, например, южновеликорусских [45]. Гр-ки: *от*вѣсть (отвезть) (21), привесть (привезть) (156); Ист.: свезть (161), вывесть хлѣбо*в* (185), добресть ‹. . .› побресть (189—190); Пам.: бресть (13), принесть (там же), навесть (35) и др.

Известное ныне как диалектное инфинитивное образование *итить* и производные от него приставочные формы в прошлом являлись общерусскими. На это указывают многие источники, в том числе и грамотки. Белоз.: воити*т* (225); Гр-ки: іти*т* (174); Ист.: приитить (100), итить (190); МДБП: ітить (34); Пам.: ити*т* (20), прити*т* (48) и др. Примечательно отсутствие в ряду примеров знако-

[43] С. Д. Никифоров отмечает, что формы на *-ть* «более часты в частных письмах (грамотках) и в челобитных, наиболее близких к живой речи» (*Никифоров С. Д.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, с. 195).

[44] *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, с. 181.

[45] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 205—206.

мого ныне некоторым говорам образования *идить*. Последний факт не в ладу с предположением, что форма *итить* возникла из *идить* вследствие ассимиляции *д* : *т* [46].

В первой половине XVII в. даже в народно-разговорных условиях все еще продолжалось образование возвратных форм глаголов. Ср., например, записи 1630 г.: о*н* бы ся до*ждал от* воеводы *от*пискі (Гр-ки, 111), в котором го*ду* ся о*н* жени*л* и *в* котором мѣсеце (там же).

В целом область глагольных форм в насыщенных событийным содержанием грамотках представлена широко и разнообразно. В соответствии с информационными возможностями грамоток (эти возможности освещались выше) в них получают отражение как общерусские глагольные формы, так и диалектные.

По поводу деепричастий на *-чи* С. П. Обнорский пишет, что они «. . .не являются нормальным, органическим элементом живой речи: они главенствуют в фольклорном языке — в песнях, сказках, в пословичной речи» [47]. В современном диалектологическом обзоре читаем: «образования типа *и́дучи*, *умéйучи*, *кра́дучи* в большей мере свойственны говорам северного наречия, чем южного» [48]. Судя по данным частной переписки XVII и начала XVIII в., ограниченная в лексическом отношении группа подобных деепричастных форм в живой народной речи была вполне органической. Об этом свидетельствуют и житейские ситуации, в которых они применялись, и контекстуальные условия их применения. Гр-ки: мы надѣючись | на мл҃сть ваш҃ тѣмъ хлѣбомъ посѣяли землю (71), гоняючи ‹. . .› конские | стада животи*н*ны и потравили де ‹. . .› п҃стоши и л҃ги (112), на*клат*чи (рыбу. — *С. К.*) да *от*пускае*т* (193), неумеючи выгруска была ‹. . .› по*д*мочи|ли хлѣба ръжи У чет*вертеи* (220) и др.; Ист.: мы видючи | *от* твоево пи*с*ма ускоря поедимъ (44), мънѣ *б* слы|шачи *б* про твое ‹. . .› здоро*вя* о Христѣ ра|дава*т*ца (92), поспеши самъ на Орелъ | ни часу не мешкаючи (101), ехал крестьни*к* твоі Іва*н* на кобыле ізволе|ни*ем* бжі*им* дорогою едучи пала (154), здра*вствуі* | гсдрь моі Андрѣі Никитичь | буд҃чи на гсдрьскоі слу*жбѣ* (193),

---

[46] См.: *Черных П. Я.* О формах итти, итить, идить. — Доклады и сообщения филолог. факультета МГУ, 1948, вып. 7, с. 54.
[47] *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола, с. 217.
[48] Русская диалектология. М., 1964, с. 171.

вышетчи жил в Олаторском уѣзде (236), кон твоі | гсдрь гнедоі ѡбезножел ‹. . .› Івашка испортил скачючи (242); МДБП: тебѣ б ‹. . .› прочетчи сию гра|мотку ѡтдат имъ товарищем ншимъ (15), с Москвы едѹчи тое покупкѹ в Братовшине | потерял (39), на Москвѣ живѹчи сено и дрова покѹ|паю дорогою ценою (там же), телѣгѹ слѹживѹю зъ запасом котораѧ | тежелѣи велѣл ѧ ‹. . .› поворо|тит назад домои желѣючи лошадѣи потомѹ | што дорога грязна гораздо (40); Мурз.: мнѣ бы слышачи про твое здоровие о бзе радоватца (308), послал я приятел мои ‹. . .› х тебѣ гсдрю своему кре|стьянина своего ‹. . .› надеючис на твою премногою млсть (308); Пам.: людишка ‹. . .› бегаю|чи от меня живут в черкаскихъ городехъ (20), побежал с Москвы ‹. . .› Гришка пократчи меня по|тому что тот малои ходил ѹ меня в ключе[х] (36), я гсдрь | в Рылскѣ живучи помираю голодною | смертию (41), вступися гсдрь в мою бѣднос[т]|ь поминаючи душю Василя Ѳедоровича (70) и др.

Современное преобладание форм на *-чи* в говорах северновеликорусской области как будто не находит подтверждения в материалах XVII—начала XVIII в., скажем, в тех же грамотках. Заметная часть приведенных примеров заимствована из южновеликорусской переписки. В других помеченных тем же временем текстах южновеликорусского происхождения мы встретили такие образования на *-чи*: бегаючи, бегучи, будучи, бьючи, доброхотаючи, доступаючи, едучи, живучи, заимаючи, идучи, ищучи, надеючи, наимаючи, нанимаючи, сидячи, шибаючи [49]. Наличие подобных деепричастных форм в общерусском тексте Уложения 1649 г.[50] говорит в пользу признания их в то время общераспространенными. Выходит, отмирание данных форм в пределах южновеликорусского наречия в течение последних трех столетий было более интенсивным, нежели на Севере. Такова поправка, внесенная в историю этих форм показаниями южновеликорусских грамоток и других памятников деловой письменности той же локальной принадлежности.

Невольно обращает на себя внимание отсутствие в частной переписке деепричастных форм на *-мши*, довольно

---

[49] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 219.

[50] *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года, с. 356—357.

ıироко представленных в современных русских говорах. Располагаем только одним примером: я кѫпемши мѫку бѫдѫ ѡтдават | в казнѫ (Гр-ки, 121). Причем и этот единственный факт не является собственно русским, поскольку в языке писавшего грамотку силен западнорусский элемент. Возможно, отсутствие форм на *-мши* объясняется редкостью употребления в старом русском языке деепричастных форм на *-вши*, которые в результате фонетического или аналогического (по образцу *взямши*) преобразования суффикса могли бы превратиться в образования на *-мши*. Возможно, имело значение и то, что в старом русском языке формы на *-вши* являлись книжными [51].

Грамотки могут документировать или, напротив, поколебать известные в науке представления об исторической связи тех или иных причастных и деепричастных образований с определенными группами говоров.

Отметим некоторые глагольные частности, известные ныне в качестве диалектных. История этих и иных частностей пока не получила должного освещения. Поэтому соответственные данные грамоток, как и других источников, приобретают особое значение.

Отголоски архаического спряжения: не даваіт | ни кабылы ни каровы (Ист. 91), кормѫ староста не да|ваетъ (Мурз. 309); к неі воры приста|ваютъ (Гр-ки, 288).

В прошедшем времени была в употреблении форма, соотносимая с *гонити*: Ивашка Андрѣев ганил с ка|ломъ sa мною (Пам. 58).

Ср. с современными диалектными формами *хотит* и *хочете* старинные факты: пол даконечно хотит | переходит (Ист. 99); про меня похочетѣ ведат (Гр-ки, 63), вы меня не хочите | слушеца (Мурз. 308).

Бытовали старые формы повелительного наклонения от *заеду*, *поеду* и *приеду*. Гр-ки: заед (108), заеди (51); поед (108); приѣд (68), приед (213), приедте (105).

«Широким диалектным явлением, — замечает С. П. Обнорский, — в области образования страд. причастий служит перебой с употреблением у них то суффикса *-н-*, то суффикса *-т-*» [52]. Почти три века назад во владимирско-суздальских местах писали: тои sахнатои скотины (Гр-ки, 279), чтѡ скотины sагнатѡ ‹. . .› ис тое sагнатые скотины (там же, 280).

[51] См.: *Никифоров С. Д.* Указ. соч., с. 272.
[52] *Обнорский С. І.* Очерки по морфологии русского глагола, с. 207.

Морфологическая содержательность грамоток изложенными данными не исчерпывается. В них заключается немало сведений и о других морфологических явлениях и фактах, интересующих историков языка.

Тематическое и сюжетное разнообразие грамоток, а также сочетание в их составе основной, народно-разговорной, стихии и попутной, церковнославянской, естественным образом предопределяли наличие в частной переписке разнообразной не только лексической и морфологической, но и синтаксической содержательности. Многие источники делового содержания, по времени сопоставимые с грамотками, представляют собой многократно повторяющиеся и в общем миниатюрные тексты с незначительной грамматической вариативностью, синтаксическое наполнение которых ограничивается несколькими конструкциями. Таковы, например, разрядные, писцовые, приходо-расходные, вкладные, таможенные, посевные и умолотные книги, а также десятни и некоторые сказки. По репертуару синтаксических конструкций грамотки превосходят указанные источники и сближаются в этом отношении с расспросными речами и челобитными.

История русского языка пока не имеет синтаксических исследований, построенных в широком плане на материалах частной переписки. Да это и не удивительно: значительные собрания грамоток опубликованы лишь в последнее время, а с их рукописными оригиналами исследователи не знакомились. Между тем в сравнении со многими другими современными ей источниками старинная частная переписка, менее нормированная и в синтаксическом отношении, является наиболее перспективной для изучения синтаксического строя народно-разговорного языка. Речь идет об исследовании глубинного, протекавшего в народно-разговорной сфере процесса формирования синтаксических отношений в начальный период образования русского национального языка. Известной ограниченностью круга источников, особенно XVI—XVIII вв., объясняется едва ли не обычное в работах историков-синтаксистов отсутствие необходимой дифференциации между синтаксическими явлениями, характерными, с одной стороны, для народной речи, а с другой — для деловой официальной письменности и еще более удаленной от народной речи книжности. Обогащение традиционного круга источников материалами частной пере-

писки служит особенно важной предпосылкой проведения такой дифференциации, потому что именно эта переписка дает наиболее контрастные по отношению к официально-письменным и книжным показания.

Сравнение извлекаемых из грамоток сведений с современными диалектными позволяет проследить изменения в синтаксисе русских народных говоров за последние три столетия и внести существенные поправки в некоторые привычные представления. Так, наличие в южновеликорусских грамотках конструкции «именительный падеж на *-а* при инфинитиве» склоняет к убеждению, что исторически названная конструкция равно принадлежала и северновеликорусской и южновеликорусской областям. Приведем примеры из переписки обитателей южновеликорусских мест. В грамотке, писанной не позже 50-х годов XVII в. лицом, владение которого находилось в брянской округе: тобѣ *б* ѡд*н*алична жо*н*ка бѣре*ч* что*б* не вы*к*ро*ли* (Ист. 83); на смежном листе: и*з*бу*ш*ка гдѣ купи*т* (Ист. 85). Помещик просил: а *з*де*л*ка | гсдрь изво*л* ѕчини*т* на мену на о*д*ну че*т* (Ист. 107). На обороте грамотки читаем: о*т*дать сия грамотка в Карачев*с*ко*м* ѕѣзде | в селѣ Соколовѣ на Дми*т*рѣвѣ дворѣ | Івановича Маслова (Ист. 112). «Старостишка» Пронька писал: о*т*да*т* ся грамо*т*ка в по*л*ке*х* гсдрю мо|ему Дми*т*рею Івановичу (Ист. 108). К сожалению, мы располагаем лишь одним собранием грамоток с южновеликорусской территории. Однако и единичные извлеченные из этого собрания факты имеют определенное значение, потому что убедительно подтверждаются более или менее достаточными данными южновеликорусских отказных книг [53].

В некоторых других случаях показания грамоток согласуются с современными диалектными формами ограниченного распространения. Например, белозерский подьячий сетовал: писать стало нечево | пото*му* что во*и*дено в сты*д* і со*л*гано (Белозер. 225). Сходные страдательно-безличные обороты еще употребляются кое-где в северновеликорусских говорах [54].

---

[53] См.: *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 30—37.

[54] См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 280; Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978, с. 286.

Материалы частной переписки уточняют представления об отношении отдельных синтаксических конструкций к литературному языку и народно-разговорной речи. В свете данных означенной переписки XVII—начала XVIII в., по-видимому, нуждается в известном пересмотре категорическое определение косвенной речи как одной из наиболее искусственных конструкций литературного языка, до сих пор остающейся по существу явлением книжным [55]. В синтаксическом строе грамоток, строе разговорном, наблюдаем порой проявления и конструкций косвенной речи, выступающих при этом в таких контекстах, которые очень далеки от книжных. Гр-ки; я е*му* ‹. . .› говорил о то*м* гараздо что*б* | о*н* Посни*к* жил с тобою совѣтно (20), Василе*и* Непеицы*н* сказывае*т* что | ѯ брата Тимоѳья і ѯ ни*х* і в околот*ке* и*х* добра рож (22), изволил ты гсдрь со *мною* говори*т* что тебѣ в очно*и* стае|ке исцо*м* бы*т* (33), Юрьи Замыцко*и* сказы|ваетъ что есть де челоби*т*чики о галицко*м* | помѣстье (57), сказали сестре Параскови что | де ѡни меж собою переговаривали (66), ѡ*н* мне такъ сказа*л* бѯтътѡ | Каврилѡ (*так!*) Якѡвлевичь ложны*м* челѡбитьемъ билъ челомъ | Ѳ*н*дрею Артамѡновичю (78), о*н* сказывалъ что тою челоби*т*ную | от*д*алъ *де* Савы Еѳимовичю (88), сказывае*т* бояринъ что ѡколо Миколы еха*т* намъ | все*м* на по*д*ездъ (122), жена ‹. . .› ска[за]|ла мнѣ что де сы*н* моі ѡдва жи*в* буде*т* ли (126), они ‹. . .› говари*ли* | что *де* по и*х* велѣнью крстьянина ѯби*ли* (142), сказали мнѣ люди что са*м* хоте*л* ты бы*т* (173) и др.; ср. пример контаминации прямой и косвенной речи: она гѡво|ритъ чтѡ уже де я пѡеду къ пасынъку (87); Ист.: о|ни скозали что де ещо травы малы (21), они е*му* говорят | что о*т* меня и*м* не токмо взя*тков* і ни оби*т* не бывало (37), изволила бараня | [п]рика*з*ывать чтобы купи*т* двои бошмаки (40), ино*и* говори*т* | что пора з двора (45), ѡни же гова|ря*т* что голо*д*ни (там же), они ‹. . .› с|ка*з*а*лі* что не *з*нают не ведают (48), писа*л* ты гсдрь | мо*і* ко мнѣ худѣише*му* со гнѣво*м* что бу*т*то ѧ ска|ре*д*ны*і* на тебѧ гсдря моего сло (*так!*) несѯ (61), Ѳ*н*тошка Говрило*в* скозал что *де* ѯ ни*х* сенокос болшоі | и жнитво (73) и др.; МДБП: онѣ | мнѣ ска*з*али что ради тебѣ всякое до*б*ро | дела*т* (20), *здес* свѣ*т* мо*и* поговари-

---

[55] См.: *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка, т. II (Исторический комментарий). 4-е изд. Киев, 1953, с. 374.

ваютъ что х кнзь | Григорю ходятъ (*так!*) посылатъ со здоровемъ (там же), Иванъ Маѯимовичъ ‹. . .› божит|ца что радъ всякова добра делатъ (там же) и др.; Пам.: онъ мне сказалъ что | мне *де* напереж боярина в сѣзжаю избу ‹. . .› не ездитъ (35), пишеш гсдрь чтоб мне не зажи|ватца (43), писалъ ты гсдрь ко мне что мои члвкъ Митка Даниловъ | с поваренным малам украл полсажени дров (44), онъ мнѣ | говорилъ что бутто я ево поношѯ словами (48), сказали мн[е] | сирате твоему что Михаила Антипав ѯ Ондрѣя | Пана (58), а что ты писалъ ко мнѣ Андрѣи Иличь бѯто я | хочю х тебѣ посылатъ в деревню приставовъ ‹. . .› и то братец писалъ х те|бѣ слѯга твои дѯросю своею (72) и др.

Из этих примеров явствует, что употребление конструкций косвенной речи не замыкалось в литературном языке и тем более не было исключительно книжным, а осязательно сказывалось и в письменном изложении народно-разговорного языка. Материалы старинной частной переписки более достоверно, чем какие-либо другие источники, свидетельствуют, что эти конструкции вовсе не столь искусственны, как полагает Л. А. Булаховский, опираясь на некоторые данные преимущественно актовой письменности. «До самой средины XVIII в., — замечает далее исследователь, — пока латинско-немецкие образцы и грамматико-риторическая культура не вводят элементы косвенной речи в те рамки, в которых она в основном пребывает в письменной речи и теперь, употребление лиц колеблется между формами прямой речи и зависимостью, выдерживаемою в границах очень элементарных синтаксических сочетаний. Для последних определенное изменение лиц и наклонений в придаточном изъяснительном сравнительно с точно сказанным составляет и составляло правило и в разговорном языке: *сказал, что придет*: *сказал, чтобы пришел*, и под.» [56] Не отрицая некоторых элементов общности в развитии названных конструкций, с одной стороны, в литературном, с другой — в разговорном языке, Л. А. Булаховский, нам кажется, несколько преувеличивает значение в этой эволюции иноязычных образцов и грамматико-риторической культуры. Эволюция конструкций косвенной речи в национальный период

---

[56] Там же, с. 376.

русского языка определялась в главном внутренними тенденциями и возможностями его развития.

Мы намеренно взяли конструкции, которые историки-синтаксисты обычно не рассматривают, чтобы показать, насколько приблизительными и даже ошибочными могут быть предварительные характеристики тех или иных лингвистических явлений, основанные на ограниченном количестве источников, при этом в жанровом отношении несколько «однотонных».

Едва ли можно сомневаться в том, что и в те разделы синтаксиса, которые в наше время привлекают внимание исследователей (члены предложения, простое и сложное предложения), показания грамоток внесут дополнения и уточнения. Возможность дополнений и уточнений предопределяет синтаксическая специфика устного общения тех времен, оптимальное отражение которой находим именно в грамотках. Так, например, весьма характерные для устного общения эллиптические построения наиболее полное запечатление получают прежде всего в грамотках, почему материалы частной переписки и приобретают первостепенное значение для исследования неполных предложений.

Формирование в предложении тех новых отношений, которые в общей сложности и определяют его современное состояние, естественно, было связано с соответствующими преобразованиями в типологии словосочетаний. Надо сказать, что и эти процессы применительно к начальной стадии сложения русского национального языка еще недостаточно изучены, а в языке частной переписки и вовсе не исследованы.

Необходимо исследование синтаксических функций представленных в этой переписке предлогов и союзов. В грамотках можно проследить хронологию отдельных происшедших в функциональной сфере изменений. Прослеживается и синтаксически обусловленное преобразование некоторых предложных словосочетаний в наречия: *по том* в *потом* и др.

Фонетико-фонологическую содержательность грамоток в соответствии с их общей «разговорностью», характеризует обилие локальных элементов. В этом отношении с частной перепиской не выдерживают сравнения никакие другие сопоставимые по времени источники, за исключе-

нием, разве, отказных книг и редких записей народных песен.

Поскольку в грамотках безударный вокализм находит наиболее непосредственное отражение, в первую очередь их свидетельства позволяют уверенно судить о состоянии аканья в прошлом. Яканье в узком смысле слова (*мяня*, *свояво* и т. п.) является особенно колоритной приметой невысокой выучки писавших и, следовательно, более близкой к действительности передачи их говора в письме. Приведем примеры интенсивности и характера письменных проявлений аканья (в том числе и яканья в широком смысле слова), не прибегая к их лингвистическому анализу, отделив лишь факты предударные от фактов заударных. Ограничиваемся только прямыми проявлениями, многочисленные косвенные («перестраховочные») проявления аканья оставляем в стороне.

Гр-ки: въ даму (35), дама*шними* (47), сваею (70), здаро*ве* (71), в абида*х* (там же), перемян*ит* (20), промян*ит* (31), перестряля*ли* (142), чатыря (37), синакосо*м* (64), евило*с* (33), чесо*в* (там же), о*б*еви (98), премо*и* (122); ѡ то*м* ‹. . .› не ведама (47), списа*к* (там же), с женишкаю (133), никакова (173), таперя (154), приеди*ш* (48), пишишъ (173) и др. Ист.: праш*ѳ* (19), гароху (26), даправи*т* (27), балота (84), а*в*са (85), а*т*дат (143), хатели (205), на слабад*ѳ* (21), маему (35), *S*алатънова (55), а*т*пишы (85), сахраня*ет* (184), ѡбрятаюся (106), с нявѣст*ѳ*шкаю (127), мояво (133), пер*я*дво*і* (143), *с*лязами (207), перемянил (214), занямо*г* (234), тря*х*со*т* (235), свояго (236), п*я*тдяс*ят* (242), з жаною (113), чатыре (47), чало*м* (205), чаловека (135), цалава*л*ника (205), побериги (111), о*т*видона (отведена) (211), тилагрею (99), чило*м* бье*т* (90), ечме*н* (21), кленe*т* (45), три греды (136); то ‹. . .› дѣла (54), гора*д* (27), добрава (29), дета*к* (144), завьтьря (39), дава*і*тя (114), живитя (114), на хлебя (124), имеять (29), денягъ (90), бѣряжно (143), видя*л*ся (145), неволяю (205), высяяно (235), жали*д*т (241), нечава (124), надежа*н* (25), наша*і* (210), нонича (39), построина (118), поедишъ (121), обидил (146), ведаи*т* (205), волию (210), нечи*м* (198), принели (177), р*ѳ*хледи (241) и др. Пам.: за сабою (11), в паходе (там же), сабакъ (19), чесначку (36), кам*ѳ* (39), аспорена (13), а*р*ля*н* (23), ана (32), *в*сям*ѳ* (39), про мяня (54), дяр*ѳ*т (58), свояво (59), П*я*трушка (60), тябя (71), плямя*н*ники (77), ядя*т* (89), потяря*т* (121), чатыре (18),

ничаво (41), чиловеченка (44), касѣковѳ (54), гледят (73), тежело (119), ни малова чесу (22), некамѫ (12), дрѫгамъ (18), всякова (22), вдвоя (11), велитя (13), пишитя (14), чатыря (34), денях (40), нечаво (35), отпишят (60), желаю ‹. . .› видит (9), нечим (39), ходетъ (122) и др.

Достаточный для общей характеристики соответственных говоров как южновеликорусских, этот комплекс отражений безударного вокализма оказывается все же недостаточным для определения типов яканья. Обращает на себя внимание сравнительная редкость запечатлений предударной редукции до *и*.

Любопытны сведения грамоток по ударяемому вокализму, скажем, произношению гласного, который обозначали буквой *ѣ*. Возможности исследования этого гласного по материалам грамоток противоречивы. При невысокой выучке многие грамотеи были склонны писать как говорят и в то же время, не владея в достаточной мере правописанием *ѣ*, отрешались от употребления этой буквы даже в условиях тех говоров, где гласный, обозначаемый посредством *ѣ*, вообще или только под ударением еще несколько отличался от гласного *е*. В условиях полного совпадения в говоре данных гласных отрешение от употребления *ѣ* было тем более естественно. В крестьянских письмах, соотносимых с территорией подобного совпадения или незначительного различения указанных гласных, буква *ѣ* или вовсе не пишется, или встречается в единичных словах, правописание которых почему-либо было хорошо заучено. Приведем иллюстрации — краткие грамотки 70—80-х годов XVII в. с южновеликорусской территории, в говорах которой в это время гласный, обозначаемый буквой *ѣ*, в общем уже совпадал с *е*.

Гсдрю моему Дмитрею Івановичю крестьянишка твоі Потапка челом бьет здравствѫі гсдрь на мно|гия и впред идѫщия лета на ево великого гсдря | службе а про нас изволиш пожаловат напомянут | и в нас все дал бгъ здорова да весно те|бя гсдрю своему чиню что твоего боярског | хлеба высеено тринатцат четвериковъ | ѡвса полчатверта четверика | пшеницы пят четвертокъ конопел | три четвертки ячменю четвер|тка проса а по сем тебя гсдрю своему | челом бью (Ист. 107).

Гсдрю Дмитрею Івановичю кресть|анинишка твоі Гришка Потапов | челом бьеть в дому твоем | дал бгъ здарова хлеба гсдрь | посеена пьшаницы пят четвери-

ков | овса пят четвериков ечменю два чет|верика крестьянинъ твои | Гришка Потапов челом бьеть (Ист. 108).

Гсдрю моему Дмитрею Ивановичю ста|ростишка твои Пронка челом бьет здрав|ствѫи гсдрь на многия и впред идѫщия | лета на ево великого гсдря службе а про | нас ѫбогих изволиш напомянут и в дому | твоем дал бгъ все здорова да весно те|бя гсдрю своему чиню что высеено| твоего боярского хлеба пшеницы | шесть четвериков без четвертки ѡвса | всево и с людским дватцат четвериков | с получетвериком конопел полпяты четвер|тки полтара четверика ячменю || а по сем тебя гсдрю своему челом бью | отдат ся грамотка в полкех гсдрю мо|ему Дмитрею Ивановичу (Ист. 108).

Так же в грамотках крестьян Ржевского уезда примерно того же времени.

Гсдрю Андрею Никитичю бьют челом и пълачются | сироты твои гсдрь села Елецъ крестьѧнишки ста|ростишка Никитка Левонтьевъ и целовалничиш|ка Аѳонка Петровъ и выборныи и въсе твои | гсдрь крестьѧнишки милости у тебѧ гсдрь | просим сироты твои пожалуи гсдрь подряди | подрячика пад хлѣбъ гсдрвъ запълати въ | Путимле а у нас сиротъ твоих ржи нет пълатит | нечим и мы сироты твои хотя последнею живо|тинишку зъ двора разпродамъ (*так!*) и зберемъ тебе | гсдрю по ѡсми гривен зъ двора умилостивися гсдрь Андреи Никичь (*так!*) пожалуи за нас сирот свои|хъ постои а мы тебе гсдрю те деньги по ѡсъ|ми гривен поставимъ на первои не|дели великаго поста будет твоя гсдрь да | нас сирот твоих милость будет а нам сиротам | твоим възят хлѣба негде у нас во Ржевком (*так!*) | уезде ржи и купит не добыть а хотя гсдрь | кто где и добетца купит и тои ржи на гсдрѧ не | примут въсе костер и нам сиротам твоим была | повестка из города что весть хлѣбъ безсрочно | въ Путимль а многия гсдрь подрежалися | на Москъве дворяня въ Путивъле тот | хлѣбъ ставит Иван Мироновичь Черкасовъ | за своих крестьянъ подредил на Москъве | хлѣбъ ставит въ Путимъле па ѡсьми гривенъ и многия | дворяне ржевъския а мы тебе гсдрю прииш|лем деньги на первои недели великаго пос|та по ѡсми гривен з двора а у нас си|рот твоихъ поредит некова да милости у те|бя гсдрь просимъ даи нам сиротам своимъ | сроку ва вътороі половины и нынечи гсдрь | которыя нарочетыя люди папълатилися | а инымъ и есть нечива а нам гсдрь ѡднемъ

на|рочитымъ людем твоего боярского аброку и гсдрва | не перепълатит как разбредѣтца от болшаго провежу | и от знабленя приказнаго человека гсдрь Андреи | Никитичь смилуися і пожалуи (Ист. 198—199).

Гсдрю Андрею Никитичю бьет челомъ и пълачит|ца сирота вашъ гсдрвъ села Елецъ | кресднишъка Ѳомъка Детковъ прибы|ла гсдрь ко мьне племдънни (*так!*) брата моего | дочишка сирота въдовица с молчишкам | из Новгоротчины а прибрела с теми же робя|томи которыи стали жить но Елныши|хи Соѳоновы дети изволиш ли ты гсдрь | тое въдовицу деръжать въ вотчине | твоеи гсдрва (*так!*) въ селе Ельцах а бодръ | гсдрь Косицъскихъ та въдовица | смилуися гсдрь и пожалуи (Ист. 199).

В грамотках, писанных людьми с более твердой орфографической выучкой в тех же локальных лингвистических условиях, такого регулярного или почти регулярного отрешения от ѣ не наблюдаем. Обыкновенно не чуждо употребление ѣ грамоткам помещиков, иногда и вопреки правописным нормам. В общем регулярная замена правописного ѣ буквой *е* может означать не только совпадение в соответственном говоре соответственных гласных, но и служить надежной приметой невысокой выучки писцов. О том же могут свидетельствовать и грамотки, соотносимые с говорами, еще сохранявшими отличное от *е* произношение гласного, в правописании передаваемого буквой ѣ. Такой является, например, грамотка попа Поликарпища. На бесспорное наличие в его произношении отличного от *е* упомянутого гласного указывают написания *и* вместо ѣ, соотносимые с подударными положениями между мягкими согласными. И тем не менее в других положениях вместо ожидаемого правописного ѣ, за исключением двух безударных случаев, он пишет все же *е*.

Гсдрю Воину Лѣкяновичю да Бгъдану Гри|горьевѣ Сѣздалскаг Покровскаг девичья | мнстря вотчины Белоѕерьског ѣезда сель|ца Ѣхтомы нищеи цръскои ваш бгомолец | поп Поликарпище Тимоѳиев бга молю | и челом бию да староста Ѡвдокимко | Ѳедотов челом бию да по твоему при|каѕѣ и по памете Воин Лукяновичь | собрав со крстьянъ на ннѣшноu на РЛѲ год | ѡброку семь рѣблев да с рыбные ловли | с литьные и ѡсеные и з ѕимнаг невода | ѡброшных денег полтора рѣбли да ры|бы ѡброшные двисти числа да с не|вода семнадет сѣдоков

а преже сего | Воин Лукьяновичь с невода ѡброчьные | рыбы платил по семинацети судоков про|тив ѡсударева ѡброку как з Белаѕера | со всех неводов емлют на гсдря по семина|цети судоков а послали те денежъ|ные доходы и рыбу и мнстрьские денежъ|ному ѡброку ѡтписи ѡто всего мирѫ | старостою (*так!*) Ѳвдокимом Ѳедотовым а ро|зъходъных и приходных книгъ ѫ старо|стѣ нет ѡпричь мнстрьских ѡтписеи в обро|чьных деньгахъ а велел яз нищеи старосте | явитис ѕ деньгами ѡброчьными и с рыбою | и с отписьми Воину Лукяновичю да Бгъданѫ | Григорьевѫ (Гр-ки, 111).

Заметим: и в этой и в других грамотках соотносимые с подударными положениями написания *и* вместо *ѣ* отмечаются только между мягкими согласными. Белозер.: на Ондрие (224), ср.: на нем же Андрѣе (там же), хлѣба наси|яно (228); Гр-ки: Тимоѳию (45), ср.: Тимоѳеи (там же); Тимоѳии (46), ср.: Тимоѳею (там же); свичь на четыре алтына (78); Тимоѳиев (111); с рыбные ловли | с литыные (там же); ры|бы ‹. . .› двисти числа (там же) — в *двисти* предполагаем мягкость *с*, вызванную мягким *т*; рож сияна (112), пожен і земел в сотныхъ не писано ѫ них а владиют (175), ѡни владиют (там же); Ист.: тебѧ бодрин жалиѧт (241). Ср. написание *і* вместо *ѣ* в конце слова: ѕа всі пятинацаті рѫблевъ (Гр-ки, 111), где влияние начального мягкого согласного последующего слова маловероятно.

Возможно, с описываемым явлением ассоциировалось в сходных условиях *и*, генетически не связанное с рассматриваемым гласным, в отдельных заимствованных словах: травил ‹. . .› жеребчиною мирина (Гр-ки, 58), ср. монг. mörin, morin, калм. mörn̥ «лошадь» (Фасмер, Этим. слов).; артили | две три (Гр-ки, 184), но: послал артѣл ‹. . .› людеи (Гр-ки, 211), ср. тат.-башк. *арт ил* «народ, находящийся позади», «резерв» (Н. К. Дмитриев, Лексикогр. сб. III, 1958, 43).

В XVII в. написания *и* вместо ожидаемой буквы *ѣ*, соотносительно с подударным положением между мягкими согласными, отмечались и в южновеликорусской письменности [57]. В наше время это явление сохраняется

[57] Примеры приведены в очерке «Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка». См. также: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 44—45.

в северновеликорусских говорах [58]. Известное в прошлом и Югу и Северу, но Югу значительно менее, это явление в условиях Юга со временем утратилось, а в условиях менее интенсивной эволюции говоров северновеликорусского наречия сохранилось до наших дней. Несмотря на близость грамоток к живой народной речи, отражения в них рассматриваемого явления выглядят более или менее скромными, а *и* вместо *ѣ* в подударном положении перед твердыми согласными не представлено. Возможно, это объясняется тем, что исследуемые грамотки относятся в основном к территории распространения средневеликорусских, южновеликорусских и соседних со средневеликорусскими северновеликорусских говоров.

Вообще же грамотки хорошо отражают фонетические особенности местных говоров, в том числе и такие особенности, возможности для проявления которых наличествовали лишь в нескольких словах. Причина этого заключается в разнообразии лексического наполнения грамоток. Одна из таких особенностей, присущая южновеликорусским говорам, — появление *и* перед группами согласных *зд*, *рв*, *рж* в абсолютном начале слова. Ист.: ничево не із|дѣлал (32), что | изьделаетъца ‹. . .› донесу | вамъ (39); пѣрвые ирвѳт из горла (45); четве|риков с тритцат иржы (85), приказал | дат иржи четверикъ (108), а ирьжи вели дать | ему четверикъ (113), ведомо ‹. . .› бѳди иржи продана | дватцат четвертеі (118). Грамотки, как видим, документируют существование данного явления в южновеликорусских говорах триста лет назад.

Отозвалось в грамотках не менее редкое, а с точки зрения реализации в письме более сложное явление — произношение γ' вместо *j*. Описывая совпадение γ' и *j*, Р. И. Аванесов сообщает: «. . . у учеников начальной школы в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области обнаружены следующие написания: с одной стороны, *воробги*, *братги* (им. п. мн. ч.), *гих*, *гим* (их, им); с другой — *Турьенев* (Тургенев), *иря* (гиря), *моила* (могила)» [59]. Не касаясь написаний второго рода, отметим в издании Гр-ки написания, знаменующие произношение γ' вместо *j*: Василгичю (78), Васильгичю (там же), с семьгею | своею (253), хлѣбъ гимъ человалникомъ принимат не | дол

[58] Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 241, 258, 294.

[59] *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 163.

(там же), до моево | пригезду (там же), ѧ ди вам ги*х* все на|sа*т* от*д*амъ (254), до нашего пригезду (254), которы*ѧ* ги*м* доны ‹. . .› съсы*п*ны*ѧ* памяти (там же), ѧ бы гсдрь поге|халъ до *С*вияжска (255), то*т* угестъ к то*м*у целова*л*нику и ве*s*е*т* (там же) своего угезду (256), угездны*ѧ* люди (там же), пригехали (там же), не геха*т* (261), подь*ѧ* |чеи ‹. . .› гимъ ‹. . .› норови*т* (262) и др.

Материалы грамоток вместе с данными других памятников деловой письменности XVII—начала XVIII в. позволяют выявить область распространения фрикативного *г*. Наряду с употреблением буквы *г* в соответствии с *j* в произношении фрикативный характер *г* свидетельствуют и факты иного рода, не менее доказательные, но более многочисленные.

В значительной части грамоток претерпевший оглушение согласный *г* передается посредством буквы *х*. Белозер.: з кни*х* (224), дене*х* (там же), денехъ (там же); Гр-ки: сне*х* (210), недосу*х* (214), іс теле*х* (280) и др.; Ист.: дене*х* (39, 121, 217), деня*х* (148), доро*х* лишни*х* (52), друхъ (141), кни*х* (149), тѣлѣ*х* (245) и др.; Пам.: деня*х* (40), хот*ѧ*[т] бере*х* *s*да*т* (121), на *с*тру*х* (123) и др. Впрочем, такая передача оглушения заднеязычного звонкого согласного не всегда служит указанием на его фрикативный характер вообще в говоре: в отдельных северновеликорусских говорах, где *г* вообще взрывный, его оглушение в конце слова выражается все же в *х*. См., например, приведенные выше факты из белозерского текста. В массе же северновеликорусских говоров оглушение взрывного конечного *г* по общему правилу выражается в *к*. В отличие от многих других источников, где отражения такого оглушения бывают крайне редки, в старинной частной переписке они не единичны. Гр-ки: выдано | бе*з* дву денекъ Е а*л* і всехъ денекъ и*з*держа|но КЕ а*л* бе*з* дву денекъ а еще да*т* дене*к* обро|шны*х* ‹. . .› зво*л* (*так!*) дене*к* присла*т* (38), дене*к* | я посла*л* (90), дене*к* мнѣ ‹. . .› не спрашива*т* (109—110); Ист.: ямски*х* деня*к* (122), восемъ дене*к* (131), с те*х* кни*к* (240).

«Замечено, — пишет Ф. П. Филин, — что малограмотные лица, в речи которых γ является нормой, никогда не смешивают буквы *г* и *х* не в позиции оглушения, появившейся после падения редуцированных. Только с приближением γ к *h* такие ошибки становятся возможными» [60].

[60] *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 251.

В свете этого замечания представляются особенно интересными факты смешения *г* и *х* в старинной частной переписке. Гр-ки: хо*р*шек (35), пехая жерепьчина (78), не *х*лядя*т* (198), *х*нѣ*в* (211), бе*х*лыхъ (212), вы*х*рускою (226), вы*х*ружа*т* (там же), *с*нехо*в* (246), *з*а*х*нато*и* (279); напротив, *г* вместо *х*: надобно на то вино и *г*лѣба покупать (189), днги ‹. . .› *з*ашиты в го*л*сту (203), по*д*мочи|ли хлѣба ‹. . .› а *г*лѣбу для чего | пропасть (220), а также МДБП: убоги*г* (24) и, кроме того, Пам.: населъ (*так!*) лѣтось ро*ж* | на ярь и гочетъ жать (44).

Согласно привычной точке зрения, отвердение шипящих в русском языке произошло в XIV—XV вв. Сведения, извлекаемые из частной переписки, говорят об остаточных проявлениях мягкости шипящих в обширных зонах русского языка и в более позднее время. Гр-ки: збежя*л* (57), бежя*т* (101), шюба (130), шюбы (130, 131), шюбу (212), укажю*т* (225), гружю (260); Ист.: данашю (35), прашю (там же), прошю (там же), прикажю (75), Данила Шювалова (80), слышя*т* (103), слышя (104), сижю (172), напишю (172); Пам.: прошю (64, 65, 66, 69), шюбе*н*ки не*т* (69), сижю (69), душю (70). География этих примеров: Москва, костромские и ярославские, а также брянские и калужские места, среднее Поволжье. В основном они принадлежат второй половине XVII в., наиболее поздние (Ист. 35) датированы 1716 г. Присутствие следов мягкости шипящих даже в ориентированном на московский консонантизм Уложении 1649 г. и в текстах вестей-курантов [61] подкрепляет интерпретацию данных фактов как реальных в устной речи, хотя безусловно остаточных, может быть, лексикализованных.

Процесс отвердения шипящих в основной массе русских говоров в то время уже завершался. В условиях этого процесса на почве слабой грамотности оказывались возможными написания после шипящих *ы* взамен буквы *и*. Белозер: покажы (225), ржы (228); Гр-ки: ржы (51), жыли (113), жыви (117), жывы (118), жывы*х* (121), нашы*м* (там же), к8пемшы (там же), прикажы (там же), жы*в* (254), жы*т*ницы (там же), жы*т*ни*т*цъ (там же), жы*т*ницы (255), жывъ (257), жы*т*ногѡ (там же), дожыдаемъсѧ (261); Ист.: и*р*жы (85), *р*жы (85), а*т*пишы (там же), вида*в*шы*с*

---

[61] См.: *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка, с. 179—180.

(там же), вашихъ (122), вашимъ (там же), вашы (там же), помещыца (208), помещыцыну (там же), помещыцу (там же), помещыцы (там же); жылъ (209); Пам.: жывъ (79) и др. В крестьянской грамотке из деревни, расположенной близ Калуги, встречаем указания на твердое ч, что легко объясняется близостью к Белоруссии: чысла (Ист. 209), нечымъ (там же), нынечы (там же).

В определенной части говоров мягкость шипящих была устойчивой. С одним из таких говоров соотносится грамотка В. Кикина, причем речь писавшего обнаруживает ясные южновеликорусские черты. Приводим грамотку полностью.

Гсдрю моему милосердаму благодетелю Он|дрею Ильичю раб твоеи гсдря моег милости Васка Кикин | челом бью в прошлам гсдрь году ота всех приятелеи | и знакомцав моих умилосердился один ты гсдрь мои нада м|ною рабом твоим отписал ко мне о своем здарове и я убо|гаи в заключене моем обрадавался тому твоему | писанеицу яко от самаг Христа послан нам в посещеня | мне грешьнаму в погибелнам заключене моем | и нне о том жя милости твоеи гсдря моего прошяю и челом | бью напамятуи милость ко мне работнику твоему батюшка | твояво блаженнаи памяти гсдря моег Ильи Аврамявича | а по том и сваю милость ко мне напамятуи жя не по|кин меня и не отступис от меня подаи мне милостивоя свое зас|тупление сколка можеш сам сабою и приятелми | своими хто к тобе патриярховых приказных людеи и своиствен|никав яво приятны пожялуи побеи челом имъ за меня | штоб ани для твоеи милости попрасили милости о свобож|денье моем у святеишаго патриярха да и думнаму дья|ку Василью Григорьявичю пожялуи побеи жя челом за | меня раба свояво штобы он гсдрь мои пожяловал поговорил | и побил челом за меня патриярховым братям Тимоѳею | да Павлу Петровичам да дяку патриярхову Ивану Колитину | а они все Василя Григорявича послушают|да и хто думнаго дьяка про‖шенья преслушяят и пущеи времянникъ всякои | думнаг дьяка послушяятца и к Семену Яроѳѣявичю я о | том преж сего писал жя и бил челом яму штобы и он с тобою ж | благодетелям моим вкупе Василю Григорьявичю за | меня побил челом и я по гсдря моего Семена Яраѳѣявича | не знаю за што будет ко мне нне Хсъ не умилосердил а начяюс | того што яму нешта лукавное и ложное дела

нанесли на меня | проклятыя мною дети и наветники мои Пятрушка да Ивашка | и я работник твои не помалу тому подивляюс за што будет Семен | Ярафѣявич на меня работника свояво неправеднаи гнев свои | возложил и ни о чом ко мне против многих грамотак моих ни единаи | строчки не отпишят пожалуи гсдрь мои поговари с ним о мне и сее гра|мотку мою покажи яму а я на милость яво надеялся как сам на са|бя да за меня ж гсдрь мои пожалуи побеи челом думнаму | дворянину Ивану Петровичю Лихореву а онъ ко мне древ|неи благодетел и брат названаи был будет нне мною не погну|шяетца и он меня в напасти моеи не покинят да с сею ж гсдрь гра|моткою своею вместе послал к тобе ж гсдрю моему чорную | челобитенку свою пожалуи гсдрь мои вели ее списать и | покажи ее приятелю своему Василю Григорьевичю | да Ивану Перовичю (*так!*) Лихореву а будет ездиш в дом | к Ивану Тимоѳѣявичю и ты гсдрь мои пожалуи | и яму за меня раба своего побеи жя челом | и челобитенку списав ему пожалуи покажи ш и | што по тои челобитенке моеи будет мне патриярхов указ или отказ и о том по милости своеи | вели ко мне отписат по сем по сем ра|бски тобе гсдрю моему | челом бью (Пам. 59—60).

С проявлениями мягкости шипящих в старинной южновеликорусской письменности делового содержания, не эпистолярной, мы уже встречались, но такого интенсивного отражения мягкости в ней не наблюдали, хотя ранее исследованные тексты в основном представляют конец XVI и первую половину XVII в.[62], а грамотка В. Кикина — вторую. Создается впечатление, что в грамотках угасавшая мягкость шипящих получала более заметное отражение, нежели в прочей деловой официальной письменности. В связи с тем, что мягкость шипящих отмечалась в отдельных грамотках из брянско-калужской округи, уместно вспомнить указания диалектологов на ее сохранение в некоторых калужских и жиздринских говорах, т. е. примерно в той же местности [63]. В северновеликорусской

---

[62] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 105—106.

[63] См., например: *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 176; *Никольский Н. Н.* Говоры Калужской области. — Учен. зап. Калужского гос. пед. ин-та, вып. 1, Калуга, 1950, с. 135,

области говоров с мягкостью шипящих сохранилось гораздо больше [64]. Напрашивается вывод: отвердение шипящих в пределах южновеликорусского наречия протекало интенсивнее, чем на Севере, и почти во всех говорах завершилось ранее.

Необходимо указать на редкостную особенность многих говоров, которая обычно не выступает в других категориях памятников и потому не попадает в поле зрения исследователей, — глухость согласных вместо звонкости и, реже, наоборот вне условий непосредственного ассимилятивного оглушения или озвончения. Связанные с этим явлением нарушения орфографии в школах южновеликорусской области в начале текущего столетия привели в недоумение В. И. Чернышева. «. . .имеется ряд странных и грубых ошибок, — констатировал исследователь, — происхождение которых я не сумею связать с деятельностью зрения или мускулов руки. Только два положения для меня несомненны: 1) что упражнения зрения и мускулов, производящих письмо, не спасли от этих ошибок, 2) что, если бы у детей не ослабела способность проверять написанное на слух, то они никогда не написали бы: . . . *очудился* (очутился) . . . *привесали* (привязали), *дожитало* (дожидала) . . .

Ученику два раза пришлось писать слово «очутился»; всякий раз он после *у* заводил букву *т*, но в самом начале исправлял ее на *д*, так что оба раза получились *очудился*. Ясно, что во всех данных случаях он находится во власти каких-то слепых сил, которые его толкают к механическому и очень неудачному письму» [65].

В письме школьников Орловской области мы наблюдали такие ошибки: *откута* (откуда), *пригада* (бригада), *побета* и *попета* (победа), *просает* (бросает), *позарный* (базарный); *дидя* (дитя), *пробадать* (пропадать) и т. п., а в местном говоре слышали: *атнажды* (однажды), *бригата* (бригада), *желуташный* (желудочный), *лотачка* (лодочка), *чупатый* (чубатый); *изобредать* (изобретать), *чудачку* (чуточку) [66].

---

[64] Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, с. 249, 269.

[65] *Чернышев В.* В защиту живого слова. СПб., 1912, с. 52—53.

[66] *Котков С. И.* Работа над диалектными ошибками. — Русский язык в школе, 1959, № 3, с. 63—64.

Ошибки такого свойства встречаются и в грамотках. Но прежде чем описывать их, обратимся к статье В. В. Колесова, который несколько ранее нас отметил рассматриваемое явление в церковных, актовых и летописных текстах XII—XVII вв. северновеликорусского происхождения. В них были обнаружены, к примеру, такие факты: *сътущаеми* (*щ* исправлено на *ж*), *патогы*, *требетъ*, *пезъ осуженья*, *погрепенье*, *запогу*, *колезница*, *беребороти* и др.[67] Материалы памятников позволили автору сделать следующие предварительные выводы:

«1. Смешение букв, обозначающих парные по глухости—звонкости согласные звуки, происходит только перед сонорным или гласным (а также и между двумя гласными в середине слова), т. е. в сильной для этих согласных позиции. Мы можем подозревать фонетический характер такого смешения букв.

2. Указанное смешение происходит в рукописях с конца XII в. и теряется где-то в XVII в. Очевидно, можно установить определенные хронологические границы отмеченного фонетического процесса» [68].

Учитывая принадлежность исследованных источников, сохранивших следы упомянутого процесса, к северновеликорусской области, В. В. Колесов правомерно обращается к данным северновеликорусских говоров. Выясняется: данные этих говоров совпадают с данными старинных источников. Следует заключение: «Только северновеликорусские (из среднерусских лишь смоленские) говоры дают указания на распространение в прошлом фонетического смешения глухих и звонких согласных» [69].

Показания грамоток и исследований южновеликорусских говоров значительно расширяют географию интересующего фонетического явления.

Приведем зарегистрированные в частной переписке употребления букв глухих согласных вместо ожидаемых звонких и затем — случаи обратной замены.

Белозер.: тебѣ *б* ‹. . .› пы*т* в горо*д* то*т*час (227); Гр-ки: полѣзненою печалию (14), о*н* таe*т* де*н*гами сорокъ

---

[67] *Колесов В. В.* Северновеликорусские чередования согласных парных по глухости-звонкости. — Вестн. Ленинградского ун-та, № 2, Сер. истории, яз. и лит., вып. 1, 1963, с. 103—104.

[68] Там же, с. 104.

[69] Там же, с. 106.

алтын (41), сосъдателя (46), оп росъписки (там же), за Тмитреи (там же), ѡт гсда пога (70), ср.: гсдь богъ (там же), куснеца прислали (81), в прикасную полату (212), ср.: в приказную полату (213), с ысвощиком (216), по ‹. . .› тетрате (225), за Трѳжиноu | Молаѳеевым (297), мое писмо | пресрѣли (303); Ист.: в тругих городех (29), и в труги (*так!*) слѳча|яхъ (30), писал ты ‹. . .› бутто ѧ ‹. . .› на тебѧ гсдря моего сло несѳ (61), извол матушка | Погдановноі погаварит (114), скосал что грамоту подал Стро|моухов (130), послал езто|ков (там же), бутто я ево потговарival (154), землп будет ли ‹. . .› муж ее ісмотал розпродал (166), пашни ‹. . .› потнето асенпеи (242); Пам.: пят лотокъ (22), у Тми|трея (30), мне | ѡтному не приездеть (31), на Потри|яръшемъ творе (31), я пое|ду в Нишнеи (там же), ветомост[и] | никакои не писал (32), ср.: в[е]|домасть (там же), полше недели (88), ср.: болши двоца[ти] | недел (там же), дятюшке (95), ср.: дядюшке (там же), ѡтноконешна (126), ѡтнаконѣшна (128).

Гр-ки: на двою | гсдрь винокурню (205), по двоему гсдрь писму (там же), овин беребрали (215), лукошка бередъ ‹. . .› на ‹. . .› винномъ | ѕаводе (226), волнами ѕатобило (233), ѣ и не нанел анбара беребрать (234), никакои рабоды не деляютъ (*так!*) (296), две четверти ржи ‹. . .› възыпали в ‹. . .› житнитцу (298), дѣдеи | у него ‹. . .› снъ Васка (298); Ист.: дватцат земъ алтнъ (92), на Зызране (178), тебере я про то не | ведаю (там же), на | [Бо]риса бодать прикажи явки (там же), взякими похѳальбами (202).

Написания глухих на месте звонких встречаем и в грамотке XIX в. Писала ее Н. Лескова, уроженка Орловского края, брату-литератору: «Если взтумаеш ко мне писат то пиши на почту переяславскую а атуда на ржищевская станцию с пиридачию игумени марий ана пиридаст мне ево. я буду утешана твоими писмыми и глядет как на тепе прощай брат чалую тепе крепко и прошу незабыват ничтожную систру тваю послушничу многа грешную наталию лескову» [70].

---

[70] *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова. М., 1954, с. 415—416. Показания грамоток XVII—начала XVIII в. южновеликорусского происхождения (Ист. 29, 30, 92, 114, 130; Пам. 31, 32), а также отдельных грамоток с элементами южновеликорусской фонетики (Гр-ки 46, Ист. 202 и др.), написания Н. Лесковой (*взтумаеш, тепе*) и современные южновеликорусские факты (*откута, изоб-*

Заметим: не во всех написаниях букв, соотносимых со звонкими согласными, вместо букв, соотносимых с глухими, можно усматривать отражения соответственного фонетического явления. В числе таких написаний встречаем и перестраховочные. Установление их перестраховочного характера порой не может обойтись без анализа всей рукописи. Наглядным примером могут служить написания *д* вместо *т* в грамотке И. Киреевского.

Милостивѡи мѡи гсдрь | дядюшка Иванъ Ивановичь | В милости бѡжеи мнѡголедѣнѡ | здравству (*так!*) с милѡстивѡю моею | гсдрнию тетушкѡю Марьею Дмидревною и милостивымъ мѡимъ гсдремъ | брадцамъ [Ва]силемъ Иванѡвичемъ | прошу васъ моегѡ гсдря соизвѡлтѣ приказад писад к намъ ѡ свѡемъ многоледнемъ здрави чегѡ мы всечаснѡ с радѡстию шлышад жала|емъ ѡ себѣ вамъ моему гсдрю во [и]|звестие предевляемъ а я в Ладуги | на коналнѡи рабѡте при полку в Ш[ли]|сенбурскомъ еще по нижеѡзноч[е]*н*[ное] ‖ числѡ счисляюся со живущеми | прѡшу вас моего гсдря дѡбы не | ставленѡ была жена мѡя во *всяких* дамачнихъ нуждахъ в чемъ я имею но васъ нодеения якобы | н (*так!*) одца своегѡ |

А что соизволелъ приказывад намъ | снъ вашъ Василеі Ивановичь уведо|мидца в Санпитер[бурге] ѡ полъку свѡемъ | токо же и ѡ помесныхъ делах и мне | была уведѡмидца ѡб ономъ не можнѡ | понеже мы в Питербурхе не боли иногѡ | да васъ моего гсдря писад не имею токмо ѡстаюсь всепокорныі вашъ слуга камисар Иван Кирѣевскаи свои | поклон ѡтдаю | 1725 году Ладуга марта 19 *де* (Ист. 41).

Опасаясь ошибиться в правописании *д*, грамотей употребляет букву *д* и вместо правильной *т*. Перестраховочная основа таких написаний выявляется лишь при анализе текста. Взятые отдельно, некоторые из них, например мнѡгѡледно и др., могут быть интерпретированы и в качестве фонетических, мотивированных влиянием последующего звонкого.

«Сопоставляя факты говоров и рукописных источников, — пишет В. В. Колесов, — мы неизбежно обнаружим, что шире всего (вплоть до настоящего времени) смешение глухих и звонких согласных в сильной позиции

редать и т. п.) документируют существование описываемого явления в области южновеликорусских говоров в течение трех—четырех столетий.

распространено в русских говорах, находящихся в непосредственном контакте с различными финскими языками» [71]. Отвергая мнение, согласно которому смешение обязано финскому субстрату, автор цитируемого высказывания отводит последнему второстепенную роль: финское влияние лишь содействовало сохранению указанного смешения, которое возникло на русской почве в результате падения редуцированных. Материалы грамоток показывают: ослабленная дифференциация глухих и звонких исторически свойственна не только северно-, но и южновеликорусскому наречию и средневеликорусским говорам. Ее сохранение в последние столетия в определенных зонах русского языка с финским влиянием не связано.

Ослабление дифференциации глухих и звонких благоприятствовало проявлению в устной речи таких ассимилирующих влияний, которые в современном общерусском и тем более в литературном языке мы не наблюдаем. В частности, выделяется озвончение глухих перед *р*. В. И. Чернышев в числе «странных» ошибок южновеликорусских школьников привел *по брыгали* (попрыгали) [72]. Мы отмечали написание *бадраки* (батраки) [73]. Ср. любопытную деталь из «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева: «. . .ездили также два помещика, друзья неразлучные, оба уже немолодые и даже потертые, из которых младший постоянно уничтожал старшего и зажимал ему рот одним и тем же упреком: „Да полноте, Сергей Сергеич; куда вам? Ведь вы слово: пробка — пишите с буки. Да, господа, — продолжал он со всем жáром убеждения, обращаясь к присутствующим, — Сергей Сергеич пишет не пробка, а бробка“» [74]. В свете некоторых данных старой русской письменности особенность, подмеченная Тургеневым, выступает как черта сравнительно распространенная, бытовавшая в говорах с давних пор. В 1673 г. приказчик писал барину из его костромской вотчины: а бру*д* ‹. . .› я холо*п* твои здѣла*л* а то была скатина всякая померла без воды (ЦГАДА. Бел. стол, стлб. 1100, л. 32 об.); в допросе, который производился в 1674 г. в Костромском уезде, сказано: про вино ‹. . .› добрашива*л* сколко какова хлѣба ро*ж*шено на солод (ЦГАДА.

[71] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 107.
[72] *Чернышев В.* Указ. соч., с. 52.
[73] *Котков С. И.* Работа над диалектными ошибками, с. 63.
[74] *Тургенев И. С.* Собр. соч., т. V. М., 1954, с. 190.

Бел. стол, стлб. 1100, л. 134); в 1693 г. в Коротояке разбиралось судебное дело: м*ат* ево ‹. . .› сказала то де шуба наша ‹. . .› велите ‹. . .› м*ат* ево в шубе добросит (ЦГАДА. Прик. стол, стлб. 1661, л. 112); в брянском тексте 1783 г. читаем: обракинулись мои сани [75]. Ср. след озвончения зубного в положении перед *р* в письме сельского старосты: гсдрю Педру Андрѣевичу (ГИМ, ОПИ, ф. 253, № 39, л. 66).

Как видно из этих и других примеров, отражения таких фонетических явлений, которые не в ладу с правописанием, в грамотках более обильны и более разнообразны, чем в актовой письменности. В них иногда проявляются такие детали общерусской и локальной фонетики, какие в иных категориях текстов, правописно более выдержанных, проявления не получают.

Орфография грамоток представляет интерес не только в том отношении, насколько ее система не мешает или, напротив, препятствует проявлению в письменной форме общения специфики народно-разговорного языка или диалектной речи, но и как предмет особого, специального изучения, с одной стороны, показывающего степень выучки писцов, учет которой необходим при лингвистическом чтении грамоток, с другой — раскрывающего процесс утверждения тех или иных орфографических норм в писцовой практике тех времен, в грамотках более узуальной, нежели в других рукописных источниках.

Таковы в общем некоторые аспекты использования материалов частной переписки в лингвистических исследованиях. Для изучения народно-разговорного языка в его былом состоянии показания этих источников являются ключевыми. То же самое можно сказать и относительно значения грамоток для исторической диалектологии.

Отметим далее и историко-литературную ценность рассматриваемых материалов, особенно для изучения процесса демократизации художественной литературы, фольклоризации ее языка, развития ее стилевых особенностей.

---

[75] *Тиханов П.* Брянский говор, с. 31.

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОГРАФИЯ

Обследование говоров русского языка, особенно в плане лингвистической географии, в течение последних трех десятилетий получило широкое развитие. Собраны обширные материалы для «Атласа русских народных говоров», составлены серии диалектологических карт. Однако этот огромный труд научной общественности России еще далеко не завершен: издан всего один том «Атласа», материалы многих карт нуждаются в обобщении и интерпретации, а некоторые итоги картографирования, например средневеликорусских говоров, представляются небесспорными. Необходимость проверки показаний современных говоров как вполне действительных для определенных исторических периодов настоятельно побуждает к интенсивной разработке исторической диалектологии на материале памятников письменности. Изучение рукописного наследия, в особенности из южновеликорусской области, историко-лингвистическое исследование которой только началось, убедительно показывает, насколько рискованно судить о былом лингвистическом состоянии по современным данным.

Отметим несколько таких суждений, оказавшихся в свете новых данных старой русской письменности либо спорными, либо несостоятельными.

Обыкновенно полагали: отличная от *е* фонема *ѣ* в пределах южновеликорусской области исконно совпадала с *е*. Факты южновеликорусской письменности XVII в. свидетельствуют об ином: и Югу в то время было свойственно отличное от *е* произношение *ѣ* [1].

Вследствие некритического распространения на московский говор такой особенности средневеликорусского

[1] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, с. 35—52; *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969, с. 24—26.

вокализма, как еканье, появление иканья в Москве считали довольно поздним, относили к XVIII и началу XIX в. Между тем его следы определенно документированы в московских текстах XVII и даже XVI в. [2]

Знакомое южновеликорусской среде произношение сочетания *чн* как *шн* иногда объясняют сравнительно недавним влиянием московского говора. Однако в южновеликорусских памятниках XVII в. явление это представлено как свойственное и Югу [3].

Произношение окончания род. ед. имен прилагательных и местоимений с *в* (*светлово* и т. п.) исторически связывают только с Севером. Тексты XVII в., бесспорно локального происхождения, фиксируют подобное произношение и в южновеликорусской области [4].

Конструкцию типа *земля пахать*, известную ныне только Северу, и в историческом плане признают лишь северновеликорусской. По данным памятников XVII в. южновеликорусского происхождения она представляется органической в прошлом и для Юга [5].

Весьма существенны поправки, которые вносят показания памятников в историческую географию слов, намечаемую некоторыми исследователями по данным современных говоров. Например, слова *изба—хата*, *волк—бирюк*, *конь—лошадь*, *лонской—прошлогодний* и др. диалектологи рассматривают как северно- и южновеликорусские противопоставления, притом не только современные, но и исторические. Принимаемые в качестве исторических, в свете данных старой письменности они оказываются несостоятельными [6]. Примеры подобных расхождений между состоянием в наше время и в более

---

[2] См.: *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974, с. 92—97; *Васеко Е. Ф.* Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 19 (автор отмечает в исследованных памятниках «смешение» *ѣ* и *е с и*).

[3] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 136—139.

[4] Там же, с. 188—196.

[5] См.: *Котков С. И.* Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1959, № 1.

[6] См.: *Котков С. И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 41—46.

или менее отдаленном прошлом можно было бы умно жить.

Особенно чувствительны различия между современными и историческими данными в южновеликорусской области, где изменения в составе и размещении населения и в строе народных говоров за последние три-четыре столетия происходили интенсивнее, чем в северновеликорусской.

Становится ясным, что на базе одних современных народных говоров создавать историческую диалектологию русского языка невозможно. Невозможно, следовательно, развивать и такую важную область последней, как историческая диалектография. Если в общем в диалектологии наблюдаются робкие попытки привлечения показаний памятников, то в русской диалектографии к историческим свидетельствам не прибегают. Можно назвать лишь единичные опыты составления лексических карт с учетом и современных данных и данных старой письменности. Это — карты по Архангельской области [7]. Таких карт до двух десятков. В них обрисована география названий участков сенокоса и поля, названий огорода у дома, изгороди из жердей и нек. др. Выбор территории для картографирования оказался на редкость удачным: во-первых, архангельские говоры за последние три-четыре столетия эволюционировали гораздо медленнее, нежели многие другие; во-вторых, архангельская территория представлена значительным количеством текстов XVI—XVII вв., отразивших черты локальной речи. Естественно, эти обстоятельства благоприятствовали сопоставлению современных и исторических фактов. Было установлено, что определенные лексические элементы бытовали в названных пределах не менее трех—четырех столетий. Указанный результат, однако, не единственный: «. . в ряде случаев, сопоставляя современные и исторические данные, мы обнаруживаем и движение лексических изоглосс» [8]. В другой работе встречаем опыт картогра-

[7] См.: *Дерягин В. Я.* Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области. — В кн.: Этимология, 1966. М., 1968; *Дерягин В. Я., Комягина Л. П.* Из истории диалектных границ в северной России. — ВЯ, 1968, № 6; *Они же.* Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.

[8] *Дерягин В. Я.* Изучение истории словарного состава языка по данным деловой письменности. — В кн.: Славянское языкознание,

фирования исключительно по материалам старой письменности — показано распространение в центральной России названий *плуг* и *соха* [9].

Упомянутые опыты свидетельствуют о том, что создание русской диалектографии, основанной на показаниях памятников,— задача вполне реальная. Предмет ее можно определить как исследование былого состояния языка в лингвогеографическом аспекте, а метод — как извлечение из памятников и затем картографирование лингвистических данных, генетически связанных с речевой культурой, свойственной определенной местности, и относимых в общем к одному времени. Развитие исторической диалектографии может существенно продвинуть познание абсолютной хронологии некоторых явлений русского языка, а вместе с тем и их исторической географии.

Возможность диалектографического изучения русского языка в намеченном плане ограничена той эпохой его существования, которая оставила нам в наследство письменные материалы, отражающие в той или иной степени явления живой локальной речи. Рукописные материалы подобного рода в достаточном объеме сохранились с XVII в. и представляют национальный период развития русского языка. Материалы XV—XVI вв. не столь многочисленны и менее разнообразны, а нередко и не столь определенны с точки зрения диалектной принадлежности. В принципе возможно картографирование данных, извлеченных из древних грамот и летописей, а также церковнославянских текстов, но оно связано с особыми трудностями, поскольку во многих случаях мы имеем дело со списками, в большинстве своем не датированными. Необходима разработка методов соотнесения данных этой письменности с определенными территориями.

Естественно, факты для картографирования могут заимствоваться лишь из текстов, которые вышли из-под пера носителей местных говоров или в отдельных случаях из-под пера носителей литературного языка, почему-либо воссо-

---

VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 143.

[9] См.: *Коткова Н. С.* Историко-лингвистические свидетельства древней владельческой формулы. — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971, с. 209.

здававших диалектный колорит. О принадлежности писцов к локальной среде свидетельствуют и наименования их по происхождению из данной местности (*курченин*, *воронежец* и т. д.) и проявления в их письме примет локальной речи. Степень проявления этих примет, даже в однородных текстах в черте одного диалекта, в зависимости от выучки писцов может быть различной — от высокой до еле заметной. Поэтому при прочих равных условиях в поисках фактов для картографирования следует ориентироваться прежде всего на тексты менее грамотные.

Рассмотрим письменные источники, которые могут быть использованы в плане исторической диалектографии. Все они, за малыми исключениями, — из круга текстов делового содержания и представляют собой рукописные книги (иногда — тетради) либо столбцы. В значительной части это актовые материалы и, следовательно, датированные и локализованные, а в некоторых группах текстов указываются также их писцы. Наличие в том или ином источнике необходимых для картографирования фактов определяется в главном его содержанием и характером изложения последнего.

Обозрение интересующих нас источников начнем с оптимальных — таких, в которых точно указано, где и когда они написаны, а на местное происхождение писцов указывают следы их диалектной речи и их самоназвания: (писал) *курченин*, (писал) *воронежец* и т. п.

В данной группе источников особенно выделяются отказные книги, к сожалению, историками не изученные, а лингвистам и вовсе не известные. Кроме отмеченных выше признаков, оптимальность этих рукописей заключается и в том, что они представляют едва ли не все южновеликорусские и средневеликорусские территории, охватывая XVII столетие, и достаточно обширны — во многих книгах насчитывается по нескольку сот листов, иногда до тысячи и более. Отказными книги именуются потому, что состоят из так называемых отказов — особого рода поземельных актов. Обычная схема их такова: в начальных строках сообщается, на основании каких распоряжений (по государевой грамоте и воеводскому наказу), иногда — и по чьему челобитью, должен быть произведен

«отказ», или, иначе говоря, отвод, выделение поместных угодий в оклад военнослужилому человеку; затем называется лицо, посылаемое местными властями в уезд с поручением произвести выделение этих угодий; в уезде посланный проводит «обыск», т. е. обследование угодий, о которых идет речь, а потом их «отказывает» — отводит тому, кому они предназначены. Все это происходит при участии свидетелей, «тутошних и сторонних людей». Несмотря на более или менее однородный словарь отказных актов и наличие в них заметной доли оборотов приказного языка, в книгах встречаются лексические диалектизмы, а явления местной фонетики и морфологии проступают в этих источниках относительно свободно и широко.

В подобных тематически однородных текстах выступают, к примеру, такие однозначные в смысловом отношении лексические варианты, как *сеножать* и *сенной покос*, *усад*, *усада* и *усадье*, *колодезь*, *речка* и др. Вероятно, в той или иной степени они территориально разграничены. По отказным текстам возможно установить и географию отдельных фонетических явлений, скажем, область распространения *в* билабиального и, напротив, его отсутствия; место неорганического смягчения *к* (*Васькя* и т. п.) и территорию, где оно не наблюдалось.

Как писанные местными писцами, датированные и локализованные, к оптимальным диалектографическим источникам относятся и сказки, которые дошли до наших дней, к сожалению, в ограниченном количестве фондов и отражают былое состояние языка не в пределах целостных территорий, а в отдельных разрозненных местах и пунктах. Поэтому материалы сказок, в отличие от материалов отказов, не образуют изоглосс и могут быть результативно картографированы лишь в ряду с однородными материалами, извлеченными из иных оптимальных источников. Сказки представляют собой «показания несудебного характера» [10]. Одни из тех, что «сказывали», писали сказки сами, за других, людей неграмотных, писали их родственники и знакомые или грамотеи «со стороны», которые оказывались под рукой. Сказки обыкновенно невелики по объему, разнообразны по содержанию.

---

[10] См.: Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 97.

Отметим далее поручные записи, так же, как отказы и сказки, писанные местными людьми, датированные и локализованные. Они составлялись в тех случаях, когда определенная группа лиц за кого-либо в чем-либо поручалась. Достоинством их является повсеместность, а недостатком — значительная стандартизованность лексического наполнения. Поэтому названные источники, по всей вероятности, могут дать лишь ограниченные сведения по фонетике и незначительные по морфологии. В качестве датированных и писанных носителями местной речи оптимальны еще служилые кабалы и разного рода памяти, а также купчие, меновные и некоторые другие грамоты, например, так называемые порядные, принадлежащие северодвинским местам. Заметим: указанные источники не образуют обширных серий и с точки зрения территориальной приуроченности, за исключением разве порядных, не представляют компактных зон.

Наиболее внушительную группу источников, которые могут быть пригодными для диалектографических исследований, составляют рукописные тексты, датированные и локализованные, но не включающие сведений о том, кем они написаны. Локальное происхождение этих текстов устанавливается прежде всего по отражению в них фактов и явлений, характерных для говоров данной местности. Принимается также во внимание и установленное в последнее время и нами и другими исследователями истории русского языка то существенное обстоятельство, что старое периферийное делопроизводство, за вычетом редких случаев, обслуживалось местными писцами [11]. Однако это обстоятельство, при всей его значительности, при уяснении локальной принадлежности текста нельзя рассматривать как решающее, потому что опытные периферийные писцы, владея в общем нормами приказной московской письменности, могли и не дублировать в письме особенно яркие черты живой локальной речи. Необходимо помнить и следующее: не зная, кем именно написан текст, мы можем предполагать в писце носителя не только местного, но и иного говора (при изучении оптимальных источников это, в сущности говоря, настолько маловероятно, что практического зна-

---

[11] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 24—27.

чения не имеет). И тем не менее повторяем: показания «анонимных» текстов, в особенности многочисленных, для диалектографических исследований могут быть пригодными.

Среди источников этого рода первостепенными следует признать таможенные и другие приходные и расходные книги XVII в., а также книги XVIII в., упоминаемые в научной литературе как книги Камер-коллегии. Изучение рассматриваемых книг и сопоставление данных их языка и соответственных народных говоров убедительно показывают, что писцы их — носители местной речи [12]. В известной мере непрерывно на протяжении указанного времени эти источники представляют едва ли не всю территорию России. К тому же некоторые из них довольно большого объема: так, книги Камер-коллегии заключают по нескольку сот листов, а отдельные — до тысячи. В таможенных книгах мы находим бесчисленные наименования товаров; в зависимости от характера последних и способов их подвоза, а также в связи с их взвешиванием взимались разнообразные пошлины: «с шерсти» (например, при торговле лошадьми), «полозовое», «причал» и «отчал», «весчее» и др. Вследствие этого в тематическом отношении книги неоднородны; кроме того, наряду с таможенными сборами местные власти записывали и винную прибыль и доходы с мельниц и торговых бань. Нередки в данных книгах и записи всевозможных расходов, производившихся местной администрацией на содержание местных учреждений, кабаков и т. п.

Общее содержание книг раскрывают их заглавия, например: «Книги города Ельца сбору таможенного и кабацкого головы ельчанина Зенона Перцова с товарищи кабацкому доходу, медвеной и винной прибыли и таможенных пошлин и от винных суд покотельщины и у торговой бани банного» — 1629 г. (ЦГАДА, Ф. 210, Разр. вязки, в. 1, № 16); «Книги припойная, винная и явочная,

[12] Исследование материалов названных книг получило отражение в работах автора: Южновеликорусское наречие в XVII столетии; Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970; Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка. — В кн.: Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972. См. также: *Коткова Н. С.* Книги Денежного стола. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964.

таможенная и пятенная, пошлинная лошадиная в Курске»— 1623—1624 гг. (ЦГАДА, Ф. 210, Ден. стол, кн. 79).

Источники этого круга характеризует обилие предметной лексики, причем значительную часть ее составляют названия материалов и припасов, предметов домашнего и хозяйственного обихода, лошадей и их разнообразных примет.

Для эпохи, отдаленной от нас тремя—четырьмя столетиями, таможенные книги документируют бытование в русском языке значительного количества слов общенародного употребления. Отмечаются и некоторые слова, функционировавшие в то время как диалектизмы. Например, по данным таможенных книг возможно было бы картографирование локальных метрологических названий. Не исключается и картографирование явлений местной фонетики.

Необозримо количество челобитных, в огромном большинстве писанных носителями местных говоров — писцами-профессионалами и непрофессионалами, о чем говорят нередкие в этих рукописных текстах отражения локальной речи (прямых сведений о писавших в них мы не находим). Вступительные и заключительные части этих старинных текстов настолько приказно регламентированы, что в рассматриваемом аспекте интереса не представляют. Основное же содержание челобитных, обычно нерегламентированное, необыкновенно разнообразно. Разнообразие содержания определяет и их несомненные достоинства с точки зрения исторической диалектографии и их определенные недостатки с той же точки зрения. Поскольку с разнообразием содержания естественным образом связано разнообразие словарного состава челобитных и, в известной мере, грамматического состава, повторяемость в их основной части тех или иных слов значительно меньшая, нежели в таможенных книгах. Поэтому для лексического картографирования по сравнению с таможенными книгами они представляются менее перспективными. Зато лексико-грамматическое разнообразие благоприятствует более полному отражению фонетических явлений в разных позициях и, следовательно, оптимальному их картографированию.

Также датированными и локализованными и не вполне свободными от местной речи, хотя и неизвестно кем

написанными, оказываются некоторые воеводские отписки, десятни [13], ужинные, умолотные и иные сельскохозяйственные книги, а кроме того — грамотки, а порой и расспросные речи.

Для исторической диалектографии в определенной мере можно использовать и тексты, писанные неместными писцами. Таковы прежде всего многочисленные писцовые книги, представляющие огромные территории России и немалый период ее истории — с конца XV в. до XVIII столетия. «Из писцовых книг XVII столетия самым значительным комплексом является комплекс книг, сохранившийся от писцового описания 1624—1628 гг. Писцовые книги этого периода охватывают большинство районов Русского государства и насчитывают сотни экземпляров» [14]. Составлялись они обыкновенно людьми, присланными из Москвы. Книги заключают ценные сведения о разного рода топонимических образованиях. Описывая селения и угодья, их положение и границы, московские писцы вносили в книги соответственные местные названия. Поэтому по данным писцовых книг, воспользовавшись и данными отказных, можно было бы, например, очертить распространение в XVII в. локальных названий *яруга*, *струга*, *болонье* и др.

Мы не можем считать обоснованным мнение А. Н. Качалкина, согласно которому «среди деловых документов, составленных на периферии московскими людьми с участием местных жителей, лексически наиболее информативны писцовые книги» [15]. Во-первых, возможны и иные, не менее «информативные» источники, составленные в периферийных условиях также московскими писцами. Во-вторых, установление степени информационности реально только в тех случаях, если имеется в виду не общее лексическое наполнение источника, а определенные лексические группы. Те же самые писцовые книги могут быть достаточно информационными для познания топонимики и, напротив, бесперспективными для изучения других лексических

---

[13] См.: *Юрасова В. В.* Фонетические свидетельства десятен. — В кн.: Вопросы грамматики и лексики русского языка. М., 1973 (Сб. трудов кафедры общего языкознания МГПИ им. В. И. Ленина).

[14] Источниковедение истории СССР, с. 137.

[15] *Качалкин А. Н.* Памятники деловой письменности XVII в. как источник исторической лексикологии. — ВЯ, 1972, № 1, с. 111.

групп. Представляется необоснованным и то решительное недоверие, которое проявляет А. Н. Качалкин по отношению к письменным памятникам локального происхождения. Противопоставляя им писцовые книги, он пишет следующее: «Что касается памятников собственно местного происхождения, то не приходится возлагать большие надежды на любой из них. Из-под пера местного писца появлялось немало документов чисто канцелярского свойства» [16]. Прежде всего напомним: документов, лишенных канцелярского свойства, вообще не существует, а если говорить о писцовых книгах, то именно им это свойство присуще в высшей степени. Сам А. Н. Качалкин наиболее разнообразный лексический материал приводит из приходо-расходных книг и иных источников местного происхождения.

Не касаясь иных источников, которые в той или иной степени могут также оказаться пригодными для исторического картографирования, заметим, что и упомянутых текстов в рукописных фондах нашей страны хранится великое множество.

Необходимость разработки теоретических основ русской исторической диалектографии определяется тем, что ее принципы отличаются от сложившихся в русской диалектологии на базе изучения современных говоров. Исходное различие между диалектографией современных говоров и говоров минувших веков состоит в том, что первая опирается на источники с заданными свойствами, а вторая — на источники объективно сложившиеся [17]. Формирующиеся по особой программе источники с заданными свойствами специально приноровлены к картографированию, а объективно сложившиеся не приноровлены. Если в первых лингвистические данные представлены в научной транскрипции и вследствие этого выступают в своих прямых проявлениях, то во вторых эти данные представлены через призму обычного письма, в значительной мере условного, и потому во многих случаях обнаруживают себя неполно и к тому же не всегда прямым, а порою и косвенным образом (ср. так

---

[16] *Качалкин А. Н.* Указ. соч., с. 111.

[17] Об источниках с заданными свойствами и объективно сложившихся см.: *Котков С. И.* О предмете лингвистического источниковедения. — В кн.: Источниковедение и история русского языка, М., 1964, с. 8.

называемые перестраховочные написания). Поэтому, скажем, фонетические явления, которые согласуются с правописанием, картографированы быть не могут. Например, о наличии оканья в пределах той или иной территории можно заключить лишь по отсутствию в этих пределах аканья. Как видим, в исторической диалектографии возможность нанесения изоглосс определяется не только диалектным, но и орфографическим моментом.

Возможность нанесения изоглосс ограничивается и тем обстоятельством, что нормативность слога московских приказов, оказывая влияние на локальную письменность, порою мешала проявлению в ней следов живой локальной речи.

Источники с заданными свойствами в принципе могут представлять всю территорию русских говоров; источники объективно сложившиеся представляют ее лишь в той степени, в какой сохранились до нашего времени от былых исторических эпох соотносительные с определенными территориальными говорами памятники письменности.

Охарактеризованная специфика материалов, на которых может строиться историческая диалектография, в значительной мере осложняет выделение диалектных данных для картографирования. И выделение этих данных, и обоснование их картографирования в исторической диалектографии, в отличие от современной, должны быть несколько иными. Если в современной диалектографии нанесение тех или иных изоглосс основано на прямой, да еще транскрибированной фиксации соответственных диалектных явлений, в исторической диалектографии ввиду известной недостаточности и особого характера материалов приходится, кроме того, учитывать и косвенные отражения диалектных явлений, а в отдельных случаях удовлетворяться наличием лишь косвенных. Так, устанавливая территорию аканья, едва ли возможно обойтись без привлечения его косвенных отражений в дополнение к прямым; знакомый многим русским говорам γ средствами обычного письма непосредственно не передавался, и область его распространения обрисовывают исключительно косвенные отражения [18].

[18] Но и они нуждаются в дополнительной интерпретации. Например, написания вроде *денех* в условиях средневеликорусских гово-

Типичными для современной диалектографии являются изоглоссы, знаменующие противопоставленность диалектных черт: оканье — аканье, *г* взрывное — *г* фрикативное и т. п.; картографирование непротивопоставленных черт также применяется, однако имеет меньшее значение. В исторической диалектографии установление географического распространения непротивопоставленных черт следует признать не менее важным, нежели противопоставленных. Объясняется это рядом причин, и прежде всего тем, что в обычном русском письме далеко не все диалектные противопоставления получают выражение. Например, различие между оканьем и аканьем в памятниках письменности выступает не как противопоставление одной диалектной черты другой, а как наличие одной и отсутствие другой. То же можно сказать, например, и в отношении известных форм им. мн. от имен существительных среднего рода: характерная для Юга флексия *-ы* (*селы*, *бревны* и т. д.), вопреки традиционной орфографии, проявляется в памятниках письменности, а свойственная многим русским говорам старая форма на *-а* (*села*, *бревна* и т. д.), совпадая с орфографической, себя не обнаруживает; и в этом случае позволительно говорить лишь о наличии форм на *-ы* в определенной диалектной области и об отсутствии форм подобного рода в прочих русских говорах.

Непротивопоставленными оказываются и лексические факты локального характера, значения которых недостаточно явственны. Примером может послужить название *оболонье* (знакомое «Слову о полку Игореве» образование *болонь* толкуется двояко: с одной стороны, как «низкий заливаемый водой берег реки», с другой — как «свободное пространство перед городскими стенами, оставляемое обычно без застройки, чтобы оно могло простреливаться с городских стен» [19]. Четыре века назад *оболонье* бытовало в пределах старой Новгород-Северской земли [20]. С точки зрения истории языка и изучения

ров указывают лишь на то, что подобный фрикативный звучал в конце слова, в то время как эти говоры вообще обладали взрывным *г*.

[19] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. I. Сост. В. Л. Виноградова. М.—Л., 1965, с. 59—60.

[20] См.: *Котков С. И.* Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве», — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, с. 65—67.

лексики «Слова» картографирование этого названия представляется оправданным, но вследствие двойственности его семантики наметить зону синонимичного образования, видимо, невозможно.

Внимание к непротивопоставленным фактам и явлениям не только оправдано, но и насущно необходимо. Они непротивопоставлены в плане территориального размещения в одно и то же время, но хронологически могут оказаться противопоставленными, что обнаруживается в результате сравнения соотносимых карт, составленных по данным современных говоров и соответствующих памятников. Возможность подобного сравнения повышает значение картографирования и современных непротипоставленных фактов и явлений. Например, по современным данным в южновеликорусской области в широком употреблении слово *хата*, одновременно бытует и *изба*, но преимущественно в северных районах и в черте лесного запада. А материалы XVII в. той же территории, не давая сведений о *хате*, убедительно свидетельствуют о том, что в речевом обиходе южновеликоруссов была только *изба* [21]. Картографирование этих фактов могло бы наглядно показать вытеснение в значительных пределах южновеликорусской области слова *изба* украинским *хата* за последние два с половиной века.

Картографирование непротивопоставленных фактов имеет особенно большое значение в тех нередких случаях, когда в результате поспешных заключений, основанных на ограниченных материалах, тем или иным историческим фактам приписывается в качестве бесспорной далеко не полная география, откуда следуют ошибочные выводы об их генетической принадлежности либо северно-, либо южновеликорусскому наречию, между тем как более обстоятельное исследование памятников письменности делового содержания позволяет квалифицировать эти факты как факты большего территориального распространения или даже общерусские. Так, появление в XVII в. в деловой письменности глагола *бросать* со значением «кидать, метать» в генетическом плане были склонны связывать с Новгородско-

---

[21] См. *Котков С. И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников, с. 42—43.

Псковскою землей [22]. По новым рукописным данным глагол *бросать* в то же самое время известен был и иным областям России — южным и центральным. В генетически северновеликорусские зачисляют, например, образования *выть* «доля, часть» и *клеть*, *кулига*, *пожня*, *лонской*, *лонись* и некоторые другие, хотя материалы XVII в. показывают их употребление и в более южных местах. Напротив, признаваемые специфически южновеликорусскими известные образования *корец* и *ночвы*, по свидетельствам старинных рукописей. оказываются свойственными и говорам средневеликорусской полосы [23].

Отдельные факты и явления, ныне диалектные, в прошлом могли функционировать как общерусские. Сравнение их былой географии с географией современной может дать наглядное представление об исторических изменениях в их судьбе. Этим и обусловливается целесообразность картографирования подобных фактов и явлений в их общерусском распространении. Возможность указанного сравнения выводит показания современных карт за рамки синхронных противопоставлений и включает их в сферу диахронных.

Историческая диалектография, в отличие от современной, допускает более широкую в хронологическом отношении сопоставимость лингвистических фактов и явлений, позволяя, к примеру, картографировать как свойственные одному временно́му срезу отражения в деловой письменности лингвистических фактов и явлений, принадлежащие к разным десятилетиям XVII в. Обусловливается это определенными причинами. Основная из них — меньшая интенсивность исторической эволюции диалектов в сравнении с современной. Другая причина — количественная ограниченность разных фактов, которые могут быть сопоставлены в пределах узкого временно́го среза, что объясняется и количественной недостаточностью источников, и далеко не полным отражением в них в силу различных обстоятельств этих фактов.

---

[22] См.: *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, с. 186—188.

[23] См.: *Котков С. И.*, *Савченко Н. Ф.* Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве (XVII—нач. XVIII в.). — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 216.

Материалы, которые могут служить основанием для составления карт, рисующих былое состояние говоров, гораздо более разнородны, нежели те, на основе которых создаются современные диалектологические карты. Вопросы их систематизации в более или менее унифицированном виде, с точной и краткой регистрацией источников, требуют специальной разработки. Полагаем, что развитие исследований в области русской исторической диалектографии не останется узкодиалектологическим, а существенным образом повлияет на изучение истории языка в целом, в том числе и литературного.

ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

История русского языка строится в основном на современных диалектных материалах и текстах старинной письменности. Вузовский курс истории языка предполагает знание этих источников. Что касается диалектных материалов и методики их собирания, то с ними студентов в известной степени знакомит курс диалектологии, в особенности когда он завершается диалектологическими экспедициями. В отношении памятников письменности положение сложилось иное. В вузовских программах о них обычно говорится в двух—трех словах, а в учебниках значение письменных памятников как источников для изучения истории языка обыкновенно не раскрывается. Ограничиваясь минимальными археографическими справками, не дают необходимой характеристики текстов и хрестоматии по истории русского языка.

Между тем без должной осведомленности в памятниках письменности невозможно познание реальных условий развития письменной речевой культуры и условий, которые определяли степень и характер отражения (прямое или косвенное) в названных источниках устной речи тех времен. Воспринимаемые студентами большею частью в условном «меловом» исполнении с аудиторной доски, вне конкретного письменного воплощения, исторические факты русского языка в какой-то мере отвлекаются от своих исторических носителей, под пером которых они явились, выступают обезличенными. Вследствие этого изучение русской лингвистической культуры осуществляется неполно, односторонне, вне аспекта речи. Уже не приходится говорить о том, что преподавание истории русского языка лишается в этом случае значительной доли наглядности, а история русской духовной культуры в таких ее внешних проявлениях, как письмо с его графикой и орфографией, а также

пунктуацией, инициалы, орнамент, миниатюры и т. п., либо вовсе не затрагивается, либо рисуется в обедненном виде.

Синтезирующее познание русского языка в его историческом прошлом, в отличие от познания его главным образом по фонологическим схемам, схемам склонения и спряжения, а также синтаксическим, невозможно без основательной начитанности в памятниках письменности, где он выступает целостно, в единстве всех образующих его элементов и отношений. Для этого, следовательно, студентов необходимо ввести в лабораторию чтения старинных рукописей. А если ставить эту задачу, внесение в курс истории языка элементов источниковедения становится необходимым.

Можно, например, начать с деления текста на слова. Как известно, старинные тексты, в рукописях пословно не делимые, в хрестоматиях воспроизводятся адаптированно, пословно. Когда, привлекая хрестоматийный текст, студент определяет грамматические формы, они перед ним предстают уже выделенными, и ему остается лишь только «подогнать» их к заученным образцам. Мы не против пословного воспроизведения текстов, однако считаем, что в данных случаях они призваны выполнять лишь контрольную роль, а выделение и определение грамматических форм было бы гораздо полезнее производить по сплошным текстам, не разделенным на слова, что укрепляло бы начитанность не в адаптированном изложении текстов, а в рукописном изложении их, а эта начитанность в свою очередь облегчала бы выделение форм. В хрестоматиях в виде отдельных страниц сплошные тексты иногда приводятся, но приводятся только для того, чтобы показать студентам общий вид рукописи, почерк и т. п. К сожалению, и этими отдельными страницами для грамматического разбора преподаватели обычно не пользуются. Грамматический разбор по сплошному тексту несомненно побудил бы студентов к более глубокому анализу содержания последнего, приобщил бы их к наблюдениям над особенностями графики, орфографии и пунктуации, над явлениями конца строки, сокращениями, диакритикой и т. д. и в совокупности дал бы им представление о той или иной рукописи как определенного типа источнике.

Пока подобных представлений (или более или менее приближенных к ним) о старинных русских рукописях студенты не выносят.

В настоящее время старинные тексты в преподавании истории русского языка не составляют самостоятельного предмета изучения, а служат лишь учебным материалом для занятий по исторической фонетике и грамматике. А между тем — приходится повторить — глубокое усвоение истории языка мыслимо только при условии достаточного знакомства студентов с наиболее важными источниками. Без этого история русского языка в качестве вузовской дисциплины не может быть фундаментально обоснованной.

Приводимые в хрестоматиях извлечения из текстов значительного объема не дают, понятно, желаемых сведений об этих обширных источниках, особенно если их состав (например, летописей или Домостроя) явно неоднороден. Как можно обойтись в подобных случаях без специального ознакомления студентов с указанными текстами, в частности с их составом? Конечно, в рамках учебного курса ознакомление со всеми пространными текстами в этом плане нереально. Однако ознакомление с такими памятниками, как, скажем, Изборники 1073 и 1076 гг., одной—двумя летописями, Русской Правдой, Домостроем, полагаем, вполне возможно. Почему бы на практических занятиях анализ отдельных лингвистических фактов (обыкновенно из фонетики и морфологии), выделяемых в данных источниках, не дополнять чтением указанных текстов, раскрывая при этом их общий смысл для современного читателя, а продолжение чтения рекомендовать в качестве домашних заданий?

Чтение памятников письменности (особенно сложного состава) как цельных произведений обогащает представления студентов о системе русского языка в его историческом прошлом, показывает, что древнерусская общность, а позднее великорусская — лингвистические явления вполне реальные, что история русского языка вне его литературной разновидности никак не может быть сведена лишь к истории диалектов, а его историческая грамматика — к исторической диалектологии, как в последнее время, к сожалению, иногда бывает.

Одновременно чтение этих источников, прежде всего древнерусских, с особенным направлением внимания

на отраженные в них явления и факты живой древнерусской, а позднее — великорусской речи подводит студентов к пониманию того, что русский литературный язык в его минувшем состоянии не сводим к церковнославянскому, что и в древнерусскую эпоху и тем более позднее собственно русское начало в развитии этого языка играло основную роль. При этом нуждается в разъяснении следующее обстоятельство: довольно значительный состав элементов древнерусского языка, которые в наше время носители литературного языка, в том числе и студенты, воспринимают как нерусские, а именно — старославянские, в то время являлись либо общими с элементами старославянскими, либо отличались от последних, мы бы сказали, частностями (ср. некоторые парадигмы склонения и спряжения).

Особенно убедительны в этом плане свидетельства Русской правды, древних грамот и берестяных грамоток. В них налицо употребление таких элементов языка, которые заведомо далеки от современного строя русской речи, а вместе с тем и содержание и обращение этих старинных текстов было связано с теми сторонами и сферами жизни общества, обслуживание которых предполагало применение именно собственно русских, притом в значительной степени (в грамотках — едва ли не исключительно) элементов живого языка.

В литературе все еще популярна некритическая ориентация на сообщение Лудольфа, что Руси конца XVII в. было свойственно двуязычие: разговаривали по-русски, а писали по-славянски. Распространению указанной точки зрения благоприятствовали два обстоятельства : во-первых, несколько ограниченное понимание литературного языка данной эпохи как языка церковной книжности и не свободных от влияния последней художественных произведений; во-вторых, недостаточная осведомленность значительной части историков языка в массе материалов деловой письменности XVI—XVII вв., представляющих собственно русский язык, среди которых немало вполне литературных. Поэтому в самом общем виде студентов необходимо ознакомить с теми обширными сферами письменности, где пользовались именно этим языком и особенно — с текстами, литературность которых является бесспорной

(такими, например, как тексты законодательные, вестикуранты, статейные списки и т. п.).

Полезно было бы показать студентам обусловленность степени и характера лингвистической информационности источников, с одной стороны, прежде всего характером их содержания и принадлежностью к оригинальным или переводным, с другой — «технологией» их воспроизведения в зависимости от определенного типа письма, некоторыми особенностями последнего (применение выносных букв, графическая недифференцированность отдельных скорописных букв, различные приемы сокращений и т. д.) и даже в каком-то отношении фактурой писчего материала.

Рассмотрение информационных свойств источника, разумеется, всегда предполагает учет различных аспектов, в которых возможно его исследование.

Обусловленность информационности содержанием текстов и принадлежностью их к переводным очевидна в таких источниках, как древние богослужебные книги, воспринятые восточными славянами вместе с христианством. Книги эти, написанные на старославянском языке, представляли собой переводы с греческого. Содержание их как канонических, к тому же переводных, а значит, и их лексический состав, фонетический облик и грамматика были в общем стабильными. Однако в процессе многократного переписывания этих книг на русской почве появлялись отклонения от стабильности, которые состояли в том, что русские вносили в эти книги элементы своего языка, хотя и близкого к старославянскому, но все-таки особого. В результате складывался русский извод старославянского языка, получивший название церковнославянского. Представляющие церковнославянский язык, эти старинные книги для познания истории русского языка в его живом бытовании могут служить лишь постольку, поскольку в них отложились черты живой восточнославянской речи. Заметим: переписывание данных книг, исполненных уставом или полууставом, с твердой ориентацией писцов на буквальную передачу канонического текста, когда буква за буквой едва ли не вырисовывались — вся «технология» воспроизведения рукописей не благоприятствовала проявлению в них отражений устной русской речи. Но если и в этих условиях элементы

ее пробивались, тем значительней доказательность подобного рода фактов.

Зависимость информационности источников от некоторых особенностей письма может быть наглядно показана на примерах из текстов XVII в., исполненных скорописью. Они изобилуют случаями вынесения в определенных положениях согласных из линии строки в верхнее междустрочие, причем следующие за выносными буквами *ъ* или *ь* обыкновенно опускаются. Вследствие этого, например, о твердости или мягкости конечного *т*, передаваемого посредством выносной буквы, в глагольных формах 3 лица ед. и мн. числа мы сведений не получаем. После выносной *т* иногда опускалась конечная *и*. Поэтому, встречая форму инфинитива в старинном скорописном тексте, мы не в состоянии установить, какое живое образование указанная форма представляет — образование на *-ти* или на *-ть*. Многочисленные случаи графической недифференцированности в названных текстах *ш* и *щ* лишают нас порою сведений о мягкости и твердости соответственных согласных в тех положениях, когда за ними не следуют буквы *я* или *ю*, или буква *ы*. Нередкие в скорописных текстах сокращенные написания слов (сокращали обычно гласные) ограничивают данные о вокализме.

Известное ограничение информационности фактурой писчего материала наблюдаем в берестяных грамотках. Упомянув о сопротивлении бересты резцу, которым производится написание, Л. П. Жуковская далее замечает: «Это приводит к неточным начертаниям: на берестяных грамотах появляются отдельные мачты букв, выходящие за уровень строки в верхнее или нижнее междустрочное поле, менее точно сопрягаются дуги, соприкасаются прямые линии (так, перекладины букв соприкасаются с мачтами не всегда в намеченной точке; имеются различия даже в пределах одной и той же грамоты, причем различия эти не связаны с определенной хронологией текста)» [1].

Возможное в пределах обычного курса ознакомление студентов на практических занятиях с определенным кругом памятников XVII—XVIII вв. помогло бы им

[1] *Жуковская Л. П.* Палеография. — В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 14.

утвердиться в мысли, что развитие русского языка в области фонетики и грамматики протекало заметным образом и в течение упомянутой эпохи. Студенты смогли бы убедиться в несостоятельности традиционной точки зрения, к сожалению, поныне принятой и в вузовских учебниках, согласно которой и современный фонетический облик русского языка и его грамматический строй к XVI—XVII вв. в общем сложились и поэтому более поздние памятники каких-либо существенных данных о его фонетико-грамматическом развитии, собственно, не содержат. Помимо того, известная ориентация в текстах XVII—XVIII вв. укрепила бы представления студентов о непрерывной исторической преемственности определенных процессов и явлений в развитии русского языка.

Более глубокое приобщение студентов к необходимому кругу источников возможно в рамках единого специального курса и семинара «Источники по истории русского языка». Во вступительной лекции спецкурса, по-видимому, следует осветить некоторые общие вопросы: источник, его лингвистическая содержательность и информационность; объективно сложившиеся источники и источники с заданными свойствами, первичные и вторичные; предмет лингвистического источниковедения и т. д. [2] Основное содержание спецкурса образуют лекции, посвященные характеристике отдельных источников, а также групп источников и выяснению их значения для разработки истории русского языка. Наряду с такими памятниками языка, как Остромирово евангелие, Изборники 1073 и 1076 гг., важнейшие списки летописей, Русская Правда, древние грамоты и берестяные грамотки, в программу спецкурса желательно включить и тексты более позднего времени, в особенности XVII в. Имеем в виду Домострой, образцы вседневной деловой письменности, статейные списки, вести-куранты, затем таможенные книги и, кроме того, грамотки. Полезным явилось бы обращение и к печатному Уложению 1649 г.

В каждой лекции, посвященной анализу источника (или группы источников), после краткой археографической и палеографической справки о нем (место хране-

[2] См.: *Котков С. И.* О предмете лингвистического источниковедения. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964.

ния, писчий материал, тип письма и т. п.), а также конспективного сообщения о его изучении внимание сосредоточивается на его содержании и предопределяемой последним с той или иной опосредствованностью лингвистической содержательности. Особое внимание обращается на то, какие стороны русского языка и моменты его развития и в какой степени, применительно к исследуемому историческому периоду, лингвистическая содержательность характеризует. Если говорить об источнике в целом, к тому же большого объема, то суждения о его содержании и обусловленной данным содержанием лингвистической содержательности могут быть, вполне естественно, лишь более или менее общими.

Например, желательно отметить, что переводные тексты богослужебных книг в силу их канонического характера отличались стабильностью своего старославянского словаря. В этих условиях и единичные факты вторжения в их словарный состав при многократном переписывании образований русского происхождения имеют существенное значение для суждения о роли в это время в культуре восточного славянства его родного языка. Можно также, например, отметить наличие в данной группе текстов значительного состава образований, означающих отвлеченные понятия.

С повествованием в летописях о делах минувших связана насыщенность летописных текстов формами прошедшего времени.

Определенным содержанием Русской Правды обусловлено скопление в ней синтаксических конструкций, выражающих условие.

При всей фрагментарности берестяных грамоток, отражение в них жизни простого люда обеспечивает заметное проявление в них элементов локальной речи.

Анализ текстов позволит выявить немало и других примеров обусловленности лингвистической содержательности источников.

В семинарскую часть специальных занятий войдут исследовательские наблюдения студентов по означенной тематике и практикум по изучению скорописи XVI—XVIII вв.

Обусловленность лингвистической содержательности содержанием источника наиболее очевидно обнаруживается в области словаря. Поэтому самостоятельные

наблюдения студентов целесообразнее начинать с лексики, подбирая для этой цели либо источники небольшие, скажем, древние грамоты, либо фрагменты из обширных источников, например, из летописей. Затем постепенно можно переходить к наблюдениям над менее очевидной зависимостью употребления тех или иных грамматических форм от наполнения источника определенным лексическим составом. Связанность с теми или иными лексемами и грамматическими формами отдельных данных по фонетике является более отдаленной, настолько опосредствованной, что ее выявление в процессе студенческих занятий представляется нереальным. Однако отсюда не следует, что вообще фонетическая содержательность из наблюдений исключается.

Переходя к информационности источника, прежде всего устанавливают, каково соотношение между отраженным в данном источнике рядом фонем и употребляемым в нем набором букв. Особо учитываются случаи недостаточно четкого различения написаний отдельных букв (например, *ъ* и *ь*, *ш* и *щ* в скорописи). Затем выделяются случаи прямой или косвенной отраженности в источнике фонетических данных и, кроме того, выясняется, согласуются ли они с орфографией или противоречат ей. Отдельные явления устной речи, скажем, к примеру, аканье, пробиваются в письменных источниках вопреки правописанию. Из этого иногда поспешно заключают, что история русского языка строится, собственно говоря, на отклонениях от орфографии. Предупреждая подобные заключения, студентам необходимо показать и иные отражения устной речи, орфографически приемлемые. Правописание и является правописанием именно потому, что установленным образом, с определенной правильностью передает живую речь.

Практикум по изучению скорописи XVI—XVIII вв. оправдан во всех отношениях. Во-первых, студенты знакомятся с непосредственной, близкой предысторией современной русской графики, в результате чего связи последней с культурой греческого письма и письма старославянского становятся в их представлениях более конкретными. Во-вторых, они приобщаются к той деловой письменности, историческая роль которой в развитии русского языка в начальный период становления нации была во многом определяющей. В-третьих, чтение

скорописных текстов, с делением их на слова и выяснением смысла трудных мест, побуждает студентов обращаться в поисках нужных сведений не только к истории языка, но и к истории его носителей, а также к другим областям знания, расширяя их и лингвистический и историко-культурный кругозор.

Словом, практикум по изучению скорописи может существенно способствовать повышению теоретической подготовки студентов.

Ознакомив студентов с образцами уставного и полууставного письма, уделив при этом особое внимание изменению второго в скоропись, далее следует перейти к скорописным текстам XVI столетия, которые читать гораздо легче, нежели более поздние, исполненные скорописью XVII—XVIII вв. Освоение последней предпочтительней начинать с более или менее однородных, но многократно повторяющихся записей, к примеру, в писцовых, таможенных или отказных книгах.

Можно воспользоваться и краткими сказками или краткими явками однородного содержания. По мере изучения этих материалов привлекаются другие тексты, разнородные по содержанию и, следовательно, лексическому наполнению. Понятно, речь идет не об оригиналах, а фотокопиях. Практикум завершается экскурсией в архив, где студентам показывают рукописи в их непосредственном, а не копийном виде.

Попутные экскурсы в историю и этимологию отдельных слов и выражений, в историю обозначаемых ими явлений материальной и духовной культуры и социально-экономических отношений — все это безусловно оживит практикум и вызовет к нему особый интерес.

Все сказанное имеет отношение к преподаванию общей истории языка (исторической фонетики и грамматики, а также лексикологии), а не истории литературного языка, изучение памятников которой существенно связано с текстологией и вследствие этого нуждается в применении особых методов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей (Москва)

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

ОПИ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности

ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (Москва)

Бел. стол — Белгородский стол
Ден. стол — Денежный стол
Моск. стол — Московский стол
Писц. кн. — Писцовая книга
Прик. дела стар. лет — Приказные дела старых лет; в.— вязка
Прик. стол — Приказный стол
Разр. вязки — Разрядные вязки; в — вязка
Сев. стол — Севский стол
Сиб. приказ — Сибирский приказ
стлб. — столбец

Белозер. — Из белозерской переписки XVII в. (Подготовила к печати Т. И. Евтюшина). — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971

В-К I — Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972

В-К II — Вести-Куранты. 1642—1644 гг. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1976

ВЯ — Вопросы языкознания

Гр-ки — Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969

Дн. — Дневник участника русского посольства в страны Западной Европы в конце XVII в. (Список Государственного архива Рязанской области) (Подг. к печати С. И. Котков). — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976

Ист. — *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964

КЕ — *Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. М., вып. III, 1902

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968

Моск. — *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974

Мурз. — *Тарабасова Н. И.* Частные письма из Мурзихинского архива. — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973

Назир. — Назиратель. Изд. подг. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1973

Пам. — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова). Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965

Пам. Ряз. — Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край. Изд. подг. С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1978

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Выходит выпусками под редакцией Ф. П. Филина с 1965 г. М.—Л.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

Щук. — Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. 4. М., 1898

Южн. отк. — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

В указатель входят слова, представленные в полном виде в исследованных нами старинных рукописях и некоторые отмеченные историками языка в других письменных памятниках и народных говорах. Местоимения и числительные, частью союзы и частицы, а также наиболее употребительные предлоги при этом не учитываем. Имена приводятся в именительном падеже, глаголы — в форме инфинитива. В необходимых случаях даются грамматические пометы, а значения слов уточняются. Предложно-именные сочетания наречного характера помещаются в указателе по знаменательному слову, предлог заключается в скобки.

Аглинский 40, 53
адмирал 40
ажно 89
аки 40
алмаз 43
алтарь 90, 142
алтын 85—86, 142, 226, 234
амбар 166, 234
амбарный 197
аминь 171
анатомия 43
арбуз 197
аржаной, *см.* ржаной
арзамасец 186
артель 226
архангельский 138
арцух 39
аршин 44, 99, 169
аршинец 185
атаман 53, 117
афанасьевский 114

Баба 91, 108—109, 164, 169
баба (повивальная) 82
бабенцо 184
бабий 82, 141
бабушка 169, 183, 185
багор — назв. бортн. знамени 104
балахонец (*от* Балахна) 186
банное *в знач. сущ.* 245
баня 39, 130, 166, 187, 245
баран 194—195
барыня 219
батька 65, 183
батюшко, -ка 65—66, 169, 171, 175, 178, 184—185, 205, 209, 230
башкирец 193
башмак 219
башмачки 185
бегать 215
беглый 39, 53, 207, 229
беда 164, 180—181
беден 42, 160
бедность 170, 186, 215
бедный 72, 168, 174, 177, 184
бедство 180, 186
бежать 229
безделье 39
безлюдство 186
безмерный 109
безродный 72, 168
белевский 66
белильцы 185
белка 194
белка — назв. бортн. знамени 105
бело 85—86
белогородец 117
беломестный 82, 119
белый 91, 161, 166, 175, 211
берег 37, 71, 115, 161, 201, 228
береженье 186
бережно 222
береза 37, 114
берестень 167
беречь 41, 142, 169, 197, 218
беречься 55
беседа 83
бесконечный 177
бесконечаемый 177, 180

бесовский 108—110
беспомощный 72, 168, 184
бесприютен 84
бесприютно 84
беспутный 88
бессмертен 164
бессрочно 224
бесчествовать 81
бесчестить 83
бесчестье 109
бесчинник 109
бесчинный 108
бесчинье 110
бивать 84
бирюк 129, 239
битись 55
бить 39, 81, 84—85, 88, 96, 101, 109, 132, 215
бить челом, челом бить 39, 42, 52, 63, 65—67, 70, 72, 82, 84, 108, 111, 170—172, 180, 184—185, 191, 208—209, 219, 222—225, 230
биться 40
благодетель 230—231
благословение 70
благость 170
благочестивый 171
блаженный 230
блесточки 185
ближний 171, 207
близнята 98
близость 170
блуд 109
бобер 173, 195
бобыльский 136
бог 66, 70, 188, 197, 203, 234
богомерзкий 109—110
богоявленский 112
боевой 89
боек *прил.* 83
божий 41, 235
божиться 220
бой 85, 108—109
бок 132
боковой 90
болезненный 233
болезнь 102, 177, 180
болонь 250
болонье 107, 247
болото 38, 206, 222
болхович 99, 119
болховскоїй 99—100
больной *в знач. сущ.* 108—109
больше 90, 168, 173, 234
больший 37, 94—95, 113
большой 33, 40—41, 65, 71, 85, 101, 110, 114, 129—130, 166, 190, 219, 225
борзый 195
борода 85, 89, 164
борода — назв. бортн. знамени 105
бородавка 86
бородка — назв. бортн. знамени 105
бороды — назв. бортн. знамени 105
борок 132
бортный 53, 138
борть 142
бос 84, 142
бочка 87—89, 102, 167
бочонок 167
бочурочка 167
боярин 38—39, 71, 207—208, 219—220, 225—226
боярский 42, 87, 95, 97—99, 109—111, 117—122, 129—130, 136, 138, 143, 160, 164, 166, 199, 207, 209—210, 223—225
боятися, -ться 96, 164, 199
брага 102, 164
бранить 89, 132, 164, 173, 208
брань 208
бранье 186
брат 66, 88—89, 97—99, 101—102, 112—113, 115, 136, 142, 169—171, 193, 209, 219, 225, 230—231
братец 65—67, 175, 178, 183, 185, 220, 235
братинка 167
братишко, -ка 66, 171, 183
братия *собир.* 85, 208
брать 101, 193, 234
бревенный 197
бревно 148
бреславский 40
брести, -ть 89, 213
бровки — назв. бортн. знамени 105
бровь 88—89
брод 131
бродить 89
бродник 86
бродок 137
бросать 131, 209, 251—252
брус 90, 96, 142
брусеной 90
брусовый 130
брянский 117
брянченин 88—89, 117
будара 71
будто 39, 43, 66, 72, 168, 173, 219—220, 234
буерак 91, 113—114
бузун 197
бумага 86
бур 194
бурачок 167
бурашень (?) 167
бывать 65, 71, 81, 108—109, 174, 188, 203, 219
бык 83, 97, 195
быстрый 44
быти, -ть 38—41, 44, 64—67, 71—72, 74, 83—85, 87—91, 93, 96, 100—102, 106, 109—110, 112, 131, 142, 148, 159—160, 164, 166—169, 171—174, 176, 178, 186—187, 190, 193—194, 197—199, 203, 210, 214—216, 219,

224, 227, 230–231, 233–235
бытность 170

Вар 197
варить 87—89, 164
вверх 71, 113—115, 131—132, 136
вдвое 223
вдова 82, 113—114, 133, 184
вдовин 147
вдовиный 147
вдовица 225
вдовый 114
ведать 39, 42, 87—89, 93, 96, 102, 110, 160, 193, 216, 219, 222, 234
ведерки — назв. бортн. знамени 104
ведерко 167
ведерный 167
ведовство 103
ведомо 40, 65—66, 108, 207, 222, 227
ведомо *в знач. сущ.* 101
ведреный 162
ведро 33, 167
везти, -ть 159, 224, 228
век 170—172, 198, 205
векша 131
векша — назв. бортн. знамени 105
веление 66, 100, 112, 170, 219
велеть 39—41, 55, 63—67, 71, 84—85, 88, 90, 95—96, 101, 109—110, 159, 161—162, 164, 166, 175—176, 185, 195, 197, 207, 215, 223, 227, 231, 237
великий 38, 40, 43—44, 53, 71, 82—84, 93, 95—96, 108—111, 136, 138, 180, 188, 190, 198, 223—224
величество 40
венец (в срубе) 90, 165—166, 201
вентерь 86
вера 33, 108
вербица — назв. бортн. знамени 105
верблюжий 91
веревка 108
верить 33
верность 170
верста 89, 91, 169
верстанье 92
вертлюг 166
верх 90, 95
верх «овраг» 94, 113—115, 132, 147
верхний 90, 132, 166
верховье 32, 132
вес 167, 198—199
весенний 180
вески — назв. бортн. знамени 104
весна 164, 203
весновой 180
вестка 168
вестно 223—224
весть *сущ.* 40, 175
весчее *в знач. сущ.* 245
ветвина — назв. бортн. знамени 104—105
ветер 176
ветхий 86, 91
ветчина 166
веть «ветвь» 37, 197
вечер 88—89, 108
вечерня 102
вечный 171
вешний 180, 198
вещь 43
взаймы 161
взголовь 132
вздубровье 37, 113
взлобок 132
взлобчик 132
взложить 88—89
взогнать 71
взъехать 88
взяти, -ть 38, 83—89, 91, 94—96, 98—100, 102, 115, 129, 132, 136, 143, 160, 164, 166, 173, 179, 193—195, 197, 224
взяток 219
взяться 148
видать 39, 93, 198
видаться 229
видеть 39—40, 43, 101, 164, 169, 174, 178, 199, 214, 223
видеться 72, 168, 222
вилки 38
вилки — назв. бортн. знамени 104
виловатый 137
вилы — назв. бортн. знамени 104
вина 84
виниться 38
винный 167, 234, 245
вино 41, 81—82, 102, 141, 167, 188, 229, 236
виноват 38
виноград 197
винокурня 234
винцо 167, 185
висеть 44
вкладчик 186
вконец 191
вкуп 71
вкупе 230
вкупиться 71
владельщик 180
владение 64—65, 170
владеть 32, 65, 180, 207, 226
власти 211
влево 114
вместе 39, 65, 88, 231
вместо 33, 91, 112, 164, 192, 197
вниз 43—44, 114
внизу 44
внимательно 109
вновь 66
внук 98, 120
внука 82, 98
внутренний 43
внутри 90
внучата 169, 207
внучка 98
вода 37, 44, 102, 142, 164, 180, 236
водить 40, 109
водиться 90
водка 167
водочка 179, 185

воды (мелки) 199
воевода 40, 71, 88, 96, 114—115, 120—121, 136, 207, 214
воз 86, 91, 201, 205
возвратить 101
воздание 170
воздух 180
возжи 87, 102
возить 41, 102
возка 170, 181
возле 88, 98, 131, 147
возложить 231
возлюбить 101
возненавидеть 101
возок 185
возраст 43
воинский 97—99
войско 40, 201
войти 218
войтить 213
волен 41, 66
волк 23, 129, 133, 239
волна 234
волочиться 84, 92
волощанин (*от* волость) 142
волхв 108
волхвование 108
волынка 40, 109
воля 41, 175, 203, 222
вопче 142
вопь 38
вор 96, 101, 216
воровать 38, 166
воровски 85, 101
воровской 91, 208
воровство 38—39, 110—111
ворожея 109
ворон *прил.* 84
воронежец 114, 117—118, 242
воронежский 81
ворот (одежды) 164
ворота 39, 88, 142, 160
воротиться 55, 102
воротник 194
вороток 72, 168
воск 197
воскресение 86
воскресный 108—110
вострубить 39
вотчина 41, 90, 95, 225
вотчинник 66, 195
впадать 109
впасть 152
вправо 114
впредь 41, 70, 110, 161, 171, 223—224
вприехать 113
впрягать 84, 87
временник 230
время 40, 88, 90, 96—99, 101—102, 108, 177, 188
всегда 171
вседержащий 171
всепокорный 235
всечасно 235
вскоре 71, 96, 166, 214
вскормленник 170
вскочить 39
вслух 109—110
вспахать 65, 67
встречу 37
вступ 90
вступатись 55
вступиться 215
вступки 132
всход 90
всходы 159
всыпать 234
всячина 164
въезжать 142
выбор 85
выборный *в знач. сущ.* 42, 224
вывалиться 65
вывезть 205, 213
вывод 193
выгореть 98
выгрести 180
выгружать 229
выгрузка 170, 181, 214, 229
выдать 142, 194, 228
выделать 166
выдрать 85, 195
выжечь 43, 139
выйти 102, 113, 169, 215
выклести 164, 186
выкрасть 101, 142, 218
выкурить 163
выкурка 170, 181
вылазка 40
вылгать 164
выменить 86
выметка 170, 181
вынуть 102
выпадок 159
выписка 181
выпись 65—66, 94, 136—137, 163
выпустить 205
вырезывать 159
высечь (грань) 65, 210
высеять 159, 222—224
высидка 181
выскочить 85
выслать 177, 205
выслушать 110
выстрелиться 192
высылка 170, 181
вытопить (камень) 44
выторжка 170, 181
выть *сущ.* 23, 169, 252
выход 199
выходить «издерживаться, тратиться» 159
выше 95, 103
вышний 171
вышний *в знач. сущ.* 171
вьюк 169
вязать 91, 102

Галицкий 219
гвоздье *собир.* 87
где 40, 89
генварь 82, 108
гибель 101
гиль 96
глава 90
глаз 43, 66—67, 91, 163, 208—209
глина 142
глумление 108
глупый 83, 184
глядеть 175, 223, 229
гнев 173—174, 198—199, 219, 229, 231

гнед 83—85
гнедой 215
гнездо 37
гнил 71
гнилой 71
говаривать 188
говение 170
говорить 38, 81, 83, 88, 96, 101—102, 109—110, 164, 173, 208, 219—220
год 42, 72, 87—89, 94, 97—100, 108, 111, 136, 160, 188, 190, 198—199, 205, 214, 225, 230, 235
годовичок 87
голова 43, 81, 85, 169, 173
голова (стрелецкий, кабацкий и др.) 39, 96, 109—110, 117, 119, 121—122, 136, 191, 207
голова — назв. бортн. знамени 105
головушка 72, 168
голод 185, 198
голоден 84, 173, 219
голодный 177, 187, 215
голубь 166, 194—195
гонец 40, 186
гонити 216
гонять 142, 214
гоняться 55
гора 44, 95, 132, 148
гораздо 39, 41, 71—72, 161, 169, 174, 215, 219
горенка 72
гореть 39
горло 173, 227
горница 131—132, 166
горностай 194
город 39—40, 84, 108—110, 163, 173, 205, 215, 222, 224, 233—234
город «огород» 86, 159
городить 84, 160
городовой 40, 117, 119, 122
городок 122
городоцкий 109
горох 87, 159, 197, 222
горсть 63—64
горшечный 142
горшок 167, 197, 229
горшочек 167
горький 101
господский 109
готов 159
готовить 166
готовый 166
грабеж 96
грабли — назв. бортн. знамени 104
грамота 71, 94—96, 108—110, 136, 163, 203, 234
грамотка 41, 71—72, 142, 161, 168, 215, 218, 224, 231
грань 37—38, 65, 137
гребенка — назв. бортн. знамени 104
гребень 90
гребец 71
грести 71
грех 102
греча 161, 174
гречиха 83, 87, 159
грешный 230
гриб 102, 167
грива 85—86
гривенка 167, 197
гривна 86, 203, 224
грозить 101
грозный 164
грузить 229
грузка 170, 181
груша 167
гряда 86, 159, 222
грязен 215
губа 85
губной 119—120, 201
губы «грибы» 86
гудок 40
гулящий (человек) 85
гуменный 197
гумно 87, 94, 97—99, 139
гусли 109
гусь 87, 161—162, 195
Дабы 235
давати, -ть 38, 55, 164, 166, 193, 216, 222, 233
давно 102—103
давывать 188
далече 89, 175
дальний 168, 175
дание 186
дань 143
дати, -ть 37—38, 42, 66, 71—72, 84—85, 89, 91, 93, 101—102, 115, 136, 142, 160—161, 164, 166, 174, 176, 178, 185, 188, 193—194, 198—199, 223—224, 227—228
даточный 194
датский 40
дача 37, 66, 148, 209, 211
дверь 90, 96, 166
двор 33, 39, 81, 83—84, 86—90, 92, 94, 97—102, 114, 129—130, 136, 139, 143, 160, 162, 164—165, 199, 207, 209, 218—219, 224, 234
дворец 100, 102
дворище 113
дворовый 84, 86, 94—95, 99—100, 114
дворянин 40, 193, 224 231
дебелость 180
деверь 33, 113
девичий 96, 225
девка 72, 81, 94, 108, 142, 148, 164, 194
девочка 71
дед 169
дедушка 169, 183
действо 108—110
делати, -ть 43, 66, 90, 101, 108—110, 142, 160—161, 163, 174, 205, 219—220, 234
делаться 72, 108, 110
дело 39, 65—66, 71, 81, 83, 85, 101, 103, 109—110, 163—

164, 173—175, 207—208, 211, 222, 230, 235
деловец 193
делывать 188
денежный 160, 190, 226
день 38—40, 81, 83, 87—89, 91, 101, 108—110, 141, 160, 164, 177—178
деньга 85—86
деньги 33, 85—86, 92—93, 173, 179, 193—194, 198—199, 207, 222—226, 228, 233
деньжонцы 185
деревнишко 184, 186
деревня 81—82, 163, 173—174, 220
дерево 44, 65
деревянный 39, 86
держать 39, 89, 91, 173, 180, 225
держаться 110, 173
держка 170, 181
десница 171
десятина 37, 83—84, 87, 94, 96—99, 159, 161, 169
десятня 92
десяток 64
дети 33, 70, 72, 88, 95—96, 102, 108—111, 136, 168—169, 171, 193—194, 207, 210, 225, 231, 234
детишки 207—208
детки 71, 169, 171, 207—208, 210, 222
детушки 169—170, 207
деяться 83
дивиться 164, 174
дивно 43
дикий 53, 94—96, 113—115, 136, 138
дикуша 162
длина 90, 96
длинник 37, 99, 199
дмитровский 82
дневной 40
днесь 172
добитися, -ться 39, 224
добр «хорош» 205, 219
добре 40
добресть 213
добро *в знач. сущ.* 65, 164, 219—220
доброе *в знач. сущ.* 101
доброжелатель 207
добросродственный 171
добротворящий 172
доброхотать 215
добрый «хороший» 71—72, 94—96, 110, 136, 159, 161, 168, 175, 195, 222
добыть 197, 224
доводиться 89
довольно 198
довольный «достаточный» 163, 173, 192
договор 198—199
договориться 178
догрузка 181
дождать 214
дождевой 188
дожидаться 229
дозорный 95
доимка 181
докладывать 65—66
доконечно 216
доктор 40, 43
докупаться (*сов. в.* докупиться) 39
докучник 171
долг 101
долгий 205
долго 71, 176
должен 164
долов 203
долой 203
дом 81, 96, 108—109, 164, 171, 173, 201, 205, 207, 222—224, 231
дома 41, 87, 169
домачний 235
домашний 222
домишко 178, 201, 207
домов *нареч.* 85, 88—89, 203
домой 164, 203
домра 109
донести 227
доносить 229
донской 71
дополнить 166
доправить 163, 222
допрашивать 236
допрос 38
допросить 237
дор 197
дорог 174, 192
дорога 37, 41, 44, 65—67, 85, 88—90, 94, 136, 142, 168—169, 175, 210, 214—215, 228
дорогой 175, 215
дороже 71
дорожка 95, 114
дорываться 101
досада 173
досеять 159
доска 90, 108—109
доспеть 169
доступать 215
дотащить 40
доход 160, 226
доходить 65
дочеришка 169, 183
дочишка 183, 225
дочь 81, 94, 97—98, 101, 103, 114—115, 142, 148, 165, 169, 193—194
драгун 86
дрань 166
драть 160, 222
драться 81
древний 231
дрова 66, 86, 163—164, 173, 215, 220
дровяной 53, 148
друг 70—72, 168—169, 172, 174—175, 223
друг (*в выражении* сам друг) 228
другой 38, 42, 65, 67, 84, 87, 89, 99, 111, 130, 159—160, 177, 234
дряхлость 186

дуб 37—38, 113—114, 132—133, 137, 165, 197
дубец 137, 197
дубов 38, 148
дубовый 86, 90, 148, 197
дубок 37
дуброва 38, 136
дуга 205
дуга — назв. бортн. знамени 104
дужка — назв. бортн. знамени 104
думный 230—231
дурно *в знач. сущ.* 110, 199
дурость 66, 220
духовная *в знач. сущ.* 174
духовный 109
душа 84, 142, 175, 188, 215, 229
дьявольский 108
дьяк 71, 94, 108, 136, 148, 193, 230
дьякон 53, 110
дьячков 102
дьячок 53, 93, 97, 101, 112, 115—119, 123, 125
дядюшка 169, 234—235
дядя 65—66, 89, 100—101, 136, 169, 209

Евангельский 97—99
егорьевский 112, 114—115
езда 44
ездить 33, 54, 65—66, 87—89, 114—115, 160, 187, 220, 231
ездок 116—117, 136, 234
ей *межд.* 66, 169
ей-ей *межд.* 72, 73, 97—99, 168, 188
елецкий 81—82, 118, 123
ель — назв. бортн. знамени 105
ельчанин 99
ельченин 97—98, 118, 123
емены 173
емки 129
ендовище 132—133
ерек 114, 132
есаул 118
есть 164, 177, 222, 224
есть «имеется» 95
ефес 132
ефимок 44
ехать 33, 44, 71, 114, 132, 214—215, 219, 228

Жаден 171
жалеть 109, 175, 215, 222, 226
жалоба 39, 81—82, 84
жалованье 171, 179
жаловать 175
жаль 103
жать (хлеб в поле) 83, 87, 229
ждать 71, 91
желатель 65, 210
желать 70, 171, 223, 235
железо 43
желтый 91
желудок 43
жемчуг 197
жена 41, 70, 72, 83, 85, 88, 94, 97—99, 101, 103, 108—110, 142, 165, 169, 171, 173, 180, 193—194, 203, 207, 219, 222, 235
женить 214
жениться 83
женишко, -ка 70, 168, 169, 171, 184, 207, 208, 222
женский 43, 108—109
жеребенок 84, 160
жеребий 114, 147, 163
жеребчина 208, 229
жерновы, -ва 204
жерноклев 106
жестоко 40
жестяной 166
жечь 44, 139
жив 41, 66, 103, 165, 184, 208, 219, 229—230
живет «бывает» 23, 43
живиться 164, 174
живой 229
живот «жизнь» 143, 164, 186
живот, животы «имущество» 86, 92, 96, 207
животина *собир.* 86—87, 89, 98, 142, 188, 195
животинишка 164, 185, 224
животинный 214
животишки «имущество» 186
жила 43
жилец 82
жилецкий 109—110
жилой 129—130
житель 207
житница 161, 166, 229, 234
житный 229
житня 143
жить 39, 54, 72, 81, 89, 94, 98, 136, 138, 164, 169, 215, 219, 222, 225, 229, 230, 235
житье «жилище» 165
жнитво 219
жонка 38—39, 108, 142, 188, 218
жорны «жернова» 86—87, 130

Забвение 170
забирать 90
забрать 90
забыть 108, 168, 173
завалиться 176
завезти 91
завертка 41
завести 160
завладеть 93
завод 86, 198, 208, 234
завод «зачин» 96, 110—111

заводить 159
заводчик 186
завтре 222
завязать 91
загнать 164, 195, 209, 216, 229
заговеть 178
заговеться 164
загореться 39, 55
задавить 177
задаточный 179
задержка 170, 181
задний 72, 99
заехать 216
зажечь 39
заживаться 66—67, 220
заживка 170, 181
заимать 90, 215
займовать 192, 197
заказ 110
заказать 66
закипеть 44
закладная *в знач. сущ.* 163
заключенье 230
закричать 88—89
закупить 85
закупщик 186
закута 130
замашечки 185
замашки 64
(в) замет 84
замешкать 178
замочка 170, 181
замуж 142, 194
замучиться 163
замытиться 162
занемочь 222
занемощевать 101
занять «взять взаймы» 198
занять «задеть, захватить» 81
заодна 164
запас 71, 166, 193, 198, 207, 215
запасец 185
запасть 42, 160, 162
запасчик 207
запахать 188
запечатать 96, 167
записка 181
запись 66, 163, 188, 193
запиться 40
заплатить 224
заплести 160
заплот 130
заплыть «затечь чем-нибудь» 65
заповедь 97—99
запрет 198
запрудить 160
запустить 160
зарод 160
зарушиться 166
заскорбеть 184
заставить 101, 163—164, 173
застрелить 81
заступа — назв. бортн. знамени 104
заступить 179
заступление 230
заступница 164
засуха 160, 162
затинщик 82, 194
затопить (волнами) 234
затравить 83
зацепить 38
зачинаться 43
зашибить 88—89
зашить 201, 229
заячий — в назв. бортн. знамени 105
звать 39
звезда 43
звездочелина 85
звездочелька 86
звено (реки) 33
зверь 86, 194—195
зголовь 132
здесь 40, 219
здеся 197
здоров 72, 223—224
здорово 223
здоровье 40—41, 53, 70—72, 168—172, 214—215, 220, 222, 230
здравие 171—172, 235
здравствовать 65, 70, 168, 171—172, 207—208, 214, 223—224, 235
зеленый 53, 91
зело 43
земля 37, 40, 43, 64—67, 88—89, 94, 115, 136, 159, 166, 170, 203, 207, 214, 226, 234
земляной 84, 131
земной 170—171
земский 100, 117
зеркало 41, 167
зима 203
зимний 160, 198, 225
зипунишко 91
зло 234
змейка — назв. бортн. знамени 105
змея 101
знавать 87
знакомец 230
знамя 43
знатно «известно» 89, 91
знать 43, 88—89, 188, 219, 230
знобленье 225
золотник 198
золотничок 185
золотный 197, 222
золотой 168
золотой *в знач. сущ.* 93
зрительный 43
зяблый 161
зять 97—98, 136, 152, 169, 188

Ивовый 37
игра 108—109
играть 43, 108, 141
игумен 109
игуменья 96
идти 70, 99, 102, 133, 168—169, 171, 175, 207, 215, 223—224
изба 23, 33, 86, 88, 96, 99—100, 102, 110—111, 129—130, 133, 142, 160, 163—164, 166, 176, 220, 239, 251
избенка 83—84, 131, 166
избушка 218
избывать 84
изверстовать 96

извещать 38, 85, 100
извозчик 91, 234
изволение 180, 186, 214
изволить 64—66, 70, 72, 160, 164, 168, 174, 178, 188, 197, 205, 218—219, 223—225, 234
издержать 228
излутчать 176
измерить 96, 114
измотать 234
изневесть 40
износить 72, 168
изрог 131
изрядный 71
изувечить 33, 84
изъявить 102
изъян 198
изымать 53
икона 90
иконник 164, 186
иконный 163, 166
имать 142, 160—161, 166, 193—195, 226
иматься 115
иматьсять 115
именинница 178
именинный 168, 178
именины 82, 179, 185
именно 101—102
именьишко 66
иметь 43, 175, 198, 222, 235
имя 38
индейка 177
индейский 162, 177, 195
иноземец 38
иной 39—40, 42, 66, 74, 102, 108, 160, 164, 166, 194—195, 198, 205, 211, 219, 224, 235
иноходчик 185
иск 198
искатель 171
искать 64—66, 171, 210, 215
искус 199
испить 38
исподний 90
испортить 215
испродать 195
истец 219
источник 44
исход 83
итить 207, 213
июль 100
июнь 41, 71

Кабак 96
кабала «документ» 163
кабальный 39
кабацкий 96
кабы, 40, 102
кадка 86, 164, 166
кадочка 166
кадь 166
казак 38, 71, 81—82, 85, 110, 118—119, 194, 207
казанец 186
казати, —ть 164, 173, 195
казать «говорить» 101—102
казачонок 208
казенный 82
казна 216
каков 71, 161
какой 65—66, 96, 101, 109, 161, 164, 195, 199, 236
калач 168
калева 133
калевный 133
калита — назв. бортн. знамени 104
калуженин 159
камение *собир.* 93
каменный 44, 90
камень 43
камка 72, 168
камочка 72, 168, 185
камчуг 177, 180
камыш 37
канальный 235
капуста 86, 159, 161, 164
карабин 207
караван 180
карачевский 119
карета 44
карповский 85
карь 87
каур 83
кафтан 72, 91, 168
качаться 109
качели 108—109
каша 82, 141
кашивать 188
кашинский 177
квас 164
квасник 186
кедровый 41, 166
келарь 96
келья 84, 142
кербь 169, 197
киец — назв. бортн. знамени 104
кила 38
киловатый 38
кипа 169
кирпич 197
кирпичник 186
кишка 43
кладка 170, 181
кладывать 84
класть 44
клевец 106
клепать 39
клетка 84
клеть 33, 81, 84, 86, 99, 101—102, 129—130, 132—133, 166, 252
клец 106
клецы — назв. бортн. знамени 104—106
клецки — назв. бортн. знамени 104
кликать 71
клок 173
ключ — назв. бортн. знамени 104
ключик — назв. бортн. знамени 104
кляга «фляга»? 86
клясть 188, 222
клятва 188
книга 65—66, 94—95, 112, 163, 226, 228
князь 166
кобель 195
кобыла 83—84, 87, 195, 214, 216
кобылка 109
ковать 87
ковш 86

ковыла 160, 162
кожа 88, 164
коза — назв. бортн. знамени 105
козел 194
козий — в назв. бортн. знамени 105
козиный 33
козка — назв. бортн. знамени 105
козловский 159
кол 216
коленце — назв. бортн. знамени 105
колесница 233
колесо 44
колечко 168
коли 39, 101
колик 185
колодезь 91, 95, 102, 113—115, 133, 142, 243
колодка — назв. бортн. знамени 104
колок 137, 147
колонна 90
колыхаться 108
колье *собир.* 83—84
комиссар 235
комната 132
конец 99, 136—137
конечно 176
коник 84
коновал 159
конопатка 170, 181
конопи 159
конопли 223
конопляный 161
конский 188, 214
кончать 71
конь 23, 84, 86, 129, 194, 211, 215, 239
конь — назв. бортн. знамени 105
конюх 147
конюшня 130, 166, 195
копать 195
копна 83, 87, 169
копыл — назв. бортн. знамени 104—105
копылец — назв. бортн. знамени 104
копылье *собир.* 101
копье 91
корабельный 40
корабельщик 40
корабль 40
корень 37, 201
корец 252
корм 53, 66, 197, 216
кормить 64, 142—143, 195
кормовой 118
кормщик 79
коробейный 84
коробченка 166
коробья 166
корова 83, 97—98, 101, 115, 194—195, 216
коровий 161, 167
королевский 40
король 40
коромысло — назв. бортн. знамени 104—105
коса (на голове) — назв. бортн. знамени 105
коса (сенокосная) 86, 143
коса (сенокосная) — назв. бортн. знамени 104
косарь 166
косити, -ть 33, 54—55, 137, 143, 161, 207, 209
косица — назв. бортн. знамени 105
косицы — назв. бортн. знамени 105
косой 90
костерь 224
костромской 208
кость 43, 164
косье 86
косяк 90, 223
котел 41, 167
котельник 186
котлик 167
котлубанинка 113
который 38—40, 43, 65, 71—72, 74, 83, 88, 90, 102, 109—110, 112, 161, 168, 190, 194, 198, 205, 208, 214—215, 224—225, 228
кочерга – назв. бортн. знамени 104—105
кочет 129
кошуля 166
краковист 37, 132
крапива 84
крапивенский 138
красный (лес) 165, 197
крепкий 43
крепко 40
крепость «документ» 66, 163, 211
крест 91
крестник 214
крестьянин 65, 82, 91, 94, 96, 102, 136, 152, 166, 193, 207—208, 210, 212, 215, 224
крестьянинец 53, 82
крестьянинишка 177
крестьянишка 42, 207, 223—225
крестьянский 94, 207
кривой 137
крик 198
кринка 167
кровля 90
кровля «крышка коробьи или лукошка» 166
кровь 43, 81
кроме 197
крошенька 41, 169
круглый 41, 142, 166
кружечный 86
кружка 167
кружочек 197
крупа 161, 174
крутоярина 94
крылос 90
крылья — в назв. бортн. знамени 105
крымский 94, 97, 136
крыть 90—91, 142
крышка 181
крюк — назв. бортн. знамени 104
крючок 38

крючья — назв. бортн. знамени 104
кстины 82
кувшин 167
кузнец 82, 85, 194, 234
кузнечный 85
кузница 85
кузничишка 85
кукиш 164, 173
кулачный 108—109
кулек 169
кулига 23, 131, 133, 252
куль 169
куманек 183
кумач 91
купить 166, 185, 192, 194, 197, 204, 216, 218—219, 224, 229
купчая *в знач. сущ.* 163
курган 113
курий — в назв. бортн. знамени 105
курица 177
курник 130
курский 83, 85, 96, 119—120
курта 142
курфист 39
курфистский 40
курченин 97, 110, 119—120, 242
куры 161—162, 195
куст 37
кусток 37
кушак 91
кушать 178

Лагунчик 167
лад 198
ладан 197
ладони — назв. бортн. знамени 105
ладонь 109
лазоревый 53
лапа — в назв. бортн. знамени 105
лапка — назв. бортн. знамени 105
лапоть 164, 174
ларчик 166, 207
лаять «бранить» 81
лебеда 203
лебедь 195
левый 33, 86, 90
легкое *в знач. сущ.* 43
легок 178
лед 190, 201
ледник 166
лежать 43, 54, 86, 88—89, 91, 95, 176
лежачий 132
лека 180
лекарство 167
лекарь 177, 180
лемеш 86
лен 63—64, 159, 197
лес 33, 65, 88, 94—96, 101, 113, 131—133, 136—137, 148, 165, 173—174, 194, 197, 201
лес «строительный материал» 90, 197
лесок 33, 94, 114
летний 160, 225—226
лето «время между весной и осенью» 44, 66—67, 72, 210
лето «год» 43, 65, 70, 85—86, 94, 97—99, 164, 168, 171—173, 188, 223—224
летось 229
ливенец 98, 112, 123—124
ливенский 37
липовый 130, 166
липяг 114
лисий 132
лисица 91
лист 201
литавры 176
лицо 170—171
личина «маска» 109
лишек 199
лишний 228
лоб 85—86
лов 199
ловити, -ть 142, 161, 195
ловля 114, 136, 160, 225—226
лог 131
лодка 234
ложный 53, 219, 230
лоза 37
локотки — назв. бортн. знамени 105
ломиться 207, 209
лонись 252
лонской 23, 129—130, 133, 239, 252
лопата — назв. бортн. знамени 104
лопатка — назв. бортн. знамени 104
лосиный — в назв. бортн. знамени 105
лоскуточек 72, 168
лосось *ж. р.* 192
лоточный 201
лошадиный 198
лошадь 40, 66, 83—84, 86—89, 91, 97—99, 129, 159—160, 173, 187, 194—195, 206, 211, 215, 239
луг 201, 205—206, 209, 214
лук «растение» 197
лук «оружие» 84, 91, 206
лук «оружие» — назв. бортн. знамени 105
лукавный 230
лукошко 166, 234
луневый — в назв. бортн. знамени 105
лучина 101
лучиться 66
лучок «растение» 197
лучше 178
лыч — назв. бортн. знамени 105
льзя 177
льняной 91, 164
люб 169
любить 101, 171, 175, 207
любовь 171, 175
люди 32, 39—40, 66, 72, 91, 94—95, 97—103, 108—110, 114, 136, 159, 164, 168, 175, 177, 193—194, 206, 209, 219, 224—226, 228, 230

людишки 39, 180, 215
людской 164, 224
лягушка 38

Май 41
мал 219
маленький 41, 169
мало 112, 171
малоумный 108
малый 37, 114, 168, 175, 223
малый *в знач. сущ.* 66, 215, 220
мальчишко, -ка 183, 225
малюк 38
март 94, 235
масленый 82
маслице 185
масло 161, 167
мастер 205
мастерской 90, 166
матерно 164
матица 165
матка 183
матушка 183, 234
мать 97—99, 102, 143, 181, 237
мах 173
мед 33, 82, 166, 197
медведно 41
медвеный 245
медный 166
меж 84, 92, 99, 108—109, 113, 219
межа 64—66, 137, 142
между 102
межеванье 66, 96, 209
межевать 66, 209
межевой 66
мелкий 64, 85, 201
мелок *прил.* 199
мельник 207
мельница 130, 160, 174
мельничный 130
мена 218
меньше 37, 44
меньший 101
меньшой 114
мера 83, 96, 169, 173, 193, 203
мерин 83—86, 93, 159, 194, 208
меринок 87
мерить 96, 113—114
мерный 96
мертв 88
мертвый 40, 85
мерщик 118
местный 90
место 40, 44, 64, 84, 94—95, 99—100, 112, 114—115, 142, 159, 185, 211
место (санное) 41
месяц 214
метальник 43
метать 102, 129
метаться 194
мех «мешок» 169
мецненин 94, 120
мечтание 186
мешкать 41, 198, 214
мешок 86, 170
мешочек 185
мил 175
миловать 41
милосердый 230
милостивый 171—172, 230, 235
милость 171, 174, 179, 224, 230—231, 235
милый 175
милый *в знач. сущ.* 175
мимо 102, 173
мир 70, 171, 175, 198
мир «вселенная» 172
мир «сельская община» 160, 174, 226
миром (питаюсь) 42
мирской 108—110
младенец 108—109
младенческий 43
мнится 164
мнить 39
многи 108
многие 40, 43—44, 65, 70, 97, 108—110, 171—172, 205, 207, 211, 223—224, 231
много 40, 71, 171—172, 197—198, 205
многожды 110
многократно 101
многолетно 70, 171—172, 235
многолетний 53, 70, 172, 235
множественно 171
множество 70, 168, 172
можно 43—44, 177, 235
мозг 43
мокрядь 163
молачивать 83
молвить 102
молитва 44
молить 171, 225
молиться 102
молодица 87
молодой 40
(об) молоду 83
молотить 64, 87, 159
монастырский 90, 166, 188
монастырь 53
монисты 84
море 40
мороз 41
московский 53, 185
мост 91
мост «пол» 90
мостить 90
мотовило — назв. бортн. знамени 104—105
моторса — назв. бортн. знамени 105
мочно 177
мочь *гл.* 40, 169, 230
мочь *сущ.* 142, 187
мошно 41, 66, 193
мститься 85
муж 84, 114, 142, 164, 193, 234
мужеск 198
мужеский 43
мужик 40, 83, 109, 188
мужиченко 42
мужичий 40
мужской 108—109
музикеи 40
му́ка 163
мука́ 41, 207, 216
муравейник 38

муромский 53
мучивать 84
мушкет 43
мшеничишко 130
мыт 198
мыть 162
мышаст 87
мягок 43
мясо 161
мясопустный 82
мятежный 108

Набить 192
наверху 44
навести, -ть 173, 213
наветник 231
наг 84, 142
нагло 177
наглый 177
надвое 81
надворье 90
надежа 173
надежен 222
надеяние 235
надеять 215
надеяться 214—215, 231
надобен 66, 74, 167
надобеть 197
надобно 65—66, 71, 161, 192, 229
надолба 65
надрать 197
наем 99, 198—199
наемщик 186
наехать 87
назад 215, 228
названый 231
называть 209
наимать 215
наистопок 166, 194
найти 176
найти (на ум) 173
наказ 95, 198
наказанье 109—110
наказный 136
накладывать 91, 109
накласть 91, 214
наклонить 37
накляп 37—38
накрепко 95
накупать «подкупать» 181
налево 86, 137
налету 43
налить 44
налога 190
налоги 109
наметить 164
нанести 231
нанимать 90, 215
наносный 53
нанять 71, 91, 234
напамятовать 230
напасть *сущ.* 231
наперед 95
напереж 220
написать 66, 71, 95, 108, 137, 173—174, 197, 229
напиться 81
напол 87—89
напомянуть 223—224
направо 85—86
напрасно 39, 169
напрасный 53
нарежье (?) 142
нарочитый 224—225
нарочно 65—66, 210
нарский 208
наруганье 84
наругиваться 84
наряд «артиллерийские орудия» 207
нарядить 109
наряжаться 66—67, 209
насадить 166
насечь 113
насеять 205, 226
насильством *нареч.* 81, 195
наставить 66
наступать 40
насыпать *несов. в.* 44
насыпка 167
научиться 38
начаток 198
начаяться 230
начет 198
начитать «надеяться» 173
небольшой 72, 185, 199
небылица 102
невежливый 38
неверка 39, 101
невестка 65—66, 99, 169, 176, 193
невестушка 183, 222
невод 160, 225—226
невозможно 44, 163—164
неволею 203, 222
неволя 84, 203
негде 173, 224
недавно 40
неделя 82, 108, 187, 224, 234
недобрый 101
недоговорка 181
недоезжать 33
недолго 169
недород 190, 199
недорода 190
недосуг 228
недосужество 186
недруг 39
недружба 39
неистовство 108
неисчетный 70
неколи 39, 166, 197
нельзе 164
немало 103
немецкий 185, 207
немногие 159
немного 41, 71
немогута 176
немочно 38
немошно 41
немощный 102
неоплошно 41, 166, 169
неотступный 171
неподобно 44
неподобный 83, 208
непорочный 97—99
неправедный 231
непрестанно 43
непригожий 38
неприятель 72, 193
нескончаемый 180—181
несовершенный 177
нестатный «невозможный» 174
нести 66—67, 219, 234
нет 40, 64—66, 71—72, 87, 91, 142, 159, 163, 166, 173, 186, 190, 192, 195, 197—199, 224, 226, 229

нетленен 43
нету 65, 168
неустойка 181
нехорошо 101
нива 203
нивица 197
нивишка 186
нижайший 171
ниже 94
нижегородец 186
нижегородский 204
нижний 133
низовой 205
никогда 72
николаевский 112
никольский 53, 112, 136
нитка 101
ниц 89
нищий 84, 225—226
новина 162
новоприборный 81
новосилец 95—96, 115, 121, 124
новосильский 121, 124
новый 66, 142, 160, 166
нога 40, 43, 66—67, 81, 132, 164, 171, 173, 177, 180, 210
ногайский 97, 136
нож 206
ножки — назв. бортн. знамени 105
ноздря 85
ноне 83—84
нонече 222
норовить 228
носить 72, 101, 168
носиться 40
ночвища — назв. бортн. знамени 104
ночвы 252
ночвы — назв. бортн. знамени 104—106
ночевать 88
ночь 39—40, 88, 102, 108—109, 211
нощь 102
ноябрь 41, 81—82
нужа 66—67
нужда 177, 235
нужен 177
нужно 169, 177, 209
нужный 177
нутрь 166
ныне 65, 164
нынече 224, 230
нынешний 42, 83, 94, 160

Обапол 113—115
обапольный 113—115
обвалиться 72
обед 39, 89, 102
обедня 178
обезножеть 215
оберегать 65, 210
обещание 170
обивать 88—89
обида 219, 222
обидеть 222
обить 96
обиход 188, 209
облегчение 176
облегчиться «быть легким на подъем, приехать вскоре, немедля» 178
обложить 165
обменить 159
обнажить 84
(в) обойма 38
оболонье 107, 250
оборвать 85
обоянец 85—86
обоянский 85—86
обрадоваться 230
образ «икона» 86, 101, 164
обретаться 222
оброк 42, 63, 95, 106, 160, 174, 195, 198—199, 225—226
оброчный 160, 225—226, 228
обруч 88—89
обручник 186
обрыв 85
обуваться 164, 174
обух 164
обчий 65
объезд 198
объявить 87, 222
объявиться 55, 88
обыск 92, 163, 243
обысчик 119
обычай 211
овес 41—42, 83—84, 87, 159—161, 166, 177, 179, 192, 222—224
овечий 130
овин 107, 131, 133, 166, 192, 234
овощ *ж. р.* 86
овощник 159, 162
овощь *ж. р.* 161, 191—192
овсяный 98
овца 97—99, 195
овчинный 91
овчух 130
оглашать 39
оглобли — назв. бортн. знамени 104—105
огноиться 163
огонь 39
огород 87, 94, 99, 159
огородить 83—84, 131
огородный 99
огурец 159, 161, 166
одва 40, 72, 219
одежа 166
одинакий 42
одинова 187—188
одиножды 81, 109
одноконечно 234
однолично 142, 218
одолжить 177, 179
одонок 87
одонье 98—99
одрище 86
озадки 64
оздраветь 102
озерище 113
озеро 53, 161
означить 103
ознобить 41, 196
озорничество 199
оклад 95, 114—115, 137, 163, 198—199
окно 90, 166
околка 181
около 219
околоток 219
окольничий 148
окончина 86, 166
окончинка 166

окроме 39—40, 110, 199
октябрь 66, 87
окуп 198
окупиться 42
олений — в назв. бортн. знамени 105
оловянный 166—167
ольха 114—115
ольховый 147
онучки — назв. бортн. знамени 104—105
оный 101—103, 235
опальный 100
опасаться 102
опаска 181
опасно 71—72
опасть 89
опась «опасение» 180
описать 180
описка 181
оплошка 173, 181
опричь 226
опрокинуться 237
опростанье 186
опустить 40
опять 96, 161
ореховый 185
орленин 94
орлиный — в назв. бортн. знамени 105
орловский 66, 94
орлянин 85, 95 222
осадный 117, 119, 122, 124, 191
осек 97, 160
осенний 160, 177, 198, 225, 234
осень 87—88, 186
осинов 147
осиновый 37, 147
оскудение 170, 186
оскудить 175
ослаба 110
ослоп 39, 85, 207, 209
осолить 162
оспорить 222
оставаться 171, 235
оставить 84, 142, 159, 161, 166
остановка 181
остаток 98—99, 142, 198—199
остаться 38, 63, 94, 96, 98—99, 142, 164, 173
остров 201
осударев 160, 226
осуженье 233
осьмерик 90
осьмина «мера земельной площади» 65
осьмина «мера сыпучих тел» 81—82, 141, 159, 164, 192, 197, 203
осьминка «мера сыпучих тел» 141
осьминник «мера земельной площади» 83—84
отбегать *несов. в.* 175
отбить 40
отвалка 181
отвезти, -ть 88—89, 213
отвершек 95, 138
отвести, -ть 87, 222
ответчик 186
отвод 37
отвозить 88
отворить 44
отворот 198
отдавать 216, 235
отдать 81, 84, 95, 102, 142, 159, 166—167, 171, 186, 188, 190, 193—194, 197, 207, 215, 218—219, 222, 224, 228
отдел 32—33, 95, 114
отделить 33, 95, 114, 132, 136
отделка 181
отдельный 32—33, 95
отдельщик 117—118
отец 44, 89, 93, 97—98, 100—101, 109—110, 114, 169, 235
отеческий 171
отказ 112—115, 198, 231
отказать 94, 115, 164
отказный 94, 112, 163
отказчик 117—122
откуп 198
отлетать 175
отлучать 108
отмежевать 65
отмер 198
отмет 86
отнять 165
отняться 173, 177
отогнать 97—99, 194—195
отойти 72
отолочь 161
отослать 197
отпевывать 188
отписати, -ть 66, 72, 96, 110, 161—162, 168, 175, 177—178, 187, 197, 208, 222—223, 229, 230—231
отписка 163, 181, 214
отпись 160, 163, 211, 226
отпихнуть 38
отпороть 72, 168
отпужать 195
отпуск 180, 198—199
отпускать 214
отпустить 159, 203, 205, 207
отрываться 44
отсадить 38
отселе 40
отставить 41
отставка 181
отстать 109—110, 198
отступ 198
отступиться 230
оттоле 40
отходити, -ть «вылечить» 102
отходить 198
отчал 245
отчим 169
отъезд 190
отъездка 170, 181, 190
отъехать 91
отымать 186
охрометь 159
оценить 99
оценка 181
очи 178
очистка 170, 181
очищать 44
очной 148
очный 148, 163, 219

Паз 201
паки 171
палата 40, 72, 234
палатка 90, 142
палец 44
палица — назв. бортн. знамени 104
палка 209
палка — назв. бортн. знамени 104
память 230
память «документ» 114, 136, 163, 225, 228
панихида 188
панья 166
паперть 90
париться 39, 187,
парка (*от* пара) 195
пастух 89
пасть *гл.* 65, 67, 170—171, 210, 214
пасынок 114, 136, 164, 219
патог «батог» 39, 233
патриарх 230
патриархов 230—231
паханый 94, 114, 136
пахать 54, 160—161
пахивать 188
пашенный 33
пашня 94—95, 106, 114—115, 136, 160—161, 234
пегий 229
пение 108—109
пень 38, 148
пень «саженец плодового дерева» 159, 162
пенел 44
первак 197
перебороти 233
перебрать 90, 159, 234
перевернуться 43
перевес 86
перевести 74
перевод 198
перевозка 181
перевязка 86
переговаривать 219
переговорить 174, 178
перегрузка 181
перед *сущ.* 199
передвинуть 44
передвоить 222
передний 90, 99, 165
переехать 91
перелесок 131
перелог 94, 115, 136
переломать 72
переломить 81
переменить 193, 222
перемока 162
перенесть 142
переодеться 40
переписать 74, 94—96
переписывать 166
переплатить 225
перерубный 90
перескочить 43
переставливать 166
перестать 38
перестрелять 222
переходить 216
перина 86
перстень 84, 91
песня 108—109
пестрядинный 91
песцовый 185
петух 23, 129
петь 108—109
пехота 147, 207
печалиться 71—72, 168, 175
печаль 168, 174, 233
печально 71
печатать 96
печень 43
печоный 163, 173
печь *сущ.* 101—102, 142, 161
пиво 33, 41, 87—89, 164, 197
пилярка 44
пирог 164, 178
писанейце 230
писание 70
писаньице 170
писать 41, 63—67, 70—72, 81, 93—94, 96—100, 110, 112, 159, 161, 163, 166, 168, 170—171, 175—176, 191, 194—195, 205, 218—220, 222—223, 226, 230, 234—235
писец 66, 186,
пистоль *м. р.* 192
пистоль *ж. р.* 192
писцовый 64—66, 163
писчий 86
письмо 65—66, 166, 173, 214, 234
питати, -ть 84, 142
питаться 42
пить 38, 40, 89, 102, 142, 164
питье 38
пищаль 81, 83—84, 174
плакать 72, 89, 164
плакаться 42, 147, 177, 224—225
пластинный 130
пластье 84
пластяной 83—84
платеж 198
платить 54, 160, 198—199, 224, 226
платок 91
платочек 168
платье 40, 81, 84, 109
плачивать 143, 188
плашье *собир.* 101
плевать 164
племянник 97, 99, 114—115, 169, 206, 222
племянница 97, 99, 142, 169, 194, 206
племянничишка 183
плескание 108
плести 164
плетневый 86
плеть 211
плечо 164
площадной 97, 116—118, 120—121, 123, 125
плуг 241
плясать 109
побег 198
победа 193
побежать 195, 215
поберечь 72, 168—169, 222
побивать 44
побивать «обивать» 90

побираться 163, 173
побить 40, 86, 162, 177, 195, 209
побить челом 230—231
побиться 55
побратим 84
побрать 91, 101
побресть 213
побывать 178
повалиться 72
повальный 163
поваренный 66, 220
поведение 170
повезти 84, 160
поверить 188
повесить 102
повестка 224
поветь 84, 131
повивальная (баба) 82
повидаться 169
повозить 197
поворотить 215
повыгореть 187
повязать 91
погибать 109, 186
погибельный 163, 230
погинуть 191
погнушаться 231
поговаривать 219
поговорить 230—231, 234
погода 188
пограбить 96, 177, 195, 209
погреб 162, 166, 205
погребение 72, 233
погребец 166
подарить 175
подать *гл.* 70—71, 111, 170, 191, 230, 234
подвода 90—91, 210
подводчик 91, 207
подводчиков 91
подволока 90
подговаривать 234
подгуменник 94—95
поделка 181
поденный 53
подержать 174, 198
подзор 90
подивляться 231
подклет 131—132, 166
подковать 195
подкрепление 170
подле 86, 131
подлесок 33
подлинно 95, 178
подменный 83
подметить 33
подмосковный 72, 194
подмочить 214, 229
подножие 171
поднять 234
подобно 43—44
подол 95
подпол 84
подпора 164
подрезать *сов. в.* 33, 86
подрубить 165
подряд 198
подрядить 224
подрядчик 224
подряжаться 224
подставка 81—82
подушка 86
подушный 163
подход 72
подъезд 198, 219
подымать 173
подьячий 96, 100, 119, 121, 137—138, 166, 207, 228
подьячишка 120
поезд 198
поездка 181
поехать 41, 87—91, 169, 175, 178, 203, 214, 216, 219, 222, 228, 234
пожалеть 71—72, 169
пожаловать 42, 64, 72, 84—85, 167, 174—178, 185, 193, 195, 223—225, 230—231
пожар 39, 194
пожелать 172
пожиток 198
пожня 131, 133, 188, 226, 252
пожог 39
позавести 187
позадь 37
позазрить 187
позамешкать 187
позапирать 187
позаседати 187
позаскорбеть 187
позахватить 187
позвать 88
поздравлять 175
позор 199
позорище 108—109
позумент 197
позябнуть 42, 160
поимать 39, 142
поиспоздаться 187
поисполнить 187
поиспортиться 187
поисправить 187
поисправиться 187
поить 142
пойти 40, 85, 89, 96, 102, 133, 147, 174, 193, 203, 207
показать 100, 229, 231
показывать 101
покинуть 166, 193, 207, 230—231
поклешный 198
поклон 171, 175, 235
поклониться 72, 172
покой 163—164
покос 33, 96, 243
покотельщина 245
покраденое *в знач. сущ.* 101
покрасть 102, 142, 215
покровский 112
покрывать 171
покупать 215, 229
покупка 85, 170, 181, 215
пол (мужской, женский) 43, 108—109, 198
полба 166
полдни «юг» 37
поле 87—89, 94—99, 108—109, 113—115, 133, 136—137, 161
полевой 111
полеву 37
полица 160
поличный 53
полк 142, 201, 208, 211, 218, 224, 235
полковой 117, 123
полно 40

полночь «север» 38
половина 42, 160, 166, 198, 224
положити, -ть 38, 41, 91, 102, 165—166, 179, 193, 198—199
полоз (санный) — в назв. бортн. знамени 104—105
полозовое *в знач. сущ.* 245
полон *прил.* 167
полон *сущ.* 94, 98—99, 142—143, 194, 198
полоса 197
полоть *сущ.* 166
полтевый 161
полтина 203
полуголова 193
полугорка 132
полугривна 197
полунива 203
(до) полусмерти 81
польский 198
польцо 136
поляк 173
полянка 37, 38, 132
помалу 231
помереть 236
поместный 138, 235
поместье 94—95, 113—115, 136—138, 164, 208, 219
помешка 181
помещик 32, 65—66, 89, 114, 142, 195
помещиков 94, 136
помещица 230
помещицын 230
помиловать 42, 159—160
помин 174, 178
поминать 38, 215
поминок 164
помирать 186, 215
помолиться 82
поморить 66
помянуть 82
понаказати, -ть 187
понакладати 188
понаслушать 187
понасмотреть 187
поневоле 174
понедельник 40
понеже 235
понести 38—39, 203
пониже 113
поновка 181
понос «поношение» 198
поносить «бранить, порочить» 220
поноска 170, 181
понятой *в знач. сущ.* 112
пообеpечь 187
пообеpечься 187
пообойтись 187
поопасаться 187
поопоздать 187
поопоздаться 187
поотдешеветь 187
поотстать 187
поп 53, 90, 93, 96, 101—102, 109—110, 112, 114, 136, 216, 225
поперек 96, 99
поперечник 99, 199
поплатиться 224
попомирать 187
попомнить 198
попортить 40
поправо 37
поправу 152
попроведать 187
попромыслить 187
попросить 89, 230
пора *сущ.* 38—39, 66, 159, 203
пора *в знач. безл. сказ.* 164, 219
поразговорить 187
порассмотреть 187
поровну 96
порожне 95
порозже 115
порозжий 86
поросенок 161
порости 33
пороть 85
порох 44
порочить 173
портиться 163
портки 89, 91
порука 82
поруха 110
поручный 163
(в те) поры 160—161
порядить 224
посад 99
посадить «поместить» 163
посадить (семя или саженец в землю) 159
посадский 96, 99—100, 106, 194
посередь 38
посетить 177
посещенье 230
посеять 83—84, 86, 159—160, 197, 214, 223
поскок 198
посконь 63—64
послатись 55
послать 66, 71—72, 96, 110, 160, 164, 166—168, 174, 177, 194, 197, 203, 207, 215, 226, 228, 230—231, 234
после 39—40, 88, 94, 96, 102
последний 193, 224
последствовать 108
послушать 160, 169
послушаться 230
посмешище 164
пособить 72
посол 39—40
посоломить (*от* солома) 160
поспешить 39, 198, 214
посреди 37
пост 83, 198, 224
поставить 82, 84, 90, 101, 142, 161—162, 166, 224
поставка 181
постель 176
постлать 84
постоять 175, 224
постричись 55
постричь 83—84
построить 90, 160, 222
поступной 163
посуда 166

посылать 66, 111, 160, 193, 220
посылка 181
посыльщик 177
посяжка 181
пот 163
потакать 164
потачка 181
поташ 197
потеря «смерть, убийство» 93
потерять 215, 222
потерять «убить» 93
потешный 40
потолок 166
потолочить 97—99
потопить (корабли) 40
потравить 83, 205, 214
потреба 101
по-турецки 43
потчевать 40
поумешкать 187
поуправиться 187
поуставиться 187
поутру 88
похвальба 234
поход 198, 222
похотеть 193, 216
похотеться 38
по-цесарски 43
почасту 110
почать 96, 207, 209
початься 55
почепец 117
починать 160
починивать 72
починить 71
починка 71, 181
починок 114
пошлина 85—86, 166, 188
пошлинный 86
пощадить 42, 160
пояс — назв. бортн. знамени 104
правда 97—99, 102, 115, 174
праведный 171
правеж 225
править 101, 195
правоверие 108
православный 108—109
правый «противоположный левому» 33, 86, 94, 99, 132
праздник 81, 88, 141
пребывать 43, 65, 210
предъявлять 235
преж 188, 230
преже 88—89, 160, 168, 226
прежний 65—66, 74, 161, 166, 176
презреть 185, 234
прелестник 108
прелесть 108—109
прельщать 108
прельщение 102
премногий 70, 215
премного 70, 72, 168
пресветлый 170
преслушать 230
пречистый 53, 164
прибавка 181
прибить 164
прибресть 225
прибылой 180
прибыть 225
привезти, -ть 41, 161, 190, 198, 213
привести, -ть 55, 87, 177, 195
привод 198
приводить 159
приворачивать 38
приганивать 188
пригнать 89, 195
приговаривать 38
приговор 199
пригодиться 166
пригоже 95
приготовление 170
приданое *в знач. сущ.* 84, 142
придел 113
приезд 198, 228
приездить 234
приезжать 89, 159
приезживать 188
прием 198
приемщик 166
приесть 164
приехать 40, 65, 71, 88—90, 136, 160, 190, 203, 210, 216, 222, 228
прижить 194
призвать 208
приземист 37
признак 132
призначно 39
призывать 108—109
прийти 39—40, 89, 96, 161, 169
прийтить 213
приказ «приказание» 159, 198—199, 225
приказ «учреждение» 71, 138
приказ «полк, военный отряд» 38—39, 81—82, 207
приказать 41—42, 66, 109, 159—160, 162, 169, 174, 185, 195, 197, 205, 207, 227, 229, 234, 235
приказный 88, 96, 159, 225, 230, 234
приказный *в знач. сущ.* 160
приказчик 102, 117, 119, 122, 164, 173, 186
приказчиковский 159
приказывать 188, 235
прикладка 181
приклет 130
приложить 112
принести, -ть 111, 142, 159, 213
принимать 227
принос 199
принять 173, 222, 224
припадать 171
припас 206
припись 94, 108, 136, 148
припойный 245
припущать 83
приращение 170
прирожение 180
присада 95
присаживать 38
прислать 41, 63—65, 71—72, 108, 110, 147, 161—162, 164, 167—168, 174, 179, 185, 197, 204, 207, 224, 228, 234

присно 172
пристав 39, 220
приставать 216
приставить 64—65
пристен 84
приступ 40, 198
приступать 40
присушить 164
присылать 72, 193, 195
присылка 181, 190
присылок 190
присыльный 190
притить 213
приход 199
приход (церковный) 93, 95, 97, 99, 109, 143
приходить 38, 81, 96—97, 102, 109—110, 186, 199, 205
приходный 226
приходский 110
прихожанин 112
причал 245
причетник 207
причиниться 102
приятель 170—171, 207—208, 215, 230—231
приятен 230
приятный 171
приятство 171, 174
пробить 40, 81
пробой — назв. бортн. знамени 104
проведать 40, 180
проведка 180
проводить 40
прогнать 40
продавать 195
продавец 85—86
продажа 82
продажный 85—86
продать 52, 85—86, 99, 195, 227
проезд 199
проезжий 85
прожиточный 154
прозвище 89, 114
происходить 180
проклясть 164
проклятый 231
проложить 65
промеж 65, 90
промежу 44
промена 86
променить 86, 222
променять 167
промысел 39, 109, 198—199, 201
промыслить 185
промыслишко 85
промышлять 39
пронестись 55
пропадать 102
пропасть *гл.* 229
пропасть *сущ.* 44
просверливать 44
просекать 44
просить 71, 89, 171, 174—175, 185, 222, 224, 229, 235
проситься 203
проскурня 82
просо 83—84, 139, 159, 223
прост 176
простой *прил.* 110
простоять 72
прострелить 40
прость «воля, свобода» 176
против 66, 99, 110, 148, 160, 198, 226, 231
проулок 99
проход 199
прочесть 109—110, 215
прочий 102
прочитать 44
прошать 42, 88, 230
прошенье 230
прошеньишко 185
прошлогодний 129, 239
прошлый 40, 72, 97, 111, 230
прощение 170
пруд 159—160, 208, 236
прудишко 201
прудник 199
прудок 148
прут 164
прут — назв. бортн. знамени 105
прядильщик 186
прямо 37—38, 133, 137
прямой «подлинный» 64—65, 85—86, 222
прятать 161—162
псарь 194
птица 174, 194—195
птичий 86
пуд 82, 170, 197, 199
пудок 173
пузо 139
пуня 115, 129—130
пустой 136, 138—139
пустошь 95—96, 114, 131—132, 188, 203, 211, 214
путивлец 122
путивльский 38, 122
путный «дорожный» 167
путный «изрядный, хороший» 166
путь 65, 67, 177, 180, 210
пушечный 207
пушка 40
пушкарь 85—86, 122, 136, 194
пущать 65, 210
пущий 230
пчела 87, 97, 142, 160, 195
пчельник 201
пшеница 87, 159, 203, 223—224
пшеничный 164
пытка 181
пьян 81, 88—89
пьянство 108—109
пьяный 88
пятенный 86, 92, 246
пятидесятник 81
пятницкий 112

Раб 171, 230—231
работа 110, 164, 234—235
работник 142, 186, 193, 230—231
рабски 70, 171, 231
рад 53, 110, 219—220
радоваться 214—215

радость 65, 70—71, 235
разбить 85
разбоем *нареч.* 91
разбойный 91
разбрестись 225
разваляться 86
развытка 181
разговеться 164
разговор 198
раздача 63
разделить 95, 205
разделка 181
раздуться 101
разломать 167
разменять 193
разорвать 44
разоренье 177, 186
разорить 184, 207
разрыть 53
разум 66, 198
разъехаться 55
разыскать 66
рана 89
распечатать 177
расписать 81, 92
расписка 163, 181, 234
расплата 173
расправа 191
распродать 224, 234
расспрашивать 88
расспрос 83, 87—88, 92
расспросный 53, 163
рассудок 198
рассылка 181
рассыльщик 186
рассыпной 197
растакой 102
расти 38
растить 236
растопить (серебро) 43
растопиться 44
расход 86, 195, 197—198
расходный 226
ратный 40
рвать 44, 173, 227
ребра — назв. бортн. знамени 105
ребята 102, 207, 225
ребятишки 207
ребятки 207—208
редька 86
резать 43
резной 90
рейтар 123, 147
рейтарский 124
река 33, 38, 65, 95, 115, 132—133, 136—137, 148
ременный 41, 91
речка 33, 94, 114—115, 133, 136, 152—153, 243
речь 53, 93, 95, 101, 109, 163
решетка 40
решетный 41
ржа 162
ржавец 115
ржаной 164, 198
ржевский 224
рог — в назв. бортн. знамени 105
рогатина 84
рогач 129
род 199
родители 82
родиться 63—64, 161—162
родной 88—89, 100—101, 112
роды 176
рожать 83
рожение 186
рожество 82—83, 108
рожки — в назв. бортн. знамени 105
рожь 41, 83—84, 87, 159, 161, 166, 177, 179, 205, 214, 219, 224, 226—227, 229, 234
розные 40, 142
розыск 198—199
роиться 160
рословец 117
росомаха — назв. бортн. знамени 105
роспись 86, 90, 92, 159, 161—163, 197, 211
роща 159, 164
рощение 170
рубаха 91
рубашонка 186
рубеж 33, 37
рубить 90, 142
рубль 84—86, 99—100, 160, 166, 193, 194—195, 198, 225—226
ружье *собир.* 83—84
рука 89, 112, 161, 164, 173—174
рундук 90
рухлядь 39, 84, 93, 222
ручка 168
рыба 142, 159—160, 174, 190, 225—226
рыбка 174, 185
рыбный 114, 136, 160, 198, 225—226
рыж 84, 86—87, 139
рыжий 87
рыжичек 167
рыленин 122
рыльский 122
ряд 142, 201
рядный 163
рядом 40
ряжский 41
рязанский 41, 53

Саадак 84
сабля 84, 206
савенков 95
савкинский 207
саврас 87
сад 72, 159, 201, 208
садити 142
сажать 84
сажень 37, 66, 85, 90, 96, 99, 199, 220
сазан 195
сазаний 201
самец 38
самка 38
сани 41, 88—89, 102, 237
санный 41
санный — в назв. бортн. знамени 104—105
сапог 91, 164, 174, 233
сапожок — назв. бортн. знамени 104

сапожки — назв. бортн. знамени 104
сарафан 131, 133
сатаниный 108, 110
сбежать 229
сбивать 203
сбирать 161, 224
сбить 142
сбор 198—199
свадьба 82, 109, 141
свалка 181
сварить 41, 81—82, 141, 184
сватьюшка 183
свезти, -ть 185, 213
свейский 40
свекла 86
свекор 164
свекровь 72
сверх 53, 90
сверху 33
свет 168—169, 172, 174, 175, 219
свет «жизнь» 198
светлица 38
светлорыж 86
светыч — назв. бортн. знамени 104—105
свеча 101, 226
свещица 101
свинец 44, 197
свиной 161
свинья 83, 87, 195
свобожденье 230
свод 90
своз 198
свойственник 230
свояк 88, 101, 169
своякиня 94, 98
связать 102
связочка 72, 168
связывать 72, 168
святейший 230
святительский 143
святой 97—98, 108—109
священник 207
сгнить 71
сговорить 94
сгонка 181
сгореть 98, 101, 132
сдать 228
сдаться 55
сдействовать 102
сделать 39, 65—67, 101—102, 161, 166—167, 169, 176, 198, 204—205, 227, 236
сделаться 227
сделка 66, 181, 218
сев 198
седло 86
сезем 197
селезень 175
селецкий 114
селитьбенный 173
село 53, 87—91, 93, 97, 100, 102, 114, 136, 138, 218, 224—225
сельский 40
сельцо 113, 225
семья 97—98, 101, 171, 203, 227
семя 42, 159—161, 164, 173
сени 72, 84, 86, 99, 166
сенница 131—133, 166
сенной (*от* сено) 33, 96, 243
сено 33, 94—95, 137, 143, 160—161, 173, 185, 209, 215
сеножатный 115
сеножать 37, 113—115, 136, 243
сенокос 219, 222
сенцо 185
сердечный 70, 72, 168, 175
сердоболь 171
сердце 43, 168—169, 175, 179
серебро 43
серебряный 91, 185
середний 138
сермяжный 91
серый 91
серьги 84—85
сестра 96—97, 99, 184, 194, 219
сестрица 171, 183
сестришко 184
сесть 173
сеть 33, 64
сечь «рубить» 54, 164, 174, 197
сеять 159, 161, 226
сжечь 40, 44, 97—98, 130
сиделец 83, 92, 186
сиделочка (в чем сидеть) 167
сидеть 38—39, 41, 54, 102, 167, 215, 229
сидка 181
сиживать 188
сила 173
силеть 160
сильничать 81
сильно 132
сильны (сады) 159
симпатия 43
сирота 42, 82, 84, 92, 160, 191, 203, 220, 224—225
сиротство 164
ситный 41
сказать 38, 44, 71, 83, 87—93, 96—99, 101—103, 110, 159—160, 164, 219—220, 234, 237
сказаться 101
сказка 97—99, 112, 138, 163, 181
сказывать 40, 88—89, 101—102, 177, 180, 205, 219
скакание 108
скакать 40, 108—109, 215
скаредный 219
сквернословец 109
сквернословье 110
скверный 108—109
скинуть 204
скирд 139
скитаться 163, 173
скласть 90
скляночка 167
скобель — назв. бортн. знамени 104
скоблить 142
сколько 95—96, 115, 152, 161, 230, 236
скоморох 108—109
скоморошский 109
скоморошство 108

сконом (пришли) 96
скорбен 42
скорбь «болезнь, недуг» 176—177
скот 85, 97—99
скотина *собир.* 64—65, 67, 216, 236
скотинишко 186
скуден 42, 160
скудно 198
скушать 178
слаться 53, 55, 164
слаще 164
след 88—89, 102, 201
слеза 169, 205, 211, 222
слезно 42
слечься 159
сличка 181
слобода 82, 99, 109, 159, 222
слободка 115
слободской 136
слово 38, 53, 110, 173, 188, 220
слон 43
слуга 102, 220, 235
служба 38, 81—82, 174, 176, 214, 223—224
служивый 215
служилый 109—110
служить 154
слух 40, 198
слухом слышать 93
случай 234
случиться 174
слушать 101, 108—110, 164, 178
слушаться 216
слыхать 199
слышать 53, 70, 93, 171—172, 175, 214—215, 229, 235
смеркаться 88—89
(до) смерти 38, 96, 109
смертный 164, 174, 176, 198
смерть 85, 101, 164, 187, 215
смета 33
сметана 167
сметать *сов. в.* 160
сметить 33, 161
сметь 170
смех 173
смечать 33, 66
смеяться 164, 169
смиловаться 85, 225
смилосердиться 191
смирно 71, 109
смотр 201
смотреть 43—44, 176
смута 110
смятежен 96
смять 174
снег 42, 44, 102, 129, 160, 162, 201, 228—229
снеток 161
снимать 55
сносный «снесенный, покраденный» 165
сноха 81, 97, 164
снять 91
собака 43, 194—195, 222
собака — назв. бортн. знамени 105
соболь 195, 211
соборный 53, 109—110, 138
собрать 160, 194, 225
собраться 86
советник 85
советно 219
совка — назв. бортн. знамени 105
совсем 163—164
сожительница 164
создатель 234
соизволить 235
сойти 136
сойтись 55
сокольник 166, 194
сокрушаться 168
сокрушить 168
сокрушиться 175
солгать 218
солдат 193
соленый 86, 167
солод 41, 166, 197, 236
солодчинский 53
соложеный 167
соломка 185
соль 163, 173, 177, 198
солянка 192, 197
сонмище 108
сорвать 88
сорить 164
сорочий — в назв. бортн. знамени 105
сосед 39, 101
сосенка—назв. бортн. знамени 105
сослать 185
сосновый 90
сотворить 175
сотная *в знач. сущ.* 226
сотник 81, 109, 119
сотница 161
сотня 81, 197
соха 84, 159—161, 203, 241
сохранить 171
сохранять 222
сошка — назв. бортн. знамени 104
сошник 160
спасибо 169
спасов 164
спиртус «спирт» 43
списать 231
список 163, 222
спить 164
спознаться 38
сполна 161
споможение 177
справа 37
справить 163
справка 181
спрашивать 90, 228
спросить 87—88
срезать *сов. в.* 33
сродич 193
срок 198—199, 224
сросл 86
срубить 166, 197
ссекать 38
ссучить 101
ссылатись 55
ссылка 181
ссылочный 99
ссыпка 181
ссыпной 228
ставить 160, 173—174, 224
ставка 148, 163, 181, 219
стадо 214

стакан 167
стап 95, 97, 99, 201
станичный 53, 116—117, 136, 138
старец 110
старинный 53
старица 83—84
стародубец 117
староста 93, 115, 119—121, 160, 191, 203, 216, 226
старостишка 63, 224
старость 164
старый 37, 43, 53, 66, 71—72, 86, 160, 168, 205
стать *гл.* 38, 42—43, 66, 71—72, 88—89, 91, 93—94, 96, 101, 110, 159—161, 164, 168—169, 186—187, 190, 194, 199, 208—209, 218, 225
статься 39
статья 74
стегно 86
стежка «тропинка» 133, 137
стекло 43—44
стекольчатый 86
стена 90
степь 37
стог 161, 201, 205
стойка 166
стократно 171
стол 86
стол «обед» 39—40
столб 65, 137
столбец (луку) 197
столп 90
стольник 96, 120, 136, 193
стонать 40
сторона 33, 88—90, 94—95, 99, 113, 132—133, 136, 152
сторонний 95, 136, 243
стоять 37—40, 54, 65, 81, 87, 109, 114, 148, 169, 175, 180, 208, 210
страва 102
стравить 83
страдание 170
страх 109
страшиться 101
страшный 164
стрела — назв. бортн. знамени 105
стрелец 38, 85, 110, 119, 186, 194, 205
стрелецкий 39, 109, 207
стрельба 174
стрелять 43, 174
стремя — назв. бортн. знамени 104
строение 86, 90, 139, 165—166
строитель 132
строить 160
строй 124
строчка 231
струг 159, 201, 205, 228
струга 107, 247
струговой 71
стряпчий 193
ступа 86, 130
стыд 198, 218
стыд (женский) 101
суббота 82, 178
суд 65, 85, 148, 164, 169
судак 160, 225—226
судный 93
суды «посуда» 245
сука 195
сукно 41, 91
сукопный 91
сулейка 185
сулея 167
супоросая (свинья) 83
супостат 177
суровый (*от* сур «сурок») 132
сусек 166
сусечный 201
сутки 173
сухмень 159, 162
суходолье 94
суходольный 114, 132
сухой 71, 201
сушило 166
сушить 101, 161
сходить 44, 65
сходиться 108
схоронить 88
счисляться 235
съезжий 96—97, 110—111, 220
съестной 192
съесть 164
съехать 193
съехаться 109
сын 207, 219
сынчишка 124
сырец 197
сыск 95, 198—199
сыскать 88, 173, 188
сыскивать 95, 115
сысподи 33
сыт 164
сыщик 118
сябер 115

Тавружина 86
тазик 167
так 40, 66, 88, 164
таков 111, 174
такой 44, 72, 101—102, 109—110, 161, 163, 168, 173, 175, 177, 198—199, 211
там 44
таможенный 86
тамошний 207
танец 40
танцевать 40
тапливать (баню) 39
тарелка 167
таскать 164
таскаться 87, 164, 173
татарин 97
творить 101
творог 167, 197
тебеньки — назв. бортн. знамени 104—105
телега 87—89, 91, 206, 215, 228
тележный 86
телесса 43
телесне 171
телица 83
тело 43, 81, 88—89, 175
телогрея 222
телушка 87
тельченский 65
телятинный 91

темен 85
теперво 161
тепере 234
терпение 170
терпеть 169
терять «губить» 169
тес 90
тесать 90
теснение 186
тесно 177, 209
тесто 167
тесть 98, 169
тетеревиный — в назв. бортн. знамени 105
тетива — назв. бортн. знамени 105
тетка 100, 168, 171
тетрадь 234
тетушка 183, 235
течь *гл.* 44
теща 98, 169
товар 90—91
товарищ 81, 96, 110, 160, 207—209, 215
токмо 39, 66, 210, 219, 235
толст 37—38
толстота 180
толченый 192
только 38, 63, 65, 71, 86, 89, 98, 160, 163—164
тонкий 91
топерво 42
топере 222
топить «обогревать, нагревать помещение» 39
топить «расплавлять» 43—44
топор 166
топорок — назв. бортн. знамени 104
торг 83, 110, 201
торговать 159
торговый 81, 109, 161, 174, 245
тотчас 233
тошно 38, 169
трава 38, 219
травить 208
травить (жеребчиною) 226
трапеза 90, 142, 170
требовать 198
тренога — назв. бортн. знамени 104
трепет 233
третник 94—95, 136
трожды 164
троицкий 53, 198
трубить 43
трубка 43
тряпица 43
тряска 181
тужить 38
туз (грибов) 167
тут 39—40, 43, 88, 96
тутошний 95, 136, 243
тын 84, 131, 133
тьма тьмами 173
тюремный 83, 92
тюрьма 38
тяглище — назв. бортн. знамени 104
тягло 163
тяглый 194
тяжелей 215
тяжело 223
тянуть 54, 131
тянуться 40

Уберечь 41
убиваться 109
убить 87—89, 96, 98, 173, 219
убогий 172, 178, 185, 224, 229—230
убояться 164
убыток 198—199
уведомиться 235
увидеться 169
увозжить 87
увопче 113
угодье 32, 94—96, 113—114, 136—137, 139, 206—207
угол 142, 201
угрузаться 71
уделка 170, 181
уезд 33, 53, 82, 85, 90, 95, 108—109, 114, 136, 215, 218, 224—225, 228
уездный 109—110, 228
уем (*ср.* унимать) 199, 208
ужина «ужин» 39—40
ужинать (в поле хлеб) 83
ужо 164
узкий 44
узнать 87
уйти 209
указ 66, 84, 96, 109—110, 160, 163, 173, 198—199, 231
указать 71, 229
уклониться 109
уклоняться 109
укоризна 109
украинный 108, 110
украсить 174
украсть 66, 102, 177, 220
уксус 197
улей 86—87, 97, 160
улица 39, 99, 102, 108—109
ум 65—66, 173—174, 210
умереть 85, 87—89, 94, 101—102, 169
уметь 112, 214
умилиться 72, 168, 177
умилосердить 230
умилосердиться 230
умилостивиться 224
умирать 102
умножиться 108
умолотить 161, 174
уморить 38
умыслить 38, 85
умышленье 96
унимать 88, 110
упование 170, 186
уповать 71
упомнить 83, 88
упомянуть 190
управа 85
упрятать 162
упустить 96
урекать 102
урочище 95—96
урядник 40
усад 243
усада 131, 137, 148, 243

усадище 132, 139
усадьба 206
усадье 243
усердие 70
усечь 185
услужник 171
усманский 84
успенский 96
устав «уставное письмо» 72
устойка 181
устроение 86
уступать 40
усть 94, 115
устье 114, 132, 136
утешительный 168
утираться 168
утица 175
утка 162, 164, 195
утята 164
ухват 129
ухватить 91
ухваляться 103
ухвостье 64
ухо 33, 86
ухоботный 111
ухоботье 64, 111
ухожье 114
учать 39—40, 83, 85, 88, 110, 132, 195, 208
ученик 108
ученье 109—110
учинить 40, 84, 109—110, 115, 159, 161, 198—199, 218
учиниться 39, 55, 108, 190
учительный 109—110
учить 100, 110
уши — в назв. бортн. знамени 105

Февраль 178
фитиль 197
фляга 197
фляжечка 179, 185
фляжка 167
фонарь 167
фумский 94
фунт 197

Хаживать 38
хан 198
харч *м. р.* 163, 173, 192, 197
харчь *ж. р.* 192
хата 129, 166, 239, 251
хворост 83—84
хворосток 185
хвост — назв. бортн. знамени 105
хвосты — назв. бортн. знамени 105
хитрость 186
хлеб (в поле и в зерне) 42, 64, 83, 87, 97—99, 132, 160—162, 166, 177, 179—180, 190, 197, 205, 213 — 214, 223—224, 226—227, 229, 236
хлеб (печеный) 41, 161, 163—164, 173, 178, 222
хлебный 159, 190, 198—199
хлев 86, 130, 166
хмелевой 136, 139
хмелинки — назв. бортн. знамени 105
хмель 86, 161, 197
хмельник 160
ходить 40, 54, 65—67, 72, 87, 99, 108, 160, 174, 197, 208, 215, 223
ходок 195
хожельница 164
холод 198
холоп 39, 63—64, 81, 85, 108—111, 194, 236
холст 161, 201, 229
хомут 88—89, 91, 205
хомут — назв. бортн. знамени 104
хомутец — назв. бортн. знамени 104
хороменный 148
хоромина 39, 166
хоромный 53, 165
хоромы 40, 86, 99—100, 129, 165, 208
хоронить 101
хороший 169
хорошо 169, 187
хотеть 38, 81, 83, 101—102, 161, 164, 166, 172—173, 177, 184, 186, 195, 207, 216, 219—220, 222, 229
хотмышанин 110
хотя *союз* 66, 71—72, 101, 175, 224
хранить 172
хрусталь 43
худ «плох» 71—72, 86, 159—160
худейший 219
худо «плохо» 96, 174
худой «плохой» 103, 161, 163
худость 186

Цвет 40
цевье — назв. бортн. знамени 104
цел 43, 65, 97—99, 159
целебока 38
целовальник 96, 222, 227—228
целовальничишка 224
целование 93, 115
целый 72, 168
целюрик 102
цена 85—86, 99, 159, 215
ценовная *в знач. сущ.* 100
ценовщик 99—100
церковный 53
церковь 109—110, 142
цысерский 40

Чал 84
чалый 93
чарка 167
чародей 108
чародейство 108
час 38, 44, 65, 67, 88, 91, 102, 161, 164, 169, 174, 198 — 199, 214, 222—223
часто 44
часть 197

чаша 40
чаща 38
чаять 71, 164
чаяться 173
чебоксаренин 198
чеботок—назв. бортн. знамени 104
чеботки — назв. бортн. знамени 104
чеботы — назв. бортн. знамени 104
чело 222
челобитенка 231
челобитная *в знач. сущ.* 111, 163, 219
челобитчик 219
челобитье 66, 209, 219
человек 81, 85, 174, 207, 222, 225
человеченко 223
чемодан 166
червь 195
чередом *нареч.* 188
через *сущ.* 85, 131
черемошенский 159
черен 84
череп «глиняный сосуд, кринка» 167
черкасский 215
чернавец 122—124
черница 83—84
черный 53, 83, 96, 109—110, 132, 231
черта 208
чертеж 95, 165
чеснок 197
чесночек 222
честно 39
честь 65
четверик «мера объема сыпучих веществ» 159, 166, 192, 223—224, 227
четверичок 159, 197
четвероугольный 90
четвертка 159, 223—224
четвертной 96
четверть «мера земли» 65—66, 95—96, 170
четверть «мера объема сыпучих веществ» 41, 83, 159, 166, 170, 192, 197, 214, 227, 234
четверть «мера веса» 199
четь «мера земли» 66, 94—95, 113—115, 170, 218
четь «мера объема сыпучих веществ» 192, 197
четья «мера земли» 136—137, 148, 159, 161
чешуя 90
чин 108—110, 193, 199
чинить 71, 108, 173, 177, 198—199, 223—224
число 41, 71, 81—82, 88, 91, 101—103, 168, 178, 194, 230, 235
число (о рыбе) 160, 225—226
чисто 161, 174
чоп 88—89
чубар 86
чубаровский 65
чудотворец 99, 178
чужой 101, 199
чулан 99, 166
чулки 41
чулочки 185

Шандалец — назв. бортн. знамени 104
шапка 91
шеломец — назв. бортн. знамени 105
шелчок 185
шерсть 161, 245
шея 90, 173
шибать 215
шишиморство 186
шолк 197
шпага 132
штаны 91
шуба 91, 101, 229, 237
шубенка 186, 229
шурин 98
шутушка 175

Щадить 169
щепа 129—130
щепетильный (товар) 165
щишки 184
щупать 101

Юнгинский 177

Яблоко 162
яблоновый 159
явитись 226
явить 85—86, 92
явиться 81—82, 222
явка 163, 181, 234
являть 101
явочный 245
ягода 167
ядро (отолочь на ядро рожь) 161
язык «орган речи» 83
язык (у лошади) 86
яйцо 161
якобы 235
якорь 205, 211
яма 65, 132
ямской 198—199, 228
янтарь 44
яр *сущ.* 201
ярманка 43
яровой 159, 161
яруга 107, 113, 115, 247
яружка 132
ярь 160, 229
яти 86
ячмень 159, 192, 197, 222—224
ячный 41, 197
ящик 41, 166, 201

КНИГА ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

О лингвистическом источниковедении 5

Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка 17

О памятниках народно-разговорного языка 62

Памятники южновеликорусской письменности и вопросы истории русского языка 76

Старинная русская частная переписка . . . 155

Памятники русской письменности и историческая диалектография 238

Об источниковедческом аспекте в преподавании истории русского языка 254

Список сокращений 264

Указатель слов 266

Сергей Иванович Котков

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства
А. И. Кучинская

Художник
А. А. Шпаков

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Е. Н. Евтянова

Корректор *Л. И. Кириллова*

ИБ № 18119

Сдано в набор 12.09.79.
Подписано к печати 22.04.80.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,6
Тираж 2250 экз. Тип. зак. 713.
Цена 2 р.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва,
В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Авилова Н. С.

ВИД ГЛАГОЛА И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА
1976. 326 с. 1 р. 25 к.

БАЛКАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
1977. 324 с. 1 р. 01 к.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
Вып. 4. 1973. 94 с. 29 к.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
Вып. 6. 1975. 108 с. 37 к.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
Вып. 8. 1977. 77 с. 24 к.

ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В РЕЧИ
1971. 200 с. 61 к.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ
РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ.
ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
1972. 216 с. 90 к.

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ
1977. 206 с. 61 к.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ.
ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ
312 с. 1 р. 03 к.

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
1976. 230 с. 1 р.

Корельская Т. Д.

О ФОРМАЛЬНОМ ОПИСАНИИ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ
1975. 252 с. 78 к.

Ломтев Т. П.

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ.
1976. 380 с. 1 р. 79 к.

ОНОМАСТИКА И НОРМА
1976. 256 с. 83 к.

Ревзин И. И.

СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА.
ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ
1977. 262 с. 1 р. 53 к.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
1977. 302 с. 1 р. 20 к.

СИНТАКСИС И СТИЛИСТИКА
1976. 316 с. 1 р. 06 к.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО ОДНОМУ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ АДРЕСОВ МАГАЗИНА «КНИГА — ПОЧТОЙ» «АКАДЕМКНИГА»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, 90, Академгородок, Морской проспект, 22; 620000 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137